

ФАНТАЗИИ
СТАРОГО
И НОВОГО
КУЙЛЮКА

Брутт Инокентьевич Ким

Фантазии старого и нового Куйлюка
Повести, рассказы, очерки
Киносценарий

Основная тема книги Б. Кима «Фантазии старого и нового Куйлюка» - жизнь корейцев в лихие 90-е годы прошлого века. Быт и тяжкий труд сезонных земледельцев (луководов, овощеводов) описан жестко и реалистично. Потому и язык изложения доподлинно точен, что позволяет воспринимать персонажи живыми, а ненадуманскими автором.

Приключения, смешные и грустные истории вызывают сочувствие к героям-неудачникам, а у тех, кто хоть однажды прошел этом путь, - воспоминания. Думается, новая книга Б. Кима найдет широкий круг читателей.

Марта Ким,
член Союза писателей
Узбекистана

ОТ АВТОРА

Куйлюк - южное предместье Ташкента, которое мои соплеменники облюбовали еще со времен «великого» переселения 1937 года. Близость к нему мест компактного проживания корейцев и, в особенности, корейских колхозов, сделали Куйлюк центром притяжения, своего рода столицей узбекистанских корейцев.

Именно здесь появились первые частные, естественно, полуправильные, кафе национальных блюд, поскольку частное предпринимательство в бывшем СССР особо не поощрялось, а зачастую и преследовалось. Только на Куйлюке можно было приобрести специфические, сугубо корейские орудия труда и быта - тяпки, серпы, овощерезки чэкхаль, игральные карты хватху, аппараты по изготовлению лапши куксупунтхури. И все это производилось руками куйлюкских и колхозных умельцев.

В так называемые «застойные» годы здесь процветали разного рода гадальщики, шарманщики (передвижные лотереи), наперсточники, карточные шулеры и прочие любители полуправильного, а то и вовсе криминального бизнеса.

Автор отнюдь не претендует на звание знатока Куйлюка и куйлюкской жизни. События, описываемые в рассказах, как и их герои, вымышлены, и любые совпадения случайны. Куйлюк в книге служит скорее фоном, отправной точкой сюжетов.

Цикл «Фантазии старого и нового Куйлюка» состоит из повестей и рассказов, написанных в раз-

ные годы. Их герои - и подростки, только-только вступающие на тропу жизни, и кобонди - сезонники-овощеводы, и так называемые «новые корейцы».

«Кобон», «кобонди» - так называют корейцы СНГ сезонное овощеводство, ставшее для многих из них еще с 60-х годов XX века основным источником существования. «Кобон» означает «капитал, вкладываемый каждым участником в совместную деятельность» («Новый словарь корейского языка». Изд-во «Тонг-А», Сеул, 1991). Этот термин вместе со своей культурой труда и быта корейские переселенцы привнесли с собой в Россию еще в конце XIX - начале XX веков.

Постепенно смысл слова кобон обретал новые оттенки. В 50-60-е годы XX века и в особенности в застойный период, когда тысячи советских корейцев ринулись в сезонное овощеводство, принципы «кобон» частично сохранялись, однако со временем условия деятельности стали меняться, сезонники объединялись в бригады лишь для совместной аренды земли, общий же капитал уже не формируется, каждый находит средства и расходует их самостоятельно. Но термин «кобон» остался, и на протяжении десятилетий был и клеймом и символом корейцев СССР, а затем и СНГ. Кобон - это целое явление, которое не только формировало социально-экономический облик значительной части корейского населения бывшего СССР, но и существенно влияло на мировоззрение корейцев, их психологию, моральный климат в корейских семьях.

Куйлюк, кобон - это не просто вехи нашей истории, это наши радости и огорчения, наша любовь и наша душа.

ТОСКА

- Свобода, говоришь? - усмехнулся Саша.
- Сам же плакался: нужно пахать всю весну и лето, чтобы осенью получить урожай. А еще боишься, а вдруг град или «мучная роса», да и толкнешь ли урожай по приемлемой цене, не напорешься ли на рэкет... Это, что ли, свобода?.. Я уважаю аграриев, но скорость у вас черепашня. А в наше время нужна скорость и еще раз скорость.

Саша высоко подпрыгнул и ударил пяткой по ветке вербы, к которой был подвешен мешок с песком. Ветка треснула, и мешок плюхнулся на землю.

- Вот так-то! - ухмыльнулся он, хлопая Диму по плечу. - А ты мучаешься, кулаки разбиваешь... Вложил рубль - получи стольник, вложил стольник - получи штуку.

Вот так Саша уговорил Диму сменить луковое поле на офис кооператива.

В деловых кругах Дмитрий Борисович был известен под именем Халдей, которым наградил его еврей-однокурсник - в отместку за то, что Дима обозвал его Антисемитом. Широкие плечи выдавали в нем бывшего чемпиона по рукопашному бою, а изрядно потучневшая фигура и поблескивающая лысина - сезонника-овощевода, сменившего луковое поле на офис холдинговой компании.

Халдей не сидел - утопал в огромном кресле, обитом шкурой снежного барса, которую прислали ему благодарные горцы Памира. В знак признательности за то, что Халдей организовал в горном кишлаке благотворительный концерт с участием звезд мирового балета. Из-за этой шкуры защитники природы пикетировали офис Халдея, требуя прекратить убийство животных, внесенных в Красную книгу. Он вышел к пикетчикам, принес им глубокие извинения и выразил готовность немедленно отправиться в горы, чтобы восстановить популяцию снежного барса.

- Но для этого мне понадобится команда энтузиастов, - сказал он. - И я рассчитываю на вас, защитников дикой природы.

Пикетчики пообещали подумать и дать ответ в течение недели, но ни через неделю, ни через месяц никто из них не явился на сбор. И Халдей был вынужден дать отбой Антисемиту, который уже закупил аппаратуру, целый контейнер съестных припасов, снаряжение для энтузиастов восстановления популяции снежного барса.

Спинка кресла была украшена стокаратовым бриллиантом, сиреневые блики которого отсвечивались на лысине Халдея. Бриллиант - дар благодарного президента Анголы. Халдей обеспечил луковую независимость этой африканской страны, направив туда бригаду куйлюкских кобонди, и вот

уже многие годы лук наряду с алмазами является важной статьей ангольского экспорта.

Из его роскошного кабинета можно было увидеть любую торговую точку города. И любая из этих точек считала за честь внести свою лепту в развитие лакричной промышленности. Но ни одна из них не вызвала в нем ни всплеска эмоций, ни даже простого интереса. Да Халдей, кажется, вовсе не замечал их.

Прямо под окнами располагалась площадка для вертолетов и самолетов с вертикальным взлетом и посадкой. На площадку только что приземлился черный бронированный монстр К-62. Из чрева этого монстра по трапу спустился кучерявый блондин в белом парусиновом костюме. Его сопровождали два телохранителя с прическами «а ля Котовский» и бицепсами «а ля Боло Янг».

На лице Халдея вспыхнуло нечто наподобие улыбки. Он не любил незваных визитеров, но Антисемит был единственным человеком, кто мог прийти к нему без предварительного уведомления о теме и времени визита. И даже без стука в дверь. Служба безопасности Халдея знала об этом, и через пару минут блондин оказался в объятиях широкоплечего толстяка.

Фотографию Халдея можно было увидеть на обложке журнала «Форчун», которому он дал интервью по поводу возможного повышения таможенных пошлин на хлопковое волокно в странах Евросоюза в связи с неожиданной экспансией узбекских производителей на мировом рынке. Фотограф не смог сделать снимок в полный рост - живот Халдея попросту не вмещался в кадр. Зато его круглое волевое лицо с тройным подбородком, а каждый подбородок означал очередной жизненный этап Халдея, и заметно облысевшим лбом, выглядели на снимке весьма внушительно и компетентно.

Халдей поставлял канадское зерно в Того и польские благовония в Республику Саха, таджикский алюминий - в Ирландию и Гонконг, алтайские панты - в Китай и Корею, итальянский текстиль - в Бразилию и Эмираты, вертолеты Сикорского и Камова - в Шпицберген и Антарктиду. Разница от сделок шла таможенникам, налоговикам, пожарникам, работникам санэпидстанции, а также национальным культурным центрам.

Кроме того, он генеральный спонсор международной конференции жертв финансовых пирамид и сетевого маркетинга и ассоциации ветеранов сезонного овощеводства, учредитель газеты «Кобон трибюн» и прочая-прочая.

На карманные расходы ему оставалась самая малость - ровно семьсот окладов министра по делам торговли, промышленности и транспорта.

Но почему-то в последнее время Халдея стала одолевать тоска. В глазах его вместо протуберанцев - тусклые искорки, как отблески давно погасших звезд. Лицо его даже осунулось - вместо трех подбородков стало два. Пробовал было утопить тоску в бассейне собственной сауны, предварительно наполнив его шотландским виски розлива 1709 года, но Ассоциация производителей виски прислала ноту протеста, мол, мы, не позволим разбавлять наш национальный напиток корейской тоской.

- Борзые ребятишки! - желчно рассмеялся тогда Антисемит, швырнув на стол Халдея вышеупомянутую ноту. - Я не хотел тревожить тебя по такому пустяку, но, прежде чем провести с ними профилактическую работу, решил уведомить тебя. Дело как никак носит международный характер.

- Никаких акций! - резко отрезал Халдей. - Они правы. Это я свихнулся на почве своей депрессии.

Мог разразиться международный скандал, а Халдей интересы человечества ставил выше своих собственных, и тоска эта так и осталась при нем.

Это так не было похоже на Халдея, но Антисемит промолчал и только пожал плечами.

С Сашей Беловым Дима сошелся в пору студенческой юности, когда куратор зачитывал фамилии будущих однокурсников.

- Ну, что ты скажешь! - Саша схватился за голову.

- Что такое? - недоуменно спросил Дима, сидевший за соседним столом.

- Ты что, не врубаешься? Как ни фамилия, так еврейская.

- А это плохо?

- Не люблю я евреев.

- Да ты, брат, антисемит.

- Когда их много, поневоле станешь антисемитом. Самое смешное, я тоже еврей.

- Ты? Еврей? Ты же блондин, к тому же антисемит!.. Слушай, а почему у тебя русская фамилия?

- А ты зато халдей! Уж очень любопытный!..

Получив диплом, Дима, наконец, смог осуществить голубую мечту юности - заняться сезонным овощеводством. Многие его сверстники давно уже раскатывали на собственных машинах, а он до сих пор мыкался по трамвайным остановкам. И отец, который прежде и близко не подпускал сына к

луковому полю и тем самым чуть было не обрек его жить на зарплату и ездить, в лучшем случае, на маршрутке, решил, что теперь уж сын его, получив университетское образование, заслужил право кататься хотя бы на «Москвиче», и благословил Диму на овощеводческий подвиг.

...Саша с трудом нашел Диму в предгорьях Чаткала, где были разбросаны его луковые плантации. Еще труднее было уговорить его сменить луковое поле на кооператив по оказанию ритуальных услуг.

- Мой дед выращивал рис, отец - арбузы и лук, - не без гордости ответил Дима, перестав выбивать ногами пыль из мешка с песком, подвешенного на ветке вербы. - Я пошел по стопам предков. И потом прикипел я к агропрому. Ну, нравится мне жить на свежем воздухе! Только здесь полная свобода!

- Свобода? - усмехнулся Саша. - Сам же плакался: нужно пахать всю весну и лето, чтобы осенью получить урожай. Еще боишься, а вдруг град или «мучная роса». Да и толкнешь ли урожай по приемлемой цене, не напорешься ли на рэкет... Это, что ли, свобода?.. Я уважаю аграриев, но скорость у вас черепашья. А в наше время нужна скорость и еще раз скорость.

Саша высоко подпрыгнул и ударил пяткой по ветке вербы, к которой был подвешен мешок с песком. Ветка треснула, и мешок плюхнулся на землю.

- Вот так-то! - ухмыльнулся он, хлопая Диму по плечу. - А ты мучаешься, кулаки разбиваешь... Вложил рубль - получи стольник, вложил стольник - получи штуку.

Так Саша уговорил Диму сменить луковое поле на кооператив по оказанию ритуальных услуг.

Сам Саша после безуспешной попытки защитить диссертацию на тему: «Сионизм как зеркало русской революции» - стал секретарем горкома комсомола. Потом его перевели начальником горпасстранса.

Однажды Саша позвонил Диме.

- Недавно я был в Тбилиси - на конференции по обмену опытом работы городского транспорта. Там такой прием устроили!.. На дачу возили, банкет, девочки... Мне было стыдно!.. Моральное разложение, потеря бдительности, словом, сплошной разврат и форменное безобразие!.. Но меня напоили - ты же знаешь этих проклятых кавказцев! Так красиво говорят, что чувствуешь себя последним сволочем, если не бухнешь... А потом... потом, не знаю, как меня уговорили, но

я согласился пристроить куда-нибудь вагон грузинского чая... Он уже в пути... Разумеется, соглашаясь, я имел в виду твой кооператив.

«Куйлюкское чаепитие», предложенное Сашей, огорошило Диму.

- Это же сколько человек должно умереть, чтобы за их упокой выпить столько чая? - сказал он.

- Конечно, чай не водка, но его пьют не меньше, - возразил Саша, - и не только за упокой. А главное, никаких комиссионных себе не прошу.

Когда предлагают товар, не требуя комиссионных, это вызывает подозрение. Но Саша пять лет сидел с Димой за одной студенческой скамьей.

Чай пристроить не удалось.

- У нас народ непритязательный, - сказал начальник горторга, - он может примириться с чем угодно, но он вряд ли правильно поймет, когда ему подадут чай из пыли, пусть даже с добавками кавказских минералов.

- Они клялись, что чай высшего сорта! - оправдывался Саша. - Я им сегодня же позвоню.

- Не надо звонить, - сказал Дима. - Они уже у меня, дома...

Тбилисцы оказались на редкость учтивыми и терпеливыми. Они готовы были ждать хоть целый год, пока Дима не пристроит весь чай. Дима, помня о том, какой прием устроили Саше, потчевал тбилисцев печеными бараными ребрышками и прочими шедеврами старгородской и куйлюкской кухни.

Наконец, на чай нашелся покупатель. Но выручки не хватило на то, чтобы хоть как-то удовлетворить учтивых гостей из солнечной Грузии.

- Поймите нас правильно, - сказали они. - Мы заплатили за чай конвертируемой валютой, транспортные расходы тоже оплатили валютой... Но если у вас нет валюты, мы согласны на бартер.

Гости согласились взять в оплату за чай:

- а) микроавтобус, переоборудованный в катафалк;
- б) загородную дачу, приватизированную Сашей в бытность секретарем горкома комсомола;
- в) золотые часы - подарок Диме от богатого ростовского дяди.

Пребывая в унынии, Дима вспомнил, что когда-то обозвал Сашу Антисемитом. Приятель не остался в долгу, ответив, мол, сам ты Халдей.

Потом Халдей и Антисемит добывали солодовый корень, гонялись за желчными пузырями сибирских медведей и рогами алтайских оленей. А однажды попытались было наладить поставку лягушачьих окорочков в рестораны Парижа, но попались в руки защитников окружающей среды, которые чуть было не законсервировали их в сосновые банки размером 200х50х50 см, чтобы сдать на вечное хранение в подземный склад под названием «Царство Аида». Хорошо, они успели прыгнуть с высокого утеса в реку и зацепиться за корму «Метеора», который умчал их от ярости поволжских мастеров консервации.

Окунувшись головой в холодную волжскую воду, они протрезвели и, наконец, познали истину: лицензию выдает Совет Министров, а разрешение - местные защитники окружающей среды и федерация по современному пятиборью, которое включает такие виды спорта, как киднэппинг, рэкет и т.п.

После лягушек было частное предприятие по изготовлению лотков для рыночных торговцев. Потом они создали фирму по оптовой торговле атлантической сельдью, а вскоре стали соучредителями СП по производству женских гигиенических пакетов.

Тогда-то их и заприметили в деловых кругах. Пригласили на ужин в самый крутой столичный бар - «Эмир». Там их поили французским вином розлива 1888 года, кормили блюдами, которые самолично приготовил бывший шеф-повар японского императора, и обхаживала их «мисс Евразия». Но Халдей фужер с вином отодвинул в сторону, на императорское суши даже не взглянул, а наклонившейся к нему мисс Евразии всунул в бюстгалтер веер из хрустящих дензнаков зеленоватого цвета и похлопал ее по лодыжкам - выше рука его не могла достать...

Антисемит, который хотел было уединиться с «мисс Латинская Америка», нехотя солидаризировался с Халдеем: выпив бутылку вина, протянул свою визитку красавице-бразилианке.

Видят деловые круги, что не понимают парнишки добра, идущего из глубины их пламенных сердец, и сказали ребятишкам с бицепсами и наганами: мол, ишь, какие гордые и прыткие, ну-кась, ребятишки, поубавьте им гордости и прыткости.

Ну, и попытались ребятишки пару раз устроить Халдею и Антисемиту «пятый угол»: темной ночью били стекла в их офисе, поджигали склады, натравливали на них налоговиков

и прочих килеров. Но Халдей с малых лет молотил грушу в спортзале, а в пору луково-арбузной молодости подвешивал на сук вербы мешок с песком и с утра до вечера колошматил его, наводя тоску на соседей-овощеводов и в особенности на шоферов-дальнобойщиков и бичей. А Антисемит в бытность секретарем горкома был президентом федерации рукопашного боя.

Хари у ребятешек были не железные. Ну, и заужали Халдея и Антисемита в деловых кругах, стали приглашать их в качестве почетных гостей на презентации, разборки и прочие благотворительные мероприятия.

- Да, хорошие были деньки, - мечтательно сказал Халдей, развалившись в глубоком кресле, спинку которого украшал дар президента Анголы.

- Да и сейчас неплохие, - возразил Антисемит. - И, честно говоря, мне трудно понять, почему ты отозвал наших людей из Нью-Йорка.

- Из-за этого пустяка ты прервал свой отпуск?

- Мы же обложили Билла со всех сторон! Еще немного, и он сам принес бы нам на блюдечке контрольный пакет акций своей сосисочной империи... Это пустяк?

- Старика стало жалко, - Халдей вздохнул. - Он как никак способствовал прогрессу человечества.

- Никак ты заделался филантропом?

Халдей что-то неопределенное промывчал в ответ.

- Что-то не нравится мне твое настроение, - сказал Антисемит. - Может, что-то случилось?

- А что может случиться со мной? - усмехнулся Халдей. - Да если и случилось бы, ты, наверняка, узнал бы об этом даже раньше меня самого.

- И то верно, - согласился Антисемит, который помимо должности председателя совета директоров холдинга «Халдей энд Антисемит» исполнял обязанности руководителя управления внешней и внутренней безопасности. - Но все равно не нравится мне твое настроение.

Даже самые близкие друзья, даже Антисемит не знал, что приключилось с Халдеем, не знал, как и чем помочь ему, что сделать для него такое, чтобы подбородок его вернулся в исходное положение, и он снова стал прежним Халдеем, который одним движением своих бровей мог вызвать панику на мировых биржах. Но уже многие месяцы его брови не выражали никаких эмоций.

Подарили ему 800-й «Мерседес» с реактивным двигателем и на гусеничном ходу. Корпус машины был изготовлен

из танковой брони, в нее были вмонтирован компьютер, способный связать владельца машины с высшими руководителями государств - постоянных и непостоянных членов Совета Безопасности ООН.

Но брови Халдея по-прежнему ничего не выражали. Он даже не взглянул на это чудо техники. Только буркнул, мол, отдайте машину моему младшему сынишке, а то, бедняжка, уже целый год ездит на одном и том же «Ягуаре», а ведь парнишка уже перешел в среднюю школу высшей ступени.

Привезли Халдею на дачу финалистку международного конкурса «Venus sex bomb», а он только уныло побродил между их ног, потерял лбом об округлые формы, тяжело вздохнул и... снова ударился в тоску.

Антисемит пригласил психоневропатолога из Чикаго. Нобелевский лауреат прилетел с целой командой сотрудников и диагностическим оборудованием. Специально для этого случая по указанию Антисемита построили медицинский центр, оснастили кой-какими аппаратами.

Лауреат, ознакомившись с этой аппаратурой чуть было не повернул назад, мол, здесь мне с моими жалкими лазерно-ионными тонометрами и эндоскопами делать нечего. Но Антисемит пообещал ему такой же центр построить в его родном Чикаго, и окрыленный лауреат с энтузиазмом приступил к работе. Он обследовал каждую молекулу, каждый нейрон Халдея и, в конце концов, выдал диагноз: даже хоккеисты «Чикаго буллс» не могут похвастаться таким здоровьем.

Антисемит сдержал слово, загрузив самолет лауреата теми самыми аппаратами. Благодаря дару Антисемита чикагский психоневропатолог сделал открытие, за которое он впервые в истории вторично был выдвинут на Нобелевскую премию.

А Халдей лишь грустно улыбнулся на диагноз лауреата и снова затосковал.

Тогда Антисемит решил испробовать последний шанс. Попросил он у знакомого министра гиперзвуковой фронтовой истребитель-бомбардировщик и отправил его на Куйлюк, чтобы доставил оттуда гадалку тетю Настю.

Уже через несколько часов куйлюкская знаменитость со своей черной сумочкой, в которой она носила свои знаменитые карты, предстала пред угрюмые, тоскливые очи Халдея, а он говорит:

- Тетя Настя, вы уж не очень сердчайте на моего братана, что поднял вас прямо с постели. Решил он, что только вы,

тетушка, сможете помочь мне.

- А что случилось? Я, конечно, не Нострадамус и не Ванга, но, авось, чем-нибудь да подсоблю.

- Эх, тетушка, если бы я знал, что со мной! В том-то и беда, что не знаю. А вот гложет меня тоска, смертельная тоска - и все тут!..

- Вроде, все у меня есть: хаты в крупнейших столицах мира, дачи на Багамах, Чечжудо, Лаг-Вегасе, а недавно утвердил проект строительства на Марсе культурного центра «Антисемит энд Халдей лимитэд». Мне принадлежат контрольные пакеты акций в десяти СП в Азии, Африке, Латинской Америке и в море Дождей на Луне. Меня наградили Бриллиантовой звездой «За выдающийся вклад в развитие лакричной промышленности».

- Дочка окончила Гарвард, старший сын учится в Оксфорде, а у младшего в репетиторах два доктора наук. Жена каждую неделю летает в Париж обновить свой гардероб. Отцу и матери сделал 60-летний юбилей на Канарах. Вы же помните - для всей родни, соседей, друзей заказал чартерный «Боинг». Потом, когда отец умер, отгрохал ему памятник выше пирамиды Хеопса... Но почему, тетушка, тошно мне в этой жизни, почему тоска гложет мою душу?..

Тетушка молча выслушала этот монолог-исповедь и, сочувственно покачав головой, молвила:

- Все возвращается на круги своя...

- Простите, тетушка, - смиренно сказал Халдей, - вы говорите, будто все уже знаете, но вы даже...

- Не разложила карты, хочешь сказать?.. Видишь ли, за сорок лет через меня прошли тысячи и тысячи людей, и я научилась видеть линию судьбы в их глазах.

- И что же, тетушка Настя, говорят мои глаза? - нетерпеливо спросил Халдей.

Тетя Настя, будто не расслышала Халдея:

- Карты могут показать лишь факты судьбы, но они не могут указать способы, как предотвратить ход судьбы. Так что карты в твоём деле не помогут.

- Неужели так плохи мои дела?

- Ну, что ты, Халдеюшка, дела у тебя совсем неплохи. Ты просто не ведаешь о причинах своей тоски.

- А вы знаете? - в глазах его вспыхнула искра.

Гадалка, чуточку помедлив, промолвила:

- Да, я вижу в глазах твоих причину тоски.

Молвила и тут же осеклась.

- Почему вы замолчали, тетушка Настя? - Вы думаете, я

заразился каким-нибудь неизвестным вирусом?

- Нет, что ты! - улыбнулась гадалка. - Хотя это можно назвать вирусом, но вирус этот поражает не тело, а душу.

- Тетушка, вы, как Сфинкс, говорите загадками.

- Халдеюшка, - мягко улыбнулась гадалка, - меня вызвали сюда, чтобы помочь тебе, и я помогу тебе. Только прошу, не торопи меня... Если не возражаешь, я проконсультируюсь с твоим приятелем и потом сообщу тебе, что понадобится для излечения тебя от твоей тоски.

- Да он и так хотел помочь, - упавшим голосом сказал Халдей. - Не помогло.

- Но тогда не было меня! - мигнула тетя Настя.

Вышла тетя Настя из кабинета и тут же попала под град вопросов, мол, как там Халдей, что с ним, как можно ему помочь. Тетя Настя замахала руками, мол, успокойся, ничего страшного.

- Есть здесь кабинет, где никто бы нас не услышал? - спросила она, когда Антисемит угомонился.

- Конечно! - воскликнул Антисемит. - Пойдемте ко мне, там даже Моссад не смог установить свои «жучки».

В своем кабинете Антисемит усадил тетю Настю на кресло, на спинке которого сверкал голубоватым цветом алмаз весом в 99 карат - дар благодарного премьер-министра Индии - Антисемит помог ему решить проблему Кашмира и планирования рождаемости населения.

Антисемит уселся напротив и жадно вслушивался в слова гадалки.

- Ну, тетюшка Настя, вы просто гений! - воскликнул он, когда гадалка поделилась с ним своими мыслями.

Зашли они в кабинет Халдея. Он будто сидел не в роскошном кресле, а на скамье подсудимого.

- Все о'кей, старина, - сказал Антисемит. - Через неделю ты забудешь, что такое тоска.

- Что сказала тетя Настя? - спросил заинтригованный Халдей, соскочив с кресла. - Что вы скрываете от меня?

- Халдей, можем мы сделать тебе сюрприз?

- Конечно, можете! Но что должен сделать ты? Что должен сделать я?

- То, что я должен сделать, - это наши проблемы, не так ли? - Антисемит подмигнул гадалке. - А тебе ничего не нужно делать... Ну, разве что, чтобы не ныла душа твоя в ожидании нашего сюрприза, слетал бы на недельку-вторую в Рио. Отдохнул бы... Там, говорят, живут пираньи, марабу и знойные женщины. А заодно, если заскучаешь, наведайся к та-

мошним королям кофе - давненько они не отстегивали взносы в фонд поддержки сезонного овощеводства. Вправь им мозги, напомни, что если бы не наш фонд, то к их вонючему «Нестле» не притронулась бы даже последняя дворняжка на всем Евразийском континенте... Вернешься сюда через неделю и увидишь что-то такое, от чего душа твоя запоет.

- Так уж и запоет, - обреченно буркнул Халдей. - Впрочем, ты прав, надо бы мне слетать в Рио, развеяться. К тому же я обещал помочь Роналдо стать президентом Бразилии. Все равно хоть чем-то надо занять себя, а то мозги бурьяном заросли.

Ну, и полетел Халдей в Рио.

Только сверхдальний аэробус растворился в синеве неба, как на вилле закипела работа. И днем и ночью здесь приземлялись тяжелые грузовые самолеты, а вокруг виллы непрерывно гудели бульдозеры, скреперы, планировщики, как муравьи, копошились люди. И уже через сутки на месте густого леса, который окружал виллу, возникла гладкая серая пустошь. А на вторые сутки пустошь стала покрываться бархатистым зеленым ковром.

Антисемит потирал руки в предвкушении удовольствия, которое получит Халдей от сюрприза.

Долго или недолго, но неделя прошла.

- Куда это ты меня привез? - спускавшийся по трапу Халдей грозно сверкнул очами на пилота и повернулся, чтобы войти назад, в салон аэробуса.

- Ты куда, Халдей? - рассмеялся Антисемит. - Пилот не ошибся. Просто мы чуточку изменили ландшафт.

Сюрприз превзошел самые смелые ожидания. Халдей стоял посреди лукового поля, и совсем не скупые мужские слезы катились по его щекам.

- Ну, братан, порадовал ты меня, - восторженно говорил он. - Как я сам не догадался, чего мне не хватает?

- Что только не сделаешь для хорошего человека, - отвечал Антисемит, скромно потупив свои очи.

- Рассада-то откуда? - спросил тронутый заботой друга Халдей.

- Скупил урожай на корню в Ростовской области и на Чаткале, нарезал дерном и воздухом - сюда. И все дела.

- Потратился, небось? - озабоченно спросил Халдей.

- Да какие затраты! - отмахнулся Антисемит. - Так, мелочи. Даже не бери в голову. Это мой подарок тебе.

Халдей скинул пиджак, галстук, снял с руки «Ролекс» с

алмазным циферблатом, которые тбилисцы подарили ему, когда он трансформировался в Халдея. К часам они присо-
вокупили суперавтобус «Фольксваген» и резиденцию, пред-
назначенную для посла великой державы.

Присев на корточки, Халдей с нежностью стал поглажи-
вать зеленые перья лука.

- Ах, вы мои лилейные братушки, - приговаривал он.

Лицо его выражало блаженство. Третий подбородок, ка-
жется, встал на свое место.

Вдруг на радостное лицо его снова легла тень.

- Что-то не так? - спросил обеспокоенный Антисемит.

- Так-то оно так, - ответил Халдей. - Все хорошо, но, по-
нимаешь, чего-то не хватает. Уж очень гладко получается.

Антисемит был обескуражен. Вот незадача! Неужели он
что-то упустил, что-то недоделал. Его взор снова обратился
на тетю Настю.

- Мучняка не хватает, - выдохнула тетя Настя.

- Какого мучняка? - с тревогой спросил Антисемит. - При-
чем тут мучняк?

Но глаза Халдея засверкали огнем надежды.

- Точно! - воскликнул он. - Мучной росы нет! До чего же
вы, тетюшка Настя, умная. По вас Нобелевская премия пла-
чет.

- Да уж, что есть то есть, - без всякого апломба ответила
гадалка. - Но мучняка-то нет.

- Нет мучняка, - печально вторил Халдей.

- Чего нет, того нет, - сказал огорченный Антисемит. -
Мучную росу, сам знаешь, давно уже вытравили, как вытра-
вили в свое время оспу и синдром приобретенного имму-
нодефицита. Ваши корейцы травили этот мучняк чем попа-
ло: и серой, и ДДТ, и нитроглицерином, травили его и так и
эдак, что он, бедный, в конце концов, исчез без следа... Все
мы можем сделать для тебя, все и всех можем купить для
тебя, но как оживить эту чертову мучную росу?

- Братан, ты и так сделал больше, чем мог, - грустно вздох-
нул Халдей. - Но чего нет, того нет.

И он, кажется, вновь впал в тоску. Глаза его поблекли,
нижний подбородок угрюмо опустился на грудь.

Антисемит, который все последние годы поровну делил с
Халдеем последнюю сверхприбыль, беспомощно развел ру-
ками и тоже впал в отчаяние. Но тут на помощь снова при-
шла тетя Настя.

- Может, сохранилась в какой-нибудь лаборатории ДНК
мучной росы? - предположила она.

Антисемит ахнул.

- Ну, тетушка! Ну, тетушка Настя! - заахал и заохал он, придя в себя от шока, в который он был ввергнут сенсационным предположением куйлюкской гадалки.

- Да вы настоящий генератор идей! Да вы Скловская-Кюри, Мата Хари и Елизавета Вторая вместе взятые! С этого момента вы генеральный и эксклюзивный консультант группы «Antisemit and Khaldey Congregation», - сказал Антисемит. - Размер оклада назначьте сами.

- Никакой должности и никакого оклада мне не нужно, - не без достоинства ответила гадалка. - Я всегда зарабатывала на жизнь собственными руками. К тому же у меня на Куйлюке и без этого работы хватает. Вот если бы вы отладили мои взаимоотношения с базаркомом и участковым!.. Эти нехорошие люди сгоняют нас, гадалыщиков, с самых людных мест в самые безлюдные...

Антисемит недоуменно пожал плечами. Тем не менее, он тут же набрал на мобильнике нужный номер.

Говорят, когда тетя Настя возвращалась домой, в аэропорту, прямо у трапа самолета, ее встречал сам базарком. А участковый стоял на левом фланге почетного караула, выстроенного в честь возвращения вмиг ставшей знаменитой куйлюкской гадалки, и, вытянувшись струной, провожал ее своими восторженными глазами. Тетю Настю забросали букетами цветов, гирляндами улыбок и огней фотовспышек. Средства массовой информации захлеб сообщали о ее поразительных способностях. А японская «Иомури» написала, что тетя Настя превзошла Нострадамуса.

На массиве Куйлюк-25 к ее приезду отгрохали суперсовременный офис, оснастив его чудесами оргтехники. Но тетя Настя наотрез отказалась войти туда.

- За кого вы меня принимаете? Я что, дилер какой-нибудь? - не без обиды заявила она. - Я гадалка, понимаете? А засадить гадалку в такой офис - это то же самое, что загнать птицу в клетку!.. И на кой черт сдались мне эти... как их там? Компьютеры? На них ни сядешь, ни даже карты не разложишь. Хотя можно разложить - если стекло из него вынуть и застелить им мой столик.

Уже в своем куйлюкском доме тетя Настя в сумочке, с которой она никогда не расставалась, обнаружила два камешка, один - сиреневого, другой - голубого цвета.

- Вот чертенята! - улыбнулась она. - И когда они успели положить эти камешки?.. И что мне делать с ними? Разве что в музей природы отдать.

Но это было потом, а пока Антисемит подключили к поискам ДНК мучной росы Интерпол, ЦРУ и Моссад. Благодарный Роналдо прислал Халдею лучших агентов бразильской секретной службы.

ДНК обнаружили в одной из сверхсекретных лабораторий и тут же повезли в Штаты, клонировали в Массачусетском технологическом институте, запаковали в ящик и доставили на виллу Халдея.

Луковые перья стали скручиваться, высыхать, приобретать бурый цвет.

- Точно, мучная роса! - восторженно воскликнул Халдей, и его третий подбородок, наконец, водворился на место. - Мне раствор серы и ранцевый опрыскиватель!

Когда просьба была исполнена, Халдей закинул опрыскиватель за спину, натянул на лицо респиратор и вышел в поле.

И больше оттуда не возвращался...

Антисемит каждое утро прилетает на своем черном монстре на луковую плантацию, что в предгорьях Чаткала, и оставляет у кромки поля узелок. Узелок с обедом для своего бывшего компаньона.

НЕФЕРТИТИ ИЗ НАРЬЯН-МАРА

Ближе к весне у меня начинается зуд. Город с его холеными улицами вызывает аллергию, а городская квартира кажется тесной собачьей конурой. Могучий, неотвратимый зов вытягивает меня из теплой печи - кудури, и я сломя голову, забыв о семье, о родине, мчусь на этот зов.

Но это не зов чернобровой пери из сказок Шахерезады. Под звездным украинским небом, на берегу седого Днепра я тискал в своих объятиях не белолицую крутобедрую хохлушку, а грязный мешок вонючего лука. И я не скажу, что в этот момент мои чувства и помыслы были менее чисты и возвышенны, чем в мгновения первой брачной ночи.

Я не жлоб. Я скорее буддист. Во всяком случае у меня раскосые глаза, и родом я из Бектемира.

Помнится, в пору далекого детства соседский мальчишка с не раскосыми глазами дразнил меня своим щенячьим дискантом: «Карис, у тебя в одном интересном месте тортта поприс». То есть у меня в заднице четыре папиросы. Я, конечно, покуривал, подбирая бычки за отцом и укрывшись под кукурузой в огороде. Но Нурали, по своему обыкновению, несколько гипертрофировал мои невинные шалости.

Ну, мог я стащить сигарету, и то когда предок был навеселе. А чтобы четыре!.. И без того по утрам, закуривая прямо в постели, он подозрительно косился в мою сторону: мол, вечером сигарет было побольше, а сейчас пачка явно похудела, и я нутром чувствую, что к этому ты, «кясякки», то есть сучий сын, имеешь самое непосредственное отношение, мол, конечно, не пойманный не вор, но не дай бог засечь тебя на месте преступления!..

Я, понятно, делал невинные глаза, мол, все сверстники давно уже катаются на веломоторах, а у меня даже зачуханного велика нет...

- Какой-такой велик? - вскрикивала мать, которая, безусловно, умела слышать через стену. Иначе каким образом, готовя завтрак на кухне, под шумное шипение лука, жарившегося на раскаленном хлопковом масле, она смогла услышать мой тонкий голосок?!

- Не вздумайте покупать велосипед, тем более с мотором! - предупреждала мать отца. - И так у нас денег нет. К тому же на первом же повороте он попадет под машину... Разве не помните, как в прошлом году середь бела дня соседский мальчишка с веломотором угодил прямо под машину? Хорошо хоть, насмерть не разбился, но остался калеккой на всю жизнь.

Если бы на кухне не подгорал лук, и мать привела еще один подобный довод, отец, точно, тут же вскочил бы с постели и помчался в магазин, чтобы купить мне веломотор. Но из кухни доносился запах паленого лука, и мать мчалась на кухню, а вставший было отец снова улегся в постель и как бы случайно обратил на меня свой взгляд, мол, а ты кто и что тебе здесь нужно. Я быстро хватал портфель и через мгновение мчался в школу.

Но вернемся к моему диалогу с обладателем щенячьего дисканта.

- Зато у тебя на том же месте прыщ, а сестра твоя на базаре семечками торгует, - отвечал я ему фразой, услышанной в очередной перебранке между куйлюскими и бектемирскими шалопаями, которая быстро переросла в потасовку,

Нурали делал вид, будто прыщ его уже зажил, а сестра его давно не на базаре, еще в прошлом году вышла замуж за андижанского узбека и живет в Бозском районе, и награждал меня другими обидными словами. Я, понятно, не оставался в долгу.

Почему я вспомнил о Нурали? Да потому, что он имеет самое непосредственное отношение к этой истории. С Нурали мы были, как сказал бы поэт, «вода и пламень». Я любил ходить босиком даже в сорокаградусную жару, а он даже в лютый холод ходил в одних галошах и без носков, и наши отношения в ту пору строились, как сказали бы сегодня, на бартере. Предметом нашего бартера была пестрая смесь русско-узбекско-корейского народного творчества. Среди этого суррогата порой вспыхивали истинные шедевры, типа «Чтоб твою голову ишак пнул!». Трудно сказать, откуда Нурали с его нулевыми познаниями в области языкознания почерпнул этот шедевр, но он мне запомнился на всю жизнь, и позже я нередко употреблял его против недругов. А когда истощался запас слов, мы начинали швыряться засохшими комками глины, булыжником, обломками кирпича и прочими подручными снарядами. Иногда мы настолько ожесточались, что не хватало и этих образцов материальной культуры эпохи Бектемирского неолита, и тогда мы вступали в прямой контакт.

Я не был драчуном, но в том возрасте и в те времена не подраться, означало согласиться на обидное прозвище, которым награждала безжалостная молва, - «киз бола», то есть «баба», «девчонка». А поскольку у меня какой-никакой, а стру-

чок все же имелся, мне приходилось влезать во всякие, как сказали бы сегодня, разборки. Так что отрочество мое было освещено «фонарями». Фонарями, от которых было темно в глазах.

Нурали, не имевший опыта уличных разборок, получил от меня пару уроков «бектемирского кикбоксинга», после которых он предпочел вернуться к прежнему, нематериальному бартеру.

Но вскоре Нурали так вытянулся, что перерос меня на полголовы, а потом, я слышал, он записался в секцию бокса... Ну и стал, гаденыш, злоупотреблять всеми приобретенными преимуществами и припоминать мне прежние обиды. Не дал мне, к примеру, прокатиться на веломоторе, который купили его старшему брату. Может, из-за этой жадности он и угодил под машину, о чем не раз напоминала моя мать отцу. Правда, мама несколько преувеличивала, рассказывая об этом инциденте. Машина лишь помяла в «восьмерку» переднее колесо веломотора, а Нурали отделался ушибами да подзатыльниками от отца и старшего брата. Он утирал слезы, когда я подошел утешить его: «Дал бы мне покататься, веломотор был бы целый».

И надо же такому случиться, что после школы мы поступили в один и тот же техникум. В техникуме, а точнее, на хлопковых полях Голодностепья, где студенты в течение двух месяцев из девяти, отведенных на учебный год, проходили практические занятия по истории на тему: «Как собирали хлопок в доисторические времена без использования уборочной техники», мы сблизились и даже стали приятелями.

После техникума Нурали направили в монтажное управление, а меня - в лабораторию «Гипроводстройканализации». Через несколько лет я понял, что запах лука гораздо приятнее ароматов консистенции, которую я брал на лабораторный анализ в канализационных колодцах.

2

Дело было в захудалой гостинице Нарьян-Мара.

Да, именно туда, к черту на кулички и на закуску белым медведям, забросила меня моя судьба.

Я гонялся за варанами в Кызылкумах, вдыхал сивушный туман российских болот, стирал носки на Черном море, но увидеть воочию тундру, где растут карликовые березы и бегают северные олени, даже не мечтал. Лука в тот сезон уро-

дилось - сколько песка в Каракумах. Казалось, наконец, я поймал удачу за хвост и за гриву, наконец, наступил мой звездный час.

В прежние годы на моем поле лук почему-то всегда получался самый мелкий и самый малоурожайный во всей бригаде. Однажды мне стало до того муторно и обидно, что я даже решил на самый малодушный и позорный шаг: бросить сезонное овощеводство и вернуться в «Гипроводстрой-канализацию»...

Ну, и переполох поднялся среди родственников и друзей! Они гурьбой примчались ко мне домой, хотя обычно навещали меня не очень охотно, поскольку, когда к родственным и дружеским чувствам примешивается тлетворный запах чистогана, любой родственник хуже гаишника.

- Слышали, будто ты не собираешься в этом году на кобон? - спросили они.

- Да вот решил вернуться на производство, - ответил я. - Помотался, поколесил по белу свету - пора и честь знать. Жена моя без меня замучилась, и детишки подросли - требуют отцовского присмотра. Да и нет у меня призвания к сельскому хозяйству.

По поводу жены я слукавил, поскольку именно она благоговела меня на овощеводческий подвиг, мол, посмотри на подружку мою Милу - не работает, а живет у Руслана, как у господина за пазухой, а ведь в отличие от тебя, он окончил университет с красным дипломом, и, не выпендриваясь, уже который год ездит на кобон, зарабатывает кучу денег, сделал евроремонт в квартире, купил новую машину, Милку одевает, как куклу, а я - посмотри, на кого стала похожа за годы жизни с тобой, посмотри, как я одеваюсь, словом, если не отправишься на кобон, я сама займу у Милки денег, сама буду копать в земле.

Жена моя настолько поверила своим бредовым проектам, что из глаз ее выступили слезы - от жалости к себе, видать, представила, как она, такая возвышенная и такая хрупкая, согнувшись в три погибели, своими белыми намяникоуренными ручонками щиплет сорняк на поле. Я скептически отнесся к ее заявлению и ее слезам, но в каком положении оказался я, когда она однажды действительно заняла у Милки достаточно крупную сумму и уговорила Руслана взять меня в его бригаду!

Я не испытывал особой тяги к аграрному сектору экономики. Наверное, это у меня от родителей. Они, хоть и провели всю жизнь на поле, постоянно твердили мне: если хочешь

стать человеком, учись, сынок, иначе, подобно нам, будешь всю жизнь ишачить на поле, как червяк, копать в земле. И я свято следовал родительским заветам. Но после такого благословения супруги мне ничего не оставалось кроме как вырвать инициативу из ее рук и вернуть себе звание главы семейства. Так произошло перерождение техника канализационных сетей в сезонного овощевода-арендатора.

Первый год, к всеобщему удивлению, был для меня удачным. И я даже был вынужден выучиться на водителя, поскольку жена моя тут же обзавелась машиной и чуть ли не каждый день повадилась в гости то к одним родственникам, то к другим знакомым, которых прежде я видел лишь раз в пятилетку. Да и то лишь на юбилее троюродного дяди или на проводах в последний путь начальника райкомхоза, в котором работала моя жена.

Впрочем, я лично ничуть не удивился своему успеху. Я, конечно, не Люба Ли*, но орудовать тяпкой и отгонять от поля местных сорванцов, глаза которых при виде наливающихся соком арбузов начинали гореть пиратским огнем, для меня не составляло особого труда. К тому же очень помог Руслан, который никогда не испытывал ко мне особой симпатии, но в тот год лично опекал меня, будто самого близкого человека. Наверное, потому, что жена моя с детства дружила с его женой Милой.

Второй и третий годы были не так удачны, но я, как говорится, оставался при своих. Да и семья моя не ходила в обносках. Правда, Руслан несколько охладел к моей персоне. Если в первый год он лично контролировал состояние посевов на моем поле, лично пригнал мне «Камазы» и даже на реализацию прикрепил ко мне своего человека, то в последующем он полностью предоставил меня самому себе. Видать, решил, что он выполнил свой долг перед самой близкой подругой своей жены.

Я не горевал. Через некоторое время я сошелся с другим бригадиром и без сожаления покинул Руслана. Жаление пришло чуть позже, когда после первого пролета пришлось влезать в долги. И, как говорится, пошло-поехало.

Но что интересно: когда занимаешь на бутылку водки, долг этот постоянно свербит твой мозг, мол, надо скорей вернуть, скорей рассчитаться. А когда берешь в долг баксов эдак несколько тысяч, в первое время тоже маешься, тебя мучают угрызения совести, живешь, как на иголках. Потом вдруг привыкаешь, а уж после чувствуешь себя если не ко-

ролем, то по крайней мере эдаким виконтом, который настолько влез в долги, что уже не он лебезит перед Ротшильдом, а Ротшильд всячески обхаживает его: как бы виконт невзначай не простудился, не вывихнул мизинец ноги.

- Как же ты собираешься вернуть нам долги? - спросили родственники и друзья, которые вдруг стали испытывать болезненно острый интерес к моей будущности. - Или ты вообще не хочешь возвращать их?

- Работать буду, может быть, даже на двух работах, а то и на трех, - ответил я.

От такой перспективы комок подкатил к горлу, и слезы чуть было не хлынули ручьем из моих глаз. Но кредиторы не оценили мой порыв и мою жертвенность

- Значит, будешь зарплату откладывать? - желчно засмеялись они. - И сколько лет понадобится на это? Сто? Двести?.. Ты что надумал, скотина? Отмазаться от долгов? Мы что тебе, фонд Сороса? Вот что, дорогой ты наш ненаглядный подонок, хочется нам увидеть свои денежки в этой, а не в будущей жизни, так что и думать забудь о производстве.

Чертыхаясь и проклиная день, когда они совершили непоправимую ошибку, решив инвестировать энную сумму своих кровных денег на реализацию проекта, разработанного для меня моей женой, инвесторы скинулись мне на семена и пленку и буквально выпихнули меня из теплой печи - кудури. Я тоже проклинал этот день, день, когда из-за своего сомнения решил, что орудовать тяпкой на луковых грядках гораздо легче и выгодней, чем брать пробы воды из колодцев вертикального дренажа...

Слава богу, все это позади. Глядя на золотистые горы лука, я упрекнул себя за малодушие, с теплотой вспоминал родственников и друзей, которые, как оказалось, не по злобе своей, а любя и желая мне добра, пнули меня под зад, и я кубарем покатился в предгорья Чаткала.

Я загрузил нанятый «Камаз» сельхозпродукцией, вооружился необходимыми документами и выехал в Казахстан. Надежда в виде трехсот затаренных до отказа каратальским луком мешков окрыляла меня. Я испытывал гжучую радость. И эта радость бурлила, как кипящая вода в переполненном чайнике, рвалась наружу. Всю дорогу я напевал всякие мелодии, пока однажды водитель не остановил машину.

- Поезжай дальше один! - зло выкрикнул он, захлопнув дверцу кабины.

На мое недоумение он со злостью, смачно сплюнул на-

свай и покачал головой, мол, какой же ты тупой.

- Я тоже иногда хочу петь, понимаешь? Но я же не пою! А почему? Да потому, что голос у меня скрипучий, как у дверцы колхозного туалета, об оба моих уха гималайский гризли вытирает ноги, как об половую тряпку.

Ульмас -типичный дальнобойщик - пузо на штурвале, заросшая щетиной морда цвета жженого кирпича, черные от мазута волосатые руки и коричневые от насвая зубы.

Насвай был для Ульмаса как биостимулятор, а, поскольку организм дальнобойщика требовал постоянного стимула, рот его всегда был набит этим самым дерьмовым на свете табаком, из-за чего он мог за целый день не проронить ни слова. И его тирада по поводу моих музыкальных способностей оказалась для него столь утомительной, что он сел прямо на обочину дороги, прислонившись спиной к колесу «Камаза», и тут же закинул под язык увесистую порцию насвая.

Мне следовало обидеться. Я, конечно, не Фаррух Закиров и даже не Георгий Сон*, и я не ждал, что Ульмас с криками «браво!» забросает меня цветами. Но ведь раньше никто ни разу не упрекнул меня в том, что я неправильно взял ноту «ля мажор».

На поле после ужина, который состоял из макаронوفлотски и батареи «Солнцедара», душа моя начинала петь. Сценой была времянка, а слушателями - «бичи», которых мои вокальные дивертисменты так вдохновляли на труд, что они стремительно соскакивали с мест и мчались на луковые грядки, хотя уже надвигалась ночь. А ведь обычно по утрам приходилось выгонять их на поле пинками под зад.

Но, как ни пыжился, я не смог выдавить из себя обиду - даже такая оценка моего певческого таланта ничуть не мешала мне и дальше радоваться жизни. Правда, пел и свистел я уже только про себя.

Но вот мы приехали в пункт назначения, и мне стало не до пения и художественного свиста.

Заезжаем, значит, мы в городок и - прямо на базар. Ну, думаю, сейчас разгрузимся, и начну «снимать сливки» - я ведь первым в бригаде, даже раньше бригадира, выехал на реализацию. Цену поставлю такую, что обыватели заахают и заахают. Но брать-то все равно придется! А куда денешься? Лук - это антисептическое средство, витамины, это, наконец, просто вкусно. Ни одного блюда без него не приготовишь. Обчищу обывательские карманы и - скорее назад, домой.

Я уже представил такую картинку. Картинку, которая, как девушка, ласкала мое самолюбие, как кудури в зимнюю стужу, согревала мою душу, и я весь отдался ее рисованию. Захожу я, значит, к Тимке-банкиру - таково имя моего генерального кредитора - и говорю:

- Прости, старик, я опять в прогаре.

Лицо Тимки багровеет, наливается кровью.

- Слушай, ты, неудачник, - кричит он, брызжа слюной, - мне наплевать, в прогаре ты или нет! Я же сказал тебе весной, что в последний раз даю отсрочку! Сказал?

Я вздыхаю, киваю головой в знак согласия, а про себя думаю: «Ну, гаденыш, посмотрим, как ты запоешь через минуту!»...

- Все! Баста! - Тимка жестко пресекает мою попытку вставить слова оправдания. - Продавай хату, машину, самого себя продай, в конце концов, хотя я лично не купил бы тебя, даже если бы дали миллион в придачу, но чтобы через неделю - бабки на стол!

Глаза его гневно сверкают, голос звенит самурайской молибденовой сталью.

Я выдерживаю паузу и не спеша вынимаю из кармана кожаного плаща еще не распакованные пачки хрустящих дензнаков и швыряю их ему в морду: мол, на тебе, падла, а еще другом детства называется! Наплевать ему, видите ли, что друг детства будет прозябать в съемной квартире!..

Тимка тут же замолкает, лицо его становится пунцовым и потерянным, от стыда он готов провалиться сквозь землю. Взгляд его смягчается, вместо самурайской стали в голосе - елейный, жалкий лепет оправдания. Я презрительно качаю головой, мол, как же ты мог опуститься так низко. Но я, конечно же, прощаю его, хлопаю по плечу, ничего, мол, с кем не бывает, и небрежно, насвистывая марш «Прощание славянки», направляюсь к выходу.

- Афоня! - наконец, приходит в себя ошеломленный, пристыженный, униженный Тимка. - Ну, ты, брат, молоток! Я всегда знал, что ты настоящий мужчина: сказал - сделал!.. Старик, надо бы обмыть встречу. Я угощаю!

Я отказываюсь, говорю, мол, надо бы детям новый видик справить, жену в «Самянг» сводить, но, в конце концов, уступаю слезным и настойчивым просьбам Тимки и позволяю угостить себя экзотическими блюдами, которыми славен наш Бектемир. Кто знает, может, в будущем вновь понадобятся кредиты...

Но тут мои творческие изыскания были прерваны, и я подбитой птицей спикировал с высот воображения и шлепнулся мордой в смрадную лужу действительности.

- По-моему, мы опоздали, - услышал я голос Ульмаса, донесшийся сквозь ароматы, вызванные из небытия нейронами мозга, чтобы подразнить мою порядком изголодавшуюся плоть. - Гляди, сколько твоих узкоглазых земляков понаехало!

Я с трудом подавил нытье в желудке - до того реальной представилась мне уютная кабина в Бектемире, столик, накрытый скатертью, а на ней - чашечки с дымящимися ребрышками и белоснежной рисовой кашей «паб», разные соленья и приправы, ну и, конечно же, запотевшая бутылка «Кристалла».

Из триумфатора я превратился в заурядного, насквозь провонявшего луком кобондьяшника. Перед воротами рынка я увидел целую колонну «Камазов», груженных каратальским луком. А из кабин выглядывали до боли знакомые рожи. Эти загорелые, обветренные, обросшие редкой щетиной рожи уставились на меня, будто я залезаю в их дом через окно. В их глазах было написано: на тебе, подонок, червонец, но чтобы глаза наши тебя больше не видели!

Я как ни в чем ни бывало обхожу машины: мол, если бы вы предложили мне в тысячу раз больше, я, может, еще и подумал, тем более, что ваши морды для меня то же, что и прыщи на задней, мягкой части тела пролетариата.

Откровенно говоря, думать было нечего. Марш-бросок по другим лукопотребительским пунктам навел меня на единственную мысль: как можно быстрее рвать отсюда, чтобы опередить конкурентов в других городах. Ульмас тоже проникся этой мыслью, и мотор «Камаза» запел, как все четыре двигателя Боинга-747.

Но вот я сунулся в другой город, третий - повсюду те же до тошноты знакомые рожи. До того отвратными показались мне эти физиономии с раскосыми глазами, что я решил попытать счастья на Урале.

Ульмас не артачился. Ему-то что - спидометр работает получше всяких «счетчиков», а насваем он заполонил чуть ли не всю кабину. Но и на Урале то же самое. Казалось, эти гнусные поедатели бектемирских «хот-догов» заполонили весь мир. Тут поневоле станешь расистом и вступишь в партию зеленых.

Делать было нечего, и мы, набрав про запас тушенки, сгущенки и прочих консервов, рванули на север. Нам предстоял путь в край, воспетый примерно в таком духе: «Семьсот километров тайга, налево - направо лишь звери, машины не ходят туда, бредут, спотыкаясь, олени».

Это поразительно живописное наблюдение безымянного барда напомнил мне водителя, когда ехать уже было некуда - дальше начинались те самые «семьсот км».

Я уже было затосковал. Стал в уме перебирать возможные варианты наиболее правдоподобных аргументов, которые мне предстояло представить Тимке, дабы он в очередной раз отсрочил выплату платежей по кредиту. «Мучняк» уже не пройдет. Как назло, в этом году не было ни мучной росы, ни даже сорняков. Заморозков тоже. Может, сказать, что рэкетеры обобрали до нитки?.. Нет, это тоже уже было - года два назад.

Выход, в конце концов, нашелся, но пришлось расстаться со ставшим таким родным мне «Камазом». Лук перегрузили на баржу, Ульмас неодобрительно покачал головой, буркнул что-то вроде того, что дело хозяйское, но пожелал мне доброго пути и закинул под язык вонючий насвай. И я поплыл на север, на встречу с белыми ночами и белыми медведями.

В пути особых приключений не было. Поварихе баржи я отвалил мешок лука, чем снискал заслуженное уважение команды и ее капитана. В благодарность капитан посоветовал плыть в Нарьян-Мар, куда и держала путь баржа: мол, там твой лук оторвут с руками и ногами.

4

До Нарьян-Мара нехорошие любители свежей сырой рыбы, аккуратно нарезанной на небольшие ломтики и густо сдобренной уксусом, соевым соусом, луком, чесноком, перцем красным и черным, протертыми зернами кунжута, слава богу, еще не добрались. А потому в горторге меня встретили с открытыми объятиями, так что капитан баржи честно отработал десять мешков лука, снабдив меня достоверной информацией.

Лук у меня приняли по приличной цене - во всяком случае, все мои издержки, и материальные и моральные, были возмещены. Директор торга даже попросил приезжать чаще, привозить сюда не только лук, но и чеснок, капусту, дыни, словом, все, что не растет на Крайнем Севере. А там в са-

мый разгар лета я ничего не увидел, кроме бурой полыни и карликовой березы.

Налюбовавшись северными пейзажами с окна гостиницы, я спустился вниз в буфет. Заказал коньяк, жареную оленину, соленый огурец позапрошлогоднего посола и приступил к трапезе. Мысленно поздравил себя с удачей, пожелал поскорее вернуться домой. Конечно, перед Тимкой триумфатором не пройдешься, но заткнуть на время его паяло с золотыми фиксами было вполне возможно.

Я только набрал в легкие воздуха, и стал медленно вливать в себя пахучую и терпкую жидкость, как кто-то сзади хлопает меня по спине.

- Апхона, санми сан?

То есть «Афоня, ты ли это?».

Этот отрывистый, словно лай волкодава, баритон, выросший из щенячьего дисканта, я узнал бы, даже если бы мне заткнули уши двойным слоем тампона «О-би». А поскольку таких тампонов тогда еще не было, я от неожиданности поперхнулся и долго приходил в себя.

Нурали до смерти надоедал мне еще со времен «карис - поприс». А потом и в техникуме задолбал меня уговорами повезти в Рязань на летних каникулах фрукты. И его главным аргументом была отнюдь не возможность продать по спекулятивной цене дары юга страдающим от авитаминоза жителям рязанщины. «Там такие девочки!» - закатывал он глаза и жестом иллюстрировал девичьи формы, которые были, судя по его жесту, необъятны, как сама Россия.

И вот надо же - наткнулся на него на самом краю света, будто наш мир не мир, а сплошной Бектемир.

Нурали выглядел типичным преуспевающим экспедитором: кожаный пиджак, красный в белую крапинку галстук, дермантиновый «дипломат», тонкие усы...

Он, по своему обыкновению, стал тискать меня в своих объятиях, хлопать по спине, расспрашивать о самочувствии, о здоровье мамы, папы, жены, словом, всех моих родственников, ближних и дальних.

Терпеть не могу этих телячьих нежностей. Но почему-то обарбузившаяся, заросшая повиликой, отравленная мучной росой душа моя дрогнула. Наверное, потому, что в гостиничном буфете на фоне заросших бородами геологов, бывших зэков и прочих искателей романтики Нурали не выглядел столь угрюмо и серо.

Нурали тоже недолго ишачил на производстве. Через пару лет устроился по знакомству в горторг экспедитором. Обьез-

дил за эти годы всю страну вдоль и поперек. Доставал для одних генераторы, для других - молдавский «Белый аист», для третьих - дубильный экстракт. В Нарьян-Мар он привез партию тропических плодов и выручил, по его словам, вполне приличную сумму. Сверхприбыль он намеревался вложить в самое разорительное предприятие.

- Слушай, тут живет одна вдовушка, моя знакомая. А у нее подружка - не женщина, а Нефертити!..

Короче говоря, он звал меня на блуд.

Подружку своей знакомой Нурали расписал так, что разбудил во мне уснувшие было инстинкты, и я вспомнил, что я не только овощевод, у которого вместо мозга - головка двухлетнего овощного растения семейства лилейных.

Набрали, значит, мы батарею разных напитков, какие только можно было раздобыть в местном гастрономе, марокканских апельсинов (Нурали предусмотрительно оставил для себя ящик плодов - в качестве ключиков к сердцам вдовушек и гостиничных администраторов) и в час икс явились пред очи северных красавиц.

Подружка оказалась далеко не такой, какой расписал Нурали. И даже совсем не такой. Впрочем, я никогда не доверял художественному вкусу своего приятеля. Я подозревал, что за годы своего экспедиторства Нурали наловчился выдавать каршинский насвай за бразильский кофе, а насосы «Андижанец» - за британский фрегат класса «Шеффилд». Так что я был готов ко всему.

И все же, переступив порог дома, я ощутил шок, потрясение и еще что-то в этом роде. Будто на мою голову обрушился удар пудового кулака Шварценеггера, и я оказался в состоянии глубокого нокаута.

В общем-то, я никогда не комплексовал по поводу своей комплекции. В конце концов, Наполеон тоже был не гигант. Но когда подружка встала с дивана, чтобы поприветствовать нас, я никак не мог пробудить в себе Наполеона. Впрочем, перед такой Нефертити любой фараон, будь он даже Рамзес II, чувствовал бы себя пигмеем.

- Апхона, лучший друг, - представил меня Нурали.

К счастью, нарьянмарская Нефертити не была недоступной, с острыми камнями горной вершиной, для достижения которой надо было быть, по меньшей мере, альпинистом. Гора сама подошла ко мне и смущенно, что не очень вязалось с ее габаритами, протянула свою руку.

- Люся.

Я не... как бы это не фольклорно выразиться?... В общем, я не тот, который транжирит при первом же удобном случае и на кого попало свой, заложенный в гены Матерью Природой потенциал ПРЧ - продолжения рода человеческого. Но я и не алкаш. Я кобондьяшник. Это нечто среднее между загнанным мулом и чугунным радиатором. Моя энергия ПРЧ сублимировалась в мучнистую росу и растворилась меж луковых грядок в степях Приазовья и предгорьях Чаткала.

Ближе к весне у меня начинается зуд. Город с его холемными улицами вызывает у меня аллергию, а городская квартира кажется тесной собачьей конурой. Могучий, неотвратимый зов вытягивает меня из теплой кудури и я сломя голову, забыв о семье, о родине, мчусь на этот зов.

Но это не зов чернобровой пери из сказок Шахерезады. Под звездным украинским небом, на берегу седого Днепра я тискал в своих объятиях не белолицую крутобедрую хохлушку, а грязный мешок вонючего лука. И я не скажу, что в этот момент мои чувства и помыслы были менее возвышенны, чем в мгновения первой брачной ночи.

Но вернемся в тот вечер, когда нарьянмарская Нефертити протянула мне руку в знак знакомства. С языка моего вот-вот должна была соскочить фраза, дескать, рад познакомиться и тому подобное. Ну, как же! Мы, хоть и бектемирские, тоже приобщаемся к светской жизни и знаем кой-какие тонкости богемного этикета. Однако Нурали за годы экспедиторства подзабыл об этих тонкостях. Хотя как можно забыть то, чего никогда не знал?

- Дорогой, зачем эти церемонии, - хохотнул он и подтолкнул меня прямо в объятия Нефертити.

Подтолкнул так, что не успел я пожать Люсину руку, как лицо мое утонуло меж ее огромных грудей.

Если вы подумали, что мне было приятно ощутить податливую теплоту женской груди, то вы будете не очень далеки от истины. Но как истинный джентльмен, я мучительно раздумывал, убрать мне свое лицо и возобновить церемонию знакомства или продолжать тыкаться носом промеж бархатных холмов Эльдорадо. В любом деле нужен навык, а холмы эти мало чем напоминали луковые грядки. Там я как рыба в воде. Будь чемпионат мира по дерганию лука, я бы, точно, был в числе призеров. А тут я ощущал себя гамбузией, выброшенной на берег.

«Чтоб твою голову ишак пнул!» - обругал я про себя сво-

его приятеля его коронной фразой.

Но тут мне на помощь пришла хозяйка дома Наташа.

- Нурик, - упрекнула она моего приятеля, - зачем смущаешь парня?

- Нурик? - вырвалось у меня, и я, наконец, хотя это далось не без труда, смог оторвать свое лицо от Люсиной груди. - Кто Нурик?

Люся с Наташей переглянулись и вопросительно посмотрели на Нурали.

- Нурали меня зовут, я же сказал, Нурали! - быстро ответил мой приятель. Но, взглянув на меня, он понял, что опоздал, и лицо его стало пунцовым.

- Нурик!.. А что, звучит красиво, - съехидничал я, мстя ему за незнание этикета. - Обязательно расскажу об этом нашим друзьям. Нурик! Нурик!

- Вот и делай людям добро! - обиженно ответил Нурали. - Я его, понимаешь, из дерьмовой гостиницы вытащил, с такими девушками познакомил, а он!..

В пору, когда мы с Нурали обменивались не очень любезными любезностями, на нашей улице жила бездомная дворняга. Случай, конечно, был исключительный. Чтобы по нашим улицам бродил деликатес, и без всякого призора!.. Дворняга эта была тихой и пугливой, никому не позволяла приласкать себя. Впрочем, на то были весьма веские основания. Глядя на вожделенные взгляды, с которыми эти двуногие твари оглядывали ее, она ничуть не обольщалась по поводу их намерений.

Как это ни было странно, но единственным человеком, к кому дворняга питала нечто наподобие привязанности, был Нурали, почему и мальчишки наградили ее кличкой «Нурик». Вероятно, дворняга увидела, что у Нурали глаза не раскосые, и эти нераскосые глаза не глядели на нее как на чашку супа о четырех ногах. Как только Нурали появлялся на улице, она бежала за ним. Нурали всячески отбрыкивался от нее, как попало обзывал ее, швырял в нее камни. Но дворняга стоически выдерживала гнев своего кумира и продолжала бегать за ним.

В конце концов, она закончила свой путь так же, как заканчивали в поселке большинство четвероногих друзей человека. Нурали не очень горевал по этому поводу, зато при очередных наших перепалках он использовал сей факт как еще одно доказательство того, из какого ублюдочного и варварского племени я происхожу.

Вот где была зарыта собака обиды Нурали.

Я еще не чувствовал себя Наполеоном, но шок прошел, а когда началось застолье, я уже ощущал себя чуть ли Матросовым, готовым закрыть своей впалой грудью могучую грудь нарьянмарской Нефертити.

Этиловая жидкость, рассасываясь по моим жилам, смывала с них кобондяшные вирусы и вместе с количеством адреналина повышала мою значимость в моих собственных глазах. Люся казалась уже не эдакой Джомолунгмой, которую нужно штурмовать по всем правилам горновосхождения, а мягкой, покрытой весенней травкой альпийской лужайкой, на которой можно было отдохнуть от опостылевших раскосых рож, от мучнистой росы, от дорожного рэкета, в конце концов, от самого себя.

Было уютно и сытно. Давно уже взмыленная, взерошенная душа моя не ощущала такой благодати и такого покоя. Я был благодарен Нурали за этот его «левацкий» экспромт. Мы ели, пили, говорили тосты, потом, как это водится в подобных случаях, разделились по интересам. Нурали с Наташей обсуждали между собой плюсы и минусы межполовых отношений, тут же иллюстрируя теоретические выкладки практическими действиями, я же доказывал Люсе преимущества сезонного овощеводства над потогонной системой в СПКТБ «Гипроводстройканализация». Она стойко выслушивала чушь этого оголтелого кобондяшника, который даже в минуты ухаживания не мог скрыть свою луковую натуру. Тем не менее, ухаживаемая довольно благосклонно воспринимала его попытки измерить ее талию и укусить за ушко.

Дальше было как в сюрреалистическом кино: смешались звуки, запахи, цвета. Последнее, что я помню, так это то, то на лицо мое навалилась неимоверная тяжесть Люсиной груди, и душа моя напрямик отправилась в ад.

Не помню, варили ли меня черти в горячей смоле, но ощущения были близкими к этому. Голова раскалывалась, будто в мозг мой вгрызлся отбойный молоток Алексея Стаханова, вознамерившегося побить свой же мировой рекорд по добыче угля. На душе было мерзостно и пакостно. Как всегда, после провала в памяти, случившегося после освящения «святой водой», меня охватило чувство вины. После энной дозы этой богопротивной жидкости я могу наговорить и натворить такого, что хоть год не показывайся на глаза свидетелям моего падения.

Чтобы не заниматься самобичеванием и не растравлять душу, я открыл глаза. Белизна постели была фантастической, ирреальной и резала глаза. Может быть, потому, что они больше привычны к засаленным, пропахшим потом матрасам, на которых я ночевал большую часть жизни, жизни сезонника-овощевода.

Да, в последние годы моим домом была времянка-балаган, а самыми близкими людьми - бичи, которые были столь корректны, что не просили на каждую ночь сменять белье и подавать на завтрак черный кофе. Они довольствовались теми же засаленными матрасами и бутылкой «бормотухи» на ужин.

Пробуждение еще не было полным, может, потому и мелькнула шальная мысль: уж не в раю ли я. Но я тут же отогнал ее. При всем уважении к себе и субъективности оценок в отношении своей персоны я понимал, что не заслужил путевки в рай. Но это явно и не ад. В аду не дают белых простынь. Хотя, кто знает, говорят, за баксы и там можно не жариться на сковороде, а возлежать на печи-кудури в окружении ангельски смазливых чертенок.

Я привстал, пытаюсь понять, где же все-таки я, и как я оказался в этом царстве ослепительно белого безмолвия. Вроде, и не вырезатель. Там, хоть и выдают свежее белье, но соседи по койке храпят одновременно всеми отверстиями, какие у них есть, и так, что хочется рвануть в Париж, в погреба французских королей за винными пробками, чтобы заткнуть ими эти отверстия. Здесь же - райская, умиротворяющая тишина, если не считать перестука отбойного молотка, которым герой первых пятилеток орудовал в моей голове.

После утреннего моциона Люся сообщила, что Нура-ли выехал на стойбище к оленеводам, хочет приобрести партию пантов и просил меня не уезжать без него.

Я и не собирался уезжать, хотя именно мысль об отъезде пришла сразу же после пробуждения. Изредка посещали мысли о Тимке, только и мечтавшего выставить на аукцион мой «Жигуленок», о жене, которая, прознав про этот гнусный замысел кредитора, экстерном выучилась на права и отобрала у меня ключи от машины: дескать, машина записана на меня, а значит, она моя, с Тимкой же разбирайся сам, а как, это меня не касается. Но Бектемир отсюда казался таким же далеким, как и звезда Алголь для бушмена из джунглей Трансвааля.

Но нахлынувший было порыв честного семьянина был

раздавлен пудовой гирей Люсиной груди. И гиря эта тянула меня вниз, в пряные глубины океана под названием «Нарьян-марская Нефертити». Я чувствовал себя таким донжуаном, Казановой, покоровшим первую красавицу Севера, внебрачным правнуком Джаннини, основателя «Бэнк оф Америка», который, к слову сказать, начинал свою карьеру зеленщиком. Может быть, это и был мой звездный час? Звездный час кобондьяшника, у которого были лишь две радости в жизни: показать гаишнику фигу в кармане и сдать совхозу в качестве арендной платы не десять тонн лука, а девять целых девять десятых тонны.

В честь этой, благоприятной метаморфозы я приобрел ангоровую кофту, самую дорогую, какая только имелась в местном универмаге. Царица моего звездного часа, завидев кофту, засмушалась, стала отнекиваться, мол, отвези лучше такой дорогой подарок своей жене, а мне ничего не надо, я и не стану принимать от тебя подарков, а то еще чего доброго подумаешь, что отдаюсь я тебе за плату, как последняя... Далее следовало не очень цензурное слово, обозначающее девицу нетяжелого поведения, работающую по найму в домах, украшенных красными фонарями.

Когда Люся упомянула о жене, у меня на душе стали скрести кошки. «Чтоб твою голову ишак пнул? - обругал я себя. - Как мог я забыть о жене?».

- Да я и ей купил, - соврал я, - точно такую же, только размером поменьше.

Словом, я уговорил Люсю принять подарок. Она тут же надела ангорку, сделала восхищенные глаза и в благодарность подарила мне самую чудесную за все время моего пребывания в Нарьян-Маре белую ночь.

По утрам Люся уходила на работу, приготовив мне обед, а вечером приносила полную сумку всякой снеди. Положительно, она решила откормить отощавшего на луковых хлебах раскосого жителя южных пустынь. А, может, не столько откармливала, сколько восстанавливала мой потенциал ПРЧ, который истощался быстрее, чем карман обывателя при посещении им Алайского рынка в Хлебном городе.

Мне же оставалось только принимать эти почести как дар судьбы. Спал, пил, ел, смотрел телевизор, потом снова спал. Время от времени делал вылазки в город - попить пивка, полюбоваться пейзажами, ну и пополнить Люсин холодильник. Не такой уж я жлоб и приживала.

Так продолжалось до тех пор, пока не вернулся Нурали. Он и вправду привез панты и тут же предложил выкупить их.

- Как лучшему другу, по своей цене отдаю, - сказал он, но, увидев на моем лице недоверчивую ухмылку, поспешил добавить: - Естественно, дорожные расходы включил в цену. А ты как думал - километров триста на вездеходе отмахал - за просто так, что ли?

С пантами я связываться не хотел, формула приращения капитала «Товар - деньги - товар» не разжигала во мне алчность акул капитализма. Даже простая кобондяшная формула «Лук - гривна» вызывала рвоту.

Но Нурали был прирожденный маклер и от него просто так не отделаешься.

- А ты знаешь, что из пантов делают лекарство, которое просто мужчину делает настоящим мужчиной?

- Кушай казы, в Ташкенте его полно, - парировал я, - зачем за таким лекарством ехать на край света?

- Панты нашим не по карману. А вот у иностранцев с этим делом большие проблемы. У них же разные стрессы, спиды и прочие заразы, и они выкладывают за панты любые бабки. Потратишь сейчас штуку, а продашь за десять.

В те дни я был щедр и снисходителен, а потому, в конце концов, дал уговорить себя купить эту панацею от всех мужских бед.

На этом разговор с Нурали не закончился.

- Дорогой, вижу, ты здесь у Люси совсем оклемался. Уж не собираешься ли совсем остаться здесь?

- Нет, я, наверное, с тобой поеду, - не очень уверенно ответил я, - когда ты свои дела закончишь.

- Что-то непохоже... Слушай, как у тебя получается с Люсей? Она ведь вон какая, а ты вон какой.

Интонации приятеля были ироничными, и мне хотелось размазать его ухмыляющуюся рожу каким-нибудь дерьмом, но, поскольку именно в такие мгновения у меня под рукой ничего не бывает, даже дерьма, пришлось довольствоваться дальневосточной мудростью: «Велика - да тыква, мал - да перец». Нурали заткнулся, пытаюсь найти связь между тыквой и перцем. Наконец, когда он все-таки нащупал связь, захохотал во всю свою глотку.

- Все это, конечно, хорошо, - проговорил он, продолжая хохотать, - но что ты скажешь на то, что у Люси есть муж, в порту работает.

Нашел чем ошарашить, это я знал и без него.

- Они же давно разошлись.

- Ну и что? Наташка говорит, что он время от времени навещает Люську. А он из бывших зэков...

- Подумаешь, зэк, - беспечно ответил я.

Беспечность моя была деланной. То, что бывший Люсин муж - зэк, было, как сказал бы Ефим Копелян, информацией к размышлению. Моим первым порывом было быстро собраться и рвать когти - не хватало еще разборок с жиганом в жиганском краю. В глубине своей пакостной души я понимал, что рано или поздно каникулы на северных Канарах закончатся, просто у меня не было ни сил, ни желания прерывать их. А тут появилась веская причина.

В порыве любовного угара, в те самые мгновения, когда я выступал в качестве продолжателя рода человеческого, я клятвенно обещал Люсе жениться, холить ее, носить на руках. Надо же было сморозить такую нелепицу! Мне бы поднять одну ее грудь!

Люся возводила к небу глаза, смеялась. И трудно было понять, принимает она мое предложение или нет. Люся женщина умная и понятливая. Скорее всего, она не очень серьезно воспринимала мой бред.

Но мое воображение начинало рисовать нелепые сюжеты. Привожу, значит, северную Нефертити в родной Бектемир. Ну, то, что глаза у нее не раскосые, - с этим еще Бектемир может смириться. Мало ли таких невесток у наших стариков! Жена, конечно же, скандала не учиняет, но жестко говорит, мол, хата моя, машина тоже, а детей ты никогда не увидишь, но должен будешь обеспечивать их до совершеннолетия... Впрочем, она повторяет это уже лет десять, примерно раз в месяц, начиная с ноября и кончая февралем.

Моя фантазия не знала границ, и она переступила даже эту черту. А вот за этой чертой мое воображение наталкивалось на глухую стену.

Люся была выше меня, я уж не говорю о ее комплекции. Как я выведу ее на люди при таком соотношении наших роста-весовых категорий? И потом, управлюсь ли я с ней, когда начнется серая будничная жизнь? На свою законную жену я мог иногда прикрикнуть, хотя она на одно мое слово отвечала сто девяносто шестью, я все равно мог вставить это одно слово. А на Люсю разве прикрикнешь? В ту первую ночь, как не без ехидства рассказывал потом Нурали, Люся перенесла меня на руках в свою квартиру. Правда, она жила с Наташкой в одном подъезде. Вполне вероятно, Нурали, по

своему обыкновению, приврал, а если это правда?.. «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань».

Рвать когти я не стал. Не позволила моя бектемирская щепетильность. И неизбежное произошло.

Однажды в полдень я медленно цедил пиво в одном из немногих питейных заведений Нарьян-Мара. Была середина рабочего дня, и я в единственном числе представлял сословие любителей янтарного напитка. Буфетчик, молодежавый, но уже седовласый мужчина с большим орлиным носом и густыми черными бровями, за компанию выпил со мной кружку.

- Слушай, - заговорил он с типичным кавказским акцентом, - я вижу, ты не здэшний. Как тебе здэшние люди?

Я неопределенно пожал плечами.

- Вот-вот, я тоже так думаю. Мелочный народ, скандальный. Недольешь граммчик, скандал поднимают, не додашь копейку - тоже скандал. Я что, аптекарь, что ли, чтобы определять, больше или меньше на грамм налил? И потом, если нэт у меня этих копеек, откуда я возьму сдачу, да?.. Ладно, если бы бабок не было! Я бы так налил, бэсплатно. А ведь бабки лопатами гребут. Северная надбавка, год стажа идет за два года... А вот ты, я сразу увидел, из наших.

Я понимающе покачивал головой, мол, да, паршивый народ. Настроение у меня было близкое к меланхолии - разговор с Нурали заронил в мою душу смятение. И я отнюдь не был расположен вступать в дискуссии на тему: «Социальная морфология жителей Севера и их отношение к уринотерапии». Допив пиво, я бросил буфетчику дензнак и промямлил, мол, сдачи не надо - надо же было поддержать имидж, который он прилепил мне.

В это время в кафе появился новый посетитель. Он оглядел пустующие столы и медленно направился в нашу сторону. Буфетчик заговорщически кивнул мне, мол, смотри, с какими людьми приходится нам жить.

8

Посетитель, а это был здоровенный детина, ростом немного выше меня, но в плечах, как говорится, косая сажень, хмуро, поочередно оглядел сначала буфетчика, потом меня. Остановив свой взгляд на мне, он спросил:

- Ты, что ли, Люськин?.. - далее следовал фольклорный синоним ПРЧ.

Начинается, промелькнуло у меня в голове. Небритое рас-

пухшее красное лицо, нахмуренные рыжие брови не предвещали мне ничего хорошего.

Сердце мое не камень, но оно упало с такой скоростью, что, наверное, пронзило всю толщу вечной мерзлоты. Хоть бы Нурали был рядом, с тоской думал я, вдвоем мы как-нибудь да отмахались бы от этого верзилы. Но Нурали активно внедрял в жизнь вышеупомянутую формулу «Товар - деньги - товар». Вчера, к примеру, спихнул втридорога панты летчику в аэропорту, и тут же умчался к оленеводам - за новой партией пантов. Он, наверное, смог бы продать снег белым медведям. Спекулянт проклятый, думал я, когда нужно помочь товарищу, он всегда где-то, только не рядом. «Чтоб твою голову ишак пнул!» - мысленно выругал я Нурали.

Я не Брюс Ли и не воинственный индеец из племени оджибуэев. Но мне ничего не оставалось, кроме как ответить на этот вызов.

- А в чем дело?

Я переволновался - ответ мой получился сиплым и тихим, словом, неадекватным вызову.

Верзила покосился на пивную кружку, которую судорожно сжимала моя рука, и облизнулся.

- Нальешь? - неожиданно умоляюще спросил он.

Ожидая подвоха с его стороны, я выдержал паузу, в течение которой одним глазом измерял расстояние между своей кружкой и его «будкой», а другим изучал возможные пути отступления.

- Отчего не налить? - ответил я, закончив рекогносцировку вероятного маршрута бегства.

- Если можно, водки, - торопливо, словно боясь, что я передумаю, сказал он, - от пива тоже не откажусь.

Я заказал и то и другое, все еще не веря столь неожиданной развязке. Верзила залпом влил в себя стакан водки, и так же - кружку пива. Вытерев рукавом пену у рта, он смачно отрыгнулся.

- Фу-у! - осклабился он - Теперь можно жить.

Да он просто алкаш, с облегчением подумал я, и стал ковать железо пока горячо.

- Еще?

- Если не жалко.

После второго стакана он протянул мне руку:

- Леха.

Рука моя утонула в его огромной лапище. Этой лопатой он мог бы прихлопнуть меня и Нурали в придачу, а я, наивный, думал, что смогли бы отмахаться.

- А ты кто? - спросил Леха после того, как опустошил поллитровку.

- Я же сказал: Афоня.

- Да я не об этом, какого ты рода-племени?

- А ты как думаешь?

- Ну, вроде, ненец, но уж больно не похож на нашенских, нарьянмарских. Может, татарин? Или чукча?

Я уже напрочь забыл о своих недавних опасениях. Леха оказался не таким уж страшным громилой-рецидивистом, каким нарисовало его мое воображение. После второй бутылки он стал изливать мне душу.

- Понимаешь, я человек спокойный, но достала она меня. Ну, то, что обзывала алкоголиком, скотиной и прочими нехорошими словами, можно было вытерпеть. Да я и терпел, даже когда она прилюдно матюкала меня трехэтажным матом... Но когда разбила бутылку с самогоном, терпению моему пришел конец. Я, понимаешь, всю ночь разгружал баржу, пахал, как папа Карла, чтобы заработать десять кг сахара. А потом несколько ночей корпел над самогоном, а она в одну секунду раздерьбанила... Какой был первач! Не первач, а напиток богов... Ну и, сам не помню как, слегка толкнул Люську, она и упала.

Ничего себе, не без опаски подумал я, оглядывая его плечища и кулачища. Это ж каким надо быть бульдозером, чтобы свалить такую Джомолунгму!

- Люська ничего, молча встала, вытерла кровь и убежала к подружке, - продолжил Леха свою печальную историю. - Поцарапалась, видать, об осколки. А Наташка, подружка ее, так эта зараза тут же в ментовскую. Мол, каждый день учиняю скандалы, избиваю жену, а на этот раз чуть не зарезал... Ну, и дали мне два года. Ну, ничего, я эту шалаву все равно... - далее следовало выражение, соответствующее совершению акта по ПРЧ.

Мешок лука отвалил бы, чтобы увидеть, как отреагирует Нурали на этот монолог про его зазнобу!

- А Люська - девка нормальная, - Леха тяжело вздохнул, - но у меня к ней дорога заказана. Я, говорит, все могу простить, но этого - никогда... Все равно обидно, что променяла меня на какого-то сморчка.

Я хотел было возмутиться, но Леха обезоружил:

- Ты не обижайся, а что обижаться: что правда, то правда... Ты лучше скажи, потянешь еще на один пузырь? А то я мог бы в общагу слетать за бабками.

Жена впервые за многие годы бросилась мне на шею и расцеловала.

- Странно, но я почему-то соскучилась по тебе, - призналась она. Потом, отстранившись, изучающе оглядела меня: - Ты какой-то не такой, изменился, что ли? Что с тобой случилось? Может, завел себе кого-нибудь? Говорят, девки там вешаются на первого встречного, даже на такого Папандо-пулоса, как ты.

Меня охватило жуткое раскаяние. Я чувствовал себя последним подонком, и чуть было не расплакался в объятьях жены. С великим трудом я сдержал слезы и желание покаяться в своих грехах.

- О чем ты говоришь, женщина! - негодуя воскликнул я. - Я, как проклятый, мотаюсь по стране, сплю на вонючих матрасах... Хотя нет, не сплю. Не сплю ночами, думая, как бы прокормить семью. Да я за это время стал импотентом, евнухом, приглядывающим за гаремом под названием «Луковое поле».

- Да ладно заливать, знаю я вашего брата, вы готовы хоть на луковом поле, хоть последнюю бичевку...

Тимка, хоть и побурчал, мол, а когда остаток вернешь, но на «хот-дог» по-бектемирски все же пригласил.

Нурали, пробыв дома с недельку, улетел в Хабаровск. Повез туда гранаты и андижанские электродвигатели, а оттуда обещал привезти сушеный папоротник косари и красную рыбу. Предложил мне поехать вместе, мол, в Хабаровске у него зазноба, а у зазнобы той - подружка, разумеется, ликом и формами, как Нефертити. Я отказался. Еще бы! Перед моими глазами еще та, нарьянмарская Нефертити. От одной мысли о тамошних похождениях на душе становилось дурно и пакостно.

В тот день мы с Лехой из кафе отправились к нему в общагу и продолжили наше знакомство. Не знаю, чем он со своими дружками накачал меня там, но это пойло начисто смыло мой разум. Я даже не помню, кто инициировал этот поход по местам моей мужской славы, но для меня он закончился бесславно.

Только помню удивленный взгляд Люси, которая выглянула из-за двери. Ее чистые голубые глаза были полны печали и грусти. Потом, увидев за моей спиной своего бывше-

го мужа, презрительно поджала губы. И, не сказав ни слова, захлопнула дверь перед самым моим носом. Леха стоял в стороне и науськивал: мол, Люська - женщина добрая, отходчивая, мол, постучи посильней. Я стучался, звал ее, просил прощения. Но Люся лишь один раз открыла дверь. Чтобы бросить мне в лицо ангорку, которую я ей подарил...

Я приполз в гостиницу, весь измазанный и обгаженный грязью Нарьян-Мара. Оплеванная душа моя стонала, корчилась в конвульсиях. Никогда еще я не презирал, не ненавидел себя так, как в те минуты. Я хотел спрятаться в какую-нибудь темную конуру, где бы никто меня не нашел и не увидел. Я хотел вскрыть себе вены, принять цианистый калий, сделать себе хакакири, застрелиться, повеситься, утопиться. Я хотел прямоком отправиться в чистилище ада, где черти облили бы меня кипящей смолой, а затем поджарили на сковороде. Но я не сделал ни то, ни другое, ни третье. Я не Сократ и не Маяковский. Я просто кобондьяшник, которому надо было возвращаться домой.

Нурали долго ругался и плевался, но, в конце концов, собрал свои и мои вещи и повез меня в аэропорт. Я пытался было сопротивляться, мол, надо объясниться с Люсей.

- Какая-такая Люся? - презрительно сказал Нурали. - Забудь о ней навсегда!.. Да я бы на ее месте огрел тебя по твоей тупой башке чем-нибудь тяжелым, да так, чтобы впредь за километр не появлялся. Это же такая женщина!.. А ты такой подонок!.. Чтоб твою голову ишак пнул!

Сейчас я думаю, может, Леха не так уж и прост, может, он и напоил меня, чтобы я вот в таком отвратном виде предстал пред очи его бывшей жены. Не мытьем, так катанием он отвадил меня от своей Люськи.

Не знаю, к добру это или не к добру, но по вечерам я выхожу на берег реки, разделяющей Бектемир от Куйлюка. Вместо Чирчика мне мерещится Печора, а на другом берегу - нарьянмарская Нефертити, моя Джомолунгма, которую я так и не покорил.

КОБОН НА МАРСЕ

Полуфантастическая повесть

Самолюбие и тщеславие были чужды мне. Но почему-то в эти мгновения я почувствовал нечто вроде обиды. Не за себя, конечно, а за свое сословие. Ну, и что, что мы кобондьяшники? Разве мы «не сеем и не пашем, а валяем дурака»? Разве мы не обеспечиваем луково-арбузную независимость всего Евразийского континента?

Почему же тогда даже в космосе я должен быть нелегалом?.. Впрочем, возможно, все дело во мне самом. Будь на моем месте Паша-бугор, он нашел бы способы и средства для легализации и получения дивидендов от этой марсианской эпопеи...

1. СОН

Хотя до условленного телефонного звонка оставалась целая ночь, я был как ирландский сеттер, вытянувший вперед острую мордочку и выпрямивший лохматый хвост перед броском на подстреленную дичь.

Жена моя словно предчувствовала, что мы расстанемся надолго, хотя предполагалось, что она приедет ко мне в начале лета, когда у детей закончится учебный год. И в эту ночь она как никогда была ласкова со мной. Инстинкт охотника был бесцеремонно раздавлен другим инстинктом, заложенным в мои гены Матерью Природой. Матерый сеттер превратился в молочного щенка, которому чешут ушки и поглаживают брюшко.

Я простил Луизе все изъяны ее несносного характера. Страшная в гневе и мелочная до абсурда, в любви она была столь же неистойвой и бесстрашной. А на этот раз и вовсе потеряла всякое чувство меры. Она до крови кусала свои губы, чтобы заглушить децибелы, рвущиеся из глубины ее неистойвой души, а тут ее будто прорвало, и крики ее, наверное, донеслись до самого Марса, который случайно заглянул в окно нашей спальни, и почему-то выглядел обескураженным и краснее обычного.

Исцарапав, истерзав меня, жена еще долго измывалась над мной. Я был как выжатая половая тряпка, как высушенная на междурядье лукового поля сорная трава. Наконец, видя, что выжимать из меня больше нечего, она повернулась ко мне спиной и кинулась в другие объятия - объятия Морфея.

Я должен был последовать за ней и спать глубоким, как смысл в картинах модернистов, сном. После такой амуротерапии я тут же «вырубался» и беспробудно спал, пока червяк

в моем чреве не начинал орать благим матом, чтобы его заморили. Но на этот раз, как ни пытался, я не смог заставить себя уснуть, а ведь назавтра мне предстоял тысячекилометровый марш-бросок по казахстанскому бездорожью.

Я ворочался, меняя позы, ложился на бок, на живот, поправлял простыню, прятал голову под подушку, но сон упорно не шел. С завистью я прислушивался к безмятежному похрапыванию подруги жизни, которая перетянула на себя все одеяло и, небось, видела уже десятый сон.

Я даже вспомнил рецепт одного психотерапевта в журнале «Здоровье». При бессоннице он рекомендовал закрыть глаза, представить перед собой ясное голубое небо, теплое апрельское солнышко, тихий ветерок, который колышет безбрежное море зеленой травы. По его утверждению, такая идиллическая картинка успокаивает возбужденные нервы и действует гораздо эффективней димедрола.

Начало сеанса, однако, постоянно прерывалось видениями, где преобладали женские груди. Лишь ценой невероятных усилий мне удалось отодвинуть груди на задний план... Солнышко поглаживало теплыми лучами мое лицо, зеленая трава ласкала взор, свежий ветерок нежно трепал мое лицо, убаюкивая меня. На душе стало светло и безмятежно, и я стал засыпать. В голове только мелькнуло: какой все-таки умница этот психотерапевт.

Но в какой-то момент эта нежная трава вдруг стала темнеть, сначала медленно, почти незаметно глазу, потом все поле в мгновение ока потемнело, трава при этом ощетинулась. И эта темно-зеленая щетина показалась мне знакомой до рези в глазах.

Внимательно приглядевшись, я увидел, что это не трава, а перья лука!.. Передо мной раскинулось безбрежное поле, густо заросшее ростками каратальского лука. Сердце мое бешено заколотилось. Так оно билось лишь в ту далекую лунную ночь, когда Луиза впервые позволила мне прикоснуться к ее прелестям.

Я был как в лихорадке. Мысли одна за другой пронеслись в голове, разбегаясь, как овцы у нерадивого пастуха. Но очень скоро сработала моя бухгалтерская натура. Размашистыми шагами я начал отмерять длину поля, чтобы определить его площадь, - так, как делает это Паша-бугор.

Я старался идти медленно, чтобы не сбиться со счета, но ноги несли меня, будто к ним приделали крылья, и шаги мои быстро ускорялись и вскоре превратились в бег. Я бежал, бежал, а конца поля не было видно, и я все-таки потерял

счет. Я хотел было заново начать измерения, но, оглядевшись, обнаружил, что у поля нет ни начала, ни конца.

Я растерялся. Такого поля ни у кого не было, даже у Паши. Меня обуревали самые различные чувства. Безудержное ликование сменялось озабоченностью: откуда я найду столько бичей² для прополки этого гигантского поля? Тут же понадобится человек сто, да какие сто - сто тысяч!..

Наконец, я взял себя в руки и принялся считать, сколько ростков лука на одном квадратном метре. Это чтобы определить урожайность - этому тоже я научился у Паши. Я считал, перебирая ростки, но они не поддавались счету. Ростков было миллионы, миллиарды. От восторга мне хотелось прыгать до небес и орать благим матом, но я не мог даже поднять ногу, и крики мои застряли в горле. Что-то мягкое, но цепкое и требовательное обхватило мою шею и стало душить меня...

Я чуть было не задохнулся. С великим трудом мне удалось открыть глаза. И что же!.. Моя сонная подруга жизни обняла руками мою шею и недвусмысленно требовала продолжить исполнение супружеских обязанностей. Я оттолкнул ее и соскочил с постели. Черт бы побрал ее! Как же она, такая ненасытная, тут без меня с этим делом? Может, кто-то похаживает к ней в мое отсутствие?..

Мысль эта жгучей крапивой обожгла мою душу. Впрочем, мысль эта посещала меня и прежде. Но я старался заглушить ее, отмахивался от нее, как от навязчивого бреда, как от назойливой мухи. Мол, двое детишек, свекровь, контора, где работают одни женщины да дегенераты - где, когда и с кем тут изменять? А когда эта назойливая «муха» никак не хотела улетать, упайвал ее сивухой или чачей - в зависимости от места дислокации нашей бригады. Упайвал до тех пор, пока она не засыпала... Но, несмотря ни на какие мои ухищрения, «муха» эта рано или поздно просыпалась и заново начинала свербеть мой мозг.

Коллеги-кобонди обозвали меня «желтомазым Отелло» и «подкаблучником». Это оскорбляло меня, и я перессорился со всей бригадой. Дело доходило даже до мордобития и прочих конфликтов и санкций. Но постепенно я перестал обижаться, а потом и, как это ни странно, привык к этим кличкам и даже стал откликаться на них.

Возвратившись домой, кобонди коротали долгие зимние вечера за корейскими картами хато¹. Картежники буквально вытягивали меня за ноги из постели, в которой меня ожидала моя подруга жизни: мол, не «ломай компанию», мол, что

ты прицепился к жениной юбке. Я попытался было совместить мужскую дружбу с жениной любовью. Луиза не выказывала недовольства, лишь пожимала плечиками: мол, дело хозяйское, но только попробуй разбудить меня среди ночи!..

После недели вынужденного воздержания я стал сторонником бескомпромиссного решения семейных проблем. Тем более, на этих картежных вечерах ничего путного не было: все те же прокуренные хари и запотевшие от водки и обильной пищи морды, те же коллективные просмотры порнофильмов и те же байки о превратностях судьбы овощеводов.

И я предпочел этим никчемным байкам воркование жены, которое, правда, иногда превращалось в кудахтанье, а также быть подкаблучником и смотреть живые фильмы с участием живых артистов, в котором главную роль играла моя Луиза.

Жена моя не удалась ростом, и вряд ли портрет ее поместили бы на страницы какого-нибудь киножурнала. Зато какая у нее грудь!.. Эта грудь сводила меня с ума, толкала меня на самые невероятные подвиги и на самую что ни на есть низкую низость. Когда лет ...надцать назад я впервые дотронулся до нее, меня будто пронзило молнией, и я с неделю ходил как помешанный. Из-за этой груди я долгое время не решался стать сезонным овощеводом. А когда стал им, мчался с поля домой сломя голову. Может, поэтому дела у меня не очень получались? Как можно отличить лук репчатый от пырея ползучего, когда в голове одна мысль: хочу к жене, хочу припасть к ее большой и мягкой груди!..

Сонная Луиза, будто прочитала мои мысли: сладко зевая и потягиваясь, демонстративно выставила передо мной свои прелести. Вот нехорошая, чуть было не выругался я. Не выдержав, я коснулся ее рукой. Она тут же раскрыла свои объятия. Но моя истерзанная плоть уснула крепким сном. По закону подлости, под рукой не оказалось «Виагры», хотя не далее как вчера мне предлагали стать дилером по реализации нового средства по увеличению мужской потенции. Но откуда же я мог знать, что именно нынешней ночью у жены моей начинается то, что у волчиц называют течкой?

Луиза всем своим видом показала, мол, «кто же ты на самом деле: «айсберг или человек», и, натянув на себя одеяло, вновь ушла в гости к Морфею. Я чуть было не оскорбился: мол, ах ты, такая сякая, да я тебя сейчас!.. Но я вовремя опомнился - ничего такого, что подняло бы меня в ее глазах, я не смог бы сделать. И я накинул на себя телогрейку и вышел во двор.

2. В ОЖИДАНИИ СИГНАЛА

Я вдохнул полной грудью. В воздухе пахло сладостным ароматом цветущего абрикоса, у меня раздулись ноздри, по позвоночнику до самого копчика пробежала теплая призывная волна. Я снова превратился в комок нервов. Я был в ожидании выстрела из стартового пистолета. Я ждал сигнала, после которого я заскочу на свой «Морсквич» цвета морской волны и вихрем помчусь сквозь утреннюю мглу в бескрайние просторы казахстанской степи. Помчусь за мечтой под названием Мешок Каратальского Лука.

Но до сигнала еще оставалось целых два часа, и, чтобы скоротать время, я пошел на летнюю кухню и включил переносный телевизор. Я купил его, а к нему видеоплеер и дюжину видеокассет с боевиками, фантастикой и прочей мурой. Купил, чтобы вечерами на поле не маяться от тоски. Маета эта могла привести меня к помешательству, ибо именно вечерами, когда заканчивалась полевая суета, меня тянуло на размышления, типа «Женские груди в свете позднего неоконфуцианства». Эти размышления так иссушали меня, что я упаивал «муху» вдрызг, заводил свой «Москвич» и гнал его всю ночь напролет по степным просторам, чтобы заглушить в себе нездоровые наклонности к ночной философии.

Ничего особенного по телевизору не показывали. Уже который месяц по всем каналам муссировали одну и ту же тему: предстоящий пилотируемый полет на Марс. Меня лично это совершенно не волновало. Мой космос - это мое поле, а мои звезды - золотистые головки каратальского лука. Единственное, что привлекло мое внимание на этот раз, так это умопомрачительные затраты на марсианскую экспедицию.

Я подсчитал, сколько это будет в луковом исчислении, если загнать урожай по июльской цене московских рынков. Подсчитал и ахнул. Это сколько железнодорожных составов нужно, чтобы вывезти столько лука!? Разум мой возмутился от подобного растраниживания денег. Если бы самую малую часть этих средств направили на кредитование овощеводов при покупке новых транспортных средств!. Так нет же, эдакую прорву денег международное сообщество выбрасывает в космос!.. От огорчения я выключил телевизор и пошел в гараж.

Гаража как такового у меня не было - рядом с сараем я соорудил навес наподобие конуры для нашей дворняги, только чуть большего размера. Под этот навес я и загонял свой «Москвич».

«Дайте мне точку опоры, и я переверну мир», - сказал кто-то из древних. Точкой моей опоры был «Москвич». Правда, мотор его кряхтел, будто перенес чахотку, а карданный вал - последнюю стадию полиартрита. Словом, он подтверждал мои грустные размышления, навеянные просмотром ночных теленовостей.

Но именно с этим «Москвичом» я намеревался, нет, не мир перевернуть, а свернуть небольшую горочку - весом эдак тонн в триста - каратальского лука. И весь последний месяц я был занят тем, что затаривал «Москвич» семенами лука, баклажана, соевых бобов, арбуза и прочих представителей узбекско-корейской флоры. Предполагалось, что главной культурой будет лук, а все остальное будет засеяно так, для подножного корма, если можно так выразиться.

Затарился я и съестными припасами. Их хватило бы на прокорм взвода десантников в течение года, а также кухонной утварью, постельными принадлежностями, одеждой. А теща, зная мои кулинарные пристрастия, привезла трехлитровую банку отменного кочудянга - соевой приправы. На Куйлюкском базаре закупил кетмени, тяпки и прочее снаряжение, необходимое на поле. А на самый верх привязал клетку с курами и петухом: цыплята табака на поле - это такой шик, который не мог позволить себе даже Пашка-бугор. Хорошо, сосед одолжил мне свой автоприцеп, а то бы пришлось всю эту поклажу отправлять контейнером.

Со стороны «Москвич» напоминал куйлюкскую торговку времен чулочного накопления капитала, которая водрузила на свою голову огромный тюк, за спину перекинула не менее огромный рюкзак. В руках она держала две большущие сумки, а оставшуюся поклажу схватила зубами, сзади, так же нагруженный с ног до головы, ухватившись за подол ее платья, топал ее малолетка-сын.

Я снова и снова проверял, надежно ли перевязана вся эта поклажа, все ли я предусмотрел для моего очередного Лукового похода. И остался доволен. Даже испарился тот неприятный осадок, который остался в душе после просмотра ночных новостей. Никогда еще, ни к одному сезону я не готовился так тщательно, как на этот раз. Специально купил блокнот, куда записал все, что понадобится мне на поле, вплоть до противозачаточных средств - обещала же жена приехать на поле через пару месяцев. Уж если с такой подготовкой я не вернусь осенью миллионером, значит Луиза права в оценке моей персоны! Значит, я и есть самый что ни на есть никудышный обормот и неудачник.

3. ЗВОНОК БРИГАДИРА

Громкая трель телефона прервала мои бухгалтерские выкладки на предстоящий сезон. Вслед за этой трелью из клетки, возвышавшейся над моим «Москвичом», раздалось пение петуха. Вряд ли он подозревал, что через месяц - другой, ошущанный и распотрошенный, окажется на сковородке, иначе в его пении не было бы столько оптимизма.

И Дунай, который тянул меня к своей миске, вцепившись клыками за мою штанину, отстал от меня, чтобы тоже включиться в этот предутренний хор.

Я пошел в летнюю кухню и включил свет: часы показывали ровно пять. Точность Пашки-бугра, как мы называли своего бригадира, могла довести до прободения тройничного нерва. Но на этот раз она не вызвала даже приступа экземы.

- Ровно через полтора часа, то есть в шесть тридцать утра, встречаемся на кольцевой дороге у поста ГАИ, - сказал он, чавкая в трубку телефона. - Только не перепутай - у поста ГАИ, который на выходе в Черняевку, а не на алмалыкскую трассу. Там еще находится дендропарк... Повтори, где встречаемся!

- Да понял я! - заверил я бригадира.

- Ни хрена ты не понял! - оборвал он меня. - Говорят тебе, повтори!..

- У поста ГАИ, что на выходе в Черняевку! - отчеканил я, как пионер, отдающий рапорт съезду комсомола. - Там еще находится дендропарк. Правильно?

После небольшой паузы бригадир рявкнул:

- На выходе в Черняевку!.. А дальше что?

- А дальше - в Чимкент, - неуверенно ответил я.

- В Чимкент! - передразнил Паша, перестав даже чавкать.

- Сколько раз я твердил себе, что не стану связываться с таким недоноском, как ты!.. Это и коту понятно, что в Чимкент! Во сколько встречаемся, тупица?

- А-а!.. В шесть тридцать! - радостно ответил я.

- Ну, дошло, наконец!..

Интонация Паши была такой, что я воочию представил его квадратную морду, скривившуюся от язвительной иронии, и его квадратные челюсти, перемалывающие увесистый кусок вареной говядины.

Роста бригадир был ниже среднего, но огромное пузо, густые черные брови, которые грозно свисали над узкими раскосыми глазами, придавали ему весьма солидный, а порой даже уважаемый вид, что зачастую вводило в заб-

луждение доверчивых инспекторов ГАИ и базаркомов, и он запросто мог сойти за председателя совета директоров какой-нибудь холдинговой компании или даже за прокурора районного масштаба.

На меня лично ни его рабоче-крестьянская мозоль, как он не без гордости называл свое пузо, ни грозно сдвинутые брови не производили особого впечатления.

Я знал его едва ли не с пеленок. У Паша и тогда любимым занятием было постоянно что-то жевать - на уроках и даже на футбольном поле. О его вратарских талантах ходили легенды. Как ни изощрялись форварды соперничающей команды, они никак не могли забить ему гол, хотя Паша особо не утруждал себя вратарскими изысками, вроде бросков под ноги, выходов на опережение. Ему достаточно было встать на ворота, и мячу некуда было деваться, кроме как лететь в Пашино пузо.

Так что для меня Паша остался бездонным вместилищем холестерина, а также нецензурного фольклора, но которое, тем не менее, в групповой гонке за место под солнцем обошло меня на два круга.

Единственным светлым пятном в биографии Паша-бригадира было то, что однажды, несколько лет назад, он заявился ко мне домой.

- Как дела, уродина! - спросил меня Паша в тот вечер после того, как мы распили с ним бутылку водки, которую он принес с собой.

Дела у меня были не ахти: неурожай, мучная роса, дорожный рэкет и т.д. Но я бодро ответил:

- Нормально, на хлеб хватает.

- Да ладно заливать! - усмехнулся Паша. - Слышал я, что ты из долгов не можешь вылезти.

- А-а, подумаешь, долги! - отмахнулся я. - Как-нибудь да рассчитаюсь.

- Как-нибудь? - с сарказмом рассмеялся Паша...

В общем, Паша, который к тому времени слыл преуспевающим бригадиром, под крыло которого стремились попасть многие куйлюкцы, звал меня к себе. От такой благотворительности я чуть было не проглотил вилку с нанизанным на нее маринованным помидором. Но меня все же хватило на то, чтобы съязвить:

- С чего это такая милость?

- У меня в бригаде железная дисциплина, - заявил Паша, будто я уже дал согласие перейти в его бригаду. - Понял, ты, желтомазый Отелло?

Гордость моя не позволила броситься к Паше, с чувством пожать ему руку, прильнуть лицом к его широкой груди и зарыдать от избытка чувств, которые переполняли меня. Но я пнул моей Гордости под зад и, немного поартачившись, мол, вообще-то у меня масса других, заманчивых предложений, но, как бы идя навстречу слезным просьбам Паши, согласился.

Так мы, бывшие одноклассники, снова стали ягодами одного поля, но уже не школьного, а лукового. Но вернемся к нашей с Пашей телефонной перестрелке.

- В прошлом году мне пришлось ждать тебя целых полдня, - бригадир ударился в воспоминания.

- Не полдня, а каких-то два часа, - поправил его я, - и то по уважительной причине.

Я имел в виду мое затянувшееся прощание с Луизой. Детей на два дня забрала политотдельская бабка, и у меня было о чем поворковать с женой. Так что причина у меня была более чем уважительная.

- Никакие причины не могут быть уважительными! - взорвался Паша, который никак не понять, почему именно в то утро у моего «Москвича» лопнула шина. - Если есть договоренность, умри, но выполняй ее! Понял, подонок? На этот раз, если опоздаешь хоть за минуту, ждать не буду! Будешь добираться сам.

«А что, и доберусь!» - чуть было не сорвалось с языка. Но я вовремя вспомнил, что на этой дороге нет станций техобслуживания и мотелей, а в одиночку с «Москвичом» далеко не уедешь. К тому же пару лет назад именно на этой трассе пропал Ленька Балабол с женой Наташей и деверем Алешкой по прозвищу Кулибин. Хотя Ленька был неприятен мне своими плоскими, как и его рожа, комплиментами в адрес моей жены, весть о его пропаже огорчила меня - как никак мы родились в одном роддоме, жили на одной улице и даже приходились дальними родственниками.

- Не опоздаю, - заверил я бригадира.

4. ДЕЛУ - ВРЕМЯ, ПОТЕХЕ - ЧАС

Это и был тот самый долгожданный выстрел из стартового пистолета и повелительный окрик охотника: «Ату!».

Я поставил на газовую плиту чайник и кастрюлю с приготовленным еще вечером сиряги - супом из сушеной корейской капусты, свинины, соевой брынзы тубу и соевой пасты

тэндянг. Затем вышел во двор для совершения рутинных утренних ритуалов и прогрева двигателя моего «Москвича» - ночи еще были холодные.

В пять минут я умял две чашки сиряги с килограммом пресной рисовой каши паб, палку сырокопченой колбасы со сдобной лепешкой, сметаной и клубничным вареньем, запив все это двумя чайниками зеленого чая - на большее мой желудок не рассчитан.

Конечно же, этого явно не хватило для восполнения калорий, потерянных в эту ночь. Тем более что своим завтраком пришлось поделиться с Дунаем, который, завидев меня за газовой плитой, тут же оставил петуха в одиночестве допевать «утреннюю зорьку» и уткнулся мордой в свою миску. Но я уже ощущал в себе силы для со-вершения подвигов. Если не на любовном фронте, то, по крайней мере, на овощеводческом.

Я зашел в спальню за сумкой, которая была затарена запасной одеждой, туалетными и прочими противозачаточными средствами.

Жену будить я не хотел - наш национальный менталитет исключает проявление всяких слезливых эмоций при расставаниях. Но Луиза все-таки услышала скрип двери. А, может быть, я нечаянно споткнулся на ровном месте, и скрип этот оказался громче, ровно настолько, чтобы Луиза открыла глаза.

- Который час? - сонным голосом спросила она. - Уже уезжаешь?

Моя подруга жизни не выспалась, и в ее тоне чувствовался намек, мол, если уезжаешь, так быстрее уезжай, зачем же меня будить, я из-за твоих же ночных поползновений не спала до самого утра!

Я даже несколько обиделся. Будто уезжаю не на поле, где меня ожидает голодное прозябание в холодном балагане¹ и ползание по грязным грядкам, где нет ни одного родного лица, кроме пропитой рожи бича. Будто еду не на заработки для прокорма семьи, а собрался на randevу с генсеком ООН, который пригласил меня, чтобы вручить медаль «За заслуги перед мировым овощеводством».

Я хотел было хлопнуть дверью, мол, продолжай спать, нехорошая женщина! Я еду на поле! Холодный и голодный, буду ползать по грязным грядкам, буду бичевать... Комок подкатил к горлу, и скупая мужская слеза покатила по моей щеке.

Но тут Луиза, протерев заспанные глаза, сладко потяну-

лась и откинула одеяло. Слеза моя покатилась в обратном направлении и плюхнулась в глаз. От этого, а, может, от открывшейся передо мной перспективы потемнело в глазах, и я чуть было не задохнулся.

Я мгновенно скинул с себя куртку.

- Ты что, спятил? - прошипела Луиза, отталкивая меня. - Уже шестой час, опоздаешь. Ты же договорился с Пашей встретиться полшестого. Опоздаешь, как в прошлом году, и Паша опять скажет, что из-за меня опоздал.

- Не скажет! - быстро прошептал я, прильнув лицом к ее прелестям.

Но Луиза выскочила из моих объятий.

- Нет, нет! Сейчас дети проснутся!

Я бросился к двери, чтобы запереть ее на задвижку, но Луиза уже натянула на себя халат, а это, я знал по опыту, означало конец моим домогательствам. Она отперла дверь и вытолкала меня из спальни.

- Делу время, потехе час! - хихикнула Луиза.

- Я сумку оставил! - все еще не теряя надежды, прокричал я в щелку.

- Сумку я сама вынесу, - ответила Луиза, - только оденусь. Потом еще и покормить тебя нужно. Путь-то неблизкий, надо как следует поесть.

- Я уже позавтракал, - упавшим голосом ответил я.

Я был как побитый голодный пес, которому кинули кость, но, когда он собрался вцепиться в нее клыками, тут же отобрали лакомство, а вдобавок прищемили хвост.

- Тем лучше, - ответила Луиза, - тогда я схожу по своим делам и выйду проводить тебя. - И заперла дверь спальни изнутри, лишив меня тем самым последней надежды.

Мне ничего не оставалось, кроме как пройти в детскую, потрепать по щекам все еще спавших детей и выйти из дома.

- Ничего не забыл? - спросила Луиза, кутаясь в халат. - Бр-р-р! Холодно! Кочудянг* не забыл?

- Какой кочудянг? - рассеянно спросил я, поскольку весь был в раздумьях о своей горькой доле - доле сезонника, которому приходится расставаться с подругой жизни на многие месяцы.

- Который моя мама специально приготовила и привезла для тебя из самого «Политотдела»!..

В голосе Луизы появились металлические нотки, что означало: значит, ты не уважаешь мою маму, которая, ты сам прекрасно знаешь, готовит кочудянг гораздо лучше, чем твоя мама. Она повернулась, чтобы уйти, не попрощавшись и тем

самым выразить гнев и обиду за свою маму.

- Именно поэтому я оставил тещин кочудянг дома - для тебя и для детей! - нашелся я. - А на поле, разве эти кобондяшники и бичи оценят кулинарное искусство моей любимой тещи? Им хоть дерьмо подавай - все сожрут.

- Ты тоже, что ли, такой? - металл в голосе Луизы несколько смягчился.

- Что поделаешь, такова моя горькая участь: должен есть то, что не хочу, должен покинуть любимую женщину, чего мне совсем не хочется...

- Эх ты, балабол, - рассмеялась Луиза, отстраняясь от объятий. - Но мамин кочудянг я все-таки положу тебе.

Открыв ворота, я вывел машину на улицу. Дунай выбежал за машиной в надежде, что я, как и в прошлый раз, возьму его на поле, где дети не тянули бы его за хвост и не пытались сделать из него домашнего пони.

Я купил его крохотным щенком на Тезиковке⁷. Мальчик-продавец сказал, что из этого щенка немецкой овчарки вырастет отменный «секьерити», который будет надежно охранять мое имущество. Именно такой «секьерити» и был нужен мне на поле, где на всю округу невозможно было найти ни одного человека, зато когда арбуз начинал наливаться соком, откуда ни возьмись появлялись дедки и бабки с внучками, которые, как в известной сказке, затевали игры «Тянут-потянут».

Очень скоро выяснилось, что это не овчарка, а обычная дворняжка, но дети к тому времени уже настолько привязались к щенку, что у меня не хватило духа отвезти его на Тезиковку, чтобы направить на праведный путь мальчика, который уже в столь юном возрасте совершает столь неправомерные поступки. «Секьерити» из Дуная не получился, зато он стал живой игрушкой для детей и живым будильником для меня с Луизой.

На поле коллеги-овощеводы, глядя на упивающегося свободой Дуная, не раз подбивали меня проявить чуткость в отношении их специфических гастрономических запросов. Тем более, говаривали они, масть Дуная приобрела «норан», то есть желтоватый цвет, что особенно ценится у гурманов. Мне пришлось проявить величайшую бдительность, чтобы довести его домой детям в целостности и сохранности. Дунай и не подозревал об этих поползновениях гурманов. Иначе он не стал бы так настырно рваться в салон «Москвича».

Остановив машину на обочине, я открыл дверцу, чтобы попрощаться с женой: еще раз прижаться к ее груди, просу-

нуть колено меж бедер. Я еще не пришел в себя из состояния, в которое ввергла меня в спальне моя сонная подруга жизни, и, вероятно, выглядел обиженным.

- Делу - время, потехе - час! - повторила Луиза излюбленную фразу и, втолкнув в меня в машину, захлопнула дверцу. - Позвони, как приедешь на место.

Я вздохнул и неохотно повернул ключ зажигания. Машина не в пример мне радостно заурчала - она была заправлена импортным маслом и самым высокооктановым бензином. Когда машина тронулась, я обернулся назад. Луиза, придерживая рукой рвавшегося за мной Дуная, махала мне рукой.

Это какое-то наваждение! Нельзя же быть вечно приклеенным к ее юбке. В конце концов, мужик я или не мужик?.. Все, к черту! Луиза права: делу - время, потехе - час!

С решимостью отчаяния я сжал штурвал машины и со всей силой надавил на педаль газа.

На небе еще мерцали звезды, когда «Москвич» мой рванулся навстречу новой заре по новым зигзагам моей кобондьяшной судьбы.

5. СТРАДАНИЯ ЮНОГО ГАИШНИКА

До означенного Пашей места встречи оставалось совсем немного, когда в лобовое стекло моей машины уткнулся полосатый жезл.

Гаишник долго трепал мои и без того потрепанные права. С тоской оглядывая «Москвич», он тяжело вздохнул. Во вздохе этом мне послышались нотки горького разочарования. Я даже посочувствовал ему: мерзнешь тут, понимаешь, всю ночь, а наутро тебе в награду за твои муки подвалила даже не колымага - грохочущий ящик металлолома, лишь отдаленно напоминающий четыреста двенадцатый «Москвич». Но возвращать права он не собирался: вероятно, в эту ночь ему не попадалась даже такая колымага.

- Аптечка есть? - спросил он. - А то ведь кто знает, что может случиться в пути - путь-то, я вижу, неблизкий.

Вот заботливый человек, и не жадный! Он готов был довольствоваться простым завтраком в придорожном кафе.

Аптечка у меня была, причем жена укомплектовала ее так, будто я ехал не на поле, а на благотворительную акцию к жителям Микронезии, которых надо было лечить от скарлатины, желтухи, пиелонефрита, сифилиса, сибирской язвы, коровьего бешенства и прочих известных и неизвестных за-

болеваний. Но я не стал изображать из себя прилежного автомобилиста. Для гаишников они как климакс для женщины постбальзаковского возраста.

Я только полез в карман, чтобы выдать ему «талон» на бесплатный завтрак, как из предутренней мглы медленно и величаво, как и полагается транспортному средству представительского класса, выкатилась белоснежная «Волга». Гаишник поспешно всучил мне права, мол, чеши отсюда, да побыстрее, пока трамваи ходят! - и вскинул правую руку к фуражке, отдавая честь этой славной представительнице семейства машин Горьковского автозавода. Потом, присмотревшись к номерному знаку, а бригадирская «Волга» была прописана в Чимкенте, он зло чертыхнулся и бросился к «Волге», отчаянно засвистев свистком и махая жезлом. Его грустные глаза вдруг засветились надеждой.

Впрочем, эта звонкая трель была излишней. Паша, увидев мою лайбу, остановил свою «Волгу» на обочине.

- Хм!.. Смотри, в первый раз ничего не перепутал! - хмыкнул он, чиркнув ладонью своей левой руки по моей протянутой для рукопожатия руке. Правая рука его, естественно, была занята палкой сырокопченой колбасы, половину которой он тут же не преминул откусить.

Настроение у меня было почти праздничное - так было всегда, когда я весной выезжал на поле, и никакая колкость бригадира не могла испортить его.

- Да я на целый час раньше тебя подъехал, скотина ты эдакая! - радостно приветствовал я его.

Но бригадир не разделял моей радости.

- В первый раз не перепутал, - с сарказмом повторил он, прожевывая колбасу и кивая на гаишника, - а все равно нашел приключение на свою тощую задницу.

Я хотел было возразить, мол, я не нарушал правил дорожного движения, но Паша даже не стал слушать меня.

- Здорово, капитан! - бодро приветствовал он инспектора, который с выпученными глазами слушал Пашу.

Бригадир как ни в чем не бывало, в восточной манере стал расспрашивать его о делах, о здоровье, о детях.

- Да я, в общем-то, лейтенант, - отвечал несколько оробевший инспектор.

- Не может быть! Такой молодец и - лейтенант! О чем думают там у вас, наверху? Я бы такому, как ты, сразу погоны капитана выдал... Хочешь колбаски?.. Впрочем, тебе нельзя, ты же при исполнении... Ты, я вижу, человек честный, работающий, не то что некоторые... Что, скажешь, я не

прав? Что ни гаишник, то хапуга. Но я не о тебе - ты, по твоему лицу видно, честный парень.

Гаишник приуныл. Попробуй у такого фраера выцыганить на ужин! У такого Цицерона, небось, все начальство в друзьях. Оштрафуешь его, потом хлопот не оберешься.

- Ну, что там опять натворил этот нехороший нарушитель правил дорожного движения? - спросил Паша-бугор, кивая в мою сторону. - Скорость превысил?

Спросил - и расхохотался. Лейтенант тоже рассмеялся. Я уже открыл было рот, мол, мой «Москвич» твою «Волжанку» обставит, если, конечно, освободить его от прицепа. Но тут Пашин взгляд остановился на моем «Москвиче».

- Что это? Что ты натворил с машиной? - испуганно спросил он, перестав жевать.

- Как что? Привел в полную боеготовность! - не без гордости ответил я.

- Ну, ты даешь! - присвистнул Паша. - Сам урод, и машину изуродовал. - Ты правильно сделал, что тормознул его! - продолжал он, обращаясь уже к гаишнику. - Даже если он и не нарушил правила, наложи на него самый большой штраф, За то, что его драндулет одним видом загрязняет окружающую среду и портит людям настроение!

Я хотел было дать адекватный ответ, но обреченно махнул рукой. Откусив очередной кусок колбасы, Паша вошел в свою роль - роль лауреата премии Цицерона.

Рандеву закончилось крепким рукопожатием Паши и гаишника, они обменялись «грамотами» - гаишник получил таки «талон» на обед, а Паша - мои водительские права.

Наконец, наш караван, состоявший из «Волги», моего «Москвича» и присоединившихся в Чимкенте «Жигулей», вырвался на степной простор.

Паша не просто «бугор», но и караван-баши, поскольку знал эту степь, как собственную сауну. «Если бы на свете не было бы такого паршивого местечка, как Куйлюк, - говаривал он, - я бы жил в этой степи». Он и был похож больше на кочевника, который гоняет табун лошадей из одного жайляу в другое. Правда, животных семейства непарнокопытных ему заменяли мы.

Если разобраться, мы и вправду лошади, но не ахалтекинцы. Мы, скорее, мулы, выведенные в результате скрещивания мифического коня Чоллима¹, который якобы за один прыжок перемахивает тысячу ли², и длинноухого животного серой масти, который некогда носил на своей спине местного балагура Насреддина.

6. НЕПРЕДВИДЕННЫЙ ПРИВАЛ

Дорогу, по которой пролегал курс нашего каравана, можно было бы назвать идеальной, если бы она была покрыта асфальтом, выложенным под контролем немецких инженеров, утыкана дорожными знаками. Но меня лично устраивало и покрытие из галечника. Правда, и такое покрытие роскошь для этих мест, и большая часть дороги была обозначена лишь двумя колеями, порой заметными одному лишь нашему лоцману. А дорожные знаки на такой автострате не нужны вовсе.

Так что караван мчался по ней с ветерком.

Но очень скоро выяснилось, что появилось препятствие, которое довольно существенно замедляло скорость движения каравана. И этим препятствием был мой «Москвич». Мало того, что меньшая скорость, чем у «Волги» и «Жигулей», была заложена в него конструкторами, время от времени он начинал чихать, как от простуды, да и был до отказа нагружен всякими припасами, к тому же тащил на буксире прицеп.

И караван наш был вынужден остановиться на привал. Запихивая в свой огромный рот бутерброд, состоявший из увесистого куска ветчины, толстого ломтя хлеба, обмазанного дюймовым слоем кочудянга, и запивая его компотом - вишневым вареньем, разбавленным водой, Паша стал излагать свои мартовские тезисы, смысл которых сводился к тому, что весной дорог каждый час, а некоторые придурки не понимают этого и перегружают транспортные средства всяким ненужным хламом, нанося тем самым невосполнимый ущерб не только себе, но и всему коллективу.

Когда Паша закончил излагать свои тезисы, я, ковыряясь в карбюраторе «Москвича», как бы невзначай заикнулся, мол, его «Волга» очень неплохо смотрится с моим прицепом. Он прищурил свои и без того узкие глазенки и не без сарказма выдал такую фразу:

- Это выглядело бы примерно так же, как если бы рядом с «Мисс Ташкент» поставили такого же узкоглазого тщедушного уroda, как ты.

- Да у тебя глаза уже, чем мои! - ответил я. - И уши у тебя торчат, будто у сифилитика.

- А что, у сифилитиков уши торчат? - удивился Шурик из «Жигулей».

Шурик - наивный отпрыск позднего корейско-русского семейного союза из Чимкента - приходился Паше племянником по отцу. Союз этот холил и лелеял единственного от-

прыска, дав ему образование и обучив в аспирантуре в Ленинграде, устроив на работу в престижный научно-исследовательский институт в Ташкенте, где ему купили кооперативную квартиру и «Жигули», женили на дочери директора техникума. Но и в 30 лет он так и оставался наивным отпрыском своих любвеобильных родителей, которые дали ему все, кроме способности отличить каратальский лук от астраханского арбуза.

Со смертью отца закончился лимит благ, которые щедро сыпались из Чимкента. Мать пришла к Паше и слезно попросила сделать из ее сыночка человека. И вот уже несколько лет Паша пытался переучить кандидата технических наук в овощевода третьего разряда.

Но вернемся к нашему диалогу на привале.

- А ты разве не знал? - я всем своим видом выразил Шурику свое потрясение. - Когда внизу болит, не то что уши - волосы дыбом встают.

- Да лапшу на уши вешает, этот недоносок, - незлобиво сказал Паша- бугор. - Он бы на поле так работал, как травит байки, - давно бы ездил хотя бы на «Жигулях» и не задерживал деловых людей... В общем, так, я уйду вперед. Вся бригада давно уже на месте, к тому же надо уладить дела с директором совхоза. Ты, Шурик, трассу знаешь не хуже меня, будешь поводырем у этой инвалидной коляски.

Паша выразительно перевел взгляд на мой «Москвич». Я хотел было возмутиться, но Паша грозно нахмурил свои черные брови:

- Заткнись! Мне с тобой, желтомазый Отелло, некогда разводить дискуссии! - потом, обращаясь к Шурику, пояснил: - Застрянет еще где-нибудь в пути, а я потом отвечай за этого недоноска. А так, если что, возьми его на буксир. Перегрузи к себе его семена, а все остальное выбрось к чертовой матери!

- Сам ты чернозадый Брахмапутра! - бросил я вслед Паше, который направился к своей «Волге».

Паша даже не обернулся на мой выпад. Он заскочил на свою «Волжанку», и через мгновение ее не стало видно за клубами пыли.

- Банзай чертов! - выругал я Пашу, как бы оправдываясь перед Шуриком. - Да если надо, я его «Волжанку» обставлю! Вид у моей лайбы не ахти какой, но движок с капремонта, резина вся новая.

Шурик, выражая солидарность со мной, с улыбкой махнул рукой, мол, не слушай ты всякую дребедень. Но взгляд

его, брошенный на мою машину, был не очень веселым. Было видно, он не совсем разделяет мой оптимизм по поводу моего «Москвича».

Ему совсем не улыбалось брать на буксир мой автопоезд. Он спешил на жеребьевку, которая определит, кому какое поле достанется. Свеклу от баклажана не отличал, но за предыдущие годы он уяснил, что опоздавшим достается не самый лучший участок.

Меня лично это не очень волновало, поскольку я перепоручил Паше вытянуть за меня жребий, а он не вытянет неприемлемый для меня вариант. Разумеется, делал это он далеко не из альтруизма.

Почти всю зиму я натаскивал его мальчика, готовившегося в институт, решать задачи по физике, где его познания ограничивались знанием первого закона Ньютона, который он многократно демонстрировал на своем же примере. Его упитанное тело почти всегда находилось в состоянии покоя, и единственной силой, которая могла его сдвинуть с места, была отцовская затрещина, и, честно говоря, за время репетиторства мне не раз хотелось быть отцом этого славного мальчугана, но я не был его отцом, так что за всю зиму мне так и не удалось втолковать ему даже этот, третий закон Ньютона.

Паша ничуть не обольщался по поводу способностей своего отпрыска. Главное, он показал своей супруге, считавшей этого дебелого переростка непризнанным гением, что тоже вносит не только материальный (в виде денег) и физический (в виде затрещин), но и интеллектуальный (в виде моего репетиторства) вклад в воспитание их сыночка.

Я понимал и сочувствовал Шурику. И я сказал:

- Догоняй Пашку, я сам доеду. Вот только разберусь с карбюратором.

- А разберешься? - участливо спросил Шурик.

- Обижаешь!.. В первый раз, что ли?

Лицо Шурика посветлело.

- А не заблудишься? - на всякий случай спросил он.

- Как можно заблудиться в степи? Дорога здесь одна - на север. Днем буду по Солнцу ориентироваться, ночью - по Полярной звезде.

Сказал - и сам удивился себе. Ну, прямо как пионер какой-нибудь, юный натуралист!

Шурик промолчал, но в его молчании был немой вопрос: мол, если ты такой умный, почему до сих пор едешь на «Москвиче»?

- Действительно, здесь даже слепому трудно заблудиться, - сказал он вслух и после некоторой паузы, как бы извиняясь, добавил: - Ну, смотри, дело хозяйское. Внимательно следи за колеями. Иногда она исчезает, но появляется снова. И никуда не сворачивай. А ночью лучше не ехать, колею потеряешь. Отоспись, а утром снова в путь. Только потом...

Шурик осекся, покраснел, раздумывая, как бы помягче выразиться по поводу того, чтобы я не «напел» бугру: мол, Шурик-то бросил меня на полдороге.

- Обижаешь, старик, - помог я ему. - Всю ответственность за последствия я беру на себя.

7. УРАГАН

Так я оказался один на один со степью. Великой степью, как выразился поэт по поводу этого бесконечно серого и тоскливого пейзажа. Но меня ничуть не пугало это обстоятельство. Наоборот, езда в одиночку по степной дороге приносила мне истинное наслаждение. Никуда не надо спешить, ни под кого не надо подлаживаться.

Меня обуяли радостные чувства, и как никогда раньше я ощущал себя свободным. Свободным от всех обязательств, которые накладывали на меня и семья и общество. Как на жителя махалли¹ и соседа, покупателя и продавца, наконец, как на автомобилиста, похожего на дойную корову, которая бродит по дорогам Евразии.

Свобода! Я мог остановить машину посреди дороги, выйти из нее и во все свое горло крыть матом кого угодно и сколько угодно. Но материться мне почему-то не хотелось, хотя поводов для этого всегда хватает.

Яркое солнце, голубое небо, степь без конца и без края навевали на меня странные мысли и чувства. Вместо нецензурной брани с губ моих ни с того ни с сего стали вылетать невнятные звуки, сначала в форме бормотания, потом завывания, которое вскоре переросло во всхлипывания и повизгивания... И тут до меня дошло: я запел.

Я запел!.. Я?.. Запел?.. Я поиздевался над причудами собственного подсознания, но потом решил, что не следует глушить порывы своей души. В конце концов, могу я хотя бы на этот день побыть Плачидо Доминго или Виктором Цоем?

И я пел о девушке из Нагасаки, у которой «губы алые, как маки», о том, что «и на Марсе будут яблони цвести». В степи всегда хочется петь. Простор, он располагает к пению. А,

может, потому, что тебя никто не слышит?

Стало вечереть. С севера подул холодный ветерок, сначала слабый, постепенно он стал усиливаться.

Меня это встревожило, но не настолько, чтобы разнузданная душа моя прекратила повизгивать от удовольствия и ощущения никем не цензурируемой свободы. «Москвич» мой, хотя и поистрепался за эти годы, все же представлялся мне надежным убежищем, где я мог укрыться от непогоды, гаишников и насекомых. Он был для меня безответной женщиной, на которой я мог срывать свои обиды и гнев и которой, тем не менее, я поверял свои тайны и чувства.

Но ветер все усиливался и усиливался. Небо потемнело, покрылось тучами, и вскоре оргия стихии грубо прервала оргию моей души.

Ураган ревел, завывал, поднимая тучи пыли и сухой травы. В этой бешеной свистопляске «Москвич» мой, который и без того тащился не очень весело по казахстанскому бездорожью, тут и вовсе заартачился. Он опять стал чихать и кашлять, как чахоточник на последней стадии. Я не на шутку перепугался: если не найду прибежище, ураган перевернет мой «Москвич» с прицепом, и тогда - прощайте, мечты о больших урожаях лука и арбуза.

Петь я уже давно перестал, зато в голову пришли нехорошие мысли, которые вскоре стали вырываться из меня в виде выражений, от которых завяли бы уши даже у ростовских бичей. Я клеймил позором Пашу-бугра и Шурика, бросивших меня на произвол судьбы, проклинал степь за ее непостоянство и двуличие, обзывал самыми последними словами «Москвич», который тащился, как таракан, которого облили тонной ДДТ.

Я уже было отчаялся, как вдруг фары «Москвича» выхватили в кромешной тьме гигантское, похожее на водонапорную башню, строение. По периметру оно мерцало красными огоньками. Машина моя, будто тоже ощутила прилив бодрости, заржала всеми своими семидесятью лошадьми и помчалась к спасительной башне.

По мере приближения к башне ее размеры росли, но ураганная пыль и чудовищная круговерть мешали рассмотреть детали, и я так и не понял, куда примчал меня «мой рок событий». Страх оказаться пылинкой, которую ураган унесет бог знает куда, плотной мутной пеленой обволок весь мой разум и все мое сознание. В голове пульсировала только одна мысль: «Укрыться от урагана, где и как угодно, только бы укрыться!».

Судьба будто смилостивилась надо мной. Вскоре сквозь завесу пыли показался металлический мост, ведущий к башне. Я не раздумывая направил «Москвич» туда - ураган продолжал неистовствовать, и, если бы он прибавил к своей скорости еще десяток микрон, то машина моя, точно, взлетела бы в воздух вместе со степной пылью.

Машина буквально влетела в открытые ворота, которые, словно читая мои мысли, плавно опустились за мной, и я был спасен от ярости урагана.

Наконец, когда ко мне вернулась способность мыслить, я, заглушив мотор, осмотрелся вокруг. После урагана с его грохочущей свистопляской здешняя тишина казалась ирреальной. Аж в ушах зазвенело.

Но куда я попал? На завод какой-нибудь? По внешним признакам помещение было похоже на склад. Но для склада оно выглядело слишком чистым и ухоженным. Серебристые контейнеры, каких мне еще не доводилось видеть, были аккуратно сложены в ячейки и прихвачены болтами.

Откуда такой склад в глухомани, мелькнуло у меня. Но я так устал, так изнемог, что не стал углубляться в эту загадку: завтра все выяснится, завтра я удовлетворю свое любопытство! А сейчас быстрее бы лечь, быстрее заснуть! Я не стал даже вынимать из машины спальный мешок - в помещении было тепло и уютно. Я расстелил на полу куртку, свалился на нее, и через секунду заснул мертвецким сном.

Как всегда на чужбине, мне снилась моя подруга жизни. Во сне она была многоликой, как гидра, как Янус, как сама наша жизнь. Она любила меня и изменяла мне, возносила меня на запредельные высоты наслаждения и низвергала в бездонную пучину страдания. Луиза была ласковой и нежной. Я уже поднялся в заоблачные выси счастья, как вдруг моя маленькая грудастая подруга жизни буквально на глазах стала раздуваться и расти в размерах. За считанные мгновения она превратилась в гигантское существо, перед которым я выглядел жалким пигмеем. Лицо Луизы было обезображено жирными складками, глаза ее похотливо и алчно глядели на меня. Она схватила меня за грудки и низринула с заоблачных высей на огромную кровать и тут же с раскрытыми объятиями и громоподобным ревом бросилась на меня. Я в ужасе закрыл глаза и почувствовал, как на меня навалилась неимоверная тяжесть ее огромного тела. Луиза буквально вдавила меня в постель, отчего, у меня сперло дыхание. «Она убила меня!» - пронеслось в моей голове, и это было моей последней мыслью.

Луиза убила меня... В голове моей роем кружились обрывки бессвязных мыслей, но они постепенно исчезли, и, в конце концов, осталась лишь одна. Та, что неожиданно резкой болью полоснула по моему сердцу: «Я умер!». Мысль эта отчетливо предстала передо мной, и я почувствовал смертельный ужас.

Какая чудовищная несправедливость! Я умер в самом расцвете лет, когда только-только начал чувствовать вкус к жизни. Я умер, не сделав ничего путного в этой жизни, не оставив детям наследства, не накрыв родителям стол в честь 60-летия со дня их рождения¹. Но что более всего ввергало меня в пучину безмерного отчаяния и мучительных страданий, так это то, что там, в той жизни, я оставил без присмотра мою женщину, мою Луизу...

Луиза убила меня!.. За что? Зачем?.. Чтобы отделаться от меня ради какого-нибудь прохвоста? Уж не ради ли Леньки Балабола?.. Ленька, пожирая своими глазенками выпуклости моей подруги жизни, будто бы в шутку, не раз говорил мне, мол, как ты с такой кислой физиономией отхватил такую женщину. А Луиза еще больше выпирала свои выпуклости, всем своим видом показывая мне, мол, гордись и цени меня, как ценят меня совсем чужие люди... Вот шалава! Ведь двоих детей уже родила, а какой была, такой и осталась. Но я гордился своей шалавой, и высокомерно отвечал Балаболу: «Богу богово, а такому недоноску, как ты, такая же Брахмапутра, как ты сам»...

Хотя какая там гордость!.. Надо было просто наброситься на Леньку и придушить его или, по крайней мере, выцарапать ему глазенки, чтобы не пялился на чужое добро!.. Да что Ленька? Он пропал два года назад, с женой и деверем. Родители его даже сделали поминки. Хотя кто знает, может, он и не помер вовсе. Сказали же в милиции: нет никаких подтверждений, что Ленька умер, просто пропал без вести.

А вот Луизиной подружке Розе давно уже следовало дать пинка под толстый зад. Я никак не мог понять, что нашла Луиза в этой своднице, которая сама раз пять выходила замуж и других подначивала на это дело. Роза часто гостила у моей жены, щедро делясь с ней своим богатым опытом. А Луиза вместо того чтобы заткнуть свои уши и тут же указать ей на дверь, слушала эту стерву, открыв рот, а потом звала меня, мол, послушай, как другие жены обращаются со своими мужьями, мол, а я-то, дура, холю, лелею своего муженька, хотя он не стоит этого. На что Роза, чтобы умаслить меня, отвечала:

- Да Родик у тебя золотой!.. Для него только ты одна. Не зря его называют Желтомазым Отелло... Родик, ты уж извини, я это слышала от наших, куйлюкских... Мне бы такого Отелло! Уж я бы как его холила!.. А мои козлы уже после первой брачной ночи на других пялятся! А еще требуют, чтобы я их покормила, обстирала!.. Благодарю бога, что Родьку тебе послал... У вас же любовь! Для вас и в шалаше рай...

У нас с Луизой, конечно, не дворец, его никак не сравнишь с хоромами, которые отгрохал наш сосед - начальник таможи, но и далеко не шалаш.

Сосед этот давно приглядывался к моему дому, а однажды предложил мне бартер: взамен дома он покупает мне квартиру в престижном районе - массиве Куйлюк-25. Он якобы хочет соорудить двор для своего бультерьера, при этом он подчеркивал, что по-соседски ни копейки сверху не просит, хотя это явно неравноправный обмен. Хорошо, сосед обратился ко мне, а не к Луизе, иначе дом мой превратился в отхожее место для его бультерьера.

Ладно, если бы Роза только меня и мои жилищные дела обсуждала, так нет же, она уже подыскивала себе шестого мужа и звала на смотрины Луизу: мол, есть на примете вдовец, мол, не знаю, как быть, в общем, будешь моей свахой. Луиза отнекивалась, но Роза умела уговаривать, и они шли на чай к вдовцу.

Меня обжигала мысль: а что, если на этих смотринах вдовец позарится не на Розу, а на мою Луизу? Так скорей и будет. У Розы была только одна достопримечательность - огромный зад, которым она демонстративно покачивала при моем появлении. Я как бы невзначай бросал взгляд на Розу и тут же отворачивался, но этого было достаточно, чтобы после ухода гостьи Луиза одаряла меня затрещиной:

- А если я буду пялиться на чужих мужиков?

Может, Луиза и не пялилась на мужиков, зато их глаза буквально вываливались из глазниц, чтобы разглядеть чудо, выпиравшее из выреза Луизиного платья. И уж если до Розы дойдет весть о моей безвременной кончине, она, я уверен, тут же начнет подыскивать Луизе подходящего вдовца. И любой вдовец растает при виде такого чуда.

При мысли, что груди моей Луизы будет ласкать кто-то другой, безысходная тоска и бессильная ярость охватили все мое существо. Я почувствовал острую жалость к себе, и заплакал навзрыд. Я оплакивал свои несбывшиеся надежды и нереализованные планы. Я оплакивал свою жизнь, закончившуюся так бесславно и так несвоевременно.

8. Я НЕ УМЕР!

Сквозь рыдания мне послышались потусторонние голоса. «По мою душу пришли!» - пронеслось в говоле, и в мою душу закралась смертельная тревога.

Я хотел было притвориться, что не слышу их - авось, пронесет, авось, не по мою душу пришли. Но один из ангелов (или чертей?) взял мою руку выше запястья. И я был вынужден отбросить притворство. Я открыл глаза, и хотел было приподняться, и тут с ужасом почувствовал, что я не ощущаю своего тела.

- Кажется, приходит в себя, - раздался голос.

Сквозь белесую пелену тумана я увидел перед собой ангелов, летающих в воздухе. Впрочем, они вовсе не были похожи на ангелов: без крылышек и совсем не блондины с вьющимися локонами. Но и на чертей они не смахивали: ни рожек, ни хвостов. Они были похожи на обычных людей, правда, одеты были необычно. Я напряг свой мозг, но никак не мог вспомнить, где же я видел эти бело-красные униформы. Но то гигантское существо в облики Луизы сдавило не только мое тело, но и мозг. Единственное умозаключение, которое удалось мне сделать своим расплюснутым мозгом, было: они летали в воздухе, и это убеждало меня, что я попал в потусторонний мир.

- И откуда ты взялся на нашу голову? - с досадой спросил меня ангел, очень похожий на моего знакомого артиста балета, который обычно танцует в театре Навои партии всяких азиатов и прочих узкоглазых персонажей.

Может, это он и есть. Наверное, надоело каждодневно дрыгать ногами, поднимать своими тонкими руками артисток, вот и устроился на небе ангелом.

- Не я взялся, а вы взяли меня, - ответил я в надежде, что он узнает меня.

- Как это мы взяли тебя? - взорвался мой первый в потустороннем мире собеседник. - На кой черт ты нам сдался?

Это явно не тот артист. Тот не способен даже выйти из себя, а изо рта этого ангела аж брызжет слюна.

- Не понимаю, как охранная система могла пропустить к ракете постороннего человека, - неистовствовал ангел, - тем более на такой трухлявой машине!

- К какой ракете? - изумленно спросил я.

- Погоди, Джим, не нервничай, - вмешался другой, русоволосый ангел с толстым красным носом, - вчера был сильный ураган, даже спутниковая связь, ты же помнишь, исчез-

ла на пару минут, а мы ждали машину с оборудованием. Вот, наверное, бортовой компьютер и принял его «Москвич» за контейнеровоз. И потом наш гость, кажется, еще не понимает, куда попал.

- Валерий-сан, мне наплевать, понимает он или не понимает! Куда мы его денем - вот в чем вопрос!

Но тот, которого назвали Валерием-саном, игнорируя грубое замечание Джима, повернулся ко мне:

- Ты понимаешь, где ты?

Я недоуменно пожал плечами.

- Как где, на том свете, - неуверенно ответил я.

Мои собеседники переглянулись и расхохотались.

- Значит, я не умер? - с надеждой спросил я.

- Пока что нет, но, возможно, скоро помрешь, - мрачно предрек Джим. - Неужели ты такой тупой, что не можешь отличить тот свет от межпланетного корабля?

Я действительно не помер. Оказалось, ураган пригнал «Москвич» в Байконур, в грузовой отсек межпланетного корабля UN-III. Когда я заснул, корабль стартовал, сила земного притяжения так вдавила меня к полу, что я потерял сознание. Астронавты еще удивлялись, как мой нетренированный организм выдержал такую нагрузку.

Я не представлялся особо большим бременем для гигантского UN-III, однако Джим Сакураи, инженер-электронщик из Токио, настаивал:

- Необходимо исключить любой риск, а этот непонятно какого происхождения русскоязычный монголоид представляет собой серьезную угрозу для выполнения первой в истории Земли пилотируемой экспедиции на Марс.

По словам потомка самураев, угроза состоит в том, что я не прошел лечебно-профилактический курс, значит, я потенциальный носитель всяких вирусов, а главное, мое присутствие может нарушить социально-психологический баланс среди членов экспедиции, а баланс этот отработывался в течение многих лет с привлечением наиболее выдающихся умов планеты.

- Жизнь человека - высшая ценность нашей демократии, - сказал он, - но во имя высших интересов мы должны поступить даже человеческой жизнью, тем более что этот ее носитель не отличается особыми интеллектуальными способностями, которые оправдывали бы его существование на UN-III.

В общем, он предлагал утилизировать меня и попросту

выбросить за борт. Утилизировать, чтобы я не мучился, уточнил он, иначе со стороны экипажа это было бы антигуманным поступком, ведь в открытом космосе я замерзну, вены мои лопнут, и умру я мучительной смертью. А еще лучше, сказал этот представитель народа, невероятный рационализм которого позволил создать на голых островах могущественную экономическую державу, пустить меня с «Москвичом» на переработку с тем, чтобы в дальнейшем хотя бы в виде переработанного сырья я послужил высшим интересам человечества.

Вот нехороший человек!.. Впрочем, что можно было ожидать от потомка самураев, тех самых, что испокон веков совершали набеги на родину моих предков, грабили их, эксплуатировали?

Вероятно, так со мной и поступили, если бы за меня не вступился командор Мобуту Савимби.

- Только Всевышний может взять жизнь у живого существа. А ты разве Бог? - заявил этот африканец, чьих родственников много веков назад вывезли в Новый Свет флибустьеры Старого Света и беспощадно эксплуатировали плантаторы Севера и Юга, а потому в нем сохранилось чувство сострадания к незащитным существам, вроде бабочек Махаон и кобондьяшников.

9. МЕНЯ ХОТЕЛИ ЗАМОРОЗИТЬ

Командор Мобуту Савимби принял решение: оставить меня на корабле, но не сообщать о моем присутствии на корабле в Международный космический центр.

Савимби, уроженец Конго, был выдающегося телосложения - не тело, а настоящая Килиманджаро. Он весил под два центнера, тем не менее, как рассказали мне позже астронавты, стометровку мог отмахать за десять секунд. Эта черная гора мускул вкупе с массивной, наголо бритой головой, толстыми губами и пронзительным взглядом черных глаз выглядела весьма внушительно и свирепо.

- Если на Земле, узнают, что на нашем корабле оказалось постороннее лицо, это приведет к крупному международному скандалу, - объяснил Савимби свое решение членам экспедиции. - Вы же сами прекрасно знаете, с каким трудом удалось сформировать экипаж корабля.

Я стал что-то припоминать об этих дебатах. Каждая страна хотела иметь в составе экспедиции представителя свое-

го народа. И Совету Безопасности ООН пришлось даже пойти на столь непопулярную среди государств - главных спонсоров экспедиции - форму отбора, как жеребьевка. А Китай пригрозил выйти из ООН, если в экспедицию не включат его гражданина.

- Желтая пресса тут же обвинит руководство Международного космического центра, которое я представляю, в коррупции, - продолжал Савимби, - мол, этот кобондьяшник проник на корабль за определенную мзду...

Это была такая нелепица, что я рассмеялся.

- Послушайте, я, конечно, не святой, ну, могу отстегнуть инспектору ГАИ энную сумму, которой хватит разве что на обед в дешевом ресторане. А чтобы попасть сюда, наверное, нужно в миллиард раз больше...

- Я же сказал, что этого типа надо утилизировать! - гневно воскликнул Сакураи. - У него на лице написано, что он куйлюкский якудза. Как он мог даже подумать, что сюда можно проникнуть за деньги!.. Мне лично, чтобы попасть в экспедицию, пришлось выиграть чемпионат мира по каратэ, год прожить в одиночку в Антарктиде, пройти психологические испытания в пустыне Сахара и джунглях Бразилии, слетать на Луну...

- Ну, ну, Джим, не горячись, - Савимби прервал гневную тираду Сакураи. - Мы знаем о твоих заслугах и ценим их, но нам вместе жить, по меньшей мере, три года. Якудза он или нет, сейчас не имеет никакого значения... Итак, в силу изложенных мною причин я не информирую Центр о его присутствии на корабле.

- Наверное, вы правы, - согласился Джим, - не стоит будоражить мировую общественность дешевыми сенсациями. Если в Центре узнают о нем, мы должны будем привезти на Землю хотя бы его труп. А наш корабль не морг. Помрет - выбросим за борт, никто не узнает о нем.

Джим считал меня обреченным.

- А вдруг выживет? - поинтересовался первый пилот Джава Капур, бородач-брюнет из Мумбаи.

- Выживет - вернемся на Землю, и - пинка под зад! И все дела! - насмешливо сказал Сакураи. - Что ты тут разводишь диспут по поводу такого пустяка?

- Он же всем растрезвонит о своем участии в этой экспедиции, - Джава единственный из членов экспедиции подверг сомнению решение командора. - Какой смысл скрывать от Центра? Не лучше ли сразу выложить всю правду?

- Да кто поверит этому жалкому овощеводу? - презри-

тельно рассмеялся Сакураи. - Его сочтут за умалишенного и тут же упрячут в соответствующее медучреждение. В крайнем случае, применим в отношении его курс избирательной амнезии.

- Что вы развели диспут: выживет не выживет, - вмешался, наконец, Дюбуа, врач из Тулузы. - Сакураи, разве ты не знаешь, что я специалист по фриз биотехнологии?

- Знаю, - отмахнулся Сакураи. - Но какое отношение имеет твоя фриз-технология?..

Тут Сакураи вдруг осекся на полуслове.

- Дюбуа, ты гений! - воскликнул он. - Заморозить и поместить в Изолятор, а по возвращении домой - разморозить. Он и помнить не будет, где он был и с кем был. А если и будет помнить, то все сочтут его сумасшедшего.

Тут Савимби сказал свое веское слово:

- Никакой биотехнологии! Родион такой же человек, как и мы. Нелепая случайность закинула его на наш корабль, но от этого он не превратился в белую мышь, над которой ты, Дюбуа, мог бы проделывать свои садистские эксперименты. А от тебя, Сакураи, я не ожидал самурайских замашек. Ты же, помимо всего прочего, был инициатором программы «Благотворительность во имя мира».

Сакураи хотел было возразить, но командор жестко осадил его:

- Как командир, я принимаю решение: Экипаж сделает все, чтобы Родион мог вернуться на Землю в целостности и сохранности. А вопрос о его легализации или избирательной амнезии отложим на будущее.

10. В КОСМОСЕ ПОЧТИ КАК НА ПОЛЕ

Вопрос о моей экстрадиции в безжизненное космическое пространство и консервации меня способом фриз-биотехнологии был закрыт.

После собеседования со мной командир корабля, учитывая мое профессиональное занятие, нашел для меня работу: ухаживать за живыми цветами, которые экипаж взял с собой в полет. В бортовом журнале это событие не нашло отражения. Но Савимби вел личный дневник.

«На корабле UN-III обнаружен некий Родион Шегай из ташкентского предместья под названием «Куйлюк», - записал он 15 марта 2030 года в 10.15 по Гринвичу. - Называет себя «кобондьяшник». Этого слова не оказалось ни в одном

из 1200 словарей мира, введенных в бортовой компьютер. Тестирование выявило, что слово обозначают что-то вроде кочующего фермера. Монголоидной расы, уровень интеллекта - 65, рост - 169 см, вес 72 кг, группа крови - III, резус положительный, хронический гастрит, мускулатура неразвита, психологически неустойчив. Женат, двое детей. Сканирование мозга выявило патологию - в его мыслях постоянно фигурируют женские груди. Возможно, это не патология, в младенчестве его рано оторвали от материнской груди. Впрочем, эта патология не является опасной для общества. Может быть использован в качестве чернорабочего. Определен цветоводом корабля UN-III».

Кроме того, я должен был ассистировать Джиму Сакураи, который отвечал за электронное обеспечение корабля и одновременно являлся вторым пилотом.

- По всем параметрам, психологическим в особенности, вы полные антиподы, - прокомментировал мое назначение Савимби, - и именно поэтому, я не сомневаюсь, вы подружитесь и составите прекрасный тандем.

Не имея никакого права голоса, я вынужден был скрепя сердце склонить голову в знак согласия. А Джим, кажется, даже обрадовался этому обстоятельству. Вероятно, он предвкушал удовольствие оттого, что будет иметь возможность отыграться на мне за поражение в дискуссии по поводу моей экстрадиции за борт корабля.

В общем, в космосе почти как на поле. На поле для Пашибугра я был не равноправным партнером, а довеском к его луковому бизнесу. И в космосе я оказался не очень доброкачественной кистой, которая неожиданно выросла в организме UN-III и которую большая часть команды была согласна вырезать без всякого сожаления.

При ревизии содержимого «Москвича» мой рейтинг, заметно упавший в глазах астронавтов после проверки моих интеллектуальных способностей, несколько повысился. Надо было видеть, как члены экипажа набросились на содержимое моих ящиков и сумок!.. Ну да, конечно, после тюбиков, таблеток и прочих блюд придорожного трактира под названием «Млечный Путь» краковская колбаса и голландский сыр, которыми я запасся на весь сезон, Наверное, показались им пищей богов.

После пира, который можно было назвать презентацией кафе «У Родиона», астронавты стали проявлять ко мне некоторый интерес. Джим Сакураи, отведав килек в томатном соусе, расчувствовался и даже покаялся передо мной.

- Прости, дружище, - сказал он, - что-то нашло на меня... Мы ведь с тобой одной расы, а, может, и одной крови. И мы должны беречь, защищать друг друга.

Чертов самурай! Как поел моих килек, так я ему, значит, товарищ и брат!..

Чтобы загладить свою вину, он даже помог мне отстоять мой прицеп. Прицеп я никак не мог отдать на съедение Ассенизатору - машине по переработке отходов, поскольку поглялся соседу вернуть его в целостности и сохранности. К тому же прицеп был загружен семенами лука, перца и прочей растительности, столь близкой сердцу моего народа.

Не навсегда же я лечу на Марс! Возвращаться все равно придется. А на какие шиши я куплю семена, если на покупку этих-то семян мне пришлось заниматься у того Паши-бугра, который, небось, ждет меня там, на поле, оставшемся миллионы километров позади?

«Москвичом»-таки пришлось пожертвовать, но я не расстраивался по этому поводу. Он мне и самому был надоел до чертиков своим громоуханием.

11. «ФЕРРАРИ» И ВИРТУАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Даже с дополнительной обязанностью работа у меня была непыльная, но я, наступив на горло собственной песне, поинтересовался насчет оклада. Савимби странно посмотрел на меня, мол, почему у тебя глаза раскосые, а у механика Деникина нос всегда такой красный.

Я загрустил. Космос не поле. Сплошные звезды, а перспективы - никакой. А на поле, глядя как на твоих глазах поднимаются луковые перья, поднимается настроение и душа поет. И ты знаешь, что осенью с поля получишь столько-то лука, отвезешь его в Дудинку или Мончегорск, загонишь какому-нибудь директору рынка и получишь взамен столько-то дензнаков... А тут не знаешь, чем окончится эта марсианская эпопея. Члены экипажа станут героями, их засыпят орденами, чековыми книжками и прочими благами, а что ждет меня?

Савимби все же подсластил пилюлю.

- Вернемся на землю, я возьму тебе потерю твоего драндулета. Кстати, во сколько ты оцениваешь его?

Я не был готов к этому вопросу, а потому ляпнул:

- Да баксов эдак на три тысячи потянет...

Я, конечно, несколько преувеличил, поскольку красная

цена, которую давали за мой «Москвич» на Сергелийском авторынке, триста баксов. И вопрос Савимби я воспринял как долгожданную милость судьбы.

- Три штуки? - рассмеялся Савимби. - Да на моей тачке винтик на колесе дороже стоит...

Мне стало нехорошо. Оттого, что опростоволосился. Надо было назвать хотя бы штук десять.

- Эх ты, как тебя там, кобондьяшник?! - Савимби вздохнул и покачал головой. - Так и быть, отстегну тебе из премиальных энную сумму, на которую купишь «Феррари» последней модели. Ну, еще и останется на мелкие расходы, вроде недельного круиза с женой по Морю Дождей на Луне...

Настроение у меня тут же поднялось, и в порыве благодарности я даже хотел было отказаться от круиза, мол, мне вполне хватит того, что будет новая машина. Но Савимби уже уточнял по видеофону с Джавой Капуром курс корабля и, кажется, забыл о моем присутствии. Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться на круиз и тихо прикрыть дверь каюты и уплыть в свою берлогу.

Так что я должен был быть доволен сложившимися обстоятельствами. Единственное, что приводило меня в отчаяние, так это то, что я не смогу так скоро увидеть свою Луизу, что в течение долгих месяцев не буду ласкать ее шелковистое тело.

Валерий Деникин из Тамбова, словно прочитав мои мысли, улыбнулся.

- Хочешь побывать в раю? - спросил он, заговорщически подмигнув.

- Я уже побывал, с меня хватит! - отрезал я.

- Ты меня не понял. Плыви за мной, я покажу тебе такое, по сравнению с которым даже райские кущи покажутся тебе жалкими трущобами твоего Куйлюка.

- Только учти, я противник всяких наркотиков.

- Каких таких наркотиков? - удивился механик.

- Ну, анаша, например, или героин.

Механик расхохотался.

- Я тоже терпеть не могу всякую травку-муравку, а порошки тем более. Ты же знаешь, мы, славяне, признаем только первач, ну, в крайнем случае - водку. Только возьми с собой какое-нибудь изображение, ну, фото, к примеру...

- Зачем это? - удивился я.

- Там узнаешь. Впрочем, можно и без фото. Там такой набор телок!.. - Деникин смачно облизнулся.

- Каких таких телок? - еще раз удивился я.

- Увидишь!.. Ну, так что, плывешь?

Я недоуменно пожал плечами, мол, зачем это нужно, что я, порнофильмов не видел. Да мы этих фильмов на поле на-смотрелись до тошноты!.. Но Деникин заинтриговал меня, и я послушно поплыл за ним.

Вскоре мы оказались в каюте отдыха. В ожидании подвоха я подозрительно осмотрелся вокруг. Небольшое помеще-ние, украшенное разными картинками с видами земной фауны, а также знаменитых спортсменов и артистов кино. Из мебели здесь ничего не было, если не считать двух кресел, похожих на те, что стоят в стоматологических кабинетах. Впрочем, на космическом корабле мебель и не нужна. Мож-но и сидеть, и спать, и стоять в любом положении - невесо-мость.

Валерий, скинув верхнюю одежду, сел в кресло.

- Делай, как я, - сказал он.

Мне совсем не хотелось делать, как он. Рядом с рослым, с крутыми бицепсами Деникиным я выглядел бы, наверное, весьма плюгаво.

- Ну же! - повторил он. - Стыдишься, что ли?

- Нет, конечно, - презрительно ответил я.

подавив в себе стыдливость, я разделся, оставшись в трусах и майке, и уселся в кресло.

- Ну, вот, ничего же не случилось, - рассмеялся Деникин, мельком оглядывая мои тела. - Нормальный у тебя вид, только подкачаться не мешало бы.

Я приободрился. Конечно, природа не наделила меня осо-бо выдающимся ростом, и мускулатура не ахти. Хотя, каза-лось бы, на поле и кетменем махал, и мешки с удобрениями таскал. Правда, это было только в первые годы. Потом, ког-да я стал нормальным кобондьяшником, грузчиками у меня были бичи из местных жителей. Самый нищий кобондьяшник считает за падло самому затаривать мешки с луком, если рядом есть люди готовые ишачить на тебя сколько угодно за бутылку «бормотухи».

Потому мускулы, которые только начали вырисовываться на плечах, размякли и скрылись под слоем подкожного жира. Тем не менее, мне не составляло особого труда разок вы-жаться на турнике, сменить колесо на машине и донести на руках Луизу от порога до кровати.

- Надо бы отметить знакомство, - Деникин протянул мне банку с трубочкой.

- Водка на космическом корабле? - удивился я.

- А что? - усмехнулся Деникин. - Думаешь, здесь сплош-

ные трезвенники и баптисты?.. Да они перепьют любого армейского генерала.

- А если командор узнает?

- Если узнает, прихлопнет, как муху, своей ладонью, а ладонь у него, ты же видел, не ладонь, а совковая лопата. На корабле «сухой закон». Но ты не бойся... Понюхай-ка эту штуковину.

Я преподнес банку к носу. Не почувствовав никакого запаха, я удивился:

- Что это, вода?

- Хочешь пить, умей вертеться, - рассмеялся Деникин. - Я обработал водку составом, который убивает любые запахи. Но градусы настоящие. Только о водке ни гу-гу, сектер фирмы.

Мы чокнулись банками и присосались к ним.

Сосать водку через трубочку, скажу я вам, не самый лучший способ знакомства, но в космосе водка просто так не польется в горло - невесомость. Тем более вместо закуски Деникин дал мне занюхать какую-то таблетку. Но занюхать я не стал - воображение у меня не настолько развито, чтобы принять эту подозрительную таблетку, пусть даже зеленого цвета, за соленый огурец.

- И это ты называешь раем? - презрительно спросил я после того, как хмель ударил в голову.

- Не спеши, сосунок, - ослабившись, ответил он.

Деникин протянул еще банку, но я отказался. Двести граммов без закуски - для меня эта доза не то чтобы убийственная, но сногшибательная, тем более при таком садистском способе приема внутрь. И я пришел сюда не напиться, а посмотреть на обещанный Деникиным рай. Зато он высосал еще банку, с видимым удовольствием занюхал таблеткой и только потом сказал:

- Надень на голову эту штучку и нажми на красную кнопку, - он указал глазами на висевший передо мной аппарат, похожий на шлем мотоциклиста с защитными очками. - Так, мы включились. Теперь набери задание на клавиатуре: хочу на Багамы к Наоми Кэмпбелл.

Я умел махать кетменем, играть в «хато», научился даже «умасливать» гаишников, но с компьютером дела не имел. И мне было неловко признаться в этом, но Деникин уже встал со своего кресла и подошел ко мне.

- Ну, кого хочешь: мисс мира 2000 года? Мисс Малайзия 2020 года? Или какую-нибудь порнозвезду вот с такими сиськами? - Деникин вытянул свои руки вперед.

Тут мне вспомнилась моя Луиза. Я вытащил из кармана комбинезона фотографию Луизы, которую я всегда возил с собой в дальнюю дорогу. Она была сделана еще лет десять назад, когда я возил Луизу на Чарвакское водохранилище. Луиза была в купальнике.

- Знатные сиськи! - одобрительно сказал Деникин.

- А то! - не без гордости ответил я.

- Любовница?

- Жена моя, Луиза!

- Жена? - не то с презрением, не то с одобрением переспросил Деникин.

Я в первый раз в жизни показывал эту фотографию чужому человеку, и, честное слово, замечание Деникина вызвало во мне прилив гордости за свою подругу жизни. И за себя, конечно. Мол, я тоже не промах.

Деникин взял фотографию и вложил его в компьютер, потом что-то набрал на компьютере.

- Теперь расслабься и смотри в окуляр.

Спустя мгновение я был потрясен: перед моими глазами возникла спальня в моем доме, а в этой спальне на кровати возлежала в своей любимой позе моя Луиза.

Умиротворенный, я уже стал было засыпать, как вдруг раздался смешок механика:

- Ну, что, развлекся со своей подружкой?

Я еще был под впечатлением встречи с женой, и в ответ мог только состроить нечто наподобие улыбки.

Механик, хохоча, снял аппарат со своей головы.

- Что это было? - наконец, придя в себя, спросил я.

- Чудо техники и никакого мошенничества! - с гордостью заявил механик. - Мое изобретение... Ну, не совсем мое. Но идея была моя... Я поделился мыслями с Сакураи. Мол, давай сварганим какой-нибудь аппарат, вроде биоробота со всеми женскими причиндалами.

Поначалу он сразу отрезал, мол, у него невеста, а с невестой они поклялись любить друг друга. Он даже сказал, что если невеста не дождетя его и выйдет замуж за другого, он тут же вспорет себе живот. Самурайский кодекс! Я сказал ему: старик, ты, конечно, самурай, можешь вообще без этого дела жить, но подумай о других!..

Короче говоря, я уговорил его. Сакураи не стал создавать биоробота. Зато сконструировал вот этот аппарат. Хочешь искупаться в море, введи в компьютер задание - через секунду будешь плавать в лазурных водах Адриатики. Можешь вызвать любую женщину, которую ты видел в жизни, в

кино, а можешь и придумать ее. Можешь вводить фото любовницы или какой-нибудь порнозвезды.

- Но это же все равно нереально! - возразил я.

- По тебе не скажешь, что это нереально.

После посещения комнаты отдыха у меня повысилось настроение. «Нету женщин и не надо, мы без женщин проживем». Неужели я смогу жить без реальной Луизы, с изумлением думал я.

12. МЫ ПРИЛЕТЕЛИ НА МАРС

И потекли космические будни. Командор заставлял меня по несколько часов кряду крутить педали на велотренажере, растягивать руками резиновый эспандер и делать прочие неприятные процедуры. «Это чтобы по возвращении домой ты не стал импотентом», - пояснил он.

Поскольку мне совсем не улыбалось предстать таковым перед своей женой, я послушно крутил педали. После таких сеансов физиотерапии я так уставал, что пришлось отказаться от свиданий с виртуальной Луизой.

Корабль наш вскоре вошел в поле тяготения Марса, и экипаж стал готовиться к посадке. К тому времени я уже знал, что у Марса две луны, а задача этой экспедиции подготовить базу для будущих колонистов планеты.

На разведку был отправлен космокотер. Экипаж должен был найти и собрать контейнеры с топливом, материалами и оборудованием для жилья и исследовательских работ, которые в течение последних лет беспилотные корабли доставляли на Марс, и доставить их на основную базу.

К моей радости, командор Савимби включил меня в эту группу. В первое время меня ужасно забавляло мое новое амплуа. Я носился, летал по кораблю. Это доставляло мне новые, приятные ощущения. Но постепенно невесомость стала приедаться. Мне уже не очень нравилось быть астронавтом. Я хотел ступать ногами если не по луковым грядкам, то хотя бы по марсианской почве. А эти муторные занятия на тренажерах сводили меня с ума, хотя надо признать, что благодаря занятиям я буквально ощущал, как округляются мышцы на моих руках и ногах.

- Не зря я заставлял тебя крутить педали, - сказал Савимби, не без удивления разглядывая меня. - Только чем от тебя так воняет? Сходи к Дюбуа, может, у тебя гастрит?.. Странно, рацион нашего питания исключает любые заболе-

вания желудочно-кишечного тракта. После этого случая я стал пользоваться жвачкой.

Позже Савимби признался, что не только Сакураи, но и весь экипаж считал меня обреченным. Да и то! Астронавты готовятся к полетам в космос многие годы, с ними работают лучшие медики, психологи, инженеры и прочие специалисты. А тут, понимаешь, откуда-то появился узкоглазый оборот из какого-то Куйлюка, который всю жизнь ползал по земле в поисках сорной травы. «Рожденный ползать летать не может!». С какой стороны ни посмотришь, ну, ничего космического! Ни ростом не удался, ни мускулатурой. А что касается талантов, то бог и тут явно поскупился. Во всяком случае, Главный компьютер корабля, определяя интеллектуальные способности, выдал число 70, что ставило этого агрария в один ряд с вахтерами, гаишниками и депутатами парламента.

Но вопреки единодушному мнению членов экипажа я не просто выжил, но и реально претендовал на звание первооткрывателя Марса...

Наш катер уловил радиосигналы, идущие от контейнеров, однако разброс их был большой.

- В международном космическом центре сидят одни идиоты, - ругался Джава Капур, - неужели нельзя было направлять грузы в одну точку!?

- Можно было, - ответил Джим, - но кто мог дать гарантию, что в этой одной точке нет, например, болота или какой-нибудь недоступной скалы.

Катер совершил уже несколько десятков витков вокруг планеты, когда Савимби, наконец, решился идти на посадку. Все это время я, как и все члены разведгруппы, прильнув к окуляру видеокамеры кругового обзора, со жгучим любопытством разглядывал открывшийся перед нами новый мир.

- Помните, сынки, - торжественно сказал командор Савимби, - мы первые люди Земли, которые воочию видят марсианские горы и долины!

Пейзаж Марса был довольно однообразный и малопривлекательный: розовое небо, сплошные серо-буро-малиновые горы и пустыни. Почти как Кызыл-Кумы в сумерках! И никаких признаков жизни. Но мы продолжали пристально вглядываться в этот неведомый и неизведанный мир.

Космокатер приземлился в ущелье, между скал, откуда открывался широкий обзор на пустыню.

При посадке и в первое время после посадки состояние было отвратительное. Все тело налилось тяжестью, шумело

в голове, было ощущение безмерной усталости. У меня не было желания любоваться красотами нового мира, и я совсем не жаждал первым ступить на марсианскую землю.

Между тем другие астронавты быстро освоились в условиях марсианского притяжения и уже готовились к высадке на землю. И каждый из них жаждал первым ступить на эту землю, из-за чего даже возник спор. Повод к спору дал капитан Савимби.

- Впервые в истории, - торжественно сказал он, - нога человека ступит на поверхность Марса. Я не хочу злоупотреблять своим положением, хотя я, как командор, безусловно, имею право первым ступить на эту землю. Пусть экипаж сам назовет имя человека, который удостоится этой великой чести. Международный космоцентр сообщил: событие будет транслироваться по всем телеканалам Земли.

Китаец Цзинь заявил, что он представитель самого древнего и самого многочисленного народа на Земле.

- А мы, конечно, самый молодой и самый малочисленный народ, - с сарказмом заметил индеец Джава Капур.

- Мы самая могущественная экономическая держава, - заявил Сакураи.

- А мы первыми запустили человека в космос, - вступил в спор Деникин. Потом добавил: - «И в области балета впереди планеты всей».

- Причем тут балет? - недоумевал Савамби.

- Я это так, к слову... Но Гагарин был первым!

- Зато среди нас больше всех Нобелевских лауреатов, - сказал еврей Менахем Бельский.

Молчал лишь я. Нелегалу не светила перспектива стать звездой космического телешоу.

3. ВОСПОМИНАНИЯ О «ПРАГЕ»

Продукты с «Москвича» поедались с такой быстротой и жадностью, что вскоре все содержимое моих ящиков и сумок было переварено в желудках астронавтов.

Я утаил от команды лишь тещину трехлитровую банку кочудянга - соевой пасты тэндянг, прожаренной на растительном масле вместе с луком, молотым красным перцем, чесноком. Вряд ли эта весьма пахучая приправа понравилась бы астронавтам, которые, небось, привыкли к изысканным запахам таблеток. Европейские носы не переносят запахов корейских солений и приправ.

А кочудянг - моя вторая слабость. Первая, разумеется, моя грудастая подруга жизни. Куда бы ни ехал, я всегда возил с собой баночку этой приправы.

В московском ресторане «Прага», где я с Шуриком отмечал удачный сезон, нам подавали салаты и блюда с причудливыми названиями, типа «Мечта гурмана». До того она была пресной эта «мечта», что я был вынужден сбежать к своему «Москвичу» и принести заветную банку.

- Что это? - удивился Шурик. - Кочудянг?.. И ты собираешься его есть? Прямо здесь, в ресторане?

- А что тут такого? Ресторанная отбивная, честно говоря, не пробуждает во мне аппетита. А с кочудянгом любая еда становится съедобной.

- Так какого черта притащился сюда? Шел бы в какую-нибудь забегаловку! Старик, это не Куйлюк, понимаешь? Это - Москва, ресторан «Прага»!

Шурик - парень интеллигентный, кандидат наук, его статью напечатали даже в одном американском журнале, но он решил пойти по стопам своим родителей и стать сезонным овощеводом. Но в овощеводстве Шурик не тянул даже на ассистента лаборатории «Луковое поле», а я к тому времени уже претендовал на замещение вакантной должности младшего полевого кобондьяшника.

- Подумаешь, «Прага», - отмахнулся я. - По мне лишь бы вкусно было.

Я отодвинул от себя все ресторанные блюда, открыл баночку, намазал кочудянг на хлеб, а сверху положил ломоть осетрины, разной зелени и впился зубами в этот бутерброд... Я был занят поеданием своего деликатного деликатеса, а Шурик ковырялся вилкой в своей тарелочке. Судя по всему, он был не прочь присоединиться ко мне, но воспитание сдерживало его.

Тут к нашему столу подошла официантка.

- Молодой человек, - обратилась она ко мне, морща свой нос, - у нас запрещено приносить с собой еду.

Потом, пригнувшись ко мне, зло прошипела:

- Слушай, ты, деревня, так ты разгонишь всю мою клиентуру! Если не спрячешь свое дерьмо, мои вышибалы выкинут тебя к чертовой матери, размажут по стенке!

Я осмотрелся вокруг и увидел, что посетители из соседних столов пересели за другие, дальние от нас столы. А некоторые и вовсе отменили заказы и демонстративно покинули зал. Среди них, по словам официантки, были французы, поляки и прочие немцы.

- Неужели так воняет? - удивленно спросил я.

- Как ты ешь такую гадость? - фыркнула она.

С тех пор Шурик перестал ходить со мной в рестораны, а я старался есть кочудянг в одиночку.

В кочудянг сосредоточился патологически изощренный корейский гений. Что делают другие народы с соей? Ну, сварят похлебку или кашу и тут же съедят. Ну, могут еще, замариновать... А что делают с соей корейцы? Сначала отваривают. В этом виде их уже можно есть. Но корейцы не едят. Отваренную сою они пропускают через мясорубку. Полученную массу тоже можно употреблять в пищу. Но корейцы идут дальше. Из этой массы лепят небольшие лепешки (на вид напоминают котлеты) и в течение нескольких недель сушат. Сушат до тех пор, пока они не покроются плесенью. В принципе эти «котлеты» можно грызть без ущерба для здоровья, нужно только соскрести плесень. Правда, особого аппетита они не вызывают. Но корейцы приступают к новому этапу. Лепешки размалывают в ступе. Размельченную массу разбавляют водой и снова отваривают. Отваривают долго и упорно. До тех пор, пока она не превратится в темно-коричневую жижу и не разделится на две фракции - жидкую и пастообразную массу. Жидкая темная масса - кандянг - употребляется как соус, ее так и называют: соевый соус, пастообразная масса - тэндянг - используется для приготовления супов, приправы и т. п.

Почему я так подробно рассказываю об этой вонючей и горькой, как характер народа, из которого я происхожу, соевой пасте? Да потому, что именно кочудянгу суждено было спасти экипаж первой марсианской экспедиции от катастрофы. Но об этом чуточку позже.

14. ИНСТИНКТ АГРАРИЯ

Адаптацию к космическому рациону питания астронавты начали за год до старта UN-III. Таблетки вводились в рацион постепенно, сначала как добавка к обычным продуктам, затем количество обычных продуктов стали сокращать, и в последние два месяца адаптации астронавты полностью перешли на космический рацион. Настала эра таблеток и пасты.

И вот своим неожиданным появлением я на пару недель выбил из колеи жестко спланированный ритм жизни экипажа. Командор, понимая, что эта кулинарная вакханалия может привести желудочно-кишечные тракты астронавтов к не-

предсказуемым последствиям, пытался наложить запрет на мои продукты, но, увидев радостно чавкающие лица членов экипажа, махнул рукой.

Но последствия все же проявились. Привыкшие к мягким и нежным таблеткам желудка не выдержали, и врачу понадобилось немало времени, чтобы желудка членов экипажа пришли в себя от шока, вызванного грубого вторжением острых ингредиентов сырокопченой колбасы.

До того времени только раз в две недели на корабле утраивался праздничный ужин. Членам экипажа выдавали бутерброд из свежего хлеба, который выпекался из канадской пшеницы, и украинского сала. Вместо сала иногда давали копченую конскую колбасу производства одного из специализированных предприятий Ташкента. Напитками служили разведенные в воде овощные и фруктовые концентраты. Полагалась также стопка водки или рома. А так астронавты питались таблетками да пастами, которые запивались специальными соками.

Командор предупредил, что отныне за первое нарушение режима питания он снизит контрактную сумму вознаграждения наполовину, за второе астронавт будет полностью лишен вознаграждения. А мне сказал, что сразу же последует совету Джима, то есть подвергнет утилизации. Так что у меня были серьезные основания скрывать свое пристрастие к кочудянгу.

Савимби отменил свое решение не злоупотреблять служебным положением и первым спустился по трапу на марсианскую землю, что тут же положило конец спорам за право стать первым первопроходцем Красной планеты. За ним последовали другие астронавты.

Когда робот-оператор завершил телесъемку и анализ ситуации вокруг корабля, Савимби разрешил спуститься вниз и мне.

Самолюбие и тщеславие были чужды мне. Но почему-то в эти мгновения я почувствовал нечто вроде обиды. Не за себя, конечно, а за свое сословие. Ну, и что, что мы кобондьяшники? Разве мы «не сеем и не пашем, а валяем дурака»? Разве мы не обеспечиваем луково-арбузную независимость всего Евразийского континента? Почему же тогда даже в космосе я должен быть нелегалом?.. Впрочем, возможно, все дело во мне самом. Будь на моем месте Паша-бугор, он нашел бы способы и средства для легализации и получения дивидендов от этой марсианской эпопеи...

Но вот моя нога коснулась марсианской почвы, и все мои

грустные мысли улетучились. Трудно сказать, что повлияло на меня, но я вдруг ощутил в себе душевный подъем. Обширные, а, главное, еще ничейные земли пробудили во мне аграрные инстинкты. Руки мои зачесались, и они невольно потянулись к кетменю. Но, поскольку кетменя не было, я присел на корточки и стал разглядывать почву. Особого оптимизма эта серо-буро-малиновый щебнеобразный красномзем не внушал. Тем не менее, я уже прикидывал, какие удобрения понадобятся для обогащения этой почвы, а главное, откуда и как провести сюда воду.

Холод вообще не чувствовался, хотя термометр показывал 90 градусов ниже нуля. Костюм надежно защищал нас от внешнего воздействия. Как уверял Савимби, в этом костюме можно спокойно нырять в серноокислотное море или в доменную печь - и ничего с обладателем костюма не случится. Но ощущение холода все же было. Наверное, потому, что Солнце с Марса казалось таким маленьким, таким холодным.

Я подивился мудрости Савимби. Выбор места для будущей базы был сделан исключительно рационально. Во-первых, скалы - прекрасный ориентир как для наблюдателей из космоса, так и для будущих обитателей базы. Во-вторых, ущелье, окруженное этими могучими скалами почти со всех сторон, защитит базу от марсианских бурь. В-третьих, как показали сканеры, именно в этих местах, глубоко под толщей почвы имеются водяные льды. А наличие воды - первое условие для создания поселения. Впрочем, мысли о мудрости Савимби были не моими. Их высказал вслух Джава Капур, а я лишь записал их в файлы своей памяти и довожу их до вашего сведения.

15. СВЕТОБОЯЗНЬ

Прошло несколько земных месяцев с тех пор, как мы покинули Землю. Два из них мы уже жили на Марсе. На месте будущей базы мы смонтировали миниатюрную АЭС и жилой модуль. Неподалеку был обнаружен источник воды. Гигантская льдина находилась глубоко под почвой. Там, вероятно, когда было русло марсианской реки, тем самым подтвердилась гипотеза ученых, которые утверждали, что на Марсе некогда существовала биологическая жизнь. Мы пробурили скважину, по которой лед поднимали наверх и растапливали, подвергали очистке и доставляли на базу.

Однако вскоре в жизни первооткрывателей Марса стало твориться неладное. Первым врачу пожаловался Джава, мол, почему-то в последнее время стал бояться яркого света, а в темноте вообще перестал видеть.

- Странно, у меня тоже появились такие же ощущения, - ответил Пьер Дюбуа, рослый брюнет из Тулузского медицинского центра. - А красных пятен на теле нет?

- Вроде, нет, хотя я давно не разглядывал себя.

- Сними-ка свитер... Так оно и есть, пятна на шее. А ведь у меня точно такие, на руке. Вот, взгляни.

Джава изумленно воскликнул:

- Я видел такое же пятно у Деникина, только на шее... Правда, я не обратил особого внимания на это. Нос-то у него всегда красный, наверное, от природы. Думал, это особенности его организма.

- Странно, - Дюбуа задумчиво проговорил Дюбуа. - Возможно, это, какая-то неизвестная инфекция.

- Не дай бог! - воскликнул Джава.

- Только без паники, - поморщился Дюбуа. - Никому ни слова! Я зайду к командору и попрошу назначить полный медосмотр всех членов экипажа. Немедленно!..

Результаты медосмотра вызвали у Дюбуа смятение. Выяснилось, что почти у всех членов экипажа такие же симптомы, о чем он доложил командиру.

- Может, люди подустали?.. Хотя здесь сила тяготения меньше, чем на Земле, монтажные работы отнимают много энергии, и физической, и моральной.

- Не похоже. По всем признакам, это обычный авитаминоз. Ухудшение зрения - от нехватки витамина А. А красные пятна вызваны недостатком витамина ВВ, который обычно называют никотиновой кислотой.

- Авитаминоз? - Савимби презрительно скривил губы. - Я, как и все астронавты, проходил курсы космической кулинарии. Таблетки, пасты, соки, которые мы принимаем, буквально напичканы всеми видами витаминов. Да что я тебе объясняю! Ты это знаешь лучше меня.

- Так-то оно так, - согласился Дюбуа. - Но результаты анализов я заложил в компьютер, а он знает все обо всех болезнях, которые известны науке. И вот что он выдал.

Он протянул командиру крошечную флешку.

- Ге-ме-ра-ло-пия... Пеллагра... - по слогам прочитал Савимби на мониторе. - Что это за штуки?

- Гемералопию обычно называют куриной слепотой, - пояснил Дюбуа. - А пеллагра возникает при однообразном пи-

тании... Я пока не могу понять, в чем дело. Я подверг анализу все виды таблеток и соков, все в норме, а компьютер, как видите, дает один ответ: авитаминоз. Но самое странное, ты не поверишь, заболели все, кроме одного. И этот один...

- Родион, не так ли?

Дюбуа изумленно выпучил глаза.

- Откуда ты знаешь?

- Мне все положено знать... Вот что... О результатах анализов пока что никому ни слова, в особенности Родиону. Проверь-ка ДНК этого парня.

- Уж не думаешь ли ты, что он?..

- Инопланетянин?.. Ничего подобного я не сказал. Я лишь сказал проверить парня. Ясно?

16. ТОСКА ОТЕЛЛО

На Марсе едва ли не еженощно меня посещали мысли о Луизе. Не завела ли себе любовника, не вышла ли замуж - ведь меня, наверняка, причислили к пропавшим без вести... Ну, подождала меня, поплакала, когда до нее дошла весть, что я не доехал по поля и пропал со своим «Москвичом» неизвестно куда. А потом... Я мысленно создавал тысячи сюжетов. В качестве соперника мое воображение рисовало кого угодно, начиная от Паши-бугра и кончая овдовевшим доктором наук из Санкт-Петербурга. Сюжет обычно начинался с того, что убитую горем Луизу посещает подружка Роза, которая, как бы утешая, заговаривает о будущности вдовы, мол, ты еще молодая и красивая, и незачем губить свою молодость в слезах, мол, есть на примете перспективный вдовец. Луиза, конечно, отвергает это гнусное предложение, но потом, после некоторых раздумий, соглашается на randevu с богатым вдовцом. Вдовец приносит роскошные подарки, от которых Луиза тает, и она не может отказать ему...

Тут меня охватывала такая тоска, такая ярость, что я терял контроль над собой, и я начинал выть, как шакал, рыдать, как гиена, биться головой об стенку марсианской общаги. И так, что однажды командир Савимби, который, в общем-то, весьма лояльно относился ко мне, сделал мне замечание:

- Родион, я понимаю твое состояние, ты не был психологически готов к долгому расставанию с семьей, с близкими людьми, и сочувствую тебе. Но ты должен понять, что твое

настроение может передаться другим членам экспедиции, и тогда никто не сможет ручаться за ее благополучный исход... Заруби это у себя на носу и перестань распускать нюни! Если ты не возьмешь себя в руки, мне придется последовать советам Дюбуа и Сакураи и поместить тебя в Изолятор.

Поместить в Изолятор означало усыпить, то есть заморозить меня до возвращения экспедиции на Землю. В минуты отчаяния, когда сюжет о Луизе и вдовце доходил до логического конца, то есть до постели, я был готов сам бежать к Савимби и слезно умолять его, чтобы он превратил меня в кусок льда. Но тут же обжигала мысль: а вдруг меня не смогут оживить, кто же тогда отомстит за меня этой продажной женщине и этому наглому донжуану из Хабаровска? А потом я представил себя холодным неподвижным куском льда и... переставал быть шакалом и рыдать гиеной.

Я начинал строить планы мести... Я возвращаюсь с Марса на Землю. Никто не знает о моем возвращении - я же нелегал, и никто не ждет моего возвращения. Тайно, темной ночью я проникаю в свой куйлюкский дом и ударом ноги взламываю дверь спальни...

В темном проеме двери возникает Немезида в темном костюме и темных очках. И автоматом Калашникова в руке. Любовники застывают в ужасе, потом, когда приходят в себя, бросаются под ноги богини и слезно умоляют пощадить их жизни. Но Немезида неумолима и беспощадна... Когда все патроны выпущены, она садится в «Феррари» последней модели и едет прочь, подальше от этого проклятого Куйлюка.

Потом меня вдруг обжигала мысль: а куда и зачем я без Луизы. Я начинал корректировать развязку. Я убиваю любовника, а Луизу после того, как долго повалывается у моих ног, оставляю в живых.

17. ЗЕЛЕНЫЙ ЛУК

В общем, меня поймали с поличным.

Как-то после обеда, когда членам экипажа полагался двухчасовой сон, я закрылся в своей комнате и по-своему обычаю вынул из шкафа ту самую трехлитровую банку с кочудянгом и ящик, где я уже в первые дни пребывания на Марсе посадил луковые семена. Наверное, по привычке. Прилет на Марс мой мозг рефлекторно воспринял как прибытие на поле и тут же заставил меня приступить к полевым работам.

Марсианская почва не имела каких-либо вредных для здоровья людей веществ, о чем сообщил геохимик Габриэль Морелли, и я тут же решил претворить в жизнь свои планы. Обязанности чернорабочего на подхвате, которые возложил на меня командир Савимби с началом строительства базы, совсем не удовлетворяли мои амбиции. Почву обработал дезактиватором, затем смешал ее с жидким биоконцентратом, который имелся на корабле. Он использовался для выращивания цветов. В результате получилось нечто вроде марсианского краснозема...

Прежде чем приступить к священному для каждого уважающего себя луковода ритуалу сева, я искупался, побрился, переоделся и только после этого вынул из мешочка семена лука.

Я медленно перебирал мелкие черные семена, пересыпая из руки в руку, и поток неожиданных ощущений нахлынул на меня. Перед моими глазами мелькнули лица жены, детей, Пашки-бугра. Даже гаишники казались мне такими родными, такими славными людьми. Когда я снова увижу их, да и увижу ли вообще?..

Я стряхнул с себя эти грустные мысли - настало время сева. По спине моей пробежала знакомая призывная волна. Можете себе представить, с каким трепетом и волнением я закладывал семена лука!.. Я ощущал в себе вдохновение, чувствовал себя эдаким поэтом лукового футуризма.

Прошло несколько дней напряженного и утомительного ожидания всходов. И вот однажды ночью я неожиданно проснулся. Ощущение было такое, будто меня ударило током. Я включил свет и бросился к ящику. В эти мгновения я был как неменяемый, словно кто-то свыше управлял моими действиями. И этим кто-то свыше были крошечные зеленые ростки, которые пробились сквозь марсианскую почву. От радости я потерял дар речи, хотя хотелось вопить, кричать во все горло: «И на Марсе будут лук с арбузами расти!».

Я даже перестал летать в комнату отдыха, я забыл о Луизе, о Пашке-бугре - до того захватила меня моя марсианская луковая эпопея... Я уже строил планы своей будущности на Марсе. Я создаю акционерное общество под названием «Марсовощбахчепром энд Родион Лтд». Я монополизирую производство, переработку и реализацию продукции по всей территории Марса, а также на его спутниках - Фобосе и Деймосе, становлюсь луковым королем Красной планеты. Я строю здесь дворец и вызываю сюда свою Луизу...

Да, меня накрыли с поличным. Савимби, Дюбуа и Сакураи неслышно ворвались в мою комнату.

- Фу, как воняет! - прогремел Савимби. - Так вот ты чем занимаешься!

Они застали меня врасплох. Рот у меня был набит едой, в одной руке я держал ломоть хлеба, намазанный соевой пастой кочудянг, а в другой - зеленый лук... Да, лук у меня так разросся, что я уже мог позволить его есть.

Я, наверное, выглядел в глазах астронавтов жалким воршикой, который украдкой ест украденный у куйлюкской торговки «пегодя» - парной пирожок с начинкой из капусты и свинины. Да и в своих глазах я отнюдь не выглядел героем. Впрочем, если не исходить из этических норм, то мои действия были вполне оправданны. Во-первых, за нарушение режима питания Савимби грозился утилизировать меня, а я не мог и дня прожить без кочудянга. Поэтому тайком я доставал из своего шкафа банку с соевой пастой, обмазывал ею ломоть хлеба, который я оставлял нетронутым с праздничных ужинов, и съедал. Во-вторых, свои эксперименты с луком я считал собственным достоянием, эксклюзивом и делиться с их результатами с кем бы то ни было не входило в мои планы.

Дюбуа резко выхватил у меня пучок лука.

- Зеленый лук! - заволновался он. - Откуда это?..

Астронавты поочередно разглядывали ростки лука.

- Да ты юннат! - восхищенно сказал Деникин. - Мичуринец! К этому луку бы щепотку соли да бутылку первача!

- Первач? Что это такое? - спросил Дюбуа.

- Эх ты, а еще доктор!.. Это же напиток богов.

- Спирт, что ли?

- Что-то вроде этого, но гораздо лучше.

Дюбуа презрительно сморщился, потом, кивая на банку с кочудянгом, спросил:

- А это что за гадость?

Я инстинктивно закрыл банку рукой.

- Не бойся, - рассмеялся Дюбуа, - я не собираюсь отбирать у тебя твое добро. Я хочу выяснить, почему все члены экипажа заболели гемералопией и пеллагрой, а ты не заболел. Скажи, что это за штуковина?

- Кочудянг, соевая паста, - ответил я, - наша национальная приправа.

- Соевая паста, говоришь? - изумленно воскликнул Дюбуа. - Теперь все ясно! Соя - это витамин РР... Вот почему у Родиона нет красных пятен, а у нас есть.

- Но, доктор, в таблетках и пастах есть все мыслимые и немыслимые витамины, - убежденно сказал Савимби.

- Так-то оно так, но, по-видимому, в условиях невесомости или еще каких-либо неизвестных нам факторов витамины в наших таблетках и пастах утратили свои свойства. А вот в естественных продуктах они сохраняются.

18. МЫ НЕ ПЕРВЫЕ НА МАРСЕ

- Ну, ты и скотина! - презрительно бросил мне Сакураи. - Только позоришь нашу расу!.. На твоём месте я бы немедленно совершил хакари... Впрочем, ты разве способен на хакари?.. Надо было утилизировать его еще в самом начале, - добавил он, обращаясь к командиру.

Савимби, однако, не был склонен подвергать остракизму мое ренегатство.

- Ты, хоть и потомок самураев, - сказал он Джиму, - явно оступел за время пребывания на Марсе. Разве не понимаешь, что этот подонок спасет нас от заболевания, которое еще неизвестно к чему могло бы привести нас?

- Где ты вырастил лук? - спросил меня Дюбуа.

К тому времени я уже пришел в себя и совсем не жаждал раскрывать свои карты по поводу своих луковых амбиций. Однако в глазах астронавтов было нечто такое, что заставило меня подняться с места. Я подошел к своей кровати, нагнулся и вынул из-под нее свой заветный ящик-дендрарий. Астронавты тут же окружили ящик и впились глазами в луковые перья.

- Да ты, брат, настоящий цветовод! - похвалил меня Савимби.

- А почва, откуда почва? - поинтересовался восхищенный Дюбуа.

- Откуда-откуда! - передразнил я, раздосадованный тем, что приходится раскрывать свои коммерческие секреты. - От верблюда!

- А ты не дерзи, сынок, - добродушно сказал Савимби. - Что же ты скрывал от нас свои эксперименты?

Все кончилось тем, что Савимби подписал со мной контракт, согласно которому я становился полноправным членом экспедиции и должен буду получить по возвращении на Землю такую сумму в твердой конвертируемой валюте, которая делала реальными мои мечты вернуться домой в этом сезоне миллионером.

Для меня было отведено специальное помещение для выращивания зеленого лука. Савимби даже прикрепил ко мне Сакураи в качестве помощника.

Нельзя сказать, что Сакураи с восторгом принял это назначение. Ну, как же, чтобы представитель Страны восходящего солнца был на побегушках у представителя Страны утренней свежести!.. Но Сакураи не стал совершать ритуал харакири, поскольку в Токио его ждала невеста, у которой, по его словам, «губы алые, как маки».

Обо мне и моих экспериментах Савимби радировал в Центр космической связи ООН.

Позже, как рассказывала мне Луиза, по всем каналам телевидения в течение целой недели только и говорили обо мне и о луке, выращенном мной на марсианской почве. Говорили, что Центр космической связи выдвинул меня на соискание Нобелевской премии в области биологии, а объединенная Корея объявила меня гражданином номер два. Номером один, разумеется, был президент страны.

В Ташкенте школу, в которой я учился, и одну из улиц Куйлюка называли моим именем. Европейский консорциум производителей овощных культур заявил о создании на Марсе овощеводческой компании, мне предложили должность советника в этой компании.

Но на этом наши приключения на Марсе не закончились. Меня включили в исследовательскую группу, задачей которой являлся поиск территорий, пригодных для освоения землянами - наиболее оптимальный температурный режим, близость подземного водяного льда, марсографические удобства и так далее.

Наш космокатер медленно скользил над марсианским плоскогорьем. Исследователи, не отрывая глаз, смотрели на мониторы, на которых непрерывно сменялись виды плоскогорья.

Мне уже было надоело глядеть на этот серо-буро-малиновый пейзаж и слушать тоскливо-равнодушный голос робота, комментирующего результаты анализов, которые выдавали сканеры.

- Температура на поверхности минус 65 по Цельсию, в почве преобладают кремнезем и суглинок, глубина залегания водяного льда - 83,6 метров.

Я лениво рассматривал через иллюминатор марсианскую темень, которую прорезали лучи наших сканеров. Вдруг в отдалении я заметил едва заметный огонек, похожий на мер-

цающую небесную звезду. Но огонек находился под горой!

- Сакураи, направо-ка вон туда сканер, - крикнул я своему напарнику, указывая рукой на огонек.

Сакураи недовольно пробурчал под нос, мол, что интересного ты, жалкий куйлюкский кобондьяшник, можешь обнаружить. Но навел сканер под гору.

- Не может быть! - через мгновение воскликнул он.

- Что такое? - спросил командор Савимби, который решил лично возглавить эту экспедицию.

На мониторе появились очертания невысокого цилиндрического строения. И оно излучало тепло!

- Выключить сканеры! - приказал Савимби. - По информации Центра космической связи, предыдущий беспилотный корабль забросил свои контейнеры именно сюда.

- Неужели аборигены захватили наши контейнеры? - выдохнул Сакураи.

- А, может, какие-нибудь звездные пришельцы? - предположил я.

- Если это пришельцы, то они давно обнаружили бы наше присутствие, - отмахнулся Савимби. - Крюгер, подплыви-ка поближе, на возможно низкой высоте.

Арнольд Крюгер, немец из Дрездена, повел космокатер к подножью горы. Огонек увеличивался.

- Внутри строения кто-то или что-то есть, - доложил Сакураи. - И оно движется!

- Ясно, что это не пришельцы, - понижая голос, прошептал Сакураи, будто это что-то может услышать его. - Никаких признаков высокоразвитой цивилизации. Возможно, это неизвестные нам представители местной фауны.

- Ну, да, конечно, станут какие-нибудь местные тиранозавры или драконы жить в металлокерамическом цилиндре, к тому же отапливаемом, - съязвил Савимби. - Вы что, не видите, что это жилой модуль, который Объединенный космический центр отправлял на протяжении предыдущих лет? Для будущих колонистов Марса.

- Да, но эти модули были законсервированы, - возразил Крюгер, - а мы видим обитаемый модуль. Может, Китай или Россия втайне от мирового сообщества отправили своих колонистов?

- Думай, о чем говоришь, - почти одновременно возмутились Деникин и Цзинь.

- Молчать! - прикрикнул Савимби. - Вот сейчас мы и выясним, кто начал колонизацию Марса. - Пойдете вы оба... Ну, можете взять с собой Родиона.

Я не обрадовался приказу командора. Вдруг там и вправду какой-нибудь свирепый проголодавшийся тиранозавр, который сожрет нас с потрохами, закусив нашими гермошлемами. И прощай тогда мечты о триумфальном возвращении домой, на Куйлюк, прощай, моя ненаглядная Луиза!

Но послушаться я не посмел. Мы надели защитные костюмы и, вооружившись лазерным оружием, направились к цилиндру.

- Ты заходи слева, а ты справа, - приказал Деникин мне и Цзиню по радиотелефону. - Я пойду прямо, к двери. Если что, считайте меня коммунистом!

- Так ты не коммунист! - возмутился Цзинь, отталкивая Деникина. - А еще командуешь мной, членом Компартии Китая! Я первым пойду к двери!

- Я пошутил! - зашипел Деникин. - Так у нас говорят, когда идут на смерть.

- Ну, ты и придурок! - выругался Цзинь. - Разве можно так шутить перед опасностью?

Мне надоели эти препирательства, и я, не глядя на свой меньший статус, подбежал к двери и постучал. Фигуры в цилиндре, судя по сканеру, замерли в испуге. Мы отпрянули от двери, вскинув оружие наизготовку.

Меня обуял страх и даже ужас. Но было и острое, неистребимое даже в столь критическое мгновение любопытство. Неужели марсиане? Или инопланетяне? Если инопланетяне, откуда они, какие из себя? Крошечные худосочные существа с огромными глазами и маленьким подбородком, или страшные монстры наподобие чудовища из фильма «Чужой».

В такие мгновения я обычно заставлял себя вспоминать свою Луизу, наши с ней бурные ночи, и это всегда помогало мне отгонять невеселые думы. Но страх перед неведомыми существами отменил даже мысли о Луизе.

Наконец, послышался щелк дверного затвора.

- Быстро в укрытие! Приготовиться к бою! - скомандовал Савимби.

Следуя его инструкциям, которые он вдалбливал в наши головы на протяжении всего полета, мы тут же бросились в разные стороны и через десяток метров попадали за землю, то бишь, на марсианскую почву. Укрытия никакого не было, но обнаружить лежачего гораздо труднее, чем стоячего, тем более в такой темноте.

- Стрелять только по моей команде! - предупредил Савимби из космокатера.

Прошло несколько секунд от щелкания дверного затвора до того момента, когда дверь медленно стала открываться, а мне эти секунды показались вечностью.

Из-за двери показалось двуногое существо, судя по внешнему виду, из семейства гуманоидов. Оно было в таком же скафандре, что и мы.

- Это человек! - воскликнул Савимби.

- Это человек! - закричал я, услышав в наушниках человеческий голос.

Это было невероятно.

- Мы точно знаем, что наш Union-III - первый в истории человечества пилотируемый корабль, отправленный на Марс, - рассуждал командор Савимби, пока мы вглядывались в очертания гуманоида, который с поднятыми руками, медленно шел в нашу сторону и продолжал что-то выкрикивать нам. - А что это за люди, как они попали сюда - у меня нет никакой информации. Может, какое-то государство втайне от мирового сообщества отправило сюда свою экспедицию? Может, Россия, может, Израиль, а, может, Иран или Индия...

Наконец, бортовой компьютер космолета автоматически устранил помехи в связи, и мы услышали отчетливый человеческий голос.

- Не стреляйте! Мы свои, вы понимаете? Свои мы!

Этот голос показался мне знакомым до боли.

Этого не может быть, пронеслось в моей голове, но я непроизвольно выкрикнул:

- Ленька? Балабол?

Существо внезапно остановилось .

- Да, я Ленька Балабол, - радостно ответило оно. - А ты кто? Неужели это ты, Родик? Желтомазый Отелло?

Мы бросились навстречу друг другу.

- Родион, стой! - тут же послышался зычный голос Савимби. - Никаких физических контактов! Может, этот Балабол - носитель неизвестных нам вирусов!

Члены исследовательской группы были в состоянии, близком к шоку. Встретить на необитаемой планете живые существа, к тому же говорящие на людском языке! А уж то, что эти существа оказались моими приятелями, - это вообще выходило за рамки их понимания.

Я был рад увидеть в сорока миллионах километров от Земли эту противную куйлюкскую рожу.

- Так вы еще приятели? - поразился Деникин. - Ну и дела! Тут, брат, без водки не обойдешься!

- Водка? Есть! - радостно ответил Ленька. - Ну, не водка, но чистейший спирт. Заходите.

Он открыл дверь, приглашая нас войти в модуль.

Глаза Деникина загорелись.

- Да ты, брат, свой человек! - воскликнул он.

- Никакой водки, никакого спирта! - отрезал Цзинь. - Сначала надо сообщить командору, и потом нам всем надо будет пройти санобработку. Кто их знает, может, этот Ленька заражен неизвестными нам вирусами!

- Спирт - лучшее средства против любых вирусов, - заметил Деникин и, не обращая внимания на Цзиня, шагнул в комнату.

Навстречу Деникину бросилась Наташка, жена Леньки, и ее младший брат Алеша.

- Родненькие! - запрочитала она, обнимая Деникина.

Раньше я как-то не обращал внимания на Наташу. Да и зачем мне она, если мои мысли всегда были заняты Луизой. Но здесь, на Марсе, я вдруг увидел, что Наташа, возможно, не такая аппетитная, как моя Луиза, но тоже ничего... Вероятно, Деникин тоже почувствовал это и особо не возражал против ее объятий. Более того, прильнул к ней всем телом, стал мять ее плечи, спину.

Леньке это не очень понравилось.

- Ну, хватит мучить гостя! - прикрикнул он на жену, отталкивая ее от Деникина.

«То-то же, гад, - не без злорадства подумал я. - А каково было мне, когда ты пялился на мою Луизу?».

Цзинь уже докладывал командору о Леньке.

Деникин нехотя отпустил Наташу.

- И где обещанный спирт? - спросил он Леньку.

Ленька, бросив строгий взгляд на жену, буркнул ей:

- Накрой гостям стол.

Наташа не слышала его, она уже бросилась обнимать меня, и объятия ее были теплые и сладостные.

- Родион, ты что, стал космонавтом? - восторженно расспрашивала она.

- Ну да, - ответил я, не вдаваясь в детали.

Потом она дошла до Цзиня.

- А вы откуда? Я вас не видела на Куйлюке. Вы из Бектемира? Или «Полярной звезды»?

- Полярной звезды? - удивился Цзинь. - Ну, до Полярной звезды наши корабли еще не добрались... Ну, может, лет через сто доберемся.

- «Полярная звезда» - это был раньше такой колхоз у нас,

в Узбекистане, - пояснил я Цзиню, - ну, там выращивали хлопок, рис.

- А-а, - понимающе ответил Цзинь, хотя, наверное, ни черта не знает, что такое колхоз...

- Он не кореец, - уточнил я. - Китаец из Шанхая. Настоящий астронавт.

- Ой, извините, - смутилась она, ослабив свои объятия. - Я от радости забыла обо всем.

Но тут в дверях возникла огромная фигура Савимби, который явился в модуль после сообщения Цзиня. Он растерялся было от бурного изъяснения Наташиных чувств, которая тут же кинулась ему на шею, но уже через мгновение пришел в себя и, приподняв ее за плечи, будто пушинку, своими огромными лапищами, поставил рядом с Ленькой.

- Простите, мадам, я при исполнении...

Наконец, когда первые страсти улеглись, у нас появилась возможность расспросить друг друга.

- Вы из какой экспедиции? - спросил Савимби. - По какой программе вас отправили сюда?

- Никто нас не отправлял, - ответил Ленька. - Мы случайно попали на корабль.

- Как случайно? - переспросил крайне удивленный и обескураженный Савимби. - Это что, космический корабль или забегаловка какая-нибудь? Как можно случайно попасть на межпланетный корабль?

- Мы ехали на «Жигулях» по казахстанской степи, - начал свой рассказ Ленька Балабол. - Там нас настигла страшная буря. Я гнал машину, чтобы укрыться в какой-нибудь расщелине, но буря пригнала нас на корабль.

Словом, Ленька со своей женой и деверем попал на Марс примерно при таких же обстоятельствах, как и я. Буря, космодром, космический корабль, полет на Марс. Правда, корабль был беспилотный. Спаслись они лишь благодаря Алешке, который раньше работал инструктором в Доме технического творчества, где приобщал детей к технике. Он быстро сообразил, как собрать жилой модуль. В этих модулях было предусмотрено все для проживания пяти-шести человек в течение длительного времени.

- Я пытался найти источник воды, - сообщил Алешка. - Но не было оборудования для бурения. - Так что пришлось нам все это время жестко экономить имеющуюся воду и перерабатывать свою мочу. Хорошо, в модуле такой аппарат имеется. Долгое время питались консервами, сухарями, суше-

ными овощами и фруктами. А потом, когда неподалеку отсюда обнаружили водяной лед, стали выращивать овощи.

- Овощи? - изумился я. - И где вы выращиваете овощи?

- Как где? - опередил Ленька Алешку. - Тут же, в нашем марсианском домике.

Встретив на Марсе Леньку Балабола, я, конечно же, обрадовался. Но после его информации о том, что он уже выращивает марсианские овощи, я стал испытывать некоторое разочарование. Ну, как же! Я был в полной уверенности, что стал первым куйлюкцем, отправившимся в космос. И не просто в космос, а на Марс! И надо же - даже на Марсе меня опередил какой-то Балабол. Почти как там, на Земле. Думаешь, что первым привез арбузы в какой-нибудь Сургут, а там уже сидит какой-нибудь Афоня из Бектемира или Яша из колхоза имени Димитрова.

И я даже обрадовался, когда вмешался командор.

- Больше никаких контактов! - прикрикнул Савимби, косясь на Наташу. - Вам что, мало гемералопии? Забыли уже, как чуть ли не весь экипаж погиб? Хорошо хоть Родион вовремя вырастил лук.

- Ты лук вырастил? - ревниво спросил Ленька. - На корабле?.. Ну, на корабле, конечно, все условия. А попробовал бы ты в здешних условиях выращивать лук, чеснок, перец, баклажаны, зелень всякую! И даже сою!

Перечень выращиваемой Балаболом продукции ошеломил меня, но я не подал виду.

- Вообще-то меня официально назначили главным советником по овощеводству на всем Марсе, - медленно, с расстановкой, как и подобает лицу с высоким статусом, сказал я. - Так что придется тебе написать мне отчет о своих экспериментах.

- О каком таком отчете ты лопочешь? - возмущившись, Ленька даже перешел на куйлюкский жаргон. - Слышь, ты, Желтомазый Отелло, я первым прибыл на Марс и первым забил здесь участок, так что мне плевать на твои указания.

Наш спор прервал командор:

- Заткнитесь вы оба! Немедленно произвести санобработку помещения, и в особенности людей, а также проверить пищу, которую они потребляют, на предмет разных бактерий и микробов... Объявляю недельный карантин! Во время карантина никаких контактов! Можно разговаривать только через мобильную связь.

19. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Не стану рассказывать о триумфальном возвращении домой. Лишь упомяну, что меня избрали почетным доктором наук в шестнадцать университетов мира и действительным членом сорока национальных академий, наградили высшими орденами пятидесяти трех стран. Даже командир Савимби не удостоился таких почестей.

- Надо же! Какой-то жалкий аграрий - и такая слава! - удивлялся он. - Впрочем, я рад за тебя, сынок.

Позвонил мне и Сакураи.

- Родион, надеюсь, ты на меня не в обиде. Ты же понимаешь, что я поступал так, как велел мне мой долг. Я искренне поздравляю тебя.

Пашка-бугор приходит ко мне каждый день с бутылкой шотландского виски и начинает нудить:

- Я взял в тебя в бригаду, когда ты валялся в грязи...

- Когда это я валялся в грязи? - возмутился я.

- Я образно выражаюсь, недоносок! - презрительно обрвал меня Паша, прекратив жевать колбасу. - Ты там, в космосе, наверное, растерял и без того скудное воображение. И взял тебя без всякого взноса... Но я не говорю, что ты мне что-то должен. Я просто опасаясь, что ты по скудости своего ума развалишь луковый бизнес на Марсе, и хочу взять над тобой шефство. И потом не забывай, когда ты не приехал на поле, я никому не отдал твой участок, хотя каждый хотел прибрать его к своим рукам. Я ведь для тебя, подонка, отобрал лучшую землю, поближе к воде, а потом засеял его, делал прополку. И жене твоей, когда она, убитая горем, приехала на поле, помогал чем мог.

- Убитая горем? - переспросил я.

- Да, как ни странно, она оплакивала тебя, - желчно ответил Паша. - Хотя она, наоборот, должна была бы обрадоваться, что избавилась от тебя. Именно в твоё отсутствие Луиза вырастила вполне приличный урожай и продала его по приличной цене. А был бы ты, урожая, точно, опять не было... Ну, естественно, я ей помог.

Я сильно встревожился. Паша никому не помогает за просто так. Но я не успел скорчить на лице тревогу, как Паша уже взорвался:

- Уж не думаешь ли ты, что я?.. Ну, и скотина же ты! Как только ты мог подумать о своем лучшем друге?.. Да как ты мог только подумать такое о своей жене! Она же, бедняжка, работала на поле, как проклятая, без мужской поддержки!..

Я не мог представить Луизу ползающей меж луковых грядок в поисках сорной травы. На поле она нужна была мне для душевного комфорта, ну, и, заодно, - создания уюта в моем балагане.

- Хорошо, я нанял для нее двух бичей, - продолжал Паша, - а то бы она совсем измучилась.

- Каких бичей? - подозрительно спросил я.

- Каких-каких! - передразнил Паша и схватился за голову. - Даже к бичам приревновал!.. Слушай, ты желтомазый Отелло! Тебе надо было жениться на какой-нибудь уродине, как и ты сам, чтобы мужики, завидев ее, бежали от нее, как от прокаженной. И как только Луиза согласилась выйти за тебя замуж! Она же женщина видная, и, конечно, нашлись люди, которые хотели бы утешить, выразить соболезнования в связи с тем, что тебя, возможно, загрызли волки, что ты пропал без вести.

Паша говорил так искренне, что я не поверил ему.

- И кто же хотел утешить ее? - подозрительно спросил я.

- Были люди, причем весьма приличные, - хмыкнул Паша, - не чета тебе... Скажи спасибо Луизе, она всех желающих отвадила, мол, пока не справлю третьи поминки, ни о каком замужестве не может быть и речи. Да и я сам лично обломал бы ей ноги, если завела какие-то шашни! Слышишь, ты, скотина? Так что двадцать процентов, которые я прошу, ничтожно малая компенсация, которую ты должен выплатить мне за то, что в твое отсутствие я соблюдал твои интересы, и семейные, и финансовые. И я, возможно, соглашусь вылететь на Марс и возглавить тамшний луково-арбузный бизнес.

Шурик тоже явился ко мне. Я думал, с повинной, но, по его словам, благодаря ему я попал на Байконур, так что он тоже имеет право на долю. Куда подевалась его наивность! Видать, оставил на луковых грядках Ставрополя, куда в мое отсутствие Паша повел свою бригаду.

Но, как ни покажется это странным, я соскучился по этим узкоглазым рожицам.

Даже Ленька-Балабол, тот самый, что вечно облизывался, глядя на прелести моей Луизы, не вызывал во мне никакой неприязни. Придя ко мне домой, он лишь раз, да и то мельком, бросил свой взгляд на Луизу, которая будто специально к этому случаю облачилась в платье с глубоким вырезом на груди.

Решая судьбу Леньки Балабола и его семейства, руко-

водство Международного космического альянса настойчиво рекомендовало командору Савимби еще до возвращения на Землю провести со случайными первооткрывателями Марса курс избирательной амнезии, чтобы стереть с их памяти все воспоминания о событиях, связанных с полетом Марсом. Савимби, к моему удовольствию, выполнил эту рекомендацию в полном объеме.

Я даже провоцировал Леньку на беседы о Марсе, но он лишь восхищенно поглядывал на меня. Ну, как же! Луковод-неудачник, каковым я прослыл на Куйлюке, и вдруг - покоритель Марса! А потом Ленька начинал жаловаться на свою судьбу, судьбу мелкого спекулянта недвижимостью и намекал, что не прочь поменять брокерскую контору на марсианское луковое поле.

И жена его Наташа зачастила к нам, такая вся расфуфыренная, размалеванная, чего раньше за ней не наблюдалось. Луизе моей с ее формами, сводившими меня с ума, Наташа, конечно же, не представляла опасности. Тем не менее, после ее визитов Луиза вlepила мне пару превентивных затрещин - так, на всякий случай.

Алеша, брат Наташкин, как-то принес мне макет жилого модуля, конструкция которого точь-в-точь повторяла марсианский модуль. Даже туалет такой же.

- Ты что, вспомнил марсианские приключения? - подозрительно спросил я.

- Да! Представляешь!

Это заявление ввергло меня в смятение. Я уже представил злое лицо Савимби, насмешливые лица куйлюкцев.

- Я все это видел во сне! - радостно воскликнул Алеша. - Будто я оказался на Маре, будто жил там вот в таком модуле, а, главное, будто там мы встретились с тобой! Представляешь? И я за буквально за один день сматерил модуль свиими руками...

- Родион, я к тебе с просьбой, - продолжал Алеша. - Ты не мог бы передать этот макет туда, наверх, ну, космическому начальству?.. Видишь ли, в последнее время я жил и с сестрой и ее мужем на Камчатке и потерял связи с дворцом технического творчества. А там уже приняли другого, и я сейчас без работы.

Мне жалко стало этого талантливое, но абсолютно безхитростного парня.

- Ну, конечно, передам, - сказал я. - Ты молодец! Модуль как настоящий! И потом, будет тебе работа, возможно, даже директором этого твоего дворца.

- Нет, нет! Директором не надо! Я не умею быть начальником. Пусть дадут мне мой авиакосмический кружок - уж там я развернусь! У меня после Камчатки столько новых идей!

Всем моим приятелям я пообещал, что вынесу их просьбы на очередном заседании Евроконсорциума.

Роза, подруга жены, была тут как тут.

- Я же говорила, что он у тебя золотой! - нарочито громко верещала она, чтобы я услышал ее.

- Ты же хотела выдать меня замуж, - усмехнулась Луиза, - за директора совместного предприятия.

- Ну, как ты можешь говорить такое?.. - Роза смутилась и покраснела, и, переводя взгляд с Луизы на меня, стала оправдываться. - Кто знал, что Родик твой на Марсе! Ты же помнишь, когда Паша-бугор позвонил, что Родик не прибыл на поле, я тебе лично посоветовала обратиться в Интерпол. А потом, когда оттуда сообщили, что он, вероятно, погиб в бурю или его загрызли волки, я помогала тебе справиться поминки... А потом, вижу, пропадаешь ты без Родьки, тоскуешь, и я решила помочь тебе. А как бы ты одна вытягивала семью, поставила бы на ноги детей? Я же из лучших побуждений хотела выдать тебя замуж!

Чем больше оправдывалась Роза, тем больше я убеждался в пакостности ее натуры, и я готов был долго и упорно пинать ее ногами и шлепать руками по ее мягкому заду, а Луизу - расцеловать, просить у нее прощения за нехорошие о ней мысли.

Сосед-таможенник уже не говорил о бартере. Он предлагал мне выкупить его особняк: две гостиные с камином, шесть спален, сауна, тренажерный зал, бильярдная с баром, три лифта и шесть туалетов, бассейн, гараж на десять машин.

- Паршивые нынче времена пошли, - вздохнул он, объясняя причину продажи особняка, - и люди завистливые. Куплю себе однокомнатную хату в Старых Сергелях, построенную после землетрясения 1966 года, и буду там жить-поживать. Может, тогда люди перестанут мне завидовать?.. За бесценюк уступлю: пять миллионов баксов...

Хорошо, Луиза была на кухне. Иначе пришлось бы моим детишками блуждать по лабиринтам соседского особняка.

Дома за это время мало что изменилось. Все тот же двор, виноградник, гараж. Дунай сразу признал меня - стал тереться своей уже облезлой шкурой о мои ноги, тыкаться мордой в мое лицо. Дети сначала смотрели на меня отчужденно. Ну да, конечно, я ведь теперь был для них не просто отец, а герой! Только через час-другой, когда пообвыкли и,

наконец, признали во мне отца, они тут же привели с собой кучу таких же маленьких бандитов и стали взимать с них плату за то, чтобы посидеть за рулем «Феррари».

20. ДЖАВА ПОМОЖЕТ МНЕ

Самому мне, честно говоря, было не до славы и орденов. Первая после триумфального возвращения домой ночь была для меня тяжким испытанием. Луизу, кажется, ничуть не тронули внезапно свалившиеся на ее мужа почести и богатства. Но, когда я сбросил с себя одежду и не без гордости стал демонстрировать свои бицепсы и трицепсы, она не без удивления и восторга ощупывала мои округлившиеся мышцы и, хлопая меня по спине, по ягодицам, удовлетворенно хмыкала. И вместе с тем в глазах ее вспыхивали задорные искорки, мол, все это - деньги, известность, бицепсы, - конечно, хорошо и даже прекрасно, а вот каков ты после Марса в этом деле?..

Истосковавшийся за долгое время разлуки по шелковистой коже подруги жизни, я пожирал глазами ее прелести, гладил их, мял. Я был абсолютно уверен в успехе своей первой атаки на любовном фронте.

Скажу честно: в Комнате отдыха на борту и UN-III я вызывал добрый десяток всяких звезд кино- и телешоу, начиная от Элизабет Тэйлор и Наоми Кэмпбелл и кончая мисс «Миин-2032» и женой соседа-таможенника. Но, клянусь Марсом, никто из них не шел ни в какое сравнение с моей Луизой. Луиза одним своим видом, одной мыслью о ней вызывала во мне бешеную страсть.

Но прошла минута, другая, пятая, а атаку я так и не смог начать. То ли я переволновался, то ли полет на Марс действительно каким-то образом повлиял на мою потенцию, но в этом деле в эту первую ночь я потерпел полный крах. Луиза, вероятно, дабы не обидеть меня, не стала выказывать свое неудовольствие, во всяком случае, внешне. Она помогала мне, не усмехалась, как раньше, над моими потугами. Потом, убедившись, наконец, в бесплодности моих поползновений, она едва заметно вздохнула, улыбнулась мне, мол, ничего страшного, сегодня не получилось, зато завтра получится. И, повернувшись ко мне спиной, кинулась в другие объятия - объятия Морфея.

Но самое ужасное было то, что это повторилось и во вторую ночь. Униженный, потрясенный, издерганный, я вышел

во двор. На небе ярко светили звезды. Обычно красноватый Марс выглядел несколько бледнее и мрачнее обычного - под стать моему состоянию. Зачем мне слава, если ласки моей Луизы не могут пробудить во мне мужские начала? Зачем мне богатства, если я стал импотентом. И я проклинал Пашку-бугра, который покинул меня на волю судьбы, проклинал судьбу, которая наслала на меня ураган, и я попал на UN-III, проклинал Красную планету, так жестоко подшутившую надо мной.

Я обратился за помощью к мудрому Савимби. Он разводил крокодилов на своей ферме. «Пришли мне рецепт приготовления кочудянга, - попросил он меня по видеofону, - а то глаза мои стали хуже видеть. А что касается твоей импотенции... Сынок, надо выбирать одно: либо женщину, либо карьеру. Я выбрал карьеру и остался без наследников. Но ничего, не жалуюсь. С крокодильчиками, знаешь ли, я чувствую себя отцом большого-большого семейства».

От горя я поехал в Тамбов к Деникину.

- Поменьше надо было летать в Комнату отдыха! - хохотнул он. - А вот на меня никто не жалуется: ни законная жена, ни другие женщины.

- Может, ты стимуляторы принимаешь, препараты заморские? - с мольбой в голосе спросил я.

- Какие такие препараты? - презрительно ответил он. - У меня один препарат...

Он нагнулся и вытащил из-под кровати ящик водки.

Мы напились вдрызг и вышли «прошвырнуться по Бродвею». Деникин по своей привычке устроил в ресторане потасовку, в которой мне «зажгли» фонарь под глазом и разбили голову, из-за чего я даже потерял сознание. Последней фразой, которую я помню, была: «Опять этот чертов Марсианин устраивает дебош!».

Потом мы с Деникиным полетели в Токио. У Сакураи, оказалось, тоже проблема с потенцией. Он недавно женился, и вместо медового месяца в лунном море Дождей был вынужден лечь на излечение к Центр сексуальной реабилитации.

- Никогда бы не подумал, что это так важно, - признался он. - Раньше я думал, если понадобится для дела, могу спокойно отрезать себе мужское достоинство. А сейчас я готов остаться без рук, без ног и даже без головы, лишь бы снова стать мужчиной.

Сакураи связался с Джавой Капуром, который жил в Мумбаи. Он обещал прислать древний индийский рецепт из «Камасутры». Индиец уверял, что это снадобье гораздо эффек-

тивнее «Виагры», оно не просто восстанавливает мужскую силу, но и увеличивает ее многократно, причем действует до глубокой старости.

Джава вдохнул в меня надежду, и жизнь на Земле вновь казалась мне вполне сносной. Я стал строить планы на будущий сезон. Но на этот раз я, точно, не стану в одиночку раскатывать на космическом крейсере по просторам Галактики, чтобы не угодить в очередную историю, после которой я буду вынужден искать древние индийские снадобья.

«КАНИСТРА»

Как и большинство подростков своего поколения, Канистра весьма неплохо разбирался в технике, а потому ему не составляло большого труда превратить «Яву» - это чудо технического искусства - в грудку искореженного металла. Кусачками он перерезал всю электропроводку, приводные тросы от газа и муфты, шилом проткнул шины, снял фару, выворотил карбюратор, крылья и номерной знак, насыпал в цилиндр песка...

Это невинное дитя научно-технического прогресса было виновато лишь тем, что год назад Марине от нечего делать вздумалось облить водой спящего Канистру. Шалость первой красавицы школы обернулась для мотоцикла жестокими пытками, перенятыми новым луддитом у палачей Торквемады.

1. КАК ВАСЯ СТАЛ «КАНИСТРОЙ»

Вася не был поклонником Закона о всеобщем среднем образовании и уж тем более кандидатом на золотую медаль. Но школу посещал исправно. Отчасти потому, что ее посещали его погодки.

Шататься в одиночку было скучно даже по Куйлюку. В одиночку кислыми казались даже сладкие гранаты, которыми в избытке снабжали его торговцы из Кувы и Чуста. И потом отец в свободное от полевых работ время вдруг замечал пытавшегося улизнуть под шумок мальчика и не упускал случая прочитать ему сказку «Ты почему не пошел в школу?». В такие минуты Вася с огорчением думал, почему овощеводческий сезон не длится круглый год. Он не то чтобы не любил эти байки, но считал их скучными и нудными. И потом сказки эти нередко сопровождалось техническим средством обучения под названием Солдатский Ремень. Средство это осталось у отца от службы в армии и висело на стене гостиной вместо картины Решетникова «Опять двойка». После такой сказки целую неделю на всем Куйлюке нельзя было найти школьника прилежнее Васи.

Этой весной, как повелось с давних пор, родители уехали на Северный Кавказ, где занимались сезонным овощеводством. Приглядеть за Васей и его сестренкой поручили бабушке, которую привезли из Гурлена.

Для Васи наступили вольготные времена. Домой он приходил поздно, когда все уже спали. От бабушкиных ворчанья Вася презрительно отмахивался: мол, что ты, колхозница, понимаешь в столичных делах!.. Только когда бабушка грозилась обо всех его проделках настучать отцу, Вася отвечал в свое оправдание: «А что, уже гулять нельзя? Я же не курю, не дерусь»...

Кого-кого, а отца Вася побаивался. Рассказывая очередную байку, например, о вреде курения, хотя сам смолил по две пачки в день, он махал рукой так, будто в ней был не ремень, а кетмень. А кетменем он махал, будь здоров, за плечами лет пятнадцать практики на полях Голодностепья и Ставрополя. После такой байки Вася целый месяц ходил в образцово-показательных мальчиках.

В то лето он уже был в возрасте, когда продукция колхозных садов и соседских огородов уже не удовлетворяла его растущие физические и духовные потребности. Перемахивать через стену летнего кинотеатра даже на «Парижские тайны» Вася считал уже несолидным. А на разные подростковые забавы нужны были деньги. Родители же денег ему не давали, мол, они ему ни к чему, слишком много всяких соблазнов и хлопот с ними.

Истинное дитя улицы, Вася едва ли не круглыми сутками слонялся по кривым улицам старого Куйлюка, обследовал едва ли не все его уголки, начиная от рисорушки и кончая заброшенным кладбищем. Но любимым его занятием были экскурсии по базару, где он часами наблюдал за людской сутолокой... Может быть, в нем были заложены задатки писателя, автора будущего романа о нравах Куйлюка. А, может, он стал бы философом, новым столпом психоанализа. Кто знает!.. Но Вася использовал результаты исследований в несколько иных целях, о чем будет рассказано чуточку позже.

Обедал Вася прямо на базаре. Благо, еды здесь было навалом, сколько хочешь и какой хочешь. Расплачивался он с торговцами щедро, никогда не требуя сдачи. Правда, деньги его были странные - невидимые, неосязаемые. Торговцы не понимали этой его щедрости, и непонятому, оскорбленному до глубины души Васе нередко приходилось рвать когти от этих невежд из Гиждувана и «Полярной звезды» .

Именно здесь, на базаре, Вася узнал о существовании тысяч возможностей добывать деньги. Но его привлекала лишь одна.

Как-то Вася увел у дядьки канистру и шланг, пошел на автостоянку и высмотрел только что припарковавшийся «Жигуленок». Убедившись, что владелец машины скрылся внутри базара, он открыл крышку бензобака, всунул туда шланг и преспокойно перекачал горючее в свою канистру. А потом сбыл бензин владельцу другого авто. Разумеется, по ценам несколько ниже, чем в заправочных. Занятие это настолько

пришлось ему по душе, что он даже бросил курить и перешел на насвай. В те годы среди молодых корейцев была мода на шейк, опрокидывание столов на чужих свадьбах и на насвай, который якобы отбивает охоту курить. Занятие-то огнеопасное, прикинул Вася, как бы ненароком не взлететь в воздух. У него уже был опыт «взрывника».

Несколько лет назад, когда он был еще, как говорится, в сопливом возрасте, его любимой игрушкой был карбид. Где-нибудь на пустыре, чаще на заросшем лебедой кладбище, он рыл небольшую ямку, наполнял ее водой и бросал туда кусочек карбида. Поверх ямки устанавливал верх дном жестяную консервную банку. На дне банки гвоздем пробивалась дырочка, через которую тоненькой струйкой выходила горячая смесь, образуемая карбидом при соприкосновении с водой. Эта смесь и поджигалась с помощью длинного шеста. В результате взрыва банка, к неопишуемому восторгу Васи и его соратников, с громким хлопком взлетала высоко вверх.

Однажды Васина самостоятельное исследование затянулось. Смесь никак не загоралась - то ли ветерок был сильным, то ли карбид попался некачественный. И Вася решил поджечь смесь без помощи шеста. Он только поднес горящую спичку к банке...

Что было дальше, он узнал от своего закадычного друга Генки Мотороллера. Оказалось, Вася все-таки поджег смесь, и банка тут же взвилась вверх, но при этом ударилась в его левое надбровье. Была потеря сознания, море крови. А переполоху! Весь Куйлюк был взбудоражен происшествием. Васина рана еще не затянулась, а отец устроил ему семинар на тему: «Сколько раз я тебе говорил!» - после которого Вася целую четверть исправно посещал школу и даже участвовал в сборе металлолома.

Вот почему Вася бросил курить, когда принялся опустошать автомобильные бензобаки. Он стал эдаким монополистом, бензиновым королем. Правда, нефтепромыслам Персидского залива он предпочитал Куйлюкскую автостоянку. Кое-кто пытался влезть в «зону его влияния», но у них не хватало артистизма и той гениальной куйлюкской изобретательности, которая граничила с наглостью и повергала провинциалов в шок. Позже этот артистизм и изобретательность стали едва ли не визитной карточкой Куйлюка. Эта недобрая слава на долгие годы подмочила репутацию добрых куйлюкцев среди корейцев бывшего Союза.

Как бы то ни было, но кличка «Канистра» прочно закрепилась за Васей.

Бывало, застукивали его хозяева бензобаков, но Канистра, уже прошедший курс в театре-студии под названием «Куйлюк», тут же изображал недоумение.

- Нет же, это дядькина машина! - уверенно отвечал он. - Он и сказал мне принести бензин для паяльной лампы... Кабана мы закололи, надо щетину пожечь.

- Ты что, парень, может, тебе техпаспорт показать? - возмущался Лох, приехавший, судя по номерному знаку, из Анджана, вероятно, за сушеной морской капустой или папоротником. А, может, за корейскими картами хато, которые в те годы во всем бывшем Союзе производились только куйлюкскими умельцами.

- Не может быть! - убежденно отвечал Канистра. - Не может быть, чтобы я ошибся...

Для верности он внимательно осматривал номерной знак автомобиля и только потом сконфуженно чесал свой затылок, озираясь по сторонам и, обнаружив машину такого же цвета, радостно вскрикивал: «Да вот он где, дядькин «Жигуленок»!».

Лоху ничего не оставалось кроме как похлопать подростка по плечу, мол, ничего, с кем не бывает. Вероятно, он слышался о куйлюкских шалопаях, которым ничего не стоит, например, проткнуть шину, если не так посмотришь на них. И Лох даже не требовал залить обратно те несколько литров бензина, которые Канистра успел выкачать. Канистра же, извинившись, как ни в чем ни бывало шел ко второй машине и проделывал ту же операцию.

Машина у дядьки действительно была, но этот зачуханный «Запорожец», исколесивший едва ли не всю страну и перевезший в своем истерзанном чреве горы удобрений и арбузов, давно уже был на заслуженном отдыхе и никак не мог стоять на куйлюкской автостоянке, поскольку отдыхал в далеких Минеральных Водах. В санатории под названием Склад Металлолома.

Так что Канистра был при деньгах и, естественно, вокруг него вилась менее артистичная шантрапа. Даже девочки, которые прежде не обращали внимания на этого маленького уличного бродягу, стали вдруг приветливо улыбаться при встрече с ним, приглашать на танцы, вечеринки и прочие сборища.

Но эти улыбки никак не действовали на доморощенного Рокфеллера, поскольку его сердце давно уже было отдано Марине с улицы Мунис.

2. ЛЮБОВЬ КАНИСТРЫ

Канистра возвращался домой к полуночи. Его закадычный дружок Генка Мотороллер уехал на поле помогать родителям, и Канистра откровенно скучал. Ему уже до чертиков было надоело ошиваться в компании, сколоченной из осколков Великой Улицы, а ее цвет давно уже был при деле - кто-то подбирался к прелестям подружки в темном переулке веселого Куйлюка, кто-то гонял секу, а кто-то рубил сосны на берегах уральской реки Ивдель.

Обычно компания собиралась на автобусной остановке, что напротив базара. Усевшись на скамейке, точнее, на то, что осталось от нее, подростки курили, плевались, образуя перед собой целую лужу, хохотали по каждому поводу, поддевали прохожих. А когда надоело плевать и некого было задирать, они начинали бороться, гоняться друг за другом. Потом бесцельно бродили по ночным улицам, пугая обывателей своим громким ржаньем.

Иногда от скуки вспыхивали внутренние конфликты типа «Выйдем один на один?». Не вовлеченные в конфликт твердо соблюдали нейтралитет и следили за тем, чтобы противоборствующие стороны не нарушали пункты неписаной конвенции Улицы. Лишь когда у одной из сторон вспыхивал «фонарь» под глазом, нейтралы вмешивались в конфликт и обсуждали условия перемирия.

Погасив его, компания вновь продолжала «ловить мух». Естественно, больше всех «ловил мух» победитель, а побежденный отправлялся в госпиталь под названием Родной Дом, где Главный Врач, в роли которого обычно выступала мама, прежде чем приступить к лечению, пичкал пострадавшего «Затрещиной», «Веником по заду» и прочими микстурами.

Деятельной натуре Канистры такое времяпровождение, не дающее ничего ни карману, ни душе, разонравилось, а потом и вовсе опостылело. Может, поэтому он не стал вникать в изыскания Афоньки Не Бей Лежачего в области наглядной агитации, которые в общем-то были безобидными и плоскими, как и его физиономия, но почему-то в этот вечер не улучшили настроение Канистры.

- Ты бы написал у себя на лбу «Огнеопасно», как на бензовозке, - сказал Не Бей Лежачего Канистре, - а то еще нечаянно закуришь возле тебя и взорвешься.

- А ты не кури, - посоветовал Канистра, - ты и без того на туберкулезника похож.

Дискуссия по поводу вывесок постепенно переросла в

физические упражнения типа «Выйдем, что ли?». С Афонькой Канистра прежде никогда не «махался», но очень скоро, после третьего или четвертого обмена ударами, Канистра был повержен на землю. Афоня не использовал благоприятный момент, чтобы поставить все точки над «i» в неписаной табели о рангах. Не Бей Лежачего свято соблюдал принцип, благодаря которому он и был удостоен этого воистину рыцарского прозвища. Зато Канистра тут же вскочил на ноги и отчаянно бросился на противника.

В это время из ворот базара выплыла тучная фигура участкового милиционера, совершавшего ночной обход курируемых им владений. Ничего такого, что могло бы нарушить покой компании, милиционер не мог предпринять. Он был соседом Канистры, и на многие его шалости смотрел сквозь пальцы. Однако появление нежданного лица дало повод Канистре «отколоться» от этой порядком надоевшей компании. Причем откололся он, сохранив свое лицо, в прямом и переносном смысле, поскольку «махание» закончилось вничью. Хотя Канистре досталось по лицу, он остался доволен - главное, ни «фонарей», ни кровопусканий не было, и зубы все остались целы. А ссадина на лбу скрыта волосами, так что он мог любому плюнуть в глаза, если в пресловутой табели о рангах его поставят ниже Афоньки Не Бей Лежачего.

Канистра бодро шел по темной безлюдной улице. Стычка с Афонькой несколько расшевелила его и придала какой-то смысл сегодняшнему вечеру. Вообще-то Канистра направлялся домой, но ноги каким-то образом привели его на улицу Мунис, к забору, сколоченному из горбыля. И сердце его забилось гулко и учащенно.

Марина была единственной дочерью Кан Сон До, который погиб еще молодым где-то под Андижаном.

Странные то были времена. Не имея ни гроша в кармане, люди поднимались с насиженных мест и безбоязненно уезжали куда-то вдаль, где якобы и заработки больше, и люди добрее. Кан Сон До уже на следующий день после свадьбы повез свою молодую жену в Ферганскую долину, на целинных землях которой после войны возникло несколько корейских колхозов. В дни запоя, в который ударился счастливый отец в честь первой годовщины своей дочери Марины, он по своей куйлюкской привычке устроил побоище, в котором участвовало десятка два молодых корейцев. Побоище это закончилось для него трагически. В свалке кто-то из местных хулиганов засадил ему в спину нож. Лезвие попало в легкие,

и, пока потерпевшего везли в районную больницу, он истек кровью и умер в дороге.

Похоронив Кан Сон До, юная вдова, которая и толком-то не познала прелестей супружеской жизни, пробыв в невестках меньше двух лет, вернулась к родителям в Ташкент. Здесь она быстро выскочила замуж за перзревшего жениха, который настолько перзрел, что стал неспособен зачать потомство, оттого Марина так и не познала счастья быть старшей сестрой, зато в полной мере пользовалась всеми преимуществами, вытекающими из положения единственного ребенка в семье, и росла она без всяких комплексов и забот.

К тому времени, когда Вася трансформировался в Канистру, на большеглазую, ладно скроенную, озорную, вечно хохочущую Марину уже засматривались не только потенциальные женихи, но и обремененные семейными узами мужчины.

Она явно не предназначалась судьбой малорослому, смуглому Канистре. Но Канистра, не обращавший внимания на капризы Судьбы, встал на тернистую тропу Любви, сулившую ему либо вечное блаженство, либо..., впрочем, об альтернативе Канистра не задумывался.

А случилось это прошлой осенью на сборе овощей в пригородном колхозе. Для Канистры, как и, впрочем, для всех школьников, овощи и прочие мероприятия, связанные с освобождением от занятий, были как праздник.

Вдоволь наевшись сочных сладких помидоров с лепешкой, которую Канистра позаимствовал у старика-узбека, заправлявшего кухней на полевом стане бригады, он улегся на траве в тени тутовника, что рос на берегу арыка, и незаметно заснул.

И снился ему синий-синий океан, над которым он то парил, словно чайка, то белоснежной яхтой скользил по синей глади. И было ему так безмятежно, так радостно. Вдруг небо затянулось темными тучами, засверкала молния и полил дождь. Канистра камнем спикировал вниз и оказался в бурном океане и, хотя он был прекрасным пловцом, стал захлебываться.

Тут Канистра проснулся. Открыв глаза, он увидел перед собой хохочущую Марину.

«Ах ты, такой-сякой, ах ты, салажонок, - приговаривала она, поливая его водой из эмалированной кружки, - мы тут вкалываем, не разгибая спины, обливаемся потом, как последние «сто восьмые», а он развалился тут в тенечке, понимаешь, как какой-нибудь бригадир»...

Насчет вкалывания и пота Марина, конечно, загнула. Канистра видел своими глазами, как еще до обеда к ней приехал из города мотоциклист на «Яве» цвета спелой вишни и, несмотря на протесты учителя физкультуры, которому поручили приглядеть за старшеклассниками на их овощеводческой практике, укатил ее неизвестно куда.

Возмущению Канистры не было предела, что выразилось в потоке звуковых волн, фальцетом исходивших из самых глубин его души. Он наградил Марину коротким хлестким эпитетом, суть которого сводилась к тому, что Марина - четвероногое животное из семейства псовых, достигшее воспроизводящего возраста. Другой эпитет, не менее лаконичный и сочный, обозначал фольклорный вариант особы не совсем тяжелого поведения.

Тут пришел черед возмутиться Марине. В ее словарном запасе таких эпитетов оказалось гораздо больше - как никак она училась в выпускном классе. К тому же она подавала их в столь красочной форме, что Канистра раскрыл рот, и он почувствовал, что уши его вянут, будто скошенная трава под полуденным южным солнцем. Напоследок Марина наградила его презрительным взглядом и, повернувшись, поплыла прочь с гордо поднятой головой.

Канистру охватило странное чувство. Марина уничтожила его, втоптала в грязь его мальчишеское самолюбие, но почему-то, к своему немалому удивлению, он не испытывал ни стыда, ни ярости, ни даже желания бросить Марине вслед хоть какую-нибудь реплику, которая хоть как-то скрасила бы его унижение.

Так к нему пришла любовь.

3. БЕСПЛАТНОЕ КИНО 16 ПЛЮС

Итак, сердце Канистры билось гулко и учащенно. Он прикнулся к щелке горбыльного забора. А вдруг она еще не спит, сидит на айване и любитесь ночными звездами. Канистра не очень стремился остаться с ней тет-а-тет, вспоминая овощную историю. «Еще успеется, - убеждал он себя, - впереди целая жизнь». И он довольствовался тем, что наблюдал за ней издалека. Ему нравились ее длинные пушистые косы, хотя по большому счету он не одобрял этот атрибут девичьей красоты, поскольку находились пошляки, которые использовали его в качестве средства давления при выяснении отношений, а именно с этого начинаются предбрач-

ные игры. А ямочка на щеке Марины и вовсе сводила Канистру с ума.

Вряд ли Марина подозревала о своем необычном поклоннике - для нее он был салажанком, вечно путавшимся в школе под ногами, а потом, по окончании школы, она, вероятно, и вовсе забыла о его существовании. Но это ничуть не волновало Канистру - для него главным было, как он относится к Марине, а не как она относится к нему.

Он приходил в восторг при одном виде Марины, и восторг этот был куда более умопомрачительным, чем восторги, испытанные им на карбидном полигоне или автостоянке. Что из того, что она его не замечает, что он даже не осмеливается подойти к ней и заговорить о погоде и ценах на базаре. Он должен чуточку подрасти, подкачаться, подзаработать на туфли «Цебо» со скрипом. А там уже... Канистра не загадывал, что будет впереди, но рисовалось ему что-то радостное, большое и светлое.

Обычно Канистре хватало воздуха, которым дышала Марина, а тут, завидев слабый свет в ее окне, ему неудержимо захотелось взглянуть на свою спящую царицу. Отпирать застав Канистра не стал - он просто перемахнул через забор. Такие упражнения он проделывал каждую ночь при возвращении домой, поскольку гурленская бабушка, напуганная рассказами о куйлюкских бандитах, запирала калитку на большой амбарный замок.

Мать Марины с отчимом были на поле, а дворняжку, которую они завели для охраны дома и дочки на выданье и которая больше тявкала по всякому поводу, чем выполняла свои охранные функции, еще прошлой осенью увел Генка Мотороллер. Канистра точно знал, что Мотороллер не питал особой привязанности к четвероногим друзьям человека, а для чего он увел эту помесь бектемирской шавки с куйлюкским фокстерьером, для Канистры оставалось большой загадкой. Тем не менее Канистра был благодарен своему приятелю, потому что этот шавктерьер своим визжанием мог разрушить все его планы относительно бесплатного кино «Спящая красавица».

Крадучись, совсем как на экскурсии в дендропарк под названием «Соседский сад», Канистра приблизился к окну. С замиранием сердца он прильнул к стеклу и тут же отпрянул. Будто сторож дендропарка ткнул ему в морду двустволку шестнадцатого калибра.

Оглушенный Канистра решил было, что ошибся домом, и он огляделся вокруг. Нет, ошибки не могло быть. Вон дере-

вянный айван, а вон - синий дамский велосипед, на котором царица его грез время от времени совершала выезды по Куйлюку.

Канистра вновь прильнул к окну.

Он, как и все его погодки, обожал фильмы, афиши которых сопровождалась призывными объявлениями «Детям до 16 лет вход воспрещен». Хотя еще зимой ему исполнилось как раз 16, билетерша на такие фильмы его не пускала. На вид он выглядел гораздо старше ее пятилетнего сына, но не настолько, чтобы мог смотреть на этот экранный разврат, и Канистре ничего не оставалось, кроме как перемаживать по старой памяти через высоченную стену летнего кинотеатра.

Ему представился случай посмотреть бесплатный сеанс именно такого фильма. Заглавную роль в этом фильме исполнила та, которую он ставил выше Любви Орловой, Софи Лорен и прочих звезд Мосфилливода.

Исполняла она свою роль довольно непринужденно, буд-то всю жизнь провела на сценических площадках. С распущенными косами, в тонком ситцевом халате, распахнутые полы которого открыли перед взором изумленного Канистры белые крутые бедра, она сидела у изголовья какого-то молодого дядьки и, поджав под себя ноги, теребила его волосы.

В молодом дядьке Канистра узнал Кешу по прозвищу Фонарный Столб, что соответствовало его внешности и роду занятий. Кеша не претендовал на премию Оскара «За лучшую роль второго плана», но вполне удачно вписывался в кадр. Это был высоченный парень, столь же жизнерадостный, как и его партнерша по фильму. Работал он электромонтером, а по совместительству, судя по всему, артистом киностудии «Марина с улицы Мунис». Он возлежал на тюфяке, словно сатир, и снисходительно позволял Марине теребить свои волосы.

Канистре, испытывавшему самые различные чувства, было не до кинематографических тонкостей. Было потрясение, разочарование, ярость и еще какое-то доселе неведомое чувство, от которого пробежала дрожь по всему телу и заныло в паху. И это последнее постепенно вытеснило все другие. Будто член жюри Каннского фестиваля, он застыл в нетерпеливом ожидании следующих кадров.

Продолжение фильма не заставило себя ждать. Актер второго плана без всякой прелюдии грубо дернул главную героиню за халат, отчего последний распахнулся и Канистра увидел то, что детям до шестнадцати лет запрещается ви-

деть. Его разум помутнел, и он чуть было не свалился с подоконника от этого чудовищного кощунства. Как это можно - так запросто и так грубо хватать эту небесную фею?! Но фея, как это ни странно, не вскочила возмущенно и не вклепила пощечину обидчику, не стала торопливо застегивать пуговицы на халате. Более того, она как-то странно захихикала и опрокинулась навзничь, увлекая за собой Кешу.

Канистра спрыгнул с наблюдательного пункта и, размышляя об особенностях бесплатных ночных киносеансов, вышел на улицу. Тайна, открывшаяся ему, взволновала его до глубины души. Но постепенно потрясение прошло. Грезы любви сменились холодной яростью.

Увиденный фильм вызвал из его памяти ген, заложенный природой миллиард лет назад, когда Амеб-1 вызвал на смертный бой Амеба-2, совратившего Туфельку, на которую Амеб-1 первым положил свой единственный глазо-ухо-горло-нос. Канистра ясно представил картину события, происходившего в кипящих водах первобытного сероводородного океана, и постепенно в оскорбленном сознании Канистры стал вызревать план под кодовым названием «Мечь Фонарному Столбу».

4. МЕЧЬ КАНИСТРЫ

Проведя рекогносцировку места будущей битвы, Канистра пришел к неутешительному выводу: даже при всеобщей мобилизации всех своих ресурсов его фронтальный штурм обречен на неудачу. Противник обладал подавляющим преимуществом в живой силе и технике.

Троянскую войну, как известно, спровоцировал легкомысленный Парис, похитивший не менее легкомысленную супругу царя Менелая Елену. Война Канистры против Фонарного Столба была вызвана примерно теми же мотивами. Но Канистра не был ни царем, ни даже богоравным Ахиллом, и он избрал тактику китайских партизан, применявшуюся во время знаменитого Северного похода. Она предусматривала глубокие рейды по тылам противника и нанесение ударов по его складам, коммуникациям и прочим системам жизнеобеспечения, а также иные мелкие пакости в духе Одиссея, того самого, чье хитроумие, в общем-то, и привело великую Троию к гибели.

Куйлюкскому Че Геваре не надо было изобретать нового троянского иноходца, поскольку таковой уже имелся в наличии в виде мотоцикла «Ява» цвета спелой вишни. Именно на

нем Амеб-2 проторил путь к сердцу прекрасной Туфельки.

Канистра начал с того, что под покровом глубокой ночи десантировался близ уже известного горбыльного забора и тем самым осуществил первую стадию операции «Месть Амебу-2». Мотоцикл был припаркован у калитки - в те времена вероятность угона транспортных средств была практически нулевой, поскольку, во-первых, люди хорошо знали друг друга и кто чем дышит, и, во-вторых, таких транспортных средств было мало, и угонщика мог вычислить самый что ни на есть последний практикант из школы милиции.

Канистра, поглядывая по сторонам, приблизился к мотоциклу, пригнулся к колесам и торопливо, с бешено бьющимся сердцем совершил акт вандализма: выкрутил золотники с обоих колес мотоцикла. Так была осуществлена завершающая стадия операции.

После своей первой в жизни диверсии Канистра почувствовал облегчение, к нему вернулось хладнокровие. Всунув золотники в карман, он преспокойно, даже равнодушно досмотрел кусочек уже известного сериала. Фонарный Столб, ни о чем не подозревая, все так же посредственно играл свою роль в очередной серии бесконечной мыльной оперы «Марина с улицы Мунис».

Ничего нового в сюжет фильма герои не привнесли. Марина все также извивалась змеей, охала и ахала, видать, не очень сладко было выдерживать на себе такую тушу. И Фонарный Столб все так же пыжился, пыхтел, потел и что-то выкрикивал. Потом внезапно оханья и пыхтения прекратились, они оторвались друг от друга. Их усталые потные лица ничего не выражали, кроме тупости. Разве что Фонарный Столб чуточку погодя вышел во двор по «малому делу», чем несколько напугал Канистру. Но туалет находился по другую сторону двора и для новоявленного диверсанта все обошлось благополучно.

Успешно завершив свой первый Мунисский поход, Канистра хотел было направиться домой, но чувство неудовлетворенности охватило все его существо. Только кадр «Фонарный Столб у мотоцикла со спущенными шинами» мог хоть как-то утешить его израненную душу.

В качестве наблюдательного пункта Канистра избрал живую изгородь, разросшуюся у соседского дома, что напротив горбыльного забора. Он забрался в ее густую листву, тщательно замаскировался и стал дожидаться финальных кадров.

Ждать пришлось довольно долго. Затекали ноги, в животе

урчало от голода, мошकारа донимала. Хотелось спать. Канистра делал присядку, протирал глаза, но ничего не смог поделать с незваным гостем по имени Морфей. Вспомнив способ борьбы со сном, использованный Иваном-царевичем на охоте за Жар-птицей, Канистра хотел было сделать ножичком надрез на пальце и насыпать солью, но, поскольку соли нигде поблизости не наблюдалось, пришлось ему незаметно для себя заснуть...

Проснулся он от громогласного рева, разнесшегося по улице Мунис. Рев этот, обильно сдобриваемый сочным корейским матом и угрозами в адрес неизвестного ублюдка, которому Фонарный Столб обещал вырвать ноги и повесить на забор, напоминал рев раненного тигра, которому прищемили капканом лапу. И впрямь мотоцикл заменял Фонарному Столбу ноги. Пешим Канистра увидел его лишь в спальне Марины.

И рев этот сладостной музыкой отозвался в сердце куйлюкского Вершигоры. Дождавшись, когда Раненный Тигр утихомирится, смирился с тем, что придется добираться домой на своих двоих, что он и сделал вскоре, Канистра, насвистывая «Гром победы, раздавайся», ну, может быть, не совсем эту мелодию, но что-то такое, какое требовала окрыленная триумфом душа, отправился на место постоянной дислокации.

Недолго пришлось ему насвистывать эту мелодию. Уже на следующий день Фонарный Столб как ни в чем ни бывало выписывал крутые виражи вокруг улицы Мунис. Видать, золотников у него куры не клюют. А самое обидное было то, что позади, тесно прижавшись к нему, сидела Марина. Ее распущенные косы развевались на ветру, будто в насмешку Канистре.

Обескураженный куйлюкский анархо-синдикалист после недолгих размышлений решил провести новый, Второй Мунисский поход. Он даже забросил бензиновые дела, благодаря которым он обрел свой нынешний имидж и титул. И вскоре он нанес противнику более ощутимый удар, удар, можно сказать, ниже пояса.

Канистра подстерег Кешу в жаркий полдень на берегу Чирчика, где он вместе с Мариной охлаждал свой любовный пыл холодной речной водой. Мотоцикл, на который купальщики развесили свою одежду, был припаркован на видном месте, и Канистре стоило немалых трудов, чтобы по-пластунски подползти к нему. Раскаленная знойным июльским солнцем галька обжигала ему руки, ноги, живот, в кровь изод-

рала локти и колени, но Канистра, в чьем сердце пылал огонь мщения, стиснув зубы, преодолел эту полосу препятствий, вывернул гаечным ключом свечу зажигания и проткнул шилом оба колеса мотоцикла. Прихватив с собой туфлю «Цебо» (вторую он снисходительно оставил прочешки настроенному Фонарному Столбу), стремительно пополз назад, в укрытие.

На сей раз Канистра не стал тянуть кота за хвост. Оказавшись вне поля видимости купальщиков, он тут же помчался прочь, подальше от греха.

Потом были еще рейды по тылам противника, которые оказались настолько эффективными, что с лица жертвы исчезла беззаботная улыбка. Взгляд Фонарного Столба стал задумчивым, чего прежде никогда не наблюдалось на его жизнерадостной физиономии. В нем появилась какая-то издерганность, движения стали неуверенными, да и ростом он, кажется, стал ниже. Он изучающе, подолгу вглядывался в лица людей, словно пытаясь запеленговать своего невидимого преследователя.

Тем не менее, к великой досаде Канистры, бесплатные киносеансы на улице Мунис не прекращались. Таким образом, его партизанская тактика, хотя и несколько изменила соотношение сил, но конечного результата не принесла. И все же сеансы бесплатного кино стали проводиться гораздо реже, и куйлюкскому партизану пришлось довольно долго дожидаться момента нанесения противнику решающего удара.

Фонарный Столб, который прежде без присмотра оставлял свою «Яву» в любой точке Куйлюка, на этот раз загнал ее в Маринин сарай. Нелегко было проникнуть туда, но Канистра, как и подобает диверсанту, был вооружен до зубов. Вывернув отверткой замок с корнем, он в полной темноте нашупал мотоцикл и приступил к диверсионному обряду.

Как и большинство подростков его поколения, Канистра весьма неплохо разбирался в технике, а потому ему не составляло большого труда превратить это чудо технического искусства в груды искореженного металла. Кусачками он перерезал всю электропроводку, приводные тросы от газа и муфты, шилом проткнул колеса, причем в нескольких местах, снял фару, выворотил карбюратор, крылья и номерной знак, насыпал в цилиндр песка...

Это невинное дитя технического прогресса было виновато лишь тем, что год назад Марине от нечего делать вздумалось облить водой спящего Канистру. Шалость первой кра-

савицы школы обернулась для мотоцикла жестокими пытками, перенятыми новоявленным луддитом у палачей Торквемады. Канистра на мгновение пришел в ужас от деяний своих рук... Но в его памяти выплыла ямочка на щеке Марины, и холодная вода разума тут же потушила затлевшую было искру сострадания к этой жалкой куче металлолома. Напоследок Канистра открыл краник от бензобака. У него чесались руки поджечь эту огнеопасную жидкость, но у него не хватило духа, поскольку огонь его мести мог навредить царице его грез. Несмотря ни на что, даже на киносеансы с участием Фонарного Столба, Марина оставалась для Канистры неприкасаемой персоной.

5. ПЛОДЫ МЕСТИ

На улице Мунис, в доме, что с горбыльным забором, появился участковый инспектор, тот самый, который приходился Канистре соседом. И появился не один, а в сопровождении других милиционеров. Куйлюкская шпана совершенно не боялась его. Самое большее, что мог сделать этот большой и совсем незлобивый узбек, так это пойти к родителям нашкодившего мальчика, посетовать на нынешнюю молодежь, пожуричь мальчика, мол, веди себя, как подобает сыну таких хороших и уважаемых людей, как его родители.

Однако на этот раз он был хмур и зол.

- А ну, расходишь! - строго прикрикнул он на зевак, столпившихся у дома. - У людей беда, а они глазают, будто на концерт какой!

Давно на этой улице не было подобного происшествия, потому у горбыльного забора столпилось столько народа. Канистра, услышав о пожаре у Марины, был ввергнут в шок. В голове его лихорадочно проносились самые ужасные картины. Он тут же помчался к дому с горбыльным забором. Завидев милиционеров, прохаживавшихся у забора, Канистра замедлил шаги и постарался придать своему лицу спокойное выражение, хотя душа его рвалась туда, за горбыльный забор, к Марине, может, что-то ужасное приключилось с ней, может, лежит она, обгоревшая, бездыханная.

К счастью, он увидел Афоню Не Бей Лежащего, который, по всей видимости, удовлетворил свое любопытство, и, пнув ногой камешек, отделился от толпы.

- Афонька, здорово! - Канистра окликнул своего недавнего спарринг-партнера.

- А-а, Канистра! - откликнулся Афоня. - Здорово!.. Случа-ем не ты подпалил? - улыбнувшись, он кивнул головой в сторону горбыльного забора. - Ты же у нас огнеопасный.

Конечно, Афоня сказал наугад, но в груди Канистры екнуло от недоброго предчувствия.

- Подпалил? Кого? Кто подпалил? - с деланным изумлени-ем спросил он.

- Ты что, только проснулся? Тут такое творится! Видишь, менты подвалили к Маринке. У нее же ночью пожар был!

- Пожар? - стараясь не выдавать своего нетерпения и тре-воги, переспросил Канистра.

- Еще какой пожар! - Афонька, Канистра знал, любил при удобном случае «заливать», то есть преувеличивать, но сей-час Канистра верил ему на все сто. - Ночью пожарная маши-на приезжала, было столько крика, шума.

Канистре не терпелось узнать, что с Мариной, но из бо-язни выдать себя, не стал торопить Афоню. Впрочем, того и не надо было торопить.

- Говорят, в сарае был взрыв, - Афонька захлеб расска-зывал о событиях прошедшей ночи. - Там была Кешина «Ява». Он вошел туда, а там как бабахнет!.. Чуть не убило! Говорят, еще повезло ему, что успел выскочить из сарая в момент взрыв, но руки у него обгорели, обгорело все лицо, брови, ресницы... В общем, отвезли его в больницу, но утром уже прискакал сюда. Сейчас менты допрашивает его.

- А Маринка что? - не утерпел-таки Канистра.

- А что может случиться с ней? Она даже не горюет, на-оборот, хихикает с ментами, будто ничего не случилось... Вот шалава! Занимается любовью, как кошка, а страдают другие. Вот только Кешину «Яву» жалко, она же новенькая была. На ней он запросто двести км выжимал.

Канистру всегда коробили эпитеты, которые его прияте-ли награждали Марину, но на этот раз Афонькины измышле-ния ничуть не тронули его. Главное, она жива и здорова.

- Да ладно заливать! - презрительно усмехнулся он, по-чувствовав облегчение. - Тоже скажешь, двести км!

- Гадом буду! - поклялся Афонька.

...Канистре почудилось, что кто-то пристально вглядыва-ется ему в затылок. Он физически ощущал этот взгляд, ко-торый буравил ему затылок, словно огненной струей автоге-на. Канистра хотел повернуться, чтобы увидеть этот стран-ный взгляд, который нежданно-негаданно заронил смятение в душу Канистры, внушал ему тревогу и ужас. Но шею будто сковало гипсом - она отказывалась слушаться его. Канистра

попытался бежать. Но ноги, будто парализованные, не подчинялись ему.

Ценой невероятных усилий Канистре удалось открыть глаза...

Канистра спал, как обычно, во дворе на топчане, под марлевым пологом, который защищал от комаров. Марина сидела у его затылка, приткнув ноги под себя.

- Лежи тихо! - прошептала она, закрыв своей ладонью Канистре рот.

Канистра, как ошпаренный, соскочил с постели, потом инстинктивно схватил простыню и прикрыл свое тело.

- Надо же, какой стеснительный! - хохотнула Марина.

- Ты чего? Что ты тут делаешь? - протирая заспанные глаза, спросил Канистра.

- Говорят же тебе, тихо! Людей разбудишь!.. Поговорить надо.

- Нашла время! - возмущенно сказал Канистра. - Не даешь человеку выспаться.

- А ты даешь мне спокойно спать? - в свою очередь возмутилась Марина.

- О чем ты?.. При чем тут я?

- Сам знаешь при чем.

- Ничего я не знаю! - грубо ответил Канистра, но, увидев ее глаза, тут же онемел.

- Знаешь! - убежденно повторила Марина.

- Не знаю, - не очень убедительно ответил Канистра, отвернувшись от девушки. - Я хочу спать.

- Успеешь выспаться, - безапелляционно заявила Марина.

- Я знаю, что ты поджег наш сарай.

- Ты что, спятила? - вскричал Канистра. - На черта сдался мне твой сарай, чтобы поджигать его?!

- Может, ты и не поджег, - согласилась Марина, - но я уверена, что ты раскурочил Кешину «Яву», из-за чего оттуда бензин вытек. Кеша вошел туда и, наверное, зажег спичку, чтобы закурить.

- Раскурочил, раскурочил! - зло передразнил Канистра. - А кто докажет, что это я?

- Я докажу, - спокойно ответила Марина.

Ее умный пронзительный взгляд прожег Канистру до самого сердца, и он отвел свои глаза.

- Не докажешь, - неуверенно ответил он.

Марина усмехнулась.

- Я с самого начала знала, что это ты охотишься на Кешину «Яву», - сказала она.

- Если знала, почему молчала?

- Сама не знаю, - неожиданно призналась Марина, - наверное, не думала, что дело до пожара дойдет.

- Я не поджигал! - упрямо сказал Канистра.

- Ладно, это уже дело прошлое. Поджигал не поджигал, сейчас это не имеет никакого значения... Я и в милиции сказала, что никто не виноват, мол, мы сами виноваты. Но я с самого начала знала, что это ты нападаешь на Кешину «Яву»... Я же не дура, я видела, как ты следил за мной, как ты смотрел на меня. Только делала вид, будто не замечаю.

- Я следил за тобой? - возмущился Канистра. - Очень нужно, что, у меня других дел нет?

- Следил, следил! - засмеялась Марина. - А что тут плохого? Если парень смотрит на девушку, значит она нравится ему. Всем девушкам нравятся взгляды парней.

Сердце Канистры затрепетало, признание Марины заронило в его душу искру надежды.

Но на вспыхнувшуюся было искру надежды Марина сама тут же вылила ушат холодной воды.

- Но одно дело просто смотреть и совсем другое - вредить. Ты так навредил Кеше, что он с ума сходит. Убью, говорит, если поймаю. А ведь рано или поздно он все равно поймает тебя. Убить не убьет, но может сильно побить - он же вон какой здоровяк...

- А я вон какой маленький? Пусть попробует! - взъерепенился Канистра. - Посмотрим, кто кого!

- Не хватало еще, чтобы вы подрались!.. Кеша мой жених, законный жених. Разве ты не знаешь, зимой родители Кеша приходили к нам, сосватали меня... Осенью будет свадьба.

При упоминании этого ненавистного имени Канистра тут же взорвался:

- Ну и женитесь! Зачем ты мне это говоришь?

У Канистры за последнее время накопилось столько ярости, что ее надо было на кого-нибудь вылить, и он хотел обматерить Марину, послать ее куда-нибудь, например, к чертовой матери, а, может, и подальше. Но острое и неуправляемое чувство обиды и горечи сдавило ему грудь, к горлу подкатил комок, и из его глаз предательски покатались слезы. Уткнувшись лицом в подушку, Канистра судорожно зарыдал.

- Ты чего, Вася? - растерялась Марина.

Она погладила Канистру по голове, но он, не поднимая головы, оттолкнул ее руку.

- Вася, ты слишком молод для меня, - Марина пыталась

утешить его, - ты симпатичный парень, умный, ты еще найдешь себе девушку.

- Не нужно мне никакой девушки! Понимаешь, никто мне больше не нужен!.. Уходи!.. Убирайся!..

- Хорошо, я уйду, - все так же мягко ответила Марина. - Но прошу тебя, не вреди больше Кеше.

- Очень мне нужно! - ответил Канистра

Приподняв марлевый полог, Марина обернулась к Канистре. Он все еще лежал, уткнувшись в подушку. Марина, поколебавшись, снова подползла к нему, обняла и поцеловала его в щеку.

- Вася, ты еще найдешь себе девушку, гораздо лучше и красивее меня, - прошептала она, после чего спрыгнула с айвана и быстрыми шагами направилась к выходу.

Объятия Марины были такими желанными, такими сладостными, что у Канистрыхватило дух, и ему захотелось, чтобы эти руки и эти губы касались его вечно. Но он уже знал, что этого больше никогда не будет, и он подавил в себе желание позвать Марину, чтобы рассказать ей о своих чувствах, о своих мучениях, о своей любви.

Широкие полы голубого в белый горошек платья затрепетали на свежем предутреннем ветру и стремительно скрылись за калиткой. Вместе с Мариной ушла последняя надежда. И первая, так и несостоявшаяся любовь куйлюкского Рокфеллера.

Так закончилось детство Васи Канистры. Впереди его ждала целая жизнь. Но это уже другая история.

ШРАМ

Мать всегда была к нему ласковой. Бывало, прижмет его к себе и гладит вихры. А он только сердился: «Ну, не надо, мама!». Даже когда его уже стали называть по имени и отчеству, она обнимала его, целовала в щеку.

Принимая эти проявления чувств материнской любви, он не ощущал в себе такие же чувства, хотя любил мать и чувствовал себя виноватым перед ней. «Сдержанность - свойство восточных людей», - прочитал он где-то и этим оправдывал себя.

Но в эту минуту ласка матери была ему такой нужной, такой целительной. Он доверчиво, как давным-давно, прижался к ней и чувствовал себя защищенным от житейских бурь и забот, от мелочной суеты, которая паутиной оплетает душу.

- Ма-а-ама!

Немолодой, слегка погрузневший мужчина, не снимая плаща, с которого еще струилась дождевая вода, прильнул к кровати, где недвижно, укрытая байковым одеялом, лежала старушка-мать.

Ее бледное иссохшее лицо, устремленное в потолок, было спокойным и умиротворенным. Глаза были широко раскрыты, но они никак не отреагировали на исступленный зов сына. Казалось, огонек жизни, едва тлевший в этом крохотном тельце, уже потух.

- Это я, Коля! Ваш сын! - обливаясь слезами, мужчина схватил руку матери.

В этом его исступлении слышался ужас остаться неузнанным той, что дала ему жизнь, вскормила своим молоком, а теперь закрытая невидимым щитом, не пропускавшим ни свет ни звуки, обрекала его жизнь на вечные муки.

Привыкшая к размеренности и спокойствию, мать, почувствовав прикосновение чужих, совсем незнакомых ей рук, испуганно вздрогнула. Потом, когда первая реакция прошла, на лице ее появилось слабое подобие любопытства. Она неуверенно коснулась его пальцев.

Николай Семенович узнал руки матери.

В один из редких лет, когда у отца вдруг просыпалась жажда деятельности, он арендовал в колхозе землю. Благо, на целине земли не жалели. Арендаторам устанавливали план, который они сдавали в колхоз в качестве арендной платы. А излишки они продавали на базаре. Выгода была обоюдная. И люди зарабатывали, и колхоз выполнял план по заготовке риса.

Урожай в тот год не уродился. Впрочем, у отца даже в хорошие годы всегда получалось хуже, чем у других. Может быть, поэтому он не очень-то рвался в аграрии. Со всего

поля набрали десяток мешков шалы - неочищенного риса. «Ничего, - вздохнула мать, давно уже примирившаяся с неудачами, - зато зимой не надо будет покупать рис на базаре».

Чтобы вывести рис, матери пришлось взять на подмогу восьмилетнего Колю. Старшие дети в составе школьной бригады собирали хлопок на колхозных полях. А отец с утра пошел в МТС за трактором, наказав жене ждать в поле.

Они прождали целый день, а трактора все не было. На поле никого - соседи вывезли урожай неделю назад. Надвигалась темень, начал накрапывать дождь. Коля не отходил от матери, памятуя рассказы отца о волках, которые в те времена наведывались даже на окраину райцентра.

- Надо хотя бы до дороги донести, - говорила мать, - а там, глядишь, машина какая подберет.

Про машину она сказала так, для самоутраждения. По этой дороге даже днем машины ходили очень редко. С помощью Коли мать взвалила на себя мешок и засемила к дороге. Коля тоже был нагружен - мать отсыпала ему в запасный мешок немного риса.

Тогда Коля не видел ничего особенного в том, что мать несла на себе полуцентнерный мешок. И только сейчас, глядя на эти маленькие руки, на это крошечное тельце, сердце Николая Семеновича сжалось до боли.

Уже после второй ходки Коля хныкал: «Мама, я устал, давай отдохнем». - «Нельзя, Коля, видишь, уже совсем темно, - отвечала мать, не замедляя шагов. - Если трудно, поставь мешок прямо на землю, я потом сама перенесу».

Обрадованный Коля сбросил сдавливавшую плечо ношу и весело затопал за матерью.

Самое тягостное в воспоминаниях было то, что когда мать перенесла все мешки, прибыл трактор.

- Ну и дура! - набросился отец на нее. - Нет трактора, так надо было бросить все к чертовой матери и отправляться домой!

Он ничуть не чувствовал себя виноватым. Для негодования у матери не было сил. Только кивнула Коле:

- Полезай в кабину, согрейся.

Коля тут же взлетел на трактор. Обиды на отца как ни бывало. Наоборот, видя, что отец с трактористом за панибрата, Коля даже загордился им.

Трудно было найти в поселке более неподходящую пару, чем мать с отцом. Рядом с маленькой неказистой матерью он выглядел особенно выгодно. Статный, высокий, с длин-

ными черными усами, за которые в поселке его прозвали Буденным, он пользовался успехом среди местных женщин, даже замужних. Ни время, ни заботы, казалось, не трогали его. Не имея определенной профессии, он не работал долго на одном месте. Нанимался чернорабочим в машинно-тракторную станцию, шабашничал, сторожем при сельмаге служил. А то вообще месяцами на кудури - корейской печи - отлеживался.

Отецпил горькую, напропалую гулял. Словно мстил жене за неудавшуюся жизнь. Будто не женись он на ней, его ожидала другая участь. Мать молча переносила обиды. Только ночами - у Коли не раз вскипало в груди - она выходила во двор и тихо плакала под виноградником. Уйти не хватало духа. Да и куда уйдешь от детей? Родители померли еще до войны, братья и сестры вернулись в Приморье, да и у них уже давно своя жизнь.

Брови матери сдвинулись, она вся напряглась, силясь узнать чьи это руки...

Нет, эти мягкие потные руки не были ей знакомы, и она поспешно убрала свою руку под одеяло.

- Мама! Это я! Коля! - его тело судорожно тряслось.

- Не тормоши ее! - зло выкрикнула Раиса, породная широкоскулая сестра Николая Семеновича. - Она все равно ничего не видит и не слышит.

Замуж Раиса вышла поздно, когда ей было уже за тридцать. И, словно стремясь нагнать своих сверстниц, многие из которых уже готовились стать бабушками, за короткий срок нарожала кучу детей, с любопытством и испугом разглядывавших незнакомого плачущего дяденьку.

Заботы о детях, бесконечные распри с мужниной родней сделали Раису злой и сварливой. А тут еще на ее плечи легла забота о больной матери.

О телеграмме от Раисы Николаю Семеновичу сообщила по телефону Алла Андреевна.

- На какие шиши собираешься ехать? - она не могла скрыть раздражения по поводу предстоящих расходов.

- Почему собираешься, а не собираемся? - Николай Семенович попытался перевести разговор в спокойное русло, хотя он знал: когда речь заходила о расходах, разговор на нормальных тонах не получится.

- Я не могу. В отделе из пятерых остались только двое.

- Это я уже слышал. Но ведь мать при смерти, понимаешь? При смерти!

- Слушай, может, они преувеличивают? Просто хотят, чтобы ты приехал. Мать-то у тебя крепкая. Сам рассказывал, как она пятидесятикилограммовые мешки поднимала.

- Вспомнила! Сейчас-то ей под восемьдесят.

- Все равно, я уверена, они преувеличивают. Твои родственники всегда преувеличивают. Чтобы мне подгадить.

- О чем ты говоришь, женщина? Зачем тебе подгаживать? Ты что, кусок хлеба у них отнимаешь?.. В общем, надо ехать. Даже если они преувеличивают, надо съездить. Сколько мы уже не были там!

- Как это не вовремя! Ты же знаешь, шефу до пенсии совсем немного осталось, а меня прочат на его место. Если поеду, пиши пропало.

Николаю Семеновичу крыть было нечем. Прибавка к семейному бюджету ох как нужна - за кооперативную квартиру выплатили только половину всей суммы, а тут еще сыновья в институте учатся. Но ведь и ехать надо. Вдруг похороны - явишься без жены, засмеют.

- Что это я уговариваю тебя! - взорвался Николай Семенович. - В конце концов, муж я тебе или нет? Свекровь при смерти лежит, а она о карьере! Неделя ничего не решит, слышишь ты, карьеристка? Если заслужила, поставят - никуда не денутся!.. В общем, я еду в авиакассу.

Алла Андреевна вместо ответа тяжело вздохнула.

Только бы успеть, думал Николай Семенович. Если мать умрет до его приезда, он никогда не простит себе. Николай Семенович давно уже свыкся с мыслью, что мать вот-вот может умереть. Находясь многие годы вдали от нее, он постоянно чувствовал угрызения совести, что так и не сумел принести ей той радости, которая стала бы наградой за все ее страдания.

Однажды отец сбежал с молоденькой женщиной. Утром, как обычно, позавтракал, натянул на себя тужурку, сапоги и, не сказав домочадцам ни слова, вышел из дома. Никто и не заподозрил неладного даже в том, что отец не пришел ночевать. В райцентре, наверное, заночевал, считали дома, у младшего брата Сергея.

Лишь к вечеру следующего дня соседка, ездившая в город, сказала, что видела отца на железнодорожной станции. Он сел на поезд с Любой, продавщицей хозмага, и в руках у них были чемоданы. Мать бросилась в спальню и только сейчас обнаружила исчезновение чемодана. Она присела на циновку и запричитала:

- Увела-таки, шлюха! - мать в бессильном отчаянии ломала себе руки. - Шлюха! Сучья дочь! Не будет тебе счастья!... Как жить теперь? Как детей прокормлю? Лучше бы вы не появлялись на свет!... Плохой у вас отец! Подохнет, как собака!

- Замолчи, негодница! - закричала свекровь. - Сама виновата, что не смогла удержать мужа. Лучше ухаживала бы за ним, а то он вечно ходил в неглаженных брюках.

- Когда это он ходил в неглаженных брюках? - возмутилась мать. - Ну уж нет, если кто и виноват, так это вы! Вы постоянно натравливали его на меня. Вы натравливаете на меня всю свою родню! Видеть вас не могу!

- Ты еще поплачешь у меня! - пригрозила бабушка и начала собирать свои вещи.

Отец вернулся через два года. Сыновья были несказанно рады, и только Рая встретила его настороженно. Буркнула что-то вроде приветствия, постояла с минуту, наблюдая исподлобья, как отец шумно и весело разговаривает с ее братьями, и ушла в другую комнату. А мать вообще не вымолвила ни слова. И отец не пытался вызвать ее на разговор. Только открыв чемодан и раздав детям подарки, он протянул жене отрез шелковой ткани.

- Это тебе, - сказал он, не глядя ей в глаза.

Подарок мать приняла. Наверное, чтобы не омрачить детям праздник, очень редко выпадавший на их долю в те времена. А праздник у них был. Коля, облачившись в брюки, подаренные отцом, чувствовал себя как никогда счастливым. Брюки были настоящие, с карманами по бокам, шириной, крючком. Но самым ценным в них был ремень с металлической застежкой в виде двух голубей. Такой ремень Коля еще ни у кого не видел.

Миновала неделя, но отец никуда не выходил. Целыми днями возился дома, приводил в порядок сарай, огород. И мать забеспокоилась.

- Работать вы не собираетесь? - спросила она.

Это были ее первые слова, обращенные к мужу после его возвращения.

- Как не собираюсь? - ответил обрадованный отец. - Я уже ходил в контору. Взяли учетчиком, в вашу бригаду.

- К нам? Учетчиком? - недоверчиво спросила мать.

Отец сразу взъерошился.

- А что? Думаешь, не справлюсь? Да я за эти два года многому научился. И не только считать.

- По мне кем угодно, лишь бы работали, - примирительно сказала мать, - а то людям стыдно в глаза смотреть.

Мир, казалось, наконец воцарился в семье. Лишь изредка бабушка наведывалась из райцентра, - после побега отца она переселилась к дяде Сергею - ее второму сыну, - и вносила напряжение в семейные отношения. Она так и не сумела полюбить свою старшую невестку. Наверное, в этом была отчасти виновата и сама невестка, которая никак не хотела примириться с ролью бессловесной рабыни и открыто восставала против всесилы свекрови.

С возвращением отца в доме стало теплее, светлее. И даже мать как-то выпрямилась, посветлела. И очень скоро у Коли появилась младшая сестренка Зоя. Коля больше всех любил эту толстушку. Единственное, что омрачало его любовь, так это то, что ему приходилось стирать за сестренкой пеленки. Рая уже работала в колхозе, а мать после родов часто болела.

Сейчас Зоя стала важной дамой. Муж у нее директор завода, и сама она доцент института. Знает ли она, что я стирал за ней пеленки, подумалось Николаю Семеновичу. Наверное, знает. Мать при случае любила рассказывать о младенческих годах своих детей.

Целый день пришлось проторчать в аэропорту.

- Все, хватит! - не выдержала Алла Андреевна - Мы никогда не вылетим отсюда. Надо сдавать билеты.

У Николая Семеновича и без этого было тоскливо на душе. Впервые за многие годы собрался к матери и вот на тебе - вылет задерживали на неопределенное время. Из-за нелетной погоды.

- Как хочешь! - зло ответил он. - Можешь сдать свой билет. Я лично уеду в любом случае. Не рассеется туман, на поезде поеду, пешком пойду. А ты езжай домой... Хватит! Надоело!

- Да потише ты! - изумилась Алла Андреевна. - Чего расшумелся? Я разве не хотела ехать? Разве я виновата, что нелетная погода?

После рождения Зои в отце все чаще и чаще стала пробуждаться былая страсть к подвигам. Подолгу, иногда по нескольку дней не бывал дома, начал выпивать. «Опять по шлюхам таскаетесь!» - возмущалась мать. «Могу я к матери съездить?» - не терялся отец.

Очень скоро подозрения матери подтвердились, причем самым трагическим образом.

Как-то утром в дом прибежал парторг колхоза и сообщил, что отец в больнице.

- Что случилось? - вскрикнула мать.

- Вы не волнуйтесь, Ок Сун, - стал успокаивать ее парторг, - врач сказал, что ничего страшного.

- Так что же случилось? - еще больше разволновалась мать. - Говорите! Я ничего не боюсь.

- Понимаете, - замялся парторг, - в общем, его ножом пырнули.

- Я так и знала! - запричитала мать. - Знала, что этим он и кончит... Кто же его пырнул?

- Гриша... Вы знаете его! Ну, братишка нашего агронома. Он трактористом в водхозе работает.

- За что же он его? По пьянке?

- Нет, нет, - ответил парторг, но тут же осекся. - А, может, и по пьянке, не знаю. В общем, мне пора. Надумаете ехать в больницу, зайдите в контору. Если не машиной, так хоть арбой помогу.

Люди рассказали то, о чем умолчал парторг. Гриша, придя к себе домой в рабочее время, застал свою красавицу-жену с Буденным. В завязавшейся драке Гриша, хотя и был послабее, сумел нанести прелюбодею несколько ножевых ран.

Мать вернулась из района подавленная и как-то сразу постаревшая. Вопреки сообщению парторга, состояние отца было очень плохое. Он умирал и просил жену при-вести к нему в больницу детей.

Коля не узнал отца. Он стал вдруг какой-то маленький, щедущий и бледный. И с глаз катились слезы.

- Сеня! - мать торопливо бросилась к нему. - Я все простила. Только не умирайте!... Как я подниму детей, Сеня? У меня не хватит сил. Не умирайте, прошу вас!

Лицо отца скорчилось от боли, которая усугублялась душевными муками. Вошедшая медсестра почти силой вытолкала мать из палаты.

К вечеру отец умер.

- Мама, это я, Коля! - Николай Семенович плакал навзрыд. - Неужели вы никогда не узнаете меня?

Ему казалось - рушится мир. Мать уносила с собой свои страдания и свои муки.

Мать вздрогнула и, словно понимая, чего от нее хотят, коснулась рукой лица незнакомца. И мягко, нерешительно стала ощупывать его голову. Вдруг ее пальцы нащупали рубец на его лысине. Лицо матери дернулось в судороге.

- Коля! - вскричала она.

Не вскрикнула - едва шевельнула губами. Но это был крик, крик из самого сердца. И Николай Семенович услышал его.

- Алла, слышишь? - закричал он. - Мама узнала меня!

Николай Семенович смутно помнил тот день. В его памяти запечатлелись лишь испуганные, неизменно расширенные от ужаса глаза матери. Запомнил еще, как мать смачивала рану керосином. А почему керосином, он так и не удосужился спросить ее, хотя впоследствии мать не раз рассказывала детям об этом случае.

При рассказе мать не могла удержать слез. «Вы были виноваты, что так случилось! - бросала она отцу. - Я с утра до ночи занималась домашними делами, а вы шлялись где попало... А что, разве не так было?... Эдик еще грудь сосал, Рая была в школе, а у меня куча белья и немытой посуды. И еще обед надо было готовить на всю ораву. А ваша мать, вместо того, чтобы помочь, устраивала бардак с вашими родственниками. Это чтобы я больше работала. Как же! Невестка ведь!».

«Дура! - вспыхивал, как спичка, отец, - сама виновата, а на других хочешь свалить».

И так же, как спичка, быстро угасал. Махнув рукой, мол, да что с тобой говорить, он выходил во двор. «Вы и ваша мать виноваты! - кричала вдогонку мать. - Я варила обед, замачивала белье, усыпляла Эдика. А Коля - тогда ему и пяти еще не было - вертелся возле меня, все просил поиграть с ним. Больно шустрый был - все бегал, прыгал, шумел. Ну, как уследишь за таким?... Я на минутку вышла за водой и еще не успела дойти до колодца, как услышала крик».

Тут у матери наворачивались слезы, она начинала всхлипывать. Всклипывания переходили в рыдания, и она еще долго не могла остановиться. Потом, успокоившись, продолжала рассказывать. Она увидела Колю на дне ямки, вырытой перед печью. Коля, видать, споткнулся и, падая в яму, ударился головой о металлическую перемышку.

«Я чуть с ума не сошла, думала, ты помер. Ведь ты даже не плакал. Я вытащила тебя, обработала голову керосином, перевязала полотенцем и побежала к Су Ун-че. Она немного врачеванием занималась... А что на улице творилось! Выбежали соседи, а свекровь при всем народе кричала: «Вы посмотрите на нее! Ребенка своего убила!». Тогда я впервые осмелилась ответить ей. «Чтоб вы подошли!» - сказала я. Свекровь чуть не подавилась от злости, потом запричитала и по-

бежала за вашим отцом. А мне было все равно, я уже ничего не боялась. Несколько дней плакала без удержу. А есть вообще не могла, тошнило от еды. Отец, хоть и покричал сначала, а потом сам испугался и стал успокаивать меня».

И снова слезы наворачивались на глаза матери.

От того падения у Коли остался глубокий шрам. Со временем он зарубцевался, уменьшился, и Коля уже почти забыл о нем. И лишь когда стали редеть волосы, шрам сначала едва заметно, потом все отчетливей вырисовывался над виском.

- Мама узнала меня!

Слезы сыновнего восторга обильно орошали руку матери. И даже сдержанная Раиса не удержала слез. А Алла поспешно пошла на кухню, чтобы промыть запачканные глаза.

Мать прижала голову сына к своей груди. И только сейчас Николай Семенович подумал, что мать всегда была к нему ласковой. Прижмет, бывало, его к себе и гладит вихры. А он только сердился: «Ну, не надо, мама!».

Даже когда его уже стали называть по имени и отчеству, и он приезжал изредка навестить мать, она обнимала его, целовала в щеку.

Принимая эти проявления чувств материнской любви, он не ощущал в себе ответных чувств, хотя любил мать и чувствовал себя виноватым перед ней. «Сдержанность - свойство восточных людей», - прочитал он где-то и этим оправдывал себя.

Но в эту минуту ласка матери была ему такой нужной, такой целительной. Он доверчиво, как давным-давно, прижался к ней и чувствовал себя защищенным от житейских бурь и забот, от мелочной суеты, которая паутиной оплетает душу.

КОГДА РАССЕЕТСЯ ТУМАН

От деревьев, покрытых инеем, от густой белой пелены тумана, от полотнища с иероглифами, развевавшегося впереди похоронный процессии, веяло холодом. Белый цвет - цвет холода. Не потому ли на Востоке белый цвет - цвет траура?

Люди шли молча, с непокрытыми головами. Быть может, никогда еще они не были так близки, так добры друг к другу. Напрочь позабылись ссоры и взаимные обиды, зависть и презрение. Быть может, только в эти минуты, под печальную, исторгающую слезы мелодию, под полотнищем с причудливыми письменами, они вдруг осознали, что все они - дети одной матери.

Смерть облагораживает людей, их мысли становятся чище и светлей. Не поэтому ли на Востоке цвет траура - белый?

Умер Ли Су Ун.

Эта весть, скрипучая, как ворота соседа, пришла к Андрею Мироновичу в облике сухонькой сгорбленной старушки в длинном, до самых галosh, платье из шотландки, над которой увядшим подсолнухом торчала сморщенная головка, обвязанная белым ситцевым платком.

В поселке Нина Кузьминична была известна больше как Су Ун-че, то есть жена Су Уна, что было в чисто восточном духе, который предполагал непререкаемый авторитет мужа в семье, и женщина, войдя в его дом, теряла свое имя, становилась его тенью.

Выйдя замуж за Су Уна, Нина Кузьминична за полвека совместной жизни настолько вросла в обычаи и образ жизни его народа, что и в самом ее облике появились типичные черты старых корейнок: та же мелко семенящая походка, та же мягкость манер и покорная улыбка. И лишь внимательный взгляд мог заметить в ее глазах голубоватый славянский огонек.

С Андреем Мироновичем ее ничто не связывало. При встрече они лишь обменивались вежливыми улыбками да едва слышными приветствиями. И только, когда ситуация делала общение неизбежным, например, на чьих-то именинах или свадьбе, Андрей Миронович расспрашивал ее о Су Уне, памятуя, что когда-то старик вырыл яму для туалета.

Дело в общем-то давнее, и произошло оно без ведома Андрея Мироновича. Уж он-то ни за что не смог бы попросить старика о столь деликатном деле - лучше бы сам, подгоняемый назойливыми напоминаниями супруги Полины, взял бы в руки лопату и выкопал яму для нового туалета. Но теща, не упуская случая доказать, что муж мужем, а мать всегда остается матерью, как-то привела Су Уна к дочери и поставила зятя перед свершившимся фактом...

Тещу Андрей Миронович сердито упрекнул, супругу побранил и... облегченно вздохнул. Но чувство вины, внезапно охватившее его, когда он торопливо всучивал старику две пятирублевки, одну из которых Су Ун тут же вернул, сказав, что работа не стоит таких денег, осталось и поныне. С тех пор он считал себя обязанным поинтересоваться при случае у стариков об их здоровье, житье-бытье. Но такие случаи выпадали редко.

Что же привело Су Ун-че к нему в столь ранний час?

«Она же в белом платке!» - пронзила его догадка. Андрей Миронович слышал от Полины, что Су Ун давно и неизлечимо болен туберкулезом.

Подыскивая слова утешения, он поймал себя на мысли, что смерть Су Уна не слишком огорчила его. Скорее, она вызвала чувство досады, что пришлось попасть в щекотливую ситуацию, когда нужно сказать что-то правильное, соответствующее, а в голову ничего не приходит.

- А ведь он был еще крепкий,- неожиданно брякнул он и тут же покраснел.

- Хворал дед, - ответила Су Ун-че, чем еще больше смутила Андрея Мироновича. - Хворал, а все равно копался в огороде. И все думали, что он здоровый. А вчера после обеда прилег на кровать и больше не встал... Ну, я пойду.

Су Ун-че обвела Андрея Мироновича невидящим взглядом, горестно вздохнула и засемила к выходу.

Как она жить теперь будет? Острая жалость к этой совсем одряхлевшей односельчанке кольнула сердце Андрея Мироновича, вдруг осознавшего всю тяжесть ее утраты.

Чертыхнувшись, он бросился к двери: о главном-то он так и не расспросил старушку. Но тут же остановился. О чем спрашивать! И так все ясно: детей у нее нет, родственников тоже. Значит, надо помочь.

Су Ун-че медленно брела по улице.

Взгляд ее, как и мысли, упирался о глухую белую стену. Не видать ни домов, ни деревьев. Какой нынче туман! Когда он рассеется?.. Может, уже никогда?

Прилечь бы, заснуть, раствориться в этом тумане!.. Но ведь старика еще не похоронила! Кто же станет возится с ним?.. При жизни-то люди даже здоровались неохотно, будто боялись заразиться его старостью, его немощностью. И этих людей надо звать на похороны...

Нина не знала, откуда была она родом. Только помнила,

что ее деревня располагались где-то у большой реки. Отец ее потерял ногу в гражданскую, от чего запил, стал молчаливым и угрюмым, а однажды мать нашла его в сарае со вскрытыми венами.

Потом пришли голодные времена. Люди ели кору деревьев, ели собак, кошек, крыс. Из всей семьи Нина выжила одна, и она покинула опустевший отчий дом. Все смешалось в ее голове: светящиеся от голода глаза малолетних братьев, тоскливый взгляд умирающей матери, непролазные дороги, шумная негостеприимная станция, грязные и душные вагоны, набитые грязными и злыми беженцами.

Поезд привез Нину во Владивосток. Не зная куда идти, она бродила около станции, копалась в заброшенных огородах в поисках съестного. Ночевала где придется - на станции, подвалах, а то и вовсе под забором.

Однажды Нина, голодная и обесиленная, бродила по окраине рыбацкого поселка. Ноги привели ее на берег моря. От изнемождения она присела на прибрежный валун. На валун накатывались холодные волны, но она не замечала этого. Так, в забытии, просидела она долго.

- Эй, сударушка, зачем сидишь? - услышала она сквозь дрему чей-то голос.

Очнувшаяся Нина увидела перед собой смуглолицого подростка, державшего в руках удочку и кукан с рыбешками. Местные русские называли представителей его народа «чумизой». Она хотела было привстать, но не смогла. Чумиза подошел к ней поближе.

- Кушать хочешь? - спросил он, поднеся рыбешки к ее глазам.

Нина только кивнула головой. Чумиза жестом показал ей, мол, пошли со мной. Она с трудом встала и поплелась вслед за этим неожиданным спасителем.

Он привел Нину к деревянному домику, находившемуся на окраине поселка. В очаге, сложенном из камней, он разжег огонь и поставил чугунок с водой. Чугунок был черный от копоти. Когда вода закипела, он бросил туда шепотку риса. Рис для Нины был в диковинку, она и не знала, что есть такое зерно. Пока рис разваривался, чумиза почистил рыбу и, промыв ее в воде, нарезал на куски. При этом он отправил кусок мякоти в рот и предложил то же самое сделать Нине. Как ни была голодна, Нина не смогла проглотить сырую рыбу. Пожевала и сплюнула. Чумиза рассмеялся и вывалил часть нарезанной рыбы в котелок.

Каша получилась жиденькая, но Нине казалось, что ни-

когда еще она не ела такой вкуснятины.

Паренька звали Су Ун, приехал он с отцом из Кореи на заработки. Но отец вскоре умер от туберкулеза, и Су Ун должен был вернуться домой. Но у него не было ни денег, ни припасов, чтобы тронуться в путь. Да и как явиться к голодной семье с пустыми руками? Вот он и остался в русском Приморье в ожидании лучших времен. Местные жители занимали его вскопать огород, убрать навоз в конюшне, починить забор. Так он и жил в надежде подзаработать денег и вернуться на родину.

Ночевал он в домишке, сколоченном из горбыля. Когда-то местные рыбаки хранили здесь бочки с соленой рыбой. Потом, когда выстроили более вместительный склад, сюда стали селить сезонников.

В этот домишко и привел Су Ун Нину.

Возвращались они домой поздно, ушли тоже затемно. Он все боялся, как бы кто не увидел девушку в его домике. Да и то! Кто она ему? Ни сестра ни невеста - случайная подруга по несчастью.

Так и жили бы они, и, глядишь, дело бы закончилось тем, чем обычно заканчивается жизнь под одной крышей одинокого парня и одинокой девушки.

Но однажды нагрянули в деревню японцы.

Они вошли, грубо толкнув едва державшуюся на веревочной петле дверь. Су Уна, пытавшегося закрыть подружку своим тщедушным телом, попросту вышвырнули за порог. Они хохотали, срывая с Нины платье, щупая ее груди и бедра. Она металась, как рыба, пойманная на крючок, звала на помощь. Но солдаты были откормленные, сильные, цепкие...

Потерявшая было сознание Нина услышала истошные крики. Она открыла глаза и увидела, что мучители ее, крича и ругаясь, выскакивают из дома. Пожар, догадалась она, заведя в щелях языка племени. Она тяжело поднялась и вышла за ними.

Где-то неподалеку слышалась стрельба, крики. Дойдя до берега моря, Нина в изнеможении присела на песок. Су Уна нигде не было. Сбежал. Острая тоска охватила ее. Ох, уже лучше бы сгорела. Куда пойдешь такая - босая, в изорванном платье? Как быть?..

- Как быть? - проговорила вслух Су Ун-че, но тут же, опомнившись, оглянулась, не услышал ли кто ее бормотания.

Никого, однако, поблизости не было. Лишь одинокий грузовик, урча и мигая фарами, проплыл в тумане.

Увидев перед собой массивные, ярко крашенные ворота,

Су Ун-че удивилась: это же дом Цоя! Как она попала сюда?.. Ну да, она же хотела с ним насчет автобуса попросить. Хорошо, если он еще не ушел на работу.

Умер Ли Су Ун.

Эта весть, назойливая, как сентябрьски муха, мешала Андрею Мироновичу сосредоточиться. Она отрывала его от отчетов, в головоломные дебри которых он окунался с азартом мустангера, начавшего погоню за дикими лошадьми - цифрами, чтобы накинуть на них арканы формул и нормативов.

Вышибленный из седла, он превратился в заурядного экономиста. В семье тоже было все заурядно. Сын за три года учебы ни разу не получил стипендии, но мать, стремясь создать среди родственников и соседей впечатление, что он чуть ли не претендент на красный диплом, не жалела средств, чтобы соответственно содержать его. Старшая дочь, хотя и вышла замуж, все еще кормится с родительского стола. Ладно бы одна, так нет - привела еще мужа, который каждой весной бог знает у кого занимает сумму, равную годовому доходу Андрея Мироновича, и исчезает неизвестно куда, обещая вернуться на собственной «Волге», а осенью отбивает телеграмму, чтобы выслали денег на дорогу. И младшая дочь заканчивает школу.

Благо, Полину бог наделил предприимчивостью. Шитьем подрабатывала да кабачников откармливала, что, к немалому удивлению Андрея Мироновича, приносило неплохой доход. Воодушевленный этим открытием, он предложил супруге выращивать сразу пять, а то и десять поросят. «За пару лет можно и на машину скопить, - заявил он, - вот и купишь машину своему дорогому сыночку». Полина попросту высмеяла его: «А вы знаете, сколько корма нужно для десяти кабанов?.. Нет?.. А еще экономист!»...

Андрей Миронович только почесал затылок .

Но даже кабачики не могли ослабить напряжение в семейном бюджете. Особенно зимой. Одно торжество за другим. Если просто знакомый, червонец выложить надо, а если родственник, а таковыми Андрею Мироновичу приходилась добрая половина корейцев поселка, столь пустяковый суммой не отделаешься.

Лишь бой настенных часов вывел его из хаоса безрадостной бухгалтерии. Надо было действовать. Он взял ручку и стал набрасывать план мероприятий по организации похорон.

Первое, доски для гроба. Пойти к прорабу Хашимову, потом разыскать плотника Сергея.

Третье, организовать молодежь на рытье могилы.

Четвертое, заказать сварщикам ограду.

Пятое, транспорт. Позвонить Гафурову в гараж.

Андрей Миронович придвинул к себе счеты. Привычное пощелкивание костяшек придало ему бодрости. Но когда он увидел сумму предлагаемых расходов, он опешил. Поразмыслив, он решил отказаться от ограды - в конце концов, Су Ун ему даже не родственник. Да и за доски прораб вряд ли возьмет с него деньги. И он откинул несколько костяшек вправо.

«Что еще?» - подумал Андрей Миронович, не без удовольствия перечитывая план, написанный красивым размашистым почерком на мелованной бумаге. - Кажется, все. Так можно и до обеда управиться».

Облегченно вздохнув, он откинулся на спинку кресла. Полдела сделано, остается реализовать составленный план. Он поднял трубку и стал набирать номер Валеры, своего племянника, вернувшегося недавно с Украины, где не без успеха, о чем свидетельствовали «Жигули» последней модели, занимался земледелием, предлагая народу лук, арбузы, баклажаны и прочую растительность.

- Су Ун? - отозвался племянник. - А кто это?.. А-а, он у нас еще кудури делал... Конечно, поеду, какой разговор! Только не знаю, как другие? Одни на работе, другие в город подались, на барахолку. Сегодня же четверг - базарный день. Но раз надо - разыщу.

- Соберешь людей, жди у себя дома, - приказал Андрей Миронович. - Я автобус пришлю.

- Автобуса не надо, - возразил Валера, - сейчас почти у всех машины. Вы лучше еще кого-нибудь из молодых обзвоните. Они сейчас все деловые, меня они могут и послать куда-нибудь, а вы для них авторитет.

Разговор с племянником воодушевил Андрея Мироновича. Уверенным движением он вывел на бумаге первую красную галочку. Кого мобилизовать в помощь Валере, задумался он, может, Алексею позвонить? У него два здоровенных сына и оба не у дел.

- Су Ун? - удивился Алексей. - Помер?.. Я-то думал, он давно того... Ну, откуда мне знать? Я ведь, как перелетная птица, приезжаю домой только на зиму, погреть задницу на кудури, а весной опять на север... Из-за такого пустяка ты звонишь? Найми в городе бичей. Они за четвертак хоть вто-

рой Ферганский канал вырывают... Чего мелочится - ведь человек помер... Не такая она дуреха, Су Ун-че, небось, есть заначка в чулке... А нет, так мы найдем. Что мы, волки что-ли!.. А мои парни дома не ночуют. У дружков, наверное. В секу гоняют, а, может, с девчонками женихаются... Позвони Валерке, племяншу своему, вчера они вместе о чем-то шушукались.

Опустив трубку на рычажок, Андрей Миронович усмехнулся. Над собой и своими потугами организатора. Вот для Алексея любое дело - раз плюнуть. И всегда все у него получается, причем без особых усилий.

Андрей Миронович стряхнул с себя этот неприятный для себя вывод и снова поднял трубку.

Директор школы занимал в поселке примерно такое же положение, что и Андрей Миронович, и в каком-то роде они были соперниками. Поэтому ни с просьбами, ни за советами они друг к другу не обращались. Но на этот раз Андрей Миронович не стал впадать в амбицию - случай не тот.

- Да я уже знаю, - вздохнул директор. - Жаль старика. Кто теперь нам кудури будет строить?.. Помочь, конечно, надо... Нет, нет, ребят отпустить никак не могу. Сам знаешь, из-за хлопка от программы отстаем. А вот с транспортом могу помочь, Хашимов ведь мой ошна, приятель.

- С ним я и сам договорюсь... Ну, да, ладно, не можешь, значит, не можешь. Что-нибудь придумаем.

Придумывать больше было нечего. Андрей Миронович решил попросту объехать вместе с племянником Валерой все дома, где есть молодые здоровые парни. И тут снова, тяжело вздохнув, недобрым словом помянул своего непутевого зятя, в нужный момент исчезнувшего из поля зрения. Дочка говорит, в Карши уехал, якобы договариваться насчет будущего сезона. Оставшиеся дела телефонными звонками решить было нельзя, и он, накинув на себя пальто, вышел из кабинета.

Хорошо Цоям, думала Су Ун-че, выходя от них. Дети все устроены, и сами они на старости лет живут припеваючи. Хорошие пенсии, невестки, внуки. Су Ун тоже хотел детей, ох, как хотел!..

Встретились они в Хабаровске. Нина удивилась, увидев Су Уна в буденовке и длинной, до самого пола шинели. Егото она никак не могла представить красноармейцем.

Глаза Су Уна радостно вспыхнули. Но туже потухли. Он посторонился, чтобы дать ей дорогу. Нина, тоже молча прошла мимо.

После той ночи Нина очутилась на самом дне огромной смрадной ямы, какой казался ей мир, и выбираться из нее не было ни сил, ни желания. Улыбка матери, удавившейся после голодной смерти малолетних детей, и застенчивый взгляд Су Уна казались ей лишь отдаленными отблесками так и не наступившей зари.

Совсем больную, одичавшую, Нину приютила сердобольная женщина по имени Мария.

Она отмыла Нину в бане, накормила, придела из своих запасов. «Поживешь у нас, пока не оправившись, - сказала она. - А там видно будет».

Муж был недоволен появлением лишнего рта, но Мария отстояла девушку:

- Что мы, нехристи какие!

Согретая домашним теплом, Нина постепенно пришла в себя, и вскоре уже помогала по хозяйству, присматривала за детьми. Даже хозяин перестал ворчать.

Как-то вечером, тайком от людей, явился в дом старший сын хозяев, служивший в белокозачьем отряде. Заросший, голодный, он жадно набросился на еду. Только потом, насытившись, он заметил Нину.

- А это что за красна девица? - грубым, точно отцовским голосом спросил он. - Не из комсомолок ли?

- Сирота она, - успокоила его тетя Мария. - на улице я ее подобрала.

Пожирая Нину взглядом, сын усмехнулся:

- Что-то не похожа на сироту. Вон какой зад отрастила!

Мать хотела было возмутиться, но он рассмеялся.

- Ну-ну, шучу... Мне бы, мать, в баньке попариться.

- Сейчас затоплю, - мать направилась к двери.

- Пускай она затопит, - все так же насмешливо, не отрывая взгляда от Нины, проговорил сын. - Харчи-то, небось, отрабатывать надо.

Только во дворе Нина облегченно вздохнула. Затопив баню, она с ведрами пошла к колодцу. Но тут за спиной она услышала торопливые шаги.

Нина не успела даже испугаться. Хозяйский сын выбил из рук ведра и, грубо схватив Нину в охапку, потащил в баню. «Заорешь - прибью!» - прошипел он в ухо.

...Тетя Мария, увидев в темноте Нину, уткнувшуюся лицом в калитку, крикнула:

- Чего стоишь? Заходи домой, холодно ведь.

Вместо ответа она услышала тихое всхлипывание.

- Что с тобой?.. - она испуганно всплеснула руками. - Господи!.. Ах, пакостник!

На ругань матери сын лениво проворчал:

- Да она давно уже не девица. Небось, под каждого за кусок хлеба ложилась.

- Япошки проклятые насильничали, а ты говоришь, за кусок хлеба.

- Мне недолго жить осталось, должен же память о себе оставить. Может, она вам внука родит.

И беспечно заржал.

- Типун тебе на язык!.. Жить, видите ли, осталось недолго! Внука родит!.. А о ней ты подумал своей башкой? Если и вправду понесет, что с ней будет, что будет с ребенком?

- Что будет, то будет, - отмахнулся сын. - Мало ли сейчас сирот бродит по свету!

- Как ты можешь говорить такое про свое дитя? Еще не родился, а уже сирота!..

Долго еще после ухода сына тетя Мария охала, вздыхала и, наконец, сказала.

- Так тому и быть. Вернется Гришка, сразу свадьбу сыграем. Ты, Нина, мне по душе. А то, что сын так поступил с тобой, что поделаешь: такова наша женская доля.

Хозяин, вернувшийся с отхожих промыслов, прознав о случившемся, сразу отрезал.

- Никаких невесток! Что, мало у нас девок из хороших семей? Или на приبلудной свет клином сошелся? Пускай спасибо скажет, что не гоню из дома, кормлю задаром.

Хозяин покривил душой - Нина сполна отработывала свой хлеб. В хозяйстве не хватало рук. Оба старших сына воевали, а от оставшихся сосунков какая польза?

Но когда у Нины живот заметно пополнил, хозяин настроился решительно.

- Гнать надо эту суку! Народит дите, кто кормить будет? Я, что ли?

Слова жены, что дите от их сына, еще больше обозлили его:

- А мне наплевать!.. И еще неизвестно, от сына ли. Япошки же насильничали ее.

Вот в это самое время и встретила Нина Су Уна. Потом она несколько раз видела его неподалеку от дома хозяев. Она чувствовала - он хочет подойти, заговорить с ней, но что-то удерживает его... Ну, конечно, нужна она ему такая!

Хозяин все-таки добился своего. Нине пришлось уйти.

Тяжело переваливаясь, точно гусыня, прижав к груди узелок, который тайком от мужа всучила ей напоследок тетя Мария, она пошла куда глаза глядят. В узелке была буханка хлеба, шматок солонины и чугунок - тот самый, на котором Су Ун варил кашу. После той страшной ночи Нина, вернувшись к дому, нашла только чугунок и забрала его, в глубине души надеясь отыскать Су Уна. А, может, взяла как память о своей первой и, как оказалось, неудавшейся любви. А еще тетя Мария дала адрес своей сестры, жившей в соседнем городке. «Поживи у нее, - сказала она, - авось, все образуется, и Иван признает тебя».

Нина уже изрядно отошла от дома, как вдруг услышала позади себя крик. Ноги ее подкосились. Су Ун! - она сразу узнала его голос.

Запыхавшийся от бега юноша схватил ее за руку и потянул за собой. «Пойдем, я дом построю, большой дом. И он будет жить с нами, - показывая пальцем на живот Нины». Все дорогу Нина плакала. А Су Ун все повторял: «Я дом построю, обязательно построю».

Потом, когда Нина успокоилась, он рассказал, что стало с ними после той ночи. Японцы все же схватили его, но убить не успели. На выстрелы прискакали красные конники, которые выбили японцев из деревни и освободили Су Уна. Они оставили его служить при отрядной кухне. Но отряд вскоре расформировали, и он в поисках заработка приехал в Хабаровск, где отыскивал сдального родственника, у которого они с отцом останавливались после перехода границы.

Родственник, как и большинство осевших в России корейцев, занимался овощеводством. Приход Су Уна оказался как нельзя кстати - был сезон сбора овощей. Терпеливый, исполнительный, а, главное, неприхотливый работник, Су Ун оказался для него настоящей находкой, и он отвел ему угол в сарае, куда Су Ун и привел Нину. Родственник, хотя и выражал недовольство, но терять хорошего работника ему не хотелось, не стал настаивать на том что, чтобы Нина ушла.

Ребенок родился мертвым. Зачатый без любви, ненавидимый еще во чреве, он был обречен. Но, покидая этот мир, который он так и не увидел, он умертвил чрево своей матери и помутил ее разум. Нина плакала, смеялась, злобно набрасывалась на Су Уна, обвиняя его в гибели ребенка, дескать, нашел повитуху и подговорил удавить ее сыночка.

Су Ун терпеливо переносил ее послеродовые безумие, не спал ночами, чтобы вернуть Нину к жизни. И молодой организм и преданный, почти материнский уход Су Уна по-

бедили. Нина окрепла. И привязалась к этому тщедушному нелюдимому человечку. Они вместе батрачили на кулаков, вместе выходили на шхунах в море, вместе работали в колхозе. Так и жили они, как муж и жена, хотя нигде не были записаны - ни в церковных книгах, ни в загсе.

Выкарабкались ведь из нищеты, думала Су Ун-че, и жили ничего, не хуже других. Правда, Су Ун все время вздыхал, глядя на чужих детей... Как-то теперь ей выкарабкаться! Вдвоем-то легче было... А зачем, собственно, выкарабкиваться? Хватит, пожила. Только надо успеть, надо все сделать по-человечески. С такими мыслями и шла Су Ун-че сквозь декабрьский туман.

Ничего утешительного от Валеры Андрей Миронович не услышал.

- Ну и люди, - пожаловался племянник, - человек помер, а им хоть бы что. И у всех уважительная причина. Один говорит, грипп подхватил, у другого жена на базар уехала, мол, за детьми некому присмотреть. А позови водку пить - мигом примчатся...

Вот уж не думал Андрей Миронович, что придется ему таким пустяком, как организация похорон, заниматься. Но больше огорчало то, что он не может осилить даже такой пустяк.

В поселке создалось мнение, будто Андрей Миронович, хотя и занимает должность скромнее, чем некоторые другие корейцы, способен решать многие вопросы. И к нему частенько обращались с различными просьбами. Отказывать не умел, и потому волей-неволей приходилось поддерживать это мнение, что было предметом постоянных нападков со стороны супруги, ревностно оберегавшей интересы семьи. «Для дома вы ничего не можете, - возмущалась она, - а для других - из кожи лезете». Но при всей своей вздорности она понимала, сколь престижна такая репутация мужа, и втайне даже гордилась этим. Раз обращаются к мужу за помощью, значит, он человек уважаемый, нужный.

- Дядь Андрей, а какие у вас отношения с Даниловым? - прервал его размышления Валера.

- Нормальные, а что?

- В водхозе есть трактор, «Беларусь». С ним бы мы за пять минут справились.

- Это же идея! - воскликнул Андрей Миронович, удивляясь, как эта мысль не пришла к нему раньше. - Едем!

В водхозе вопрос был решен быстро.

- Может, и люди нужны? - озабоченно спросил начальник водхоза.

Андрей Миронович отказался, но потом ругал себя за чрезмерную деликатность. Могилу-то трактор выроет, но ее надо подровнять, привести в соответствующий вид, а Валера один с этим не справится.

- Надо торопится, - сказал племянник. Так мы и до вечера не успеем.

- Успеем, - ответил Андрей Миронович, хотя и его не покидала беспокойство. - Трактор есть, теперь нужно еще хотя бы двух-трех парней найти. Я думаю, ты сам займешься этим

- Ладно, займусь, - усмехнулся Валера, - придется картежников будить... Черти! Всю ночь гоняли в секу, теперь их и с пушкой не разбудишь... Ничего, помашут часок лопатой, быстро в себя придут. Нам нужно еще к Су Ун-че заехать, за продуктами.

Продукты, о котором говорил Валера, нужны были для жертвенного ритуала. На месте захоронения старший из тех, кому предстояло рыть могилу, отбив земной поклон, должен был задобрить духов подношениями. Чаще всего это были стопка водки и кусок вареной курицы. Разумеется, ритуал чисто символический, но старики требуют его обязательного соблюдения. Чтобы дух земли принял душу усопшего.

- Хорошо, поехали к Су Ун-че, - сказал Андрей Миронович, - к ней все равно надо заехать.

Последней, кого Су Ун-че обошла за это утро, была соседка Кунзузхон. Улышав горестную весть, Кундузхон всплеснула руками.

- Как же так! Только вчера он ходил по двору.

- Я тоже думала, полегчало, раз на ноги встал. Но после обеда слег... и вот... хожу по селу ...

- Что же вы сразу не зашли? Я бы сына послала.

- Спасибо, Кундузхон. Мне ведь нужно было еще и машину просить, и доски для гроба. Больше-то некому всем этим заниматься.

Соседка сочувственно покачала головой:

- Вам, конечно, помощницы нужны, я хоть сейчас.

- Спасибо, спасибо, еще как нужны!.. Я вот зачем к тебе. Не могла бы ты десяток кур продать? На базар некогда, а дома у меня только две курочки да петушок.

- Конечно, конечно. Я скажу сыну, чтобы отловил кур и отнес к вам.

Помявшись, Су Ун-че спросила:

- Послушай, Кундузхон. а сколько это будет стоить?

Соседка смутилась:

- Да что вы, тетя Нина, не надо денег.

- Не говори так. Денег у меня, конечно, немного, но все же есть.

- Нет, нет, я ни копейки не возьму. У нас кур вон сколько - кормить нечем, я уж давно думала, как бы избавиться от них. И муж будет ругаться. Ведь Су Ун-абай столько для нас сделал! Раму на веранду поставил, забор починил. И все за бесплатно.

Су Ун-че прослезилась.

- Что поделаешь, - принялась утешать соседка, по-своему поняв ее слезы.

Выйдя от Кундузхон. Су Ун-че поспешила домой. Вроде бы всех, кого надо, известила. И туман начал рассеиваться. И на душе как-то стало легче, «Дура старая, - укоряла она себя, - столько лет прожила с людьми, а, оказалось, совсем не знала их».

Приехали они с Су Уном в поселок давно, еще в предвоенные годы, не имея за душой ни копейки. Но Су Ун из ничего - были только глина да камыш - он соорудил маленький уютный домик, двор обнес низенькой оградой, развел огород, да такой, что местные жители приходили любоваться. И сама Су Ун-че научилась от мужа многому - плести из соломы циновки, шляпы, бывшие тогда в большом ходу у сельчан, готовить разные блюда из сои, овощей, трав. И голод не входил незванным гостем в их дом.

С людьми общались мало. Молчаливый, нелюдимый Су Ун даже с женой за целый день мог не сказать ни слова. Да и слова им не были нужны. Они настолько притерлись к друг другу, что, казалось, срослись в единый организм. Только однажды пришлось им разлучиться - когда Су Уна мобилизовали в трудовую армию. Почти год он строил под Сталинградом оборонительные сооружения. Домой вернулся после тяжелого ранения в голову, вконец исхудавший, изможденный. Немало сил и времени понадобилось Нине, чтобы излечить его, поставить на ноги. Глубокий шрам на лице да медаль «За доблестный труд», которую вручили ему в сельсовете уже после войны, остались в память о днях разлуки.

Потом, когда корейские колхозы распались, он работал где придется. Был, как говорится, на подхвате. У поселковых всегда находилось для него дело, которое они и сами могли сделать, но либо у них до этого руки не доходили, либо они считали это зазорным для себя. А, может, просто давали Су Уну возможность подзаработать.

Характер у него был мягкий, незлобивый. Как-то сошелся он с одним шабашником, тоже из поселковых. Они ремонтировали дома, заборы. Работу в общем-то делал Су Ун. А Толя, так звали напарника, только договаривался. Ну, помогал иногда - глину месил или кирпичи подносил, - а так больше занимался тем, что рассказывал разные истории из своей непутевой жизни. Деньги, разумеется, делил Толя. Ну, и надувал изрядно старика. Су Ун-че видела все это. Терпела, терпела, и, наконец, пошла однажды к Толе, пристыдила его, отругала, а он в ответ только рассмеялся. «Ну, и что, что у него золотые руки, - говорит, - да если я не найду работу, он ведь с голоду помрет. Какой тогда толк от его золотых рук?».

Су Ун-че была согласна с Толей. Уж больно застенчив Су Ун. Но и упрекнуть его не хватало духа. Скажешь ненароком обидное слово, он краснел, как нашкодивший мальчишка, виновато опускал глаза. И так жаль становилось его, что слезы навертывались на глаза. В молодости она немало слез пролила из-за такого его характера. Плакала, ругалась, даже хотела уйти. Но не смогла. Су Ун для нее был как ребенок, иногда ей казалось, что в обличии Су Уна жил ее сын, тот, что умер при родах.

Сама она общалась с поселковыми больше. Помогала делать свиные колбасы, если кто-то из соседей кабана заколет, если же случалась свадьба, ей непременно заказывали салаты из моркови или из побегов папоротника, который привозили с Дальнего Востока.

И все же незримая грань существовала между ней и поселковыми корейками. Приглашать ее приглашали, и говорили на разные темы, но целиком за свою не принимали. Зато мужчины всегда были приветливы с ней, восхищались ее кулинарными и языковыми - с корейцами она говорила только по-корейски - способностями. Может быть, именно внимание мужчин порождало такое к ней отношение ребят. Чувствуя это, Су Ун-че жила настороженно, никому своего общества не навязывала. Потому, когда умер муж, она надеялась только на себя.

И вот сегодняшнее утро поколебала это ее убеждение. Когда отправлялась по селу, думала: «Людей на похороны не зовут, сами должны прийти. Но разве они придут, если не позову?.. И вон как все откликнулись. И Кундузхон какова!».

Андрей Миронович имел все основания быть довольным собой. Людей организовал - вон они ждут в машинах, и доски для гроба достал, правда, выяснилось, что Сергей уже

пошел к Су Ун-че с нужными материалами.. Насчет транспорта договорился, и даже ограду заказал. И он зашел к Су Ун-че с чувством человека, выполнившего свой долг.

На небольшом дворике беседовали сельчане, пришедшие отдать последний долг старому Су Уну. Среди них Андрей Миронович не без удивления увидел и директора школы, и Алексея, и начальника водхоза Данилова и даже Афанасия Петровича, зампреда райисполкома. Последний вопросами организации таких мероприятий не занимался, считалось, что вполне достаточно его присутствия.

Был здесь и сосед Толя, которому Андрей Миронович не раз порывался принести солидол, чтобы смазал петли ворот - скрип их каждодневно действовал на нервы Андрею Мироновичу, но он все надеялся, авось, сосед сам догадается, а то вроде как неудобно делать замечания человеку, давно уже перешагнувшему возраст Христа. Толя помогал Сергею налаживать гроб. А под навесом, прилегающим к дому, у низкой печи, хлопотали женщины. Словом, подготовка к похоронам, к смущению Андрея Мироновича, ожидавшего встретить здесь безрадостную тишину, шла полным ходом. Кивнув собравшимся в знак приветствия, он вошел в дом.

Су Ун-че, завидев нового посетителя, запричитала. «И плачет-то, как наши женщины», - подумалось ему.

Покойный лежал в углу комнатухи, завешанном белой простыней. Андрей Миронович погладил вдову по плечу, пробормотал несколько слов в утешение и молча уставился на письма, выведенные на поминальном полотнище, которые, к его стыду, были для него тем же, что норма прибыли для первоклашки.

Постояв с минуту, ему вдруг захотелось увидеть лицо Су Уна. Трудно сказать, что породило это желание - чувство ли вины перед покойным за тот давний и, казалось бы, не очень серьезный случай, то ли простое любопытство - а не откроется ли именно в это мгновение тайна человеческого бытия?

Су Ун-че, словно прочитав его мысли, спросила:

- Хотите посмотреть?

Он кивнул. Су Ун-че приподняла полог. Лицо Су Уна, смуглое, морщинистое при жизни, посветлело и разгладилось. Смерть будто омолодила его.

Андрей Миронович будто только сейчас узнал Су Уна, будто только сейчас перед ним раскрылась душа Су Уна. Его простая, без всяких премудростей жизнь была словно укором Андрею Мироновичу с его бухгалтерской психологией и суетливостью.

Андрей Миронович не раз ловил себя не мысли, что равнодушен к чужой беде. Ну, не то чтобы совершенно равнодушен, а как-то не ощущал боли, такой, что лишает покоя. Даже сегодня утром мелькнула подленькая потаенная мысляшка: а вот я живой.

Как же могло с ним случиться такое? С ним, который, когда-то, не раздумывая, бросился в военкомат с заявлением, чтобы отправили добровольцем в Корею, где началась война? Правда, военком, похвалив его, посоветовал сначала школу закончить. Но ведь был порыв, была вера! Куда это все подевалось?.. Растерялось, растворилось в мелочной суете буден. А что осталось? Только долг, только долги. Должен семью содержать, платить членские взносы, должен вовремя отчеты в трест сдавать и оплачивать счета за электричество и коммунальные услуги, должен по праздникам навещать тещу и посещать разные собрания и мероприятия.

И еще оставалось чувство вины. Перед родителями, могилы которых слишком редко навещает, перед супругой, которой за многие годы совместной жизни не сделал приличного подарка, перед Су Уном...

Хотя кто для него Су Ун? Так себе - крошечный пунктик в жизненном отчете... Но его печи греют чуть ли не полпоселка. А ты, сделал ли что-нибудь такое, что согрело бы пусть не тело, а душу ближнего?

Андрею Мироновичу вспомнились похороны свата. Каждый из поселковых считал за честь присутствовать на этих похоронах, и шли туда, конечно же, без всякого приглашения. А кто был сват? Завмаг, которого однажды судили за растрату. Но как его хоронили! Наверное, не каждому министру оказывают такие почести. Ну да, конечно, родственников много, семья имеет большой вес, деньги. Вон какой памятник соорудили! Черный мрамор, портрет, выбитый столичным художником.

Андрей Миронович упал на колени. Совершая ритуальные поклоны, он будто просил прощения у человека, чья тихая смерть была продолжением его тихой жизни.

Потом Андрея Миронович обратился к Су Ун-че:

- Вы ни о чем не беспокойтесь, сделаем все, что полагается... Там ребята ждут в машинах. Они поедут копать могилу. Надо бы продуктов им дать для заклинания.

- Зачем? - всполошилась Су Ун-че. - Могилка-то есть.

- Как есть? - изумился Андрей Миронович. - Когда успели вырыть?

- Так еще летом... Я как-то сказала старику, мол, старые

мы, помирать скоро нам, а могилку вырыть некому. Сказала так, без всякой задней мысли, а он взял и поехал на кладбище, вырыл могилы и для себя и для меня.

Андрей Миронович не знал, что и сказать.

- Да, но могилу все равно надо привести в порядок, - нашелся он наконец.

- Не надо. Тамошний сторож - наш старый знакомый, он обещал присмотреть... Ох, дура я, дура! Старик-то болен был, а я брякнула ему про могилы.

Су Ун-че снова запричитала.

- Спасибо вам, большое спасибо, - сказала она, вытирая глаза уголком платка, - вы, наверное, меня не так поняли. К вам я ходила только известить о смерти старика... Столько хлопот вам доставила!...

- Ну, что вы! Какие хлопоты!

- Спасибо, Андрей Миронович! Ох, как неудобно перед вами! Знала бы, сразу бы вас и попросила, а сама бы сидела и оплакивала старика... Кундузхон, погоди, - Су Ун-че оставила соседку, вошедшую на кухню за посудой. - Извините, Андрей Миронович, я сейчас...

Она, тяжко вздыхая, подошла к деревянному шкафу, вытаскивала оттуда черный чугунок и подала соседке:

- Скажи, чтобы кутью, ой, нет, что я говорю?.. Кашу, кашу корейскую, скажи, чтобы в этом чугунке сварили.

- Зачем? Я из дома большой казан принесла.

- Нет, нет, старик ел кашу только из этого чугунка.

Андрей Миронович поражался, откуда у этой старушки столько энергии. Нет, она все-таки русская, подумалось ему. Она приняла обычай и образ жизни другого народа, но в час беды в ней проснулись черты русской женщины. За утро Нина Кузьминична, не имея ни родственников, ни друзей, сумела сделать то, что Андрею Мироновичу удалось с таким трудом.

Выйдя во двор, он поздоровался с мужчинами за руку.

- Дядя Андрей, могила, оказывается, уже есть, - сообщил Валера. - Зря только людей потревожил.

- Ничего зря не бывает, - оборвал его Андрей Миронович. - Зато узнали, кто есть кто в нашем поселке.

Умер Ли Су Ун.

Это весть разорвала декабрьский туман скорбными звуками шопеновского марша. Школьный оркестр старательно выводил траурную мелодию.

От деревьев, покрытых инеем, от густой белой пелены тумана, от полотнища с иероглифами, развевавшегося впе--

реди похоронной процессии, веяло холодом. Белый цвет - цвет холода. Не потому ли на Востоке белый цвет - цвет траура?

Андрей Миронович краешком глаза оглядел процессию. Не на всяких похоронах собирается столько народу. Вон даже гаишник поднял жезл, чтобы остановить встречное движение и освободить дорогу для процессии.

Люди шли молча, с непокрытыми головами. Быть может, никогда еще они не были так близки, так добры друг к другу. Напрочь позабылись ссоры и взаимные обиды, зависть и презрение. Быть может, только в эти минуты, под печальную, исторгающую слезы мелодию, под полотнищем с причудливыми письмами, они вдруг осознали, что все они - дети одной матери.

Так всегда. Смерть облагораживает людей, их мысли становятся чище, светлей. Не поэтому ли на Востоке цвет траура - белый?

Гоша открыл глаза и увидел перед собой злые Валеркины глаза. В зубах Трефowego торчала неизменная «Мальборо». Гошина рука невольно потянулась вниз, чтобы нащупать вроненую сталь «Шпандау», но вместо пулемета его шершавая ладонь наткнулась на холодное гладкое стекло бутылки из-под портвейна.

- Опять нажрался, как свинья! - Валерка не переставая тормозил друга детства.

Он так тормозил, что пепел «Мальборо» упал на Гошину грудь и прожег ее. И грудь его запылала огнем. Гоша схватил бутылку и припал к ее горлышку, чтобы погасить огонь в груди.

Но бутылка была пуста...

Сквозь неясные видения, в которых преобладали прозрачные желеобразные ползучие твари, мельтешившие прямо перед глазами, откуда-то, из далекого далека, донесся сварливый, щемящий, как тоска по сопкам Маньчжурии, голос:

- Ах ты, инсургент вонючий! Ах ты, сублимация параноидальная!..

И так далее и тому подобное.

Гоша попытался было отмахнуться от этого навязчивого, сверлящего самую душу голоса. И без того голова гудела, раскалывалась, как парламент на враждебные фракции.

Голос этот был знаком Гоше до инфаркта барабанной перепонки, и было в нем столько тепла и нежности, что Гоше тут же захотелось вскинуть «Беретту» и всадить в обладателя этого голоса граммов эдак триста свинца.

Рука его невольно потянулась к поясу и, о чудо, нащупала вместо пистолета вороненую сталь трофейного «шпандау» - немецкого штурмового пулемета времен первой мировой войны.

Гоша не поверил своей удаче. Он снова и снова ощупывал ствол пулемета, заглядывал в черное смертоносное отверстие, дергал за затвор. И лишь когда в глаза бросилась лента с патронами цвета бронзы, он понял, что настал час его торжества.

Гоша схватил пулемет и, обмотав себя лентой с патронами цвета бронзы, встал во весь рост. Он вынул из пояса черный берет и натянул его на голову.

Берет этот он купил у старушки, которая торговала на Тезиковке - знаменитой ташкентской барахолке, - сын ее служил когда-то в морской пехоте. Старушка продавала бушлат, а берет был лишь бесплатным к нему приложением. Но Гоша, который сидел рядом с ней, пытаясь всучить радиолюбителям бэушные детали, уговорил старушку обменять

берет на пластинку с записью старинных русских маршей и вальсов. Пластинка досталась ему в результате раздела имущества при разводе с женой Светланой. Справедливости ради надо сказать, что помимо этой пластинки, прежде чем хлопнуть перед Гошиным носом дверь квартиры, Светлана вышвырнула ему радиолу - единственную вещь, которую он принес с собой в квартиру Светланы после женитьбы.

Гоша обходился без головных уборов, их ему заменяли жидкие, не знавшие расчески волосы, которые свисали до самых плеч. Но, увидев в руке старушки берет, ему, наверное, вспомнились года туманной юности, когда голова была забита всякой бредью, морской романтикой в том числе. Берет заменял Гоше портмоне, подушку и носовой платок. Лишь изредка он выполнял изначально заданную ему функцию - защищал Гошину голову от зимнего холода и неспокойных мыслей, которые время от времени пытались проникнуть туда.

...Ветер развеивал его жидкие, свисавшие из-под берета волосы. Темная засаленная рубашка, из которой Гоша вылезал только для того, чтобы в июльский зной окунуться в речку, протекавшую неподалеку от поля, вдруг превратилась в тельняшку. Его заросшее щетиной, темное от загара лицо выражало решимость и отвагу. Он перекинул ремень пулемета на шею - не Гоша, а Че Гевара на луковом поле! И неслыханная гордость обуяла его.

Но Гоша обуздал гордость своей железной волей. Он был спокоен и хладнокровен, будто сердце его было выплавлено и выковано на рурских сталелитейных заводах. Он медленно провел своими шершавыми ладонями по стволу пулемета, затем так же медленно снял с предохранителя и навел его на Трефового Валерку.

...Да, обладателем голоса был не кто иной, как Валерка Трефовый Туз - Гоша различил бы его скрипучий, как стекло, протираемое газетной бумагой, тенор даже во сне.

У Валерки было две слабости: карты и девичья юбка. Он даже носил на шее золотую цепочку со своей визитной карточкой - массивной золотой пластиной в виде игральной карты «Трефовый Туз», которую он выиграл много лет назад еще на Куйлюке у заезжего гастролера-шан-совика. Некогда Валерка был Гошиным другом детства, но с некоторых пор он превратился в паука-эксплуататора, который в короткие мгновения перерыва между карточными и любовными играми, инспектировал тех, кто ползал на его луковых полях в надежде найти между грядок рубиновый рай.

Гоша не спеша, словно оттягивая мгновение неотвратимого возмездия, вызывал из памяти картины своей жизни, и неудержимая, как волна 9-бального цунами, ярость вскипела в нем. И пепел этих лет, которые он прожигал в куйлюкских подворотнях, а потом и на луковых полях Приазовья, набатом стучал в его выплавленное из круп-повской стали сердце. И он, не дрогнув, со всей силой надавил пальцем на гашетку.

- Тра-та-та-та! Тра-та-та-та!

Зловещая дробь «шпандау» разнеслась по всей округе. И на Валерку обрушилась целая тонна свинца, и он упал, захлебнулся в потоке бушующего, сверкающего огнем и смертью металла. Ярость Гоши не знала границ. Она извергалась из него, как потоки вулканической лавы, как протуберанцы в период солнечной активности. От этой его ярости запылала степь, запылало сердце, запылала вся его жизнь.

Когда ярость поутихла, Гоша прекратил стрельбу. Он закинул «шпандау» на плечо и подошел к низвергнутому в ад Валерке. Присев на корточки, он потрепал ладонью мертво-бледное, истекающее кровью лицо Трефowego Туза.

- Ну, так что, инсургент вонючий! - презрительно бросил он Валерке, тело которого превратилось в кровавое месиво и корчилось в предсмертной агонии. - Сублимация параноидальная! Хочешь, угощу еще кружкой доброго чимкентского свинца?

Валерка был напуган до смерти - это было видно по его перекошенному от боли и страха лицу. Глаза его выражали невыносимые страдания, смертельный страх, и не могли вызвать в душе Гоши ничего, кроме тихого и столь долгожданного торжества.

- Прости меня, Гоша! - взмолился Валерка.

Куда девался его паскудный тенор - из его обезображенной пасти доносились звуки, напоминавшие урчание трухлявого унитаза, куда уже лет триста не спускали воду.

- Я был последним сволочем, подлым негодяем, грязным подонком!.. И даже паскудой и козлом!.. Братан, ты простишь меня? - слезы запоздалого раскаяния растекались по грязно-кровавым щекам Трефowego Туза.

Гоша криво усмехнулся: надо же, даже братаном обозвал. Так, как это было в дни далекой юности, безвозвратно скрывшейся за дорожной пылью.

И что-то вроде жалости шевельнулось в стальном Гошином сердце, но он и виду не подал. Он посмотрел на поверженного Валерку суровым взглядом, мол, я обвиняю тебя. В

измене родины, той, что осталась там, за дорожной пылью и «бормотушным» туманом куйлюкских подворотен.

- Не ты, а я инсургент вонючий! - навзрыд рыдал Трефовый. - Это я сублимация параноидальная!.. Братан, только будь мне снова другом, и не просто другом, а компаньоном. Хочешь, возьми половину баксов из моей сумки.

Гоша уже стоял на ногах. Он презрительно усмехнулся на предложение Валерки, мол, не все такие жлобы, мол, у куйлюкских «собственная гордость - на куркулей смотрим свысока».

Но Валерка, весь искромсанный и окровавленный, превозмогая боль и страдания, подполз к кожаному «дипломату», лежавшему под Гошиными ногами, и открыл его.

Гоша, увидев содержимое «дипломата», ахнул. Он, наконец, поверил в свою удачу. Там была целая куча баксов, на которую он мог бы, наверное, купить ящик, да какой ящик - завод по производству «бормотухи»!..

И его охватил неопишуемый восторг.

Сквозь зарево огня, поднимавшейся над приазовской степью, сквозь хаос мыслей, пронесившихся в его раскалявавшейся на фракции голове, Гоша вдруг отчетливо представил картины своей будущей жизни.

...Он бросил мотаться по барахолкам и луковым полям. Он построил себе хату близ Черного моря... Хотя зачем так далеко?.. На берегу Ташкентского моря!.. В центре двора вырыл огромный бассейн, выложил его белым кафелем, а на дне установил множество ярких фонарей, и «бормотуха», которой он заполнил бассейн, сверкала рубиновым цветом, услаждая взор и сердце очарованного Гоши.

Сам он возлежал у бассейна на топчане с сигарой в зубах и граненым двухсотграммовым бокалом в руке. У ног сидела бывшая жена его Светлана и чесала ему пятки, а неподалеку от нее по стойке «смирно» стоял Трефовый с графином, готовый по первому же движению бровей хозяина виллы наполнить бокал рубиновой жидкостью.

Окрыленный открывшимися перспективами, Гоша выхватил «дипломат» из рук Валерки. Тот попытался было приподняться, чтобы защитить свое добро, но Гоша грозно сверкнул очами, мол, ах ты, такой-сякой, еще и сопротивляться надумал, и врезал прикладом «Шпандау» ему по животу. Валерка, охнув, снова плюхнулся в грязь.

На прощание Гоша вырвал с Валеркиной шеи золотую цепочку с пластиной и, закинув ее в свой карман, всадил в Валерку еще килограмм свинца, забросал связкой гранат

РПГ и направился к Валеркиному джипу «Лэндровер», который был припаркован рядом с временкой - «маги».

Едва он открыл дверцу машины, как из временки, которая прямо на глазах превратилась в шатер, выплыла пери из сказок Шахерезады и протянула к нему лебединые руки: «Гоша, милый, я так ждала тебя!».

Да, определенно для Гоши наступил звездный час. Эта белокурая пери по имени Ляля из Таганрога, очередная пассажирша Трефоваго, увлекла его внутрь временки и, уложив рядом с собой, обдала его своим горячим дыханием...

Вероятно, Гоша так и остался бы навечно в этом шатре, ибо в этой жизни нет ничего прекраснее, чем трепещущее под твоими запотевшими мозолистыми руками нежное девичье тело. И не было на свете сил, которые смогли бы вырвать его из объятий этой ветреной и обольстительной красавицы. Но целеустремленность Гоши не знала границ. Напрасно Ляля умоляла его остаться, обливалась горячими слезами, мол, буду тебе и женой, и рабыней, и любовницей. Гоша был холоден и неумолим. Ни один мускул не дрогнул у Гоши, даже когда Ляля в порыве отчаяния бросилась под колеса джипа. Гоша ловко вывернул руль и, объехав бившуюся в истерике Лялю, со всей силой нажал на педаль акселератора, и машина со скоростью трехсот миль помчалась в Страну рубиновых грез.

Целеустремленность Гоши не знала границ. Он бросил бичевать, построил виллу, а во дворе вырыл каскад бассейнов, каждый из которых имел собственное имя: «Чача куйлюкская», «Бормотуха французская»...

Гоша возлежал на канаве с собутыльниками из куйлюкских подворотен и подвалов у одного из бассейнов и мирно посапывал в две дырки. Бывшая жена Светлана, преданно заглядывая Гоше в глаза, чесала ему пятки. А неподалеку по стойке «смирно» стоял Трефовый, готовый по первому же движению бровей хозяина виллы бежать с графином к тому или иному бассейну и, вернувшись, наполнить рубиновой жидкостью граненые двухсотграммовые бокалы.

Но очень скоро Гоше показалось, что Трефовый не очень расторопен, и он отослал его на луковое поле:

- Десять грядок до вечера! Тогда я, возможно, отменю наказание., разрешу тебе снова быть моим виночерпием.

Он достал из-под канаве тяпку и швырнул ее Трефовому. Когда виночерпий с виновато опущенной головой скрылся за воротами, Гоша пригласил собутыльников нырнуть в бассейн. Нахлебавшись рубиновой жидкости, они вылезли на

берег и отправились к следующему бассейну.

Гоша барахтался в рубиновой жидкости, наслаждаясь ее терпкой и живительной прохладой. Перед глазами его мельком выплыла пери, которая была очень похожа на Лялю из Таганрога. Она, словно Сирена, звала его нежным, призывным голосом, тянула внутрь времянки. Но Гоша отмахнулся от нее, как от назойливой мухи, и головой окунулся в рубиновую жидкость.

- Ах ты, инсургент вонючий! - послышалось Гоше сквозь неясные видения, которые уже которую ночь преследовали его. - Ах ты, сублимация!..

Гоша открыл глаза и увидел перед собой злые Валеркины глаза. В зубах Трефowego торчала неизменная «Мальборо». Гошина рука невольно потянулась вниз, чтобы нащупать вороненую сталь «Шпандау», но вместо пулемета его шершавая ладонь наткнулась на холодное гладкое стекло бутылки из-под портвейна.

- Опять нажрался, как свинья! - Валерка не переставая тормозил друга детства.

Он так тормозил, что пепел «Мальборо» упал на Гошину грудь и прожег ее. И грудь его запылала огнем. И Гоша схватил бутылку и припал к ее горлышку, чтобы погасить огонь в груди.

Но бутылка была пуста.

А Валерка подливал масла в огонь.

- А когда работать будешь, ты, инсургент проклятый? - Все! Всю неделю ни грамма «бормотухи»!

Гоша тут же, как ужаленный, подскочил.

- Как неделю? - Трефовый, ты, садист! Даже опричники Ивана Грозного, даже садисты из НКВД не прибегали к столь изощренным пыткам.

- Ну, хорошо, хорошо! - с досадой сказал пристыженный Валерка. - Я, конечно, загнул по поводу недели. Но сегодня не получишь ни грамма, пока не прополешь отведенный тебе участок.

По Гошину лицу пробежало что-то наподобие улыбки, мол, думай своей башкой, когда говоришь...

Гоша не без труда встал с деревянного топчана и, тяжело ступая, пошатываясь, подошел к тумбочке, где стоял почерневший от копоти чайник. Громко булькая, он отпил полчайника воды, демонстративно отрыгнулся и вышел из времянки, всем своим видом показывая, как он презирает бывшего друга детства.

- Пстой! - крикнул вслед Валерка. - Я еще не закончил.

- Ну, что еще? - оборотившись, недовольно пробурчал Гоша.

- Случаем, ты не видел мою золотую цепочку?

- Какую такую цепочку? - переспросил Гоша.

- Ты прекрасно знаешь, какую.

Валерка пристально вглядывался в глаза друга детства.

Гоша смело встретил взгляд Валерки и попытался придать своему голосу равнодушие и спокойствие:

- А-а, с трезовым тузом, что ли?..

Он давно ожидал этого расследования, но Валерка, занятый в то время чернобровой Людмилой из Ростова, кажется, обнаружил пропажу только сегодня. Так что у Гоши было достаточно времени, чтобы подготовиться к нему, и вопрос этот не застал его врасплох.

- Ты что, падла, за кого ты меня принимаешь?

Гоша с таким негодованием накинулся на Валерку, что тот даже опешил.

- Чего ты разорался?.. Цепочка у меня пропала.

- И ты думаешь, это я взял твою паршивую цепочку? - от праведного гнева голос Гоши сорвался на фальцет.

- Паршивая не паршивая, а на штуку баксов потянет.

- На штуку? Баксов? - недоверчиво переспросил Гоша.

- А ты как думал? Дерьмо не носим, - высокомерно сказал Валерка.

Гоше было наплевать на эту цепочку, но ее цена потрясла его, и он почему-то крайне огорчился. Но это огорчение длилось всего лишь мгновение.

- И ты, скотина, нумизмат долбаный, решил, что я взял твою цепочку? - Гоша продолжал наступление, поскольку в лицо ему было брошено тяжкое обвинение. - Ты не веришь другу детства?

Валерка ничего не отвечал, но по его лицу было видно, что да, он не верит другу детства.

Гоша был оскорблен до глубины души. Он бросился во двор и вернулся оттуда с топором.

- Ты что, инсургент проклятый? - Валерка не на шутку перепугался и отступил на всякий случай к выходу. - Может, у тебя белая горячка?

- Не веришь, значит? - Гошин голос дрожал от ярости и негодования. - Вот тебе топор, кентуха, а вот моя голова. Если думаешь, что я взял твою цепочку, руби!..

Гоша так искренне возмущался, что даже сам поверил в свою невиновность.

Между тем еще на прошлой неделе он без особого труда снял цепочку у Валерки, спавшего беспробудным сном после бессонной ночи с крутобедрой Любашей из Шахтинска, и обменял ее в городе на портвейн. Вообще-то Гоша запросил три ящика вина и надеялся к тому же получить сдачу в виде энной суммы, но продавец гастронома намекнул, мол, будешь вякать, придется тебе отвечать перед соответствующими органами, откуда взял цепочку.

Но даже два ящика были для Гоши неслыханным сокровищем. Весь день он гудел на вокзале, завсегдатаи которого немедленно избрали его своим королем. И только когда осталась одна бутылка, он сунул ее за пазуху, дабы, возвратившись на поле, угостить вином его законного хозяина.

Валерке так и не выпало от Гошиных щедрот, поскольку Гоша все же не утерпел и по дороге опорожнил бутылку, предназначенную для Валерки, о чем он раскаивался в первые минуты, крыл себя матом, мол, какой ты все же гад, не смог угостить друга детства на его же «бабки», и в сердцах разбил об камень опорожненную бутылку.

Но жалел он недолго, поскольку сеансы самобичевания обычно заканчивались тем, что Гоша всегда находил отмазки, типа: «Да какой он тебе друг, посмотри, кто есть он и кто есть ты, он же куркуль-эксплуататор, а ты... а ты куйлюкский люмпен!».

- Руби, гад!

Гоша был искренен в своем порыве. Ему было мучительно думать, что он так продешевил, так опростоволосился. Ведь за такую сумму он смог бы гудеть весь год, а может, и всю жизнь... От обиды комок подкатил к горлу, и на глаза его подступили слезы.

Он бросил топор Трефовому под ноги, а сам присел на колени и положил голову на топчан.

- Руби, скотина! - повторил Гоша, и слезы искренней жалости к себе покатались по его щекам.

- Да пошел ты, инсургент вонючий! - разозлился Трефовый. - Черт с ней, с этой цепочкой! Но если ты немедленно не выйдешь на поле, действительно зарублю.

- А если выйду? - Гошина обида сменилась надеждой, и он утер слезы рукавом. - Что тогда?

- Тогда, может, я и отменю наказание.

- Смотри, я прямо сейчас выхожу на поле, - сказал повеселевший Гоша и, порывшись под топчаном, вытащил тяпку.

- Я прополою хоть десять грядок.

- Не смеши кур, - усмехнулся Трефовый, - ты хоть с двумя справишься.

- Я отвечаю! - сказал с жаром Гоша. - Но послушай меня, Трефовый, мы же с тобой друзья детства...

Валерка нахмурился.

- Ты опять за свое?.. Не хочешь - не выходи, дело хозяйское, но вечером лучше ко мне не подходи - точно зарублю!..

- Трефовый, я прошу у тебя не бутылку и даже не стопарик - полграмма налей - душа горит!

- И зачем только я вытаскивал тебя из куйлюкских помоек? - Валерка снова затянул древнюю, как развалины Трои, песню. - Оставил бы тебя там гнить да загнивать, и не было бы никаких проблем!.. Нет же, решил помочь, мол, пропадает человек, который как никак был когда-то другом детства.

Гошины глаза загорелись рубиновым светом. Он знал, что эта песня обычно заканчивалась тем, что Трефовый не давал сгореть душе друга детства.

...Гоша, лихо натянув на голову берет, схватил тятку и, подпрыгивая от радости, помчался на поле. По пути он краешком глаза увидел кареглазую Ленку, которую Трефовый привез из Батайска и которая приветливо махала Гоше рукой, но он отмахнулся от нее, как от назойливой мухи, и бросился меж луковых грядок, чтобы заработать вечернюю порцию рубиновой мечты.

СЕКА

- Слышал? Дяди бухнуть хотят!

Ахмад не успел дать пинка под зад - Вовка, как ошалелый таракан, вылетел из комнаты.

Бухнуть хотят, чуть не плакал Вовка, тварюги!..

Он вывернул карманы, чтобы пересчитать остатки зарплаты. Магазины уже закрыты, а у Андрея такса - уши дыбом встают... И Софрону надо долг вернуть... «И останется хрен на постном масле», - уныло резюмировал Вовка после ревизии своих карманов.

Уже совсем стемнело. Столовая давно закрылась, а дежурный магазин опечатали. Говорили, из-за растраты Турсун, продавец магазина, симитировал ограбление, но следователь из областного центра доказал, что никаких грабителей не было, если не считать самого Турсуна.

В поселке жалели Турсуна, поскольку добрая половина поселковых задолжала ему, и во многом была повинна в растрате. Он на слово отпускал в кредит продукты, вино, водку, сигареты, и вот поплатился за свою доброту.

Вовка тоже обругал про себя назойливого следователя, который совсем не вовремя упрятал Турсуна за решетку, из-за чего ему, Вовке, придется топтать за водкой аж на другой конец поселка.

Ворота стройуправления были заперты, и Вовка постучал в окно сторожки, но оттуда никто не отозвался. Домой, наверное, смылся, тоскливо подумал Вовка и снова забарабанил по запыленному, обгаженному мухами стеклу. К его радости, в проеме окна мелькнула тень.

- Арак бар? - выкрикнул Вовка и жестом проиллюстрировал цель своего визита. - Водка есть?

Андрей отрицательно покачал головой.

Неизвестно, кто и когда прилепил этому колченогому старику-узбеку с жиденькой седой бородкой это исконно русское имя, но оно так прочно закрепилось за ним, что даже соплеменники звали его не иначе как Андреем. В управлении он числился сторожем, но еще подрабатывал тем, что готовил обеды для строителей.

Без водки никак нельзя было возвращаться, и Вовка настойчиво стучался в окно сторожки. Сторож приоткрыл окно и зло проговорил:

- Говорят тебе, нет водки. Давно не торгую. Милиция приходила, сказали, если еще раз увидят, посадят.

- Андрей, хотя бы бутылку, только одну! - умолял Вовка. - Очень нужно, понимаешь?

Сторож вместо ответа захлопнул окно.

Вовка приуныл. Прибьют ведь! Ахмад этот, говорят, настоящий зверюга... И черт дернул пойти с этим Софроном! Лучше бы сходил в кино, может, Людку повстречал.

Поразмыслив, Вовка решил, что ему ничего не остается, кроме как перемахнуть через забор. Он все еще не терял надежду, что Андрей выручит его.

Сторож возился на тахте, чистил картошку - готовился к завтрашнему дню.

- Зачем залез? - накинулся он на Вовку. - Сказал же, не торгую! Крикну сейчас милицию, они тебе покажут!..

- Не шуми, Андрей, - успокаивал старика Вовка, - выслушай сначала. Понимаешь, водка для Ахмада...

- Какого Ахмада? - нерешительно спросил Андрей. - Его же посадили.

- Да он вернулся уже, отмотал срок.

Андрей задумчиво покачал головой. И было непонятно, то ли жалел, что Ахмад так скоро вернулся, то ли подивился быстротечности времени. Ведь, кажется, только вчера он гонялся с палкой за Ахмадом, который докучал его своими набегами в колхозный сад, где Андрею доводилось работать сторожем, а теперь вон какой дядила вымахал. И отсидел уже сколько раз.

- Вернулся, говоришь? - вздохнул Андрей. - Ладно, я поищу, может, завалюсь где-нибудь бутылка.

Всучив старику деньги, Вовка попросил открыть калитку: мол, а то что могут подумать люди.

- Эх ты, башка, - беззлобно сказал сторож, - а когда залезал, люди ничего не подумали?

Когда Вовка возвратился, игра уже закончилась.

- Молодец! - похвалил Ахмад и, вынув из кармана скомканные деньги, отсчитал несколько бумажек. - Хватит?.

- Хватит, - обрадовался Вовка, - даже слишком.

- Сдачи не надо! - снисходительно бросил Ахмад. - Бах, тару!

Бах бросился к тумбочке, вынул оттуда пиалы, консервы, булку хлеба и головку лука.

- Подождем Софрона или?.. - Бах воспросительно посмотрел на Ахмада.

- Банкуй! А то в горле першит.

- И вправду, с чего это мы должны ждать Софрона? - презрительно сказал Бах. Потом добавил: - Ему сейчас не до питья.

- А куда он подевался? - спросил Вовка, чувствовавший себя не очень уютно без Софрона.

- За бабками¹ побежал! - хохотнул Бах. - Пока ты бегал за водярой, Ахмад ободрал его, как шкуру у барана.

- Кончай базар! - одернул Ахмад. - Банкуй!

Пекарь поспешно разлил водку. Ахмад молча влил в себя две полные пиалы подряд и захрустел луком. Вовку передернуло - ему тоже предстояло выпить эту гадость.

- Помнишь, вчера приходила за хлебом одна деваха?, - спросил Ахмад пекаря, - ну, корейночка, такая аппетитная.

- Людка, что ли? Это же дочка Софронова.

- Не может быть! Чтобы у такого ишака такая дочка!

- Хлебом клянусь! - заверил Бах.

- Наверное, сосед постарался.

- Этого я не знаю, свечку не держал, - загоготал Бах.

У Вовки заняло в груди. От второй пиалы он отказался, и сказал в оправдание:.

- Что-то не идет, с голодухи, что ли.

- А ты закусывай, - посоветовал Бах, - хлеба и консервов у меня сколько хочешь.

- Пей, салага, - сквозь зубы проговорил Ахмад, - пока наливают...

Наконец, Софрон вернулся, и игра продолжилась. Спустя некоторое время Ахмад предложил увеличить ставку, мол, с такими темпами игра никогда не закончится. Софрон попытался было возразить, мол, спешить некуда, завтра выходной, но Бах тут же вставил:

- Это у тебя выходной, а я работаю. Хлеб люди кушают каждый день, в выходные в особенности.

Ставка была настолько высокой, что Вовке пришлось выйти из игры. Ему оставалось только наблюдать, как деньги кочуют из кармана в карман.

Софрону не везло. Вовка нутром чувствовал, что Бах в угоду Ахмаду всячески подыгрывает ему. Через час-другой Софрон снова остался без денег.

- Что, еще? - насмешливо спросил Ахмад.

- Еще! - вызывающе ответил Софрон.

- Ответ покажи.

- Покажу, - нерешительно ответил Софрон. - Ахмад, бабки у меня есть, только не с собой...

- Все, завязываем! - Бах закинул колоду карт на тумбочку. - Все нормальные люди уже давно спят.

Поколебавшись, Софрон вынул из внутреннего кармана куртки темно-серую книжечку.

- Вот бабки! - сказал он, хлопнув книжкой по стол.

- Сберкнижка, что ли? - недоверчиво сказал Бах и, взяв в руки книжку, стал перелистывать ее. - Ну-кась, посмотрим, сколько зарабатывает бригадир шабашников.

- Смотри, смотри! - презрительно сказал Софрон.

- Так он у нас куркуль! - воскликнул Бах.

- А ты думал? - не без довольства ответил Софрон. - Мы же пашем, в отличие от некоторых.

- Дай-ка, взгляну, - заинтересовался Ахмад.

Он медленно перелистал сберкнижку и, усмехаясь, протянул ее Софрону. - Ведь проиграешь!

- Проиграю, так проиграю! - самоуверенно сказал Софрон. - Свои же бабки!

- Ну, гляди, кореец! Потом не говори, что Ахмад ограбил тебя...

- Не беспокойся! - у Софрона явно поднялось настроение, и он осмелел. - Ахмад, дай Вовке на водку, за мой счет, пусть еще раз смотается к Андрею.

Вовка мысленно отправил Софрона куда следует, но вслух сказал:

- Андрей сказал, что больше у него нет водки.

- Чтобы у Андрея не было водяры? - презрительно засмеялся Софрон.

- Гадом буду! - поклялся Вовка. - Его же менты накрыли.

- Утром бухнем, - вмешался Ахмад, - я угощаю... Бах, раздавай!

Софрон зыркнул на Вовку, но, поскольку последнее слово в компании было за Ахмадом, он промолчал.

Бах с явной неохотой взял с тумбочки колоду, растасовал ее, и игра продолжилась.

Фортуна, наконец, повернулась к Софрону. Несмотря на все ухищрения Баха, который считался в поселке не последним игроком, Софрон овладел инициативой.

- Кажется, я вернул свои, - не скрывая радости, проговорил Софрон и дрожащими руками спрятал деньги во внутренний карман пиджака.

- Далеко не прячь, - недобро усмехнулся Ахмад, - все равно возвращать придется.

- Это мы еще посмотрим, - Софрон подмигнул.

- Повысим ставку? - Все еще усмехаясь и пристально вглядываясь в глаза Софрона, предложил Ахмад.

- Как хочешь! - самонадеянно ответил Софрон, который, кажется, уверовал в свое везение.

Ахмад переглянулся с Бахом.

- Я не возражаю, - сказал Бах, едва заметно, заговорщически мигнув Ахмаду. - У Софрона пруха пошла!

Сека не преферанс. Из всех картежных игр она, быть может, самая простая. Даже те, кто ни разу не держал в руках карты, за пару минут может научиться этой игре. Но именно эта простота требует невероятно цепкого взгляда, умения оценить игровую обстановку, знания тончайших нюансов человеческой души, интуиции, а главное, принятия своевременного, единственно верного решения. И нередко выигрывает не тот, у кого лучший расклад карт, а тот, кто сумеет «прочитать» соперника, заставит его ошибиться. А поскольку большинство людей не страдает излишней скромностью по поводу своих способностей, они бросаются головой в водоворот игры. Сека - это нервы и блеф, надежды и иллюзии, этот взлет и падение.

Все это в полной мере и познал Софрон в эти предутренние часы. Не прошло и часа, как содержимое его карманов вновь переключилось к Ахмаду. Разумеется, не без помощи Баха, который в этой компании, безусловно, был лучшим игроком, и тонко и умело направлял поток денег в карман Ахмада.

- Я же сказал, проиграешь, - с издевкой сказал Ахмад, забирая со стола сберкнижку Софрона.

Софрон промолчал, но лицо его побагровело.

- Ничего, в следующий раз повезет, - пытаюсь снять напряжение, сказал Бах. - Карты есть карты. Сегодня проиграл, завтра выиграл.

Довольный Ахмад соскочил на ноги и потянулся, всем своим видом показывая, как надоел ему Софрон.

- Бах, есть у тебя что-нибудь пожрать? Только консервов не надо, от них меня уже тошнит.

- Я же не думал, что до утра придется гонять в карты, - оправдывался Бах, - а то бы купил на базаре побольше мяса и сварганил что-нибудь приличное.

- Вот так дела! - во весь рот зевнул Ахмад. - Денег куча, а жрать нечего. Может, в гости к кому напроситься?.. Софрон, позовешь в гости?

- Позову, - хрипло ответил Софрон, - только...

- Только что? - Ахмад сверкнул глазами.

- Ахмад, сыграем еще? - с мольбой в голосе сказал Софрон. - В последний раз, а-а?

- Сыграем? - хохотнул Ахмад. - А на что?

- Ты что, Софрон, очумел? - набросился на него Бах. - Скоро ученики подойдут, хлеб в печи закладывать.

- Погоди ты со своим хлебом! - оборвал его Софрон. - Я хату свою ставлю на кон.

Вовка поперхнулся. Бах схватился за голову. Только Ахмад спокойно воспринял безумие Софрона. На лице его были только презрение и насмешка.

Но Софрон, который все еще не верил, что проиграл все свои наличные и наличные деньги, кажется, потерял контроль над собой.

- За мою хату любой выложит тридцать кусков, не торгуюсь, а то и все пятьдесят!.. Бах, подтверди!

- Проиграл немного денег - завязывай, - с угрозой сказал Ахмад. - Не буди во мне зверя.

Откинувшись на подушку, он закрыл глаза.

Вдруг он хлопнул себя по колену и засмеялся.

- Сыграем! Но только не на твою паршивую хату.

- Это моя хата паршивая? - возмутился Софрон. - Спроси у Баха.

- Хата у тебя классная, - согласился Бах, - но ты, кажется, чокнулся. Ставить хату на кон!..

- Хата моя, что хочу, то и делаю!

- Классная не классная... Для меня ничего не значит. Там же у тебя свинарник! - презрительно сказал Ахмад. - А как я, чистокровный мусульманин, буду жить в такой хате?.. Нет на хату не играю.

- В долг? - обрадовался Софрон.

- Нет, в долг тоже не играю, - Ахмад испытывающе посмотрел на Софрона. - А ведь не согласишься.

- Да хоть на что согласен! - упорствовал Софрон.

- Ну, гляди, кореец, слово мужчины - закон... Сыграем на твою дочку!

- Ты что, Ахмад? - Софрон соскочил с табуретки. - Брось шутить.

- А я и не шучу, - глаза Ахмада сверкнули зловещим огнем. - Сам сказал: согласен на все. А слово мужчины - закон. Или ты баба? А, может, ты пидор?

- Не шути, - повторил Софрон, едва сдерживая себя.

Лицо его побагровело от ярости. Еще немного и, казалось, он набросится на Ахмада с кулаками.

- Какая шутка? - сквозь зубы процедил Ахмад и вдруг громко заржал. - Может, я жениться хочу? Или ты думаешь, что я буду хреновым зяtkом?

- Бах, займи «кусок»! - Софрон бросился к пекарю. - К обеду верну, хлебом клянусь!

Ахмад угрожающе привстал.

- За кого ты меня принимаешь? Я сказал слово? Сказал. Хочешь сыграть, ставь дочку!

Вовке хотелось уйти. Но ноги не слушались его. Шумело в голове. От выпитой водки, от ненависти к себе и своим собутыльникам, от страха, который терзал его.

- Ахмад! - вдруг выкрикнул он.

Но никто не услышал его. Не слушался язык, и звуки застряли в горле.

Вовка откашлялся и снова выкрикнул:

- Ахмад, не тронь Людку!

- Что? - повернулся к нему изумленный Ахмад.

Резко встав с кровати он бросился к Вовке и наотмашь ударил его по лицу.

Вытирая разбитую губу и нелепо махая руками, Вовка упрямо повторил:

- Не тронь Людку!

Ахмад снова ударил его и, сбив с ног, стал пинать его своими башмаками.

Встретив сопротивление, он озверел. Досталось и пытавшимся унять его Софрону и Баху.

- Всех пришибу, козлы! - кричал Ахмад, сверкая глазами и размахивая руками.

Наконец Ахмад успокоился. А, может, просто устал. И лишь затем удивился:

- Ну, шкет!

Вовка ушел из бригады. Денег на шабашке, конечно, побольше, но после той ночи он видеть не мог Софрона. А Софрон быстро наверстал проигранные деньги. Руки у него, не в пример голове, были золотые. В поселке он был единственным облицовщиком кафеля и паркета, и везде был на расхват.

Как-то повстречав Вовку, Софрон сказал ему:

- Что было, то было. Возвращайся в бригаду.

Затем протянул Вовке бумажный сверток.

- Здесь твоя доля. За отделку на хлопзаводе.

Вовка пристально посмотрел на Софрона и, молча повернувшись, пошел прочь.

ОПЛЕУХА ЦВЕТАМИ

- Грязная свинья! Алкаш проклятый!

Не довольствуясь моральным уничтожением, Аня вцепилась в мужа так, будто хотела вытрясти из него всю душу.

Петя слабо защищался. Нестерпимо гудела голова, ноги едва держали его разжиженное алкоголем тело. Хотелось грохнуться на пол, расслабиться, уйти в мир кошмарных сновидений, где нет ничего, кроме темной бездонной пропасти, чтобы снова и снова падать в эту бездну. Но что было ужаснее всего - чувство вины тихой и неумолимой сапой вкрадывалось в его душу, раздирая ее в кровавые клочья, посыпая жгучей солью.

Молча и униженно перенося гнев жены, Петя давал себе клятву никогда и ни при каких обстоятельствах больше не являться к жене в таком паскудном виде.

Он даже решился сказать об этом вслух. На душе его посветлело от этой мысли, и он уже выпрямился, чтобы на деле осуществить свой благородный порыв. Но именно в это мгновение что-то мягкое и теплое вывалилось у него из-за пазухи.

- Что это? - вскричала Аня.

Петя не был пьяницей. Пьяница может запросто выпивать в одиночку, а Петя чувствовал себя последним подонком, если не находил компаньона. Ради компании он не задумываясь мог перейти на диету и на обед довольствоваться газировкой, которую бесплатно и в любом количестве отпускал автомат, установленный в соседнем учреждении.

Обычно Петиным компаньоном был Фарид. О, это был славный малый! Он, выражаясь его же словами, «уходил в транс» уже после первой стопки. Эта его черта особенно нравилась Пете...

Но был у Фариды один недостаток. Перед «уходом в транс» он обязательно выкидывал какую-нибудь штучку, от которой Петя не всегда был в восторге. Предлагал, к примеру, сходить в театр оперы и балета или же пытался затащить Петю в Дом знаний на лекцию о влиянии алкоголя на производительность труда...

В общем, не стань Фарид таким, какой он есть, из него вышел бы изрядный пакостник. Но Петя прощал другу этот недостаток, терпеливо ожидая дальнейшего хода событий. А терпение, как известно, всегда хоть чем-нибудь да вознаграждается.

В тот вечер Фарид привел третьего.

Петя встревожился не на шутку. Он сухо ответил на приветствие и уже хотел было распрощаться, сославшись на то, что сегодня у Ани день рождения.

Самое интересное, что это было правдой. Петя уже забыл, когда он в последний раз поздравлял жену с днем рождения. В первые после свадьбы годы он покупал пионы и шампанское. Аня обожала пионы, а вот на спиртное у нее была аллергия, но она не возражала, чтобы Петя распивал шампанское с приятелями. Потом его осенило: зачем цветы, если через день-два они оказывались в мусорном ведре. Не лучше ли вместо цветов купить еще бутылку! А еще лучше - водки!

День рождения растягивался на неделю, на месяц, а вскоре Петя стал забывать, по какому поводу устраивалась очередная попойка.

Этот третий вызвал смятение еще и тем, что был худющий, как Кащей, а такие, Петя знал, способны перепить даже его. Но Фарид подмигнул: все в ажуре.

Знак этот заинтриговал Петю. Поправив беретку, он сунул руку в карман - проверить наличие заветного казначейского билета. Да, Петя исправно соблюдал выработанную годами диету.

- Ну, что? - встрепенулся Фарид.

- Я угощаю, - торопливо сказал третий, заметив движение Петиной руки.

Фарид победно улыбнулся: мол, что я говорил.

Олежка, так звали незнакомца, отправился в магазин, а наши друзья неторопливо двинулись по улице, на которой чуть ли не каждый столб познал их горячие сыновние объятия.

- Где ты нашел его? - спросил Петя, кивая на торопливо шагающего Олежку.

- А-а, бывший коллега, - отмахнулся Фарид. - Мы с ним работали в «Оргтехсельстрое»... Туповатый малый, но деньги у него всегла водятся... Вроде, предки его состоятельные. Я помогал ему чертежи делать, вот он и считает себя моим должником...

- Мне бы такого должника! - с завистью сказал Петя.

- Со мной не пропадешь! - рассмеялся Фарид.

Приятели остановились у одного из фонарных столбов, где стояла девочка с корзиной цветов.

- Что это за цветы? - поинтересовался любознательный Фарид.

- Пионы, - ответила девочка и, косясь на рыжего небритого дяденьку, прикрыла цветы ладошками.

- Чудачка, чего боишься, может, я купить хочу?

Девочка прыснула в ладошку. Развеселился и Петя.

- Чего ржете? - обиделся Фарид.

Его обида грозила перерасти в нечто большее - у него было легко ранимое сердце. К счастью для девочки, в этот момент примчался Олежка.

Только сейчас Петя почувствовал сушь во рту. Неприязни к Олежке как не бывало, а когда тот, как бы извиняясь за щедрость, сказал: «От вина у меня изжога», - Петя даже уважал его.

- А закуску? - с тревогой в голосе спросил Фарид, - закуску не забыл?

- Знаешь, на закуску не хватило, - помявшись, смущенно ответил Олежка.

- Обойдемся, - нетерпеливо оборвал Фарид Петя, - в первый раз, что ли?

- Как обойдемся? - возмутился Фарид. - Водка, брат, не бормотуха, уважать ее надо. А какое уважение без закуски?

Фарида можно было понять. Уже многие годы он не ел. Он только закусывал. Так что этот вопрос был для него жизненно важным.

Олежке было как-то неуютно из-за своего промаха, и он огляделся по сторонам, будто хотел высмотреть где-нибудь парочку соленых огурцов с сырокопченой колбасой в придачу.

- Вот закуска! - ринулся он к цветочнице и вмиг выхватил у нее из корзины букет.

- А деньги? - донесся вслед неуверенный голосок.

- Завтра отдам, - отмахнулся Олежка. - Вот закуска!

- Цветами закусывают только лошади - с плохо скрываемым раздражением сказал Фарид.

Щепетильный Петя остановил цветочницу, которая со слезами на глазах подняла корзину, чтобы отойти подальше от этих нехороших дядей.

- Погоди, девочка...

Он вынул из кармана свою сэкономленную записку и отдал ее девочке.

От такого великодушия его самого чуть не стошнило, а у Фариды сперло дыхание.

- Петро, ты случаем не того? - спросил Фарид, выпучив глаза и поднеся указательный палец к виску.

- Это же отличная закуска, - оправдывался вконец добитый Олежка. - Зачем, к примеру, пчелы увиваются вокруг цветов? Да затем, что в цветах есть сахар, мед и прочие витамины.

Фарид хотел было выругаться, но вовремя опомнился - такого приятеля, который может потратить за раз целый червонец, ему никак нельзя было терять.

А Петя уже вынул складной стаканчик и стал выдувать из него карманную пыль...

И вот эта маленькая тройка, удобно расположившись на детской игровой площадке, приступила к обсуждению событий внутренней и международной жизни. Фарид уже закрыл глаза и слушал рассуждения Олежки о преимуществах русской водки перед немецкой и китайской.

Петя, к своему удивлению, ничуть не был рад Фаридову «уходу в транс». Очередная порция этиловой энергии, рас-

сасываясь по жилам, воспламенила кровь и озарила темную чащобу его души.

- Неправильно мы живем, - мрачно выдохнул он.

- Почему неправильно? - лениво возразил Фарид. - Лежишь себе, беседуешь о том, о сем, кайф ловишь. Что еще нужно?

- Неправильно, - упорствовал Петя. - Понимаете, у жены день рождения, а я как свинья...

- А знаешь что? - сказал вдруг Олежка. - Подари жене эти цветы. Я только одну штучку попробовал... Фарид прав, цветами закусывают только лошади. Но цветы классные. Жене твоей понравятся.

- Цветы? Аньке? - загоготал Фарид. - Да она этими же цветами ему же в морду... Ты, Петь, не обижайся, но твоя Анька - мегера...

Сказал и снова впал в состояние, ради которого он заводил знакомства чуть ли не с каждым прохожим.

Петя нахмурился, помотал головой, как бы обдумывая ответ.

- Ты Аньку не трогай, - сказал он наконец.

- Вы что? - стал успокаивать друзей Олежка.

- Не лезь не в свое дело, - взбеленился Петя.

Он встал, обвел мутными глазами собутыльников, затем перевалился через штакетник и, пошатываясь, побрел прочь.

- Петька уходит! - затормошил Олежка Фариду.

- Что? - подскочил Фарид. - Куда?

- Домой, наверное. На тебя обиделся.

- За что?

- Ты его жену мегерой обозвал.

- Она мегера и есть... Ладно, пошли. Цветочки прихвати. Анька, хоть и мегера, а все же жена ему... Петро, а Петро, друг я тебе или не друг?..

- Что это? - угрожающе повторила Аня.

- П-пионы.

- Вижу, что пионы! Зачем ты притащил их сюда? Что, мало у нас мусора? Или ты помогаешь мне убираться в квартире?

Петя никак не мог взять в толк, как эти злополучные пионы оказались у него... Последнее, что он помнил, так это то, как Олежка зазвал новоиспеченных приятелей к себе домой, угощал какой-то противной жижей... А что было потом?.. Потом был полнейший мрак, провал в памяти.

«Наверное, Фарид подсунул, - подумал он, вспомнив о гадком свойстве своего дружка в предтрансовые периоды. -

Козел, попадись мне!».

Взбучить Фарида он мог только назавтра, а сейчас надо было как-то выкручиваться.

Петя весь вспотел, лихорадочно обдумывая наиболее достоверный ответ, когда Аня ринулась в яростном порыве, чтобы схватить цветы и швырнуть их ему в лицо. Пьяное прощество Фарида приобретало зримые, вполне реальные черты.

Руки жены едва коснулись цветов, а Петя уже физически ощущал боль... Боль от пионов? Да разве впервой ему сносить гнев своей тяжелой на руку подруги жизни? Нет... Но странная это будет оплеуха. Оплеуха цветами. Окажись в руках жены не цветы, а, скажем, сковородка, Петя не задумываясь выставил бы вперед локоть, который уже задубел за годы супружества. Но пощечина цветами!..

Ценой величайшего усилия ему удалось электризовать нейроны мозга, и в темном царстве мыслей вспыхнула молния.

- Это тебе! - торопливо выкрикнул он.

Эта неимоверно короткая фраза еще не сформировалась в его сознании, и он еще не представлял, что последует за ней, но чувство утраты чего-то большого и чистого тут же охватило все его существо.

- Что?! - вырвалось у Ани, и пионы в немом ужасе застыли в воздухе.

Петя уже не мог остановиться.

- У тебя же день рождения. Ну, и купил цветы.

- Мне?.. Цветы?..

Аня безвольно опустилась на стул, пытаясь осознать происшедшее.

Петя перепугался не на шутку. Этот непонятно что выражающий взгляд пугал его больше, чем самая страшная ее ярость.

Аня вдруг засуетилась. Отыскала где-то пустую банку из-под маринованных помидоров, налила воды, поставила цветы. Ее движения были скорее инстинктивными, нежели осознанными. Потом она снова села, стараясь не смотреть на мужа.

Уж не с пьяного ли похмелья снится вся эта несурезица, думалось Пете. Но пионы, живые свидетели действительности, стояли перед глазами. «Я есмь! Я существую!» - кричал каждый лепесток.

- Деньги-то где взял? - необычно тихо спросила Аня.

- Сэкономил на обеде, - машинально ответил Петя и тут

же, опомнившись, сжался в ожидании новой бури.

Но буря не состоялась. Сквозь глухой стук в висках, тошноту и гудение нервов, он услышал рыдания.

Аня? Плачет?.. Она могла могла ругаться, как последняя базарная баба, взрываться динамитом в тысячу килотонн, но чтобы плакать!.. Непонятное, щемящее, ноющее, как зубная боль, чувство охватило его.

На следующее утро Петя зашел к заведующему художественной мастерской.

- Ты чего? - оторвавшись от бумаг, спросил заведующий.

- Даже не проси! Ни в коем случае! Все равно у меня нет ни гроша... Ну что ты за человек? Когда-нибудь закончишь белой горячкой!

- Помнится, на прошлой неделе ты говорил о каком-то заказе, - резко оборвал его Петя. - Если предложение остается в силе, я готов его выполнить.

- Погоди, погоди, - опешил заведующий, - ты сегодня что-то не того. Может, заболел?.. Нет? Может, опохмелишься? У меня тут бутылка сухача припасена...

Петя схватился за голову и застонал.

МАРАТ

В прокуратуре исчезла пишущая машинка.

Придя утром на работу, Люда обнаружила на месте пишущей машинки бархатный прямоугольник пыли, скрепку и, главное, ручку, подаренную ей шефом по возвращении из турпоездки в Страну утренней свежести. «Так вот куда она закатилась! - ругала она себя за недогадливость. - Я-то, дура, все полки в столе перерыла».

Довольная, что пропажа нашлась, Люда неспеша разделась, поправила прическу у зеркала, на помадилась, подкрасила ресницы и только после этого решила прибрать стол. Вынимая из шкафа тряпку, она вдруг развеселилась: «Неужели сам решил допечатать?».

Забавно было смотреть, как шеф, забирая время от времени машинку к себе в кабинет, подолгу колдовал над ней. Его густые черные брови сдвигались в мучительном напряжении, а из губ то и дело вылетало: «Куда она подевалась? ...Черт бы ее за ноги повесил!». Зато, найдя нужную клавишу, он с видимым злорадством, сильно, словно мстя за предыдущие мгновения, ударял по ней. «Потише вы! - возмущалась Люда. - Машинку сломаете!». «Тем лучше, - отмахивался шеф, - быстрее новую дадут».

Стол заблестел первозданной полировкой, и Люда отворила дверь кабинета. В сердце екнуло от недоброго предчувствия - машинки не было и в кабинете.

В это время в приемной появился Владислав К., молодой следователь, пришедший в прокуратуру после окончания университета.

- Ранней пташке мой горячий привет!

Но Люда не приняла шуточного тона.

- Слушай, Владик, ты машинку не видел? - спросила она, не ответив на приветствие.

- Какую машинку?

- Какую-какую! - с досадой передразнила Люда. - Пишущую, конечно!

- Нашей пташке нынче плохие сны снились?

- Я серьезно, машинка куда-то подевалась. Может, кто из наших забрал?

- Ну, это проще простого выяснить. У тебя ведь ключи от всех кабинетов имеются.

Осмотр кабинетов, однако, не дал результатов.

- Не могли же ее украсть! - Люда чуть не плакала.

- Ты что? - рассмеялся Владислав. - Кто посмеет?

Со двора донесся шум автомобиля.

- Что сейчас будет! - Люда схватилась за голову. - Я же не успела отчет допечатать.

Прокурор, как обычно, стремительно вошел в приемную, поздоровался с Владиславом за руку, а Люде кивнул головой в знак приветствия, и открыл дверь кабинета.

- Да, - спросил он, повернувшись к Люде, - как отчет? В понедельник улетаю в Ташкент.

- Две странички осталось...

- Молодец! - похвалил прокурор. - Закончишь, сразу же - мне на стол.

- Да, но понимаете, - упавшим голосом сказала Люда, - машинка пропала.

- Как пропала?

- Пришла на работу, стала прибираться и вдруг заметила, что машинки нет.

- Может, кто из сотрудников взял?

- Нет, мы тут с Владиславом Павловичем все кабинеты осмотрели.

- Так... Как теперь быть? Почему у нас всегда так? В самый нужный момент исчезают самые нужные вещи?

Люда виновато потупила голову.

- Черт знает что! - в сердцах проговорил прокурор. - Владислав, зайди ко мне.

Он прямо в пальто уселся в кресло, огорченно помотал головой, побарабанил пальцами по столу.

- Машинку сперли! - взорвался он, наконец. - И где? В прокуратуре! Ты понимаешь?.. В про-ку-ра-ту-ре!

Прокурор желчно засмеялся, не находя слов от негодования.

- Вот что, сходи к соседям, в районо, попроси машинку. Скажи, мол, на часок, отчет горит... Только на меня не ссылайся. Я, понимаешь ли, с заврайоно на районном совещании поцапался.

Прокурор кивнул головой и окунулся в бумаги. Владислав уже закрывал дверь, когда прокурор остановил его.

- Да, выясни потом насчет машинки. Не могла же она раствориться в воздухе!.. Черт бы ее за ноги повесил!..

Расспросы уборщицы ничего не дали. Хамида-апа не могла даже припомнить, заперла она дверь после уборки или нет.

- Да если и не заперла, что может случиться? Слава аллаху, не базар какой-нибудь. Пракуратур!

Хамида-апа была убеждена в святости этого учреждения и даже в мыслях не допускала, что сюда можно войти без специального на то приглашения.

- Вчера, когда вы убирались, машинка была?

- Конечно, была. А что случилось?

- Исчезла машинка, апа.

- Что вы говорите!.. Была она, точно помню. Вчера ведь четверг был, базарный день. Старик мой купил двух ягнят - следующей осенью сына женим. Я повозилась с ягнятами и пришла сюда прибраться... Да, машинка была. Я еще пыль с нее вытерла.

Глядя на разочарованное лицо Владислава, Хамида-апа сочувственно покачала головой. В глубине души она осозна-

вала свою возможную причастность к пропаже машинки. Поэтому и заспешила домой. Мол, ягнят надо покормить.

Кишлак он есть кишлак, с досадой думал Владислав, разве можно оставлять дверь незапертой, даже если это прокуратура?

В понедельник прокурор вылетел в Ташкент, а машинка все еще не была найдена. «Ну, нахалюга, - погрозил Владислав неизвестному похитителю, - только попадись мне!».

Во вторник поселок был взбудоражен неслыханным событием. У входа в универмаг, на самом видном месте была приклеена листовка с энергичным заголовком: «Долой спекулянтов!».

«В ЭТОМ УНИВЕРМАГЕ, - гласила она, - РАБОТАЮТ МОШЕНИКИ И СПИКУЛЯНТЫ. В ПРОШЛОМ МЕСЯЦЕ ЗДЕСЬ ПРАДАВАЛИ КАВРОВЫЕ ДАРОШКИ ПО 142 РУБ. ШТУКА. НАСТОЯЩАЯ ЦЕНА 105 РУБ.».

Первой прочитала листовку учительница школы. Она машинально вынула из сумочки красную ручку, что исправить ошибки. «Что я делаю?» - опомнилась она через мгновение и закинула ручку обратно в сумочку.

Улыбнувшись, она медленно направилась в сторону школы. Но на полпути она остановилась и решила вернуться назад. Ошибки на листовке, как непристойность, возмущали все ее существо, и она решила выполнить свой профессиональный долг: дождаться продавцов и указать им на выявленные ею в листовке чудовищные грамматические ошибки.

Но, когда когда учительница вернулась к универмагу, листовки уже не было. «Ну, то-то ли!», - удовлетворенно хмыкнула она и с чувством выполненного долга отправилась в школу.

Продавец универмага посчитал, что подобная деталь явно портит фасад здания, оформленного в стиле роскошного барокко современных шабашников. Но этого было достаточно, чтобы уже к обеду в универмаг заявились два покупателя и потребовали вернуть разницу. Директор распорядился немедленно удовлетворить это требование и лично извинился перед ними.

После обеда универмаг стал местом паломничества жителей. В столовой, чайханах, в учительских, на хлопзаводе только и говорили об этой невероятной новости. А вечером в райисполком были приглашены председатель райпо, директор универмага, представители прокуратуры и милиции...

Но каким бы значительным ни было событие, со временем оно теряет свою остроту. Так случилось и на этот раз.

Жители посудачили о нечестности продавцов, вспомнили эпизоды из своей покупательской практики, похвалили разоблачителя, директор универсама был переведен продавцом сельмага в отдаленном колхозе и... поселок снова окунулся в серую житейскую суету.

И вдруг снова грянул гром. Незвестный хорошо изучил человеческую психологию. Вторая листовка появилась именно в тот момент, когда о первой стали забывать и вспоминали о ней лишь как об анекдоте.

На сей раз острие обвинения пало на врачей, которые, по словам неизвестного, дают любую справку, даже о невменяемости, которая освобождает от призыва в армию или уголовной ответственности. Разумеется, за приличную мзду.

Поселок встревожился не на шутку. Нарушался размеренный, годами выверенный ритм жизни. Жителям было не то чтобы стыдно, но как-то неудобно платить за пачку сигарет тридцать пять копеек, чего требовал неизвестный, а не пятьдесят, как повелось здесь с давних пор. Продавцы-то все местные, жители знали их чуть ли не с пеленок. А теперь надо было менять отношения, складывавшиеся в течение долгого времени. И еще неизвестно, чем все это кончится...

В прокуратуре реакция была двойственная. Прыгающая вверх «т» и хромающая налево «а» говорили, что листовки отпечатаны на машинке, похищенной в тот злополучный четверг. С другой стороны, неизвестный становился вроде как их добровольным союзником.

Вернувшийся из Ташкента прокурор потребовал немедленно разыскать разоблачителя.

Миновала полночь. В пальцах ног стало покалывать. Владислав ускорил шаги. Уже в который раз он пытался построить версию похищения. Прежде всего, нужно уяснить мотив преступления, размышлял он, характер и метод его совершения, то есть нарисовать социальный портрет преступника. Тогда и будешь знать, где и среди кого его искать. Мотив в данном случае ясен. Незвестный, наверняка, не раз был обижен работниками торговли, сферы обслуживания, здравоохранения и даже райисполкома. Но судя по всему, боится гласности, мести... Ну, пиши тогда анонимку! Зачем машинку красть? И где?... Мог ведь выкрасть в районо, райгазе. Ан нет, надо было этому правдолюбцу-пакостнику залезть именно в прокуратуру! Владислав сплюнул от досады. Всякий раз его логические построения спотыкались об эту злощастную машинку.

Уже которую ночь он бодрствовал в надежде схватить неизвестного за руку. Иного выхода из создавшегося положения молодой следователь не видел. Отчаявшись, он даже подумал, не прибегнуть ли к помощи служебной собаки, но тут же отбросил эту мысль. Засмеют ведь! Да и шеф предупреждал, чтобы не поднимал большого шума: мол, дело щекотливое, выведенного яйца не стоит. И Владислав решил взять неизвестного измором.

Он уже дошел до канала, отделявшего старую часть поселка от нового, но не встретил ни души. Даже собаки не лаяли - февральский мороз загнал их в конуры. Чертыхнувшись, Владислав представил насмешливые лица коллег и с мрачными мыслями продолжил обход.

Вдруг за спиной, в отдалении, послышались поскрипы-пывающиеся на снегу шаги. Владислав нырнул под чинару и стал вглядываться в темноту. В тусклом свете фонарей он различил фигуру мужчины в шляпе, с франтовато приподнятым воротом пальто. От вдовушки какой-нибудь, разочарованно подумал Владислав, но продолжал следить.

У ворот дома быта мужчина остановился, поглядел по сторонам и, что-то вынув из кармана, приблизился к ним.

«Неизвестный!» - обожгла Владислава догадка. Но тут поддержка изменила ему.

- Стой! - крикнул он и бросился к мужчине.

Тот испуганно отпрянул от ворот и побежал прочь.

- Стой! - повторил Владислав, проклиная свою идиотскую поспешность.

Мужчина внезапно замедлил шаги и остановился, дожидаясь преследователя.

«Он вооружен!» - пронеслось в голове Владислава.

В новой части поселка стояли два коммунальных дома, прозванных жителями бараками. Они остались еще с того времени, когда местные пацанята обнаружили неподалеку от поселка нефть. Бараки были предназначены для геологов и буровиков, однако очень скоро обнаружилось, что запасы нефти крайне незначительны, и бараки были заселены поселковыми.

Одну из комнат в этих бараках занимал одинокий татарин лет сорока пяти. Носил он громкое имя - Марат. Появился он здесь давно, и поселковые считали его своим, местным. Если бы не эта подобострастная улыбка, в которой он расплывался в ответ на реплики, в большей части обидные, лицо его выглядело бы мужественным и суровым, под стать тезке великого яacobинца. Высокий лоб, выдающиеся скулы, тон-

кие, плотно сжатые губы - словом, лицо его составляли черты, которых так не хватает многим мужчинам. Но черты эти смазывались густыми рыжими усами, которые Марат отрастил, по-видимому, для придания солидности своей маленькой, почти детской фигурке. А высокая прическа, призванная компенсировать низкий рост, не только не выполняла заданную ей функцию, но и, наоборот, подчеркивала этот недостаток.

Владислав узнал Марата, и напряжение спало.

- Марат? Что ты здесь делаешь?
- Я?.. Ничего, гуляю.
- А зачем убежал?
- Думал хулиган какой-нибудь.
- А что ты в карман сунул? Покажи.

Марат как-то сразу сник.

- Владик, отпусти меня, пожалуйста, - взмолился он. - Я ничего плохого не сделал.

- Где машинка?

- Я все расскажу. Только дай слово, что отпустишь меня.

...Марат был из тех, кто набил руку на разных специальностях. Поселковые нередко нанимали его выложить стену или застелить пол, а подростки заставляли его копаться в двигателях своих мотовелосипедов. Наверное, учитывая эти качества, и пригласил его директор местной школы преподавать уроки труда.

Владик учился тогда в седьмом классе. Он, как и все одноклассники, с нетерпением ждал среды - в этот день два последних урока отводились труду. Он любил эти уроки, потому что ни на каких уроках, даже на физкультуре, не было столько свободы. Часть ребят попросту не посещала их. А Ришат Хабибуллин предупреждал Марата, чтобы не отмечал в журнале его отсутствия. «Иначе я буду ходить на твои уроки», - грозился Ришат. Марату такая перспектива не улыбалась, и он только отшучивался: «Ладно уж, иди, только директору или завучу на глаза не попадайся».

Другие оставались больше из желания поозоровать, потому что любая проделка на уроках Марата оставалась безнаказанной. Именно это обстоятельство порождало в мальчишеских головах такую разнузданную, такую изощренную изобретательность.

В тот день погода была дождливой, и мальчишки, не имея возможности погонять мяч, пришли в мастерскую всем составом, чего раньше никогда не было. Марат вышел к завхозу, поручив ребятам вырезать лобзиком фигуры на фанере.

В его отсутствие в мастерской, конечно же, был учинен погром. Вдруг Ришат предложил потеху, которую ребята с восторгом поддержали.

Когда Марат вернулся, Ришат с Владиком подхватили его за руки и подвели к столу, за которым Марат имел обыкновение сидеть.

- Марат, покажи как работать лобзиком, - вполне серьезно попросил Ришат.

- Покажи, покажи, - хором повторили ребята.

Марат обрадовался. Дети впервые проявили интерес к его уроку. И он с воодушевлением стал объяснять.

- Да ты садись! - сказал Ришат, с трудом удерживаясь, чтобы не засмеяться.

- Ничего, стоя лучше.

- Говорят же, садись! - настойчиво повторил Ришат и насильно подтолкнул Марата.

Марат уселся, но стул тут же развалился, и учитель труда грохнулся на пол. На полу среди обломков и опилок он выглядел смешно и нелепо. Озорники захохотали и отпрянули от стола...

Об этом случае узнала вся школа, и директору пришлось искать нового учителя труда.

- Дай слово, что отпустишь меня, - умолял Марат.

- Там посмотрим, - сказал Владислав, - а сейчас пошли за машинкой.

- Пошли, - упавшим голосом сказал Марат.

Жил Марат скромно. Мебели в комнате было немного: кровать, застеленная байковым одеялом, небольшой стол, две табуретки, шкаф, где вместе с книгами помещалась посуда. Над кроватью висела картина, расписанная за десятку местным художником. Она изображала пышную грудастую девицу, томящуюся у пруда, где, естественно, плыли два лебедя.

Марат, не раздевшись, кинулся к кровати и вынул из-под нее картонную коробку.

- Вот она, - сказал он, выложив машинку на стол, - целая и невредимая.

Владислав, завидя предмет, доставивший ему за эти дни столько волнений, столько насмешек от коллег, набросился на Марата:

- Как ты мог украсть машинку? Да еще не где-нибудь, а в прокуратуре!

- Я не хотел, честное слово, не хотел, - оправдывался

Марат. - Что со мной будет, а? Посадят в каталажку?

- А ты как думал? Орден дадут? Ишь ты, подпольщик нашлся!

Марат выглядел жалким и обреченным, и Владислав смягчился.

- Ну, ладно, скажи, как ты реквизировал машинку.

- Я не хотел, Вася, понимаешь? - горячо сказал Марат. - Но что-то случилось со мной, вернее, с моими мозгами.

- Ты мне голову не морочь! - оборвал его Владислав. - Рассказывай по существу: что, где, как и когда.

- Сейчас, сейчас... Я давно хотел зайти к прокурору. Понимаешь, сил моих больше нет! Каждый так и хочет отхлпать у тебя, обвесить, стащить. Даже в газетном киоске хоть копейку, но недодадут. Вот я и решился однажды вечером, наконец, зайти к прокурору.

- А почему вечером? - удивился Владислав. - Мог ведь утром, утром даже лучше, собирается вся прокуратура.

- Молодой ты еще! - осмелел Марат. - Жизни не знаешь. Я уже сколько ругался с этими торгашами, а что толку? На прошлой неделе, к примеру, меня обматерили прямо в магазине. А за что? За то, что попросил показать фактуру. И хоть бы кто заступился! Так нет, наоборот, все только смеялись... А если кто увидит, что я зашел к прокурору, убьют меня.

- Ты что, Марат, - насмешливо спросил Владислав, - думаешь, мы не смогли бы защитить тебя?

- Тебе легко говорить, у тебя, наверное, наган есть. А я кто? В прокуратуре, конечно, никто бы меня не тронул. Но что будет потом, знаешь? На каждом шагу будут преследовать, и так, что никакой закон не сможет придраться.

- Ну, хорошо, зашел в прокуратуру. Что было дальше?

- Там никого не оказалось, хотя двери были открыты. Тут я как назло увидел машинку. Я давно хотел купить такую, но больно дорого стоит. Слышал, есть маленькие, дешевые, но я их в нашем культмаге не видел ни разу... Ну вот, увидел я машинку, и вывих какой-то произошел в голове. Сам не могу понять, как это случилось, и даже не помню, как я на улице оказался с машинкой.

- Так прямо и оказался? И никто не увидел тебя?

- Не знаю. Я же говорю, в голове вывих случился. Может, и видели, ведь еще светло было... Потом, когда я пришел в себя, я пришел в ужас... Я страшно испугался и побежал домой... Я правду говорю, Владик, поверь мне, я только хотел рассказать народу обо всех этих жуликах и спекулян-

тах... Потом я хотел отнести машинку в прокуратуру, но побоялся. Там бы меня сразу арестовали и посадили в катажку. Хотел оставить машинку где-нибудь на улице, с запиской, чтобы к вам отнесли. Но тоже побоялся. А вдруг тот, кто найдет машинку, заберет ее себе.

Конечно, Марат должен понести наказание за кражу, размышлял Владислав, но как накажешь этого человечка? Он, может, тронулся умом? А таких не сажают, а лечат... Но ведь выкрал машинку! И где?..

В конце концов, Владислав решил: свою задачу я выполнил, а что делать с Маратом, пусть у других голова болит.

- Бери машинку и пошли! - жестко сказал Владислав.

- Я так и знал, что попаду в катажку, - запричитал Марат. - Я так и знал...

Выйдя из барака, Владислав повел Марата в дежурную часть милиции. Шагать было довольно долго. По пути Марат не проронил ни слова, только было слышно его всхлипывание.

Наконец, Владислав не выдержал.

- Отдай мне машинку и - чтоб глаза мои тебя не видели! Марат испуганно остановился.

- Ты что, не понял? - разозлился Владислав. - Отдай мне машинку, а сам топай домой!

- Так ты меня отпускаешь?

До Марата, кажется, только сейчас дошли слова Владислава. От радости у него увлажнились глаза.

- Спасибо, братишка, спасибо, никогда не забуду твоей доброты.

- Вот если не забудешь, я тебя точно упеку в катажку.

- Да я не в этом смысле... Клянусь, гадом буду, это никогда не повторится.

На следующее утро Владислав, открыв дверь приемной, торжествующе крикнул:

- Привет соблазнительнице! Принимай машинку!

- Нашел-таки! - обрадовалась Люда. - Ну и кто же этот матерый преступник?

- Потом расскажу. А пока хоть спасибо скажи.

- Очень нужно! - презрительно усмехнулась Люда. - Машинку-то списали, так что можешь оставить ее себе.

- Как списали? - вскрикнул пораженный Владислав.

- А вот так! Да эту рухлядь давно надо было на металлолом сдать. Шеф обещал к обеду новую машинку привезти. Электрическую!

КРАСНЫЕ САПОЖКИ ИЗ ГОЛУБЫХ ШТОР

- Дело не в деньгах! - решительно бросила мне единственная дочь моей тещи, скидывая с себя шубу.

Три месячных оклада плюс квартальная премия - вот во что обошлась мне эта заморская штучка. Это, скажу я вам, не букет астр, который предшествовал нашему с Людой супружеству.

- На сапожки этих жалких грошей все равно не хватит, - сказала она.

- Какие гроши? Какие сапожки? - подозрительно спросил я.

- Конечно же, фирменные! - презрительно фыркнула невестка моих родителей. - Или ты хочешь, чтобы я носила галоши?.. Ну да, конечно, а что ты еще можешь предложить мне на свою жалкую зарплату. Посмотрел бы, как одевается Нинка из нашей бухгалтерии!

На ней даже нитки штатовские. А все это муж! Создал свою фирму, работает круглые сутки, даже по воскресеньям. А еще на челночных рейсах в Шарджу подрабатывает

Что это за особа, заинтересовался я, про себя, разумеется, ради которой лишают себя преимуществ обычного восьмичасового рабочего дня, завоеванных нашими предками в огне классовых битв?

- А сапог у нее сколько! - продолжала хранительница моего очага. - Австрийские, французские...

Она перечислила бы все полтора с лишним стран - членов ООН, если бы ее политическая карта мира не исчерпывалась вышеназванными производителями колготок, тапачков и подмышечных благовоний.

Обыкновенная мотовка, уже равнодушно подумал я об этой бухгалтерше. Но вслух сказал:

- А у тебя финские. Сама сказала: самые модные.

- Много ты понимаешь в моде!.. В одних и тех же сапожках целый год, и на работу в них, и в гости, и в магазин... А у Нинки сапожки на все случаи жизни.

Равнодушие к Нинке стало перерастать в неприязнь.

- К тому же мои сапожки не гармонируют с шубой, - мать моей дочери привела самый веский, по ее мнению, довод. - Серый цвет сапожек обесценивает шубу, и она выглядит, как какая-нибудь дешевка, понимаешь? К ней подойдут красные сапожки. Кстати, мне обещали принести на работу...

Наверное, вид у меня был настолько ошарашенный, что она поспешила добавить:

- Успокойся, я нашла выход! Угадай какой!.. Эх ты, недоотепа! Благодаря судьбу, что такую жену отхватил. Сама себя одеваю, не требую лишних затрат... Но ты должен помочь. Уж помочь-то ты можешь?

- Если это не связано с...

- Ни с чем не связано! Ты будешь участвовать в конкурсе дедов морозов! - выпалила теща нашего будущего зятя и торжествующе посмотрела на меня.

- С ума сошла! - воскликнул я. - Да я ни разу!.. Даже в детстве меня не брали в художественную самодеятельность!

- Ничего страшного. Я уже все разузнала. Конкуренции почти никакой. В основном там будут такие же никчемные производственники, как и ты.

- А дедморозовский костюм где собираешься взять? - не сдавался я.

- А эти голубые шторы на что? Я уже все продумала.

- Они же совсем новые!

- Гостей стыдно звать из-за этой рухляди, а ты, говоришь, новые.

- А меня хочешь в эту рухлядь? - съязвил я.

- Для Деда Мороза вполне сойдет.

- Не могу, не хочу, не умею! - взмолился я.

- Что ты вообще можешь? - бабушка моих будущих внуков принялась подавлять последние очаги моего сопротивления. - Квартиру обставить не можешь, жену одеть не можешь... Для тебя же стараюсь! Кстати, в жюри входит директор вашего института. Пусть увидит, на что ты способен. Глядишь, и в должности повысит. Я уверена, ты победишь в конкурсе. Обойдешь потом два-три утренника, во дворце культуры народ повеселишь. Делов-то раз плюнуть. Зато подработаешь. Деньги не ахти какие, но, если добавишь свою зарплату, на сапожки хватит. Сапожки мне нужны, необходимы, понимаешь? Чем я хуже этой Нинки?

Бухгалтершу я уже ненавидел.

Тетя Маня сшила из штор вполне сносный костюм Деда Мороза, за что прабабка моих будущих правнуков пообещала ей переклеить обои в прихожей ее квартиры. Разумеется, моими руками.

В назначенный день, облаченный в бывшие шторы, подбодряемый напутствиями моей самой рьяной болельщицы, я отправился на конкурс.

Победители конкурса вели новогодние торжества, за что городские власти присуждали энную сумму, на которую можно было оплатить квартирный и детсадовский счета за декабрь. И еще осталось бы на месячный автобусный абонемент. Так что желающих порадовать детишек подарками, купленными за счет их мам и пап, оказалось более чем достаточно.

По жеребьевке мне досталась смазливая Снегурочка в парчовом мини. Очень эффектно выглядели ее сапожки. Вот такие бы моей благоверной. Тогда бы я хотел посмотреть на эту бухгалтершу!

- Значит, вы мой напарник? - спросила Снегурочка, оглядывая произведение тети Мани, и недвусмысленно вздохнула: будто летела в Париж, а попала в Карши.

Я был уязвлен, но мысль о бухгалтерше переборола все мои комплексы, я тут же выдал пару реплик из детсадовского репертуара моей дочурки.

- Неплохо, - оживилась Снегурочка, будто в Карши выросла Эйфелева башня.

Воодушевленный похвалой, я почувствовал нечто вроде вдохновения и, взяв напарницу за руку, вышел на сцену. В таком состоянии духа я провел все наше выступление.

Председатель жюри, он же директор нашего института, вышел из-за стола и крепко пожал мне руку.

- Ну, молодец! Не осрамил чести коллектива.

Напарница от радости бросилась мне на шею и расцеловала. Я особо не сопротивлялся...

- Дело не в деньгах! - решительно бросил я, скидывая с себя бывший предмет интерьера. - Шеф самолично пожал мне руку.

Восторгу Люды не было предела.

- Вот видишь! А говорил: не хочу, не умею... А кто с тобой в паре выступал?

- Фамилии не помню, а звать, кажется, Зина.

- А, может, Нина? - встревожилась вдруг Люда.

- Может, и Нина, - отмахнулся я. - Какое это имеет значение? Главное, сапожки у тебя будут! Да и мне не мешало бы новым галстуком обзавестись. Уж отдел-то теперь, наверняка, дадут.

- погоди ты со своим галстуком! Как она была одета, какие у нее были сапожки?

- Красные, - неуверенно ответил я, и смутное предчувствие вкралось в мою душу.

- Я так и знала! - Люда с досады швырнула в меня дедморозовский костюм. - Это Нина Сизова. Во всем городе только у нее красные сапожки.

- Точно, Сизова, - подтвердил я. - Ну и что? .

- Как что? - вскричала Люда. - Это же Нинка из нашей бухгалтерии.

Тут меня и осенило. От огорчения я рассмеялся.

- Еще и смеешься! - вознегодовала Люда. - Ты специально сошелся с ней, чтобы подгадить мне! Небось, и за руку держал?

- Конкурс ведь, - оправдывался я, - все держались.

- Может, она еще и расцеловали тебя на радостях? Это она может, вешалка несчастная!

- Спятила, что ли? - возмутился я.

- Все! Никаких дедов морозов в моей квартире я не потерплю!

- Ты же сама...

- Мало ли что сама!.. А ты и рад стараться! Только шторы изгадил. А они совсем еще новые были...

В деловую атмосферу совета стада, обсуждавшего предстоящую охоту на мамонта, ворвалась нелепая, не имеющая никакого отношения к повестке дня реплика:

- Слышь, Чио, Вожак-то ваш косой!

А вслед - безудержный хохот.

Над поляной повисла зловещая тишина.

Сородичи Вожака со смешанным чувством удивления и страха взирали на хохотавшего участника совета. Участник этот лишь недавно присоединился к стаду и, вероятно, не был знаком с правилами стадного этикета. Но незнание никак не означало, что пришелец будет освобожден от ответственности, и притихшие сородичи повернулись к Вожаку, ожидая скорой развязки.

Однако они вдруг увидели, что Вожак действительно крив. На один глаз. Как же они не замечали этого раньше?

Вожак был матерый хомо-хабилис, человек умелый, прошедший огонь, воду и... впрочем, до бронзового века еще оставалась добрая сотня тысячелетий. Но уже тогда слава была весьма переменчивой теткой, и Вожак, понимая это, быстро оглядел сородичей, чтобы оценить их реакцию на эту неслыханную дерзость.

Стадо безмолвствовало.

Тишина эта становилась настолько угрожающей, что Вожак уже физически ощущал, как под ним качнулся валун, доставшийся ему в бесчисленных схватках за этот прообраз председательского кресла.

- Кто косой? - переспросил он, прочищая мизинцем ухо: уж не ослышался ли.

- Ты! - покатываясь со смеху, повторял Новичок.

Вожак беспокойно заерзал. После бурной бессонной ночи он чувствовал себя совершенно обессиленным и разбитым, и ни о чем не мог думать, а потому никак не мог вспомнить, откуда взялся этот наглец.

И не мудрено. Новичок пристал к стаду в дни, когда Вожак вдруг заметил, что брови Ро стали похожи на молодой месяц, и, пожирая взглядом ее покатый круп, он решил: пора ввести ее в свою пещеру. А разжиревшую на стадных харчах Ко он подарит Лао, который давно уже украдкой бросал вожделенные взгляды на мощные тела Ко, за что неоднократно награждался тумачами Вожака. Тем самым, Вожак прекрасно осознавал это, он одним махом убьет двух зайцев: и новую подругу жизни обретет, и Лао перестанет дуться на него и вынашивать сепаратистские замыслы.

Поскольку память Вожака была целиком занята видениями, в которых преобладали образы покатога крупа Ро, он так и не вспомнил, откуда и что за оппозиционер объявился в стаде, заставивший напрячь нейроны его хомо-хабилисного мозга.

Единственное, что смог сделать Вожак, так это прийти к малоутешительному выводу: надо что-то предпринять, дать ответ, адекватный вызову пришельца, иначе он лишится и грудинки мамонта, и груди новой подруги жизни. А предпринимать ему ничего не хотелось. Он с удовольствием завалился бы на шкуру медведя, которая украшала спальное отвлечение его пещеры, и уснул бы до тех пор, пока полумесяц не станет месяцем. И при этом его ложе делила бы с ним Ро, а Лао приносил бы время от времени грудинку буйвола.

А этот дебильный совет, который вынуждал его с утра

пораньше возглавить охоту на мамонта, он разогнал бы, как саблезубый тигр шакалов, питающихся его объедками. Но Вожак не был тигром. Он был, как и все его сородичи, хомо-хабилисом. К тому же Вожак некогда сам был творцом этой неолит-демократии, и был вынужден соблюдать или же, по крайней мере, создавать видимость соблюдения ее законов.

Делать было нечего, и Вожак привстал с валуна.

- Это я косой? - с дрожью в голосе проговорил он, оглядывая своим пристальным взглядом членов совета. - А кто быстрее всех находит личинок майского жука? Кто за один присест съедает больше всех корней дикого батата?

Что правда, то правда, и сородичи усердно закивали головами в знак одобрения Вожака.

- Может ли косой совершать такие деяния? - его хриплый баритон перерастал в патетический бас.

Наверняка, этот хомо-хабилис положил начало роду, к которому восходит семейная ветвь Цицеронов.

- Не может! - громко прохрипел Лао, приземистый охотник с акульими глазами, и в знак солидарности, а, может, благодарности за будущий роскошный подарок - мохнатые и необъятные ягодцы Ко, - лизнул Вожака в плечо.

- Не может! - в едином порыве, громогласно вторили ему другие члены стада.

Вожак не мешкая вlepил Новичку увесистый подзатыльник, от чего тот кубарем полетел футов эдак на тридцать. И Лао успел поддать ему пинкаря, заслужив при этом благодарность Вожака в виде подмигивания здоровым глазом и незаметного кивка в сторону Ко, которая стояла спиной к Вожаку и демонстративно чесала свой могучий мохнатый зад.

Подтвердив свой статус-кво, Вожак издал призывный рык. Настало время охоты.

Зубы членов стада уже размякли от поедания личинок и прочих диетических корней. А размягшие зубы - это нездоровая атмосфера в стаде, это нежелательный шепот за спиной, мол, там, за лесом, другие хомо-хабилисы чуть ли не каждый день объедаются парной овцебычиной. А такие разговоры могли закончиться тем, что все сородичи Вожака сбегали бы туда, за лес. Но это был бы далеко не худший вариант. Худший же состоял в том, что кое-кто из недовольных членов стада мог сформировать оппозицию и свергнуть Вожака, а бывшие становились изгоями, которым доставались объедки от пиршества стада.

Вожак отгонял от себя невеселые думы и не стал углуб-

латься в замыслы сепаратистов, но инстинктивно чувствовал, что лично ему ничего хорошего они не сулят. И, несмотря на острое желание вернуться в свою пещеру и завалиться на медвежью шкуру, чтобы помять роскошные формы Ро, Вожак бросился в первобытный ресторан под названием «Поймай мамонта и приятно удивись».

- Сам ты косой! - презрительно бросила Новичку Ро и, демонстрируя ему крутые изгибы своего крупа, медленно поплыла вслед за Вожаком.

Ошалевший от открывшейся картины Новичок только заморгал глазами.

- Он ведь действительно крив!.. На левый глаз, - наконец, придя в себя, неуверенно пробормотал он и почесал затылок.

Однако никто уже не внимал ему. Стадо ринулось вслед за Вожаком в чащу первобытного леса. Лишь Чио снисходительно похлопал Новичка по плечу: мол, не унывай, старина, с кем не бывает. Одна Ко злобно фыркнула:

- Конечно, косой! Если думает, что задница Ро мохнатей моей.

Новичок, все еще недоумевая, помчался за Чио.

Долго или недолго, но мамонта загнали в яму. Подбежавшие охотники дружно забросали его копьями и камнями. Наконец, когда лесной гигант был повержен, охотники с радостными воплями и криками набросились на него.

Новичку тоже не терпелось вцепиться зубами в эту аппетитную тушу. Но Вожак, который распределял, кому должна достаться грудинка, а кому содержимое кишечника, был тут как тут.

- А ты куда? - зарычал он.

- Как куда? - упавшим голосом ответил Новичок. - К- кушать.

- К-кушать! - с сарказмом передразнил Вожак. - Разве не знаешь закон неолита: кто не охотится, тот не ест? А я не видел тебя на охоте, и ты не будешь есть мясо.

- Да был я, - попытался возразить Новичок.

- Не был! - отрезал Вожак. - Я не видел тебя ни левым ни правым глазом!.. Лао, ты видел Новичка на охоте?

- Нет! - поспешно ответил тот, не отрывая своих жадных акульих глаз от мамонта, шкуру которого охотники уже раздирали на части.

- А ты? - Вожак обратил угрожающий взгляд на Чио.

Чио, возможно, и видел, но в суматохе погони ему было

не приятелей, тем более новоиспеченных. И, поскольку в те времена еще не все умели лгать, он выдохнул:

- Не помню.

Вожак, посчитавший, что все формальности соблюдены, тут же дал Новичку такого пинка, что тот вылетел из ямы и кубарем покотился футов эдак триста от ямы.

Голодные охотники уже раздирали руками и клыками куски мяса. Острый запах свежей крови разнесся по всему лесу, привлекая к яме всяких гадов - ползающих, бегающих и летающих.

Новичок приблизился к яме и сел на траву. Он понуро следил, как эта громадная туша катастрофически уменьшается. Занятые набиванием собственных желудков, охотники напрочь забыли о нем. Лишь Чио, испытывая нечто вроде угрызения совести, изредка оборачивал к нему запачканное шерстью и кровью лицо, мол, извини, старина, но ничего не поделаешь.

Трапеза подходила к концу, когда Вожак, похлопывая себя по туго набитому животу, подошел к Новичку.

- Ну, так кто из нас косой? - громко отрываясь и ковыряясь окровавленными пальцами в зубах, спросил он.

- Я косой! Я! - обрадованно воскликнул Новичок.

Он воспринял этот вопрос Вожака, как добрый знак.

- То-то же!.. Каждый сверчок...

Раздобревший Вожак ударился в резонерство.

Новичок, не дожидаясь конца фразы, бросился в яму, где уже пиршествовали разные летающие, бегающие и ползающие твари.

- Слабые пошли нынче хомо-халилисы, - не без огорчения вздохнул Вожак, глядя на Новичка, который пытался отнять 12-перстную кишку мамонта у белоголового сипа.

- Точно, слабые, - вторил ему Лао. - А ведь неплохо начал.

- Может, еще не все потеряно? - спросил Чио. - Может, следует еще раз испытать его?

- Да ну его! - отмахнулась Ро. - Нашли о ком говорить!

Потом, прижимаясь к Вожаку, спросила:

- Только скажи, откуда у тебя ячмень на глазу? Ведь еще вчера вечером его не было.

Вожак, обнимая ее круп и прижимая к себе, наклонился к ушку и прошептал:

- Вот вчера вечером я и застудил глаз.

Ро смущенно потупила глаза.

Глядя на счастливую пару, которая вскоре скрылась в темном проеме пещеры, Ко плюнула вслед своему бывшему возлюбленному и повернулась к Лао:

- Так ты приглашаешь меня к себе? Или мне пойти к Чио? Он еще вчера обещал угостить меня свежепечеными куколками тутового шелкопряда...

МОЕГО СЫНА УКУСИЛА СОБАКА

Мой семилетний сын шел со сверстниками в школу. По пути им в глаза попала собака, выглядывавшая из-за «живой изгороди». Она казалась мирной и безобидной. Иначе вряд ли детишки стали бы дразнить ее. А один мальчишка даже попытался пнуть ее ногой. Но собака не обратилась в бегство, наоборот, зарычала и набросилась на обидчика. Тот в испуге бросился прочь, но собачонка успела-таки укусить его за ногу...

Сын пришел домой в слезах.

Дома переполошились, поругали его за то, что вместо того чтобы напрямик идти в школу и усердно выводить на тетрадке палочки и нолики, выискивает на свою маленькую задницу всякие приключения.

- Я не хотел, - хныкал сын. - Это мальчишки, которые шли спереди, дразнили собаку, она выскочила из-за кустов. Я хотел убежать, но не успел.

Жена, дважды прошедшая полный практический курс молодой матери, повела сына в ванную, чтобы промыть место укуса, награждая при этом шлепками по той самой заднице и всякими не очень лестными эпитетами. Мне же велела принести аптечку, где имелся полный набор для оказания первой помощи, а также медицинский справочник, который лежал у жены под подушкой.

Жена особо не утруждала себя его чтением, больше полагаясь на некие магические силы, которые во сне, как ковбои, загонят всю информацию, пасущуюся в прериях справочника, в загоны ее мозга. Во всяком случае, через неделю после семинарских занятий во сне, ее медицинские амбиции стали простираться, возможно, не до уровня члена Академии медицинских наук, но не ниже медсестры роддома, где она дважды вносила личный вклад в улучшение демографической ситуации в республике.

Словом, через пару минут сыну, по всем правилам науки, была оказана первая медицинская помощь. Он, хотя и слегка прихрамывал, уже перестал хныкать и даже с некоторым любопытством рассматривал забинтованную ногу. Скорее всего, что при первом же удобном случае он сбежит во двор, чтобы похвастаться ею перед своими более юными приятелями, которым еще было рано отбывать школьную повинность.

Жена сказала, что сегодня сын по уважительной причине пропустит занятия, на что он, отреагировав восклицанием «Йес!», тут же помчался к входной двери, но жена остановила его грозным окриком:

- Куда? Ишь какой шустрый! А ну-ка, марш в постель! Будешь отлеживаться, пока ранка не заживет.

Сын понуро отправился в детскую, где к игровому компьютеру прильнула сестренка Ира, которая минутой ранее, посочувствовав Сашке испуганным взглядом и поглазев за процедурой перевязки, продолжила свое прерванное неожиданным происшествием занятие. На попытку братика отобрать джостик она тут же пропищала магическую фразу, смысл ко-

торой сводился к тому, сейчас она пожалуется маме, мол, ты, вместо того, чтобы лечь на кровать, как велела мама, отбираешь у меня джостик.

Раздосадованному братику ничего не оставалось, кроме как влепить Ире затрещину - из детской раздался писк: «Мама, Сашка бьет меня!». Но, вероятно, затрещина была не очень чувствительной, и Ира так увлеклась игрой, что перестала звать маму. Сашка же, помаявшись от безделья, вытащил из-под кровати обувную коробку, где хранил кучу металлических крышечек от пивных и лимонадных бутылок - для уличных игр, в смысл которых я особо не вникал, ни времени не было, да и желания. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Жена не ограничилась тем, что продемонстрировала перед всей семьей свои медицинские навыки. Особо не надеясь на ковбоев из сновидений, она взяла справочник и стала листать его в поисках нужной информации. Прочитанное так напугало ее, что она подскочила со стула.

- Срочно отведи Сашку в поликлинику! - тут же велела она мне. - Надо сделать ему противостолбнячный укол.

При этих словах Сашка выскочил из комнаты.

- Ранка уже зажила, мне совсем не больно! Не нужно мне укола! - горячо убеждал он маму.

- У тебя не спрашивают, - жестко ответила она. - Если бы шел в школу, не отвлекаясь на всяких собак, как все нормальные дети, никто бы не покусал тебя. - Потом, обращаясь ко мне, добавила: - Бродячие собаки - это носители всякой заразы, кто знает, может, эта собака заразил Сашку какой-нибудь инфекцией.

Я смирился с тем, что пропущу субботнее пивопитие с бывшими однокурсниками, которые с утра уже напомнили мне по телефону об этой традиции.

- Не больно, говоришь, зажило, говоришь? - я одарил сына затрещиной. - А вот сейчас врач сделает тебе очень больно!

- Пап, мне уже совсем не больно, - уговаривал меня Сашка по дороге в поликлинику. - Может, скажем мамке, что сделали укол, а сами не сделаем, а-а, пап?

- Ты что, мамку хочешь обмануть? - с ужасом воскликнул я. - Да как ты вообще смеешь предлагать мне такое?

- Мамка не узнает, только ты сам не проговорись, - Сашка привел самый веский довод. - Больно же будет от укола!

- Не будет больно, - смягчился я. - Да и, в конце концов, мужик ты или баба? Боишься какого-то укола!.. И потом, мам-

ку обмануть можно, а инфекцию не обманешь, - ответил я и в назидание рассказал историю своего школьного приятеля, которого покусала своя же собака, как оказалось, заболевшая бешенством.

- Ему сорок уколов в живот сделали! Вот таким огромным шприцом!.. Понял? Ты что, хочешь, чтобы тебе сорок уколов сделали?

- Только скажи доктору, чтобы не больно сделал, - взмолился сын, поняв, что от укола ему не отвертеться.

Это воспоминание истории с бешенством до смерти напугала меня самого. Не дай бог, подумалось мне.

- Ладно, скажу, - успокоил я сына.

В поликлинике мои худшие предположения стали сбываться. После профилактического укола врач, изобразив на лице страшную гримасу, напутствовал:

- Немедленно изловите укусившую собаку и отвезите в ветлечебницу! Чтобы проверить на предмет бешенства... Если подтвердится бешенство, придется вашему сыну, а, может, и всей вашей семье пройти полный курс лечения.

Напутствие врача ввергло меня в состояние, граничащее с паническим ужасом. Я помчался домой, моля бога, чтобы не подтвердилось предположение врача. Нужно было немедленно выполнить его напутствие.

Жена тоже не на шутку встревожилась.

- Да, надо срочно изловить собаку, - с беспокойством сказала она. - Но как ты ее поймашь? Она, наверное, большая, кусачая...

- Нет, собачка не большая, - вмешался Сашка в наш разговор. - Ростом она мне по колено.

- И как ты позволил такой малявке укусить себя? - с облегчением отругал я сына.

Его информация несколько подбодрила меня.

- Позови на помощь Мухитдина, - посоветовала мне жена, - ну, которому ты помогал шифоньер тащить на третий этаж.

От помощи соседа я бы не отказался, но, представив, как два взрослых амбала будут ловить какую-то собачонку, я выскомерно бросил жене:

- Как-нибудь справлюсь!

Я смонтировал из подручных материалов - проволоки и сетки (помните, раньше в ходу были сетки для магазинов и базаров?) - нечто наподобие сачка для бабочки размером в страуса и вышел на охоту.

По ориентировке сына я обнаружил собаку под балконом первого этажа многоэтажного дома, мимо которого и проходила злополучная дорога в школу.

Несмотря на информацию сына, я все же готовился к встрече с каким-нибудь юным, но свирепым бультерьером и, честно говоря, когда я шел к месту предполагаемой дислокации этой собаки, сердце мое бешено колотилось.

Однако при виде собачонки, на которую указал сын, биение моего сердца вернулось к обычному ритму. Это была малорослая дворняжка. У нас такую породу собак называют «пальбари» - карликовой собакой. Я воспрянул духом и попытался сходу накинуть сачок на собачонку.

Я проклинал себя за то, что будучи школьником отлынивал от всякого рода экскурсий на природу, на которые водила нас учительница ботаники. Отсутствие навыков юнната пагубно сказалось на выполнении напутствия врача. Несмотря на все мои попытки накинуть сачок, собачонка металась из стороны в сторону, рычала, лаяла, визжала. И так залиvis-то, что из окон дома тут же высыпали любопытствующие лица...

На жилом массиве Куйлюк люди очень любопытные и щедрые. Особенно на бесплатные советы.

- Дорогой, зачем тебе такая моська! – крикнул мне жилец второго этажа с явно не раскосыми глазами. - Из нее даже чашки супа не получится... Возле девятиэтажки, рядом с бетонкой, бегают бездомная собака, большая-большая... На всех хватит!..

- Эта проклятая собака покусала моего сына! - горячо и во всеуслышание прокричал я. - Ее нужно в ветлечебницу отвезти! Проверить на предмет бешенства!..

- Да ладно заливать! – усмехнулся третий этаж. – Тоже скажешь, в ветлечебницу!.. Мы что, не понимаем?.. Сделай хе, не забудь позвать!..

- Мамой клянусь! Она укусила моего сына, - кричал я в отчаянии и для подтверждения своих слов приказал сыну приподнять штанину брюк. - Вот, поглядите!.. Жена уже перевязала место укуса.

Но чем больше я оправдывался, тем сильнее был хохот, и больше лиц выглядывало из окон.

- Ну, прямо циркач! - раздался голос из дома напротив. - Даже сына привел! Ассистировать, что ли?

- Я третий! Водка с меня!..

Эта реплика с четвертого этажа окончательно добила

меня. Ловить собаку уже расхотелось. Но, вспомнив страшное напутствие врача, я, игнорируя советы, решительно поднял сачок наперевес, как штыковое ружье, в очередной раз ринулся в атаку. Собачка, вероятно, почувствовала мою решимость. Не дожидаясь моего приближения, она взвизгнула на прощание и перепрыгнула через живую изгородь. Я бросился было за ней вслед, но она умчалась с такой скоростью, что я понял бесполезность попытки поймать ее.

- Эх ты, такой ужин упустил! - разочарованно констатировал кто-то сверху.

- Да ну вас, к черту! - в сердцах выругался я, раздосадованный неудачной охотой.

Перелезая через живую изгородь, я вдруг услышал чье-то повизгивание. Пригнувшись, я обнаружил в темном углу полуподвала совсем еще крошечных щенков - причину отчаянной ярости собачонки.

- Пап, я, кажется, знаю, чья эта собака, - сказал сын.

- Что же ты молчал? - воскликнул я, обрадованный тому, что смогу-таки найти убежавшую собачонку.

Но похвалил я его, конечно же, не за то, что позволил собаке покусать себя. После школы сын со своими сверстниками часами пропадал где угодно, только не дома, что было предметом частых санкций со стороны матери. Но, несмотря на санкции, сын со своими приятелями облазил едва ли не все уголки массива Куйлюк, что, в конечном счете, пригодилось для решения возникшей проблемы.

Хозяина собачонки нашли довольно быстро. Он успокоил, мол, собака вполне домашняя, никакими болезнями не страдает, тем более бешенством, но несколько дней назад она исчезла...

- Вот, оказывается, почему! - умиленно сказал хозяин собаки, поглаживая щенят, которых мы принесли ему.

Потом, подозрительно косясь на меня и мой сачок, стал поспешно запихивать щенков к себе за пазуху.

- Они же совсем маленькие!..

АРБУЗЫ, КРЕСТ И ЛЮБОВЬ

Киносценарий

- Люда, не плачь, - Михаил Иванович обнимает девушку за плечи, - я горжусь тобой. Ты показала, на что способна девушка ради отца... Слушайте сюда все! Пока у нас есть такие женщины, как моя внучка Люда, и такие правнуки, как Анатолий, род наш будет жить вечно. Теперь я могу умереть спокойно.

- Как умереть? - упрекает Анатолий. - Вы же собирались к бабе Нюре полететь, в Новосибирск...

- Ах да, чуть не забыл, конечно, полечу... Да что такое, черт бы меня за ноги повесил! Как только соберусь умирать, так сразу неотложные дела появляются. То новый правнук появился, то нашел племянницу, которую я потерял полвека назад, и теперь должен обязательно увидеть. Иначе буду маяться на том свете...

Часть 1

1

Вторая половина 80-х годов XX века. Никифор Хван, 50-летний житель ташкентского предместья Куйлюк, выращивает арбузы в Казахстане и теперь везет их на продажу в один из сибирских городов.

По российской дороге мчится фура. Мимо мелькают сосны, телеграфные столбы.

За рулем - Ринат, ширококостный жилистый татарин сорока лет. Его карие глаза щурятся от дыма папиросы, зажатой тонкими губами большого рта. У него черные усики «а ля Радж Капур». Не отрывая глаз от дороги, Ринат вертит голову, массирует шею, виски.

Дальнобойщики с давних времен считаются шоферской элитой. Они чувствуют свое превосходство над водителями мелких авто, движения их неспешны, полны чувства собственного достоинства.

Обычно дальнобойщик едет с напарником. Но на этот раз Федор, напарник Рината, вылетел в Красноярск неделей раньше, чтобы найти груз на обратный путь. Ехать порожняком - это значит просто жечь солярку и проедать заработанные деньги.

Тем более, Никифор, давний клиент Рината, напросился в машину, мол, его дочке захотелось повидать мир из кабины Камаза. Ну, и заодно помочь отцу.

Никифор призвал на помощь 20-летнюю дочь Люду, студентку университета. Кроме нее, призывать некого. Старшая, Лида, живет с мужем в Мурманске, а сыновей у Никифора нет. Жена Марта торгует на базаре зеленью со своего огорода. Доходы у нее небольшие, зато стабильные, в отли-

чие от заработков мужа, которые зависят от прихоти природы и рынка, и зачастую благополучие семьи держится на ее копейках, нежели на рублях мужа. Потому Никифор даже в экстремальных ситуациях не отрывает жену от огорода.

Никифор дремлет, закрыв глаза и покачиваясь в такт движению автомобиля. Его крупная, изрядно облысевшая голова, посаженная на толстую шею, покрыта редкой сединой. Пухлые щеки и большой живот говорят о том, что Никифор особо не утруждает себя лечебным голоданием.

Его юная белолицая дочь Люда скучающе разглядывает через боковое стекло пробегающие мимо сосны и телеграфные столбы. Джинсовый костюм ладно облегает ее тонкую фигуру. В отличие от выросшего в колхозе Никифора, она настоящая горожанка. Привыкшая к городской сутолоке, вырванная из среды студенческого снобизма, Люда чувствует себя не в своей тарелке.

- Сначала были степи да степи, а теперь леса да леса, - вздыхает она. - Скучотища! Хоть музыку включили, что ли...

- А музыка не надоела? - открыв глаза, морщится Никифор. - Меня уже тошнит от нее.

- Надоела, - соглашается Люда, - но музыку слушать приятней, чем тарыхтение мотора...

- Мотор не тарыхтит, - обижается Ринат, - он поет. Это же самая приятная музыка!

- Поет? О чем же он может петь, ваш мотор?

- Как о чем? Конечно, о бабках! Слышишь, как он поет? «Money, money, др-др-др... Money, money, др-др-др»...

Люда заразительно смеется.

Вскоре показывается мост через широкую реку.

- Ну, вот и скуке конец, - подмигивает Ринат. - ГАИ, как родниковая вода, освежает голову.

У поста ГАИ машину останавливает инспектор.

Ринат спрыгивает с кабины и, разминая на ходу ноги и руки, идет к инспектору.

- Есть хочешь? - спрашивает Никифор у дочери.

- Не хочу, - Люда мотает головой. - Ну, и страна!..

- Сама же сказала: хочу на мир посмотреть из кабины автомобиля. Вот и смотри!

- Да я не об этом. На каждом шагу унижаемся, даем взятки. Будто ворованные арбузы везем.

- А ты как думала! - рассмеялся Никифор. - У милиционеров тоже есть дети, они тоже хотят кушать.

- Так они же зарплату получают!

- Если бы можно было жить на зарплату, я бы работал не на поле, а устроился вахтером на какой-нибудь завод, к Михаилу Ивановичу, например.

Ринат уже закончил «беседу» с инспектором ГАИ.

- Порядок, - говорит он, поворачивая ключ зажигания. - Счастливо оставаться!

Ринат показывает руками неприличный жест инспектору ГАИ и презрительно выкрикивает: «У-у, шакал!».

- Ты что, очумел! - испуганно шепчет Никифор.

- У них сейчас золотая лихорадка, - отмахивается Ринат. - Им хоть морду набей, только заплати!..

Действительно, инспектор улыбается на жест Рината и только шутливо грозит пальцем.

- И вправду, шакал! - соглашается Люда.

2

Машина въезжает в город вечером. Рынок уже закрыт. По пути в гостиницу они нарываются на рэкет.

Уже наступили сумерки, когда машина подрулиливает к закрытым воротам рынка.

- Не успели!.. - Ринат в сердцах ударяет ладонями о штурвал машины.

- Тем лучше, - облегченно вздыхает Никифор. - Устал как собака. И жрать хочу!..

- Федя, небось, уже ждет меня, - говорит Ринат. - Мы же договорились завтра с утра пораньше выехать назад.

- Ну, вы даете! - поражается Люда. - Ведь два дня ехали, почти без остановок... И опять в путь?

- Я обещался дяде Саше, вашему соседу по полю, вернуться к понедельнику.

- Это какой дядя Саша? - спрашивает Люда отца.

- Ну, сосед наш, Михаила Ивановича старинный друг, - отвечает Никифор.

- Да он же старый! - простодушно удивляется Люда. - Он что, еще на поле ездит?

- Старый, - соглашается Никифор. - Ему уже за семьдесят... Не сидится ему дома. Сколько помню его, он всю жизнь на поле.

- Вот видишь, семидесять лет, а пашет, - говорит Ринат Люде, - а нам сам бог велел пахать.

- Дядя Саша не пашет, - поясняет Никифор. - Он у своего

сына как консультант, у нас никто лучше него не знает, когда и как землю вспахивать, когда сеять.

- А это что - не работа? - не отступает Ринат. - Еще какая работа! А у нас, шоферов, сейчас самый сезон, чем больше ходок, тем больше бабок.

- Молодой, а такой жадный! - изумляется Никифор. - Всех бабок не заработаешь!

- Заработаю! Зато зимой отдыхать буду, молодую жену зажимать и в потолок плевать.

Люда звонко смеется.

- Вот и гостиница, - Ринат останавливает машину неподалеку от двухэтажного кирпичного здания, которое примыкает к забору рынка. - Вы идите устраиваться, а я осматриваю машину, потом вместе поужинаем в ресторане.

- А ночевать ты, конечно, будешь в своей машине? - интересуется Никифор.

- Как в машине? - удивляется Люда. - В машине же неудобно. А в гостинице - кровать, ванная, телевизор...

- Ванная в такой гостинице? - усмехается Ринат. - Только умывальник, да и тот общий. И телевизор только в фойе. Вы идите, я догоню.

Ринат обходит фуру, проверяет, надежно ли заперты дверцы, не спустила ли какая шина. Никифор и Люда, не дожидаясь его, идут по освещенному уличными фонарями тротуару к гостинице.

Из темноты возникает рослый русоволосый, одетый по-спортивному незнакомец

- Арбузы? - не здороваясь, кивает он на машину.

- Тебе-то что? - взъерошивается Никифор.

Незнакомец свистит, и из-за угла рынка выходят трое дюжих парней. Они тоже в спортивных костюмах и кроссовках. Идут не спеша, держа руки в карманах курток.

- Ясно, - огорчается Никифор. - Рэкетеры.

- Рэкетеры? - испуганно переспрашивает Люда. - Пап, не разговаривай с ними, - она тянет отца за рукав

- Какие рэкетеры? - усмехается незнакомец. - Налоговая инспекция! И от нас никуда не уйдешь, - обещает он Люде.

- Бандитская инспекция, - поправляет подошедший Ринат.

- Заткнись, козел! - резко обрывает его незнакомец. - Пока рога не обломали...

- Ах ты, ублюдок! - Ринат бросается на незнакомца, но Никифор хватается его за руку.

Он понимает, что вмешательство Рината только навредит

делу. В подтверждение этому приятели незнакомца бросаются на Рината.

- Отпустите его! Это водитель! - выкрикивает Никифор, успокаивая парней. - Не кипятись, Ринат, это уже мои дела.

- Брэк, пацаны! - приказывает незнакомец дружкам, которые уже оттеснили сопротивляющегося Рината к стене забора.

- Поговорим? - Никифор кивает незнакомцу и обращается к Ринату: - Вы идите в гостиницу, а я сам тут решу.

- Они нам не помешают, - бросает незнакомец..

Его дружки становятся на пути Рината и Люды.

- Что им нужно? - спрашивает Люда у Рината.

- Как что? Бабки, конечно!.. - хмуро отвечает Ринат. - А ты что думала, хотят помочь выгрузить арбузы?

- Какие деньги? - восклицает Люда. - За что?

- Как за что? - удивляется один из рэкетиоров. - За то, что будем охранять вас, от всяких бандитов, рэкетиоров.

Приятели встречают его слова дружным гоготанием.

- И арбузы поможем выгрузить, за отдельную плату, - добавляет другой рэкетир, и снова - гогот.

- Ишь, развеселились! - усмехается Ринат. - Герои!

Незнакомец с Никифором отходят в сторону.

- Много привез?

- Сколько привез, все мои, - угрюмо отвечает Никифор.

- Что-то ты не очень приветливый, дядя!..

- А чему радоваться? Что на рэкетиоров напоролся?

- Дядя, я повторяю, мы не рэкетеры, мы охранники.

- Охранники!.. - усмехается Никифор. - Да ладно трепаться!.. Короче, сколько хочешь?

- Мы же о тебе печемся, дядя!.. Не мы, так другие придут. Скажи спасибо, что на меня напоролся! Я не жадный, мне полштуки! хватит.

- Полштуки? - Никифор облегченно вздыхает.

- На каждого! - добавляет незнакомец.

- На каждого?.. Так вас же... - Никифор оглядывает парней. - Ты что, парень?.. Да ты знаешь?.. Знаешь, сколько я потратился,?

- Знаю, - невозмутимо отвечает незнакомец.

- Послушай, как тебя?..

- Артур, Артуром меня зовут.

- Артур?.. Артура - Арматура!.. - машинально передразнивает Никифор.

- Не понял? - хмурится Артур.

- Извини, просто вспомнил одного ташкентского типа, тоже Артуром зовут, его кличут Арматурой... Послушай, а можно тебе пока только аванс?... А завтра как продам арбузы, отдам остальные. Не знаю, хватит ли даже на аванс...

Никифор роется в карманах, выкладывая содержимое на деревянную скамейку, у которой ведется диалог.

- Все вынул, - Никифор хлопает по карманам. - Видишь, денег только и осталось на гостиницу и на всякую мелочь.

Помимо денег и носового платка, среди вещей - коробочка с игральными картами.

- Так ты еще и катаешь? - усмехается Артур, переглядываясь с приятелями.

- Да как катаю?.. Так, вечерами, когда нечего делать, - отнекивается Никифор, пряча карты в карман.

- А в какую игру? В сечку?

- Это сека, что ли? - глаза Никифора вспыхивают на мгновение. - Нет, не играю. Больше в дурака.

- Вовчик, подойди-ка поближе, - Артур зовет одного из своих приятелей. - Не хочешь сыграть в сечку?

Никифор оценивающе скользит по Вовчику взглядом. По внешности то ли якут, то ли бурят. Невысокий, но костистый, выдающиеся квадратные скулы, крупные ладони, узкие бегающие глаза.

- Погоди, Артур, я не говорил, что буду играть, - отказывается Никифор.

- Дядя, вижу, с наличными у тебя не густо, - говорит Артем, переглядываясь с Вовчком. - Хорошие условия предлагаю: играем на арбузы.

- Ну, положим, арбузы-то все мои, а вот что твой друг поставит на кон?

- Как что, тоже арбузы, - улыбается Артур. - Считаю, что ты заплатил нам за охрану натурой... Сколько будет арбузов на две штуки?.. Даю тебе хшанс отыграть эти арбузы.

- Нет, так не пойдет, знаю я ваши штучки! - заартачился Никифор. - Выиграете или проиграете, все равно потребуете уплату «налога».

- Мы - красноярские, понял? - Артур угрожающе сверкает глазами. - Держим свое слово.

- Ну, хорошо, - прижатый к стенке, соглашается Никифор. - Повтори условия: как и во что играем, как после игры ведем расчет.

- Никифор, ты что, охренел? - выкрикивает Ринат. - Не забывай, в грузе есть и моя доля.

Артур вопросительно смотрит на Никифора.

- Да, водила запросил арбузами.

- Ну, хорошо, минус долю водилы.

- Ну, и дурак ты, Никифор! - ругается Ринат.

- Ты бы заткнулся, водила! А то твою долю тоже поставим на кон.

Ринат чертыхается, но понимает, что Никифора ничто не остановит.

Вовчик усаживается на скамейку напротив Никифора. Артур хлопает Вовчика по плечу.

- Чтобы на равных было, - обращаясь с Никифору, шутит Артур, - я бы сам сел играть, но у меня глаза широкие, сразу увижу мухлевку.

- Не гони фуфло, - огрызается Вовчик. - Забыл, кто был лучшими снайперами на войне? Наши, узкоглазые... Правильно говорю, земляк?

- Правильно, - смеясь, поддакивает Никифор

Вовчик достает из кармана карты.

- Играть будем моими, пощупай, колода новая, нераспакованная.

- Согласен, - усмехается Никифор, бегло ощупав колоду и возвращая ее Вовчику. - Хорошая упаковка, от заводской не отличишь.

- Она заводская и есть! - убежденно говорит Вовчик. - Сомневаешься?

- Ну, что ты, конечно, не сомневаюсь... Раздавай!

Игра идет с переменным успехом, но, в конце концов, Никифор выигрывает.

- Ты мухлевал, дядя, - мрачно говорит Вовчик, пытаясь скрасить свое поражение.

- Все по-честному! - Ринат, не скрывая радости, успокаивает Вовчика. - Твоими же картами играли.

- Да что мы с ними цацкаемся? - третий приятель Артура выхватывает колоду и швыряет их в лицо Никифору.

- Негодяй! - звонко кричит Люда, бросаясь на помощь отцу. - Да вы не мужики!. Сами предложили сыграть, а как продули, не держите свое слово.

- Все было по-честному, - поддерживает Ринат Люду, загоразивая ее своим телом.

Лицо его наливается кровью. Артур и его дружки готовы наброситься на наших героев.

Еще мгновение, и началась бы потасовка.

Никифор понимает, что выигрыш в карты не только не гарантирует ему «налоговую амнистию», но и, наоборот, может полностью разорить его.

- Я с понятиями, - поспешно говорит он. - Мне просто повезло, будем считать, что игры не было. Но я плачу «налог» - штуку на всю компанию, согласны? Но только завтра вечером, как только наторгую на рынке.

Рэкетеры переглядываются между собой.

- Вот это правильно, дядя! - неожиданно миролюбиво и одобрительно говорит Вовчик. - Дядя не мухлевал, сегодня мне просто не везло... Артур, соглашайся. Ты же сам сказал, что мы, красноярские, отвечаем за базар.

- Эх, ты, Вовчик, а я то думал, что ты номер один в мировом масштабе! - укоризненно говорит Артур. - Но, раз ты говоришь, что все было по-честному...

- Ты что, хочешь отказаться от бабок? - возмущенно перебивает его третий приятель.

- Я же сказал, штуку! На всю компанию! - вмешивается Никифор. - Не зря же вы тут маетесь без дела, мерзнете...

- Так ты еще издеваешься, падла!

- Мы замерзли, проголодались, устали, - отвечает Никифор. - Мы два дня гнали машину, без остановок. У нас своя работа, у вас своя... Только не забудь передать другим браткам, что я под вашей охраной.

- Передам, - отвечает Артур. - Но смотри, завтра придем за бабками.

- Хорошая у тебя работенка! - к Никифору вернулось хорошее настроение, и он не может удержаться от иронии. - Не сеешь и не пашешь, а бабки гребешь лопатой. Может, возьмешь меня в свою банду?

- Если возьмем тебя, кто арбузы будет сажать? - Артур кивает на своих дружков. - Мои амбалы, что ли?

- Почему бы и нет?.. Молодые, здоровые!.. Там, на поле, как раз такие и нужны.

- А ты поговори с ними, может, и согласятся. Только аппетит у них зверский. Не прокормишь!

- Оно и видно, - соглашается Никифор.

Артур жестом зовет приятелей, мол, уходим.

Вовчик оборачивается к Люде.

- Пошли с нами!.. - предлагает он. - Повеселимся!

- Твое веселье задаром не нужно! - возмущается Люда.

- А жаль! - смеется Вовчик. - Я бы такую девочку... бесплатно охранял!

Братки хохочут и уходят в темноту.

В гостинице работает только буфет.

- Ну, ты и дурак! - Ринат не может успокоиться. - А если бы продул?

- Не продул бы, - улыбается Никифор. - У меня чутье... А вот ты мог все испортить, чуть что в драку! Ты же не в Ташкенте.

- Ташкент, Красноярск - какая разница? Везде надо быть волчарой, давать отпор. Иначе сожрут с потрохами.

- Ну, отметили бы нас сейчас, весь груз вместе с машиной забрали бы, и что? Пошли бы в ментовскую с заявой? - усмешается Никифор.

- Дядь Ринат, а почему все люди стали волками? - сокрушается Люда, слушая этот безрадостный диалог. - Неужели все из-за денег?

- А из-за чего еще! Деньги - это, понимаешь, машина, пальмы, море, кавказский шашлык... Жрать хочу!

Люда отказывается идти в ресторан.

- Купи мне пирожное и минералку, - просит она отца. - Я устала. Умоюсь и - спать.

Ринат и Никифор сидят в ресторане.

- Бутылку водки, - заказывает Ринат у немолодой располневшей блондинки и, подмигивая Никифору, - и закуску - хе. Но только из сазана.

- Что-что? Какое хе? - переспрашивает блондинка.

- Проехали, - смеется Ринат. - Любую зкуску!

- А горячее будете? - спрашивает официантка.

- Конечно! - восклицает Никифор. - Борщ, наваристый! Есть у вас борщ?

- Горячее потом, - нетерпеливо обрывает его Ринат. - Ты нам быстрее водку неси, только хорошую водку!

К столу подходит невысокий, но упитанный, под стать Никифору, мужчина.

- Наверное, кучу бабок заработали, раз хорошую водку заказываете! - громко приветствует он наших героев.

- Федя! - Ринат поднимается со стула и обнимает своего русского напарника. - Да уж, заработали!

- Что-то случилось? - с тревогой спрашивает Федор.

- Случилось, - хмуро соглашается Никифор, пожимая Федору руку.

- А-а, на братков напоролись, - догадывается Федор. - Ну, здесь это обычное дело.

- Так вы будете заказывать? - не выдерживает официантка.

- Тебе же сказали: водки и закуски! - повышая голос, на-
поминает Ринат.

- А ты не ори! - в тон ему отвечает официантка. - Не глу-
хая... Я не собираюсь десять раз бегать туда-сюда!..

- Ну, что за город такой!.. - восклицает Ринат. - Мужики -
бандиты, женщины - разведенки...

- Кто разведенка? Я? - возмущается официантка.

- А что же ты такая нервная?

- Принесите водки, - примирительно говорит Никифор. -
А мы изучим меню и решим, что заказать.

Официантка фыркает в ответ, но идет за водкой.

- Закуску не забудь! - бросает вслед Ринат, провожая
взглядом ее дородную фигуру. - Ну, и мегера! - Потом, об-
ращаясь к Федору: - Так ты нашел груз?

- Нашел, - без особого оптимизма отвечает Федор. - Кон-
сервы всякие - шпроты, тушенка...В общем, гастрономия.

- Что же ты не радуешься? - Ринат хлопает напарника по
плечу. - По пути нажремся этих шпротов!

- Да я и радуюсь, только... помнишь, я говорил, что мне
обещали движки? Один движок я хотел на свою «шестерку»
поставить, а остальные толкнуть на базаре. А завбазой, ока-
зывается, зимой уехал в Израиль. Насовсем.

- А других знакомых нет? - включается в диалог Никифор.

- А то у меня движок тоже совсем сдох.

- Тебе-то зачем движок? - усмехается Ринат. - Арбузы
продашь, новую машину купишь!

- На новую не хватит. Знаешь, сколько у меня долгов!

- Карточные, небось? - усмехается Ринат.

- Да разные, - неопределенно отвечает Никифор.

3

*Центральный рынок. Люда продает арбузы. Никифор уле-
тает в Актюбинск, чтобы пригнать еще один рефрижератор.
Люда знакомится с Анатолием, студентом Красноярского уни-
верситета.*

На городском рынке у одного из прилавков бойко идет
торговля арбузами.

- Три рубля за кило! - возмущается женщина из очереди.

- Где это видано!.. И куда милиция смотрит!

Люда участвует в продаже арбузов впервые и чувствует
себя неловко. Никифор же, напротив, возбужден.

- Гражданочка, вам лично я по два пятьдесят уступлю,
только милицию не зовите, - шутит он.

- Почему ей по два пятьдесят, а нам по три? - раздаются возмущенные голоса.

- Товарищ, вам тоже по два пятьдесят!

Вечером в гостинице.

- Надо еще одну фуру пригнать, - задумчиво говорит Никифор, попивая чай.

- Ну, и пригоняй, - говорит Люда. - Кто мешает?

- Я бы через два-три дня пригнал сюда фуру... Вот только как я оставлю тебя одну?

- Я справлюсь, папа, я уже привыкла.

- Привыкла, как же! Я же вижу, тебе стыдно. А чего стыдиться? Сама же говорила, арбузы свои, кровные

- Уже не стыдно! Я освоилась. Поезжай... Только как быть с деньгами? Я боюсь такие деньги носить с собой.

Никифор заразительно смеется.

- Эх ты, студентка! - повторяет он, - Чего бояться? Наоборот, когда деньги в кармане, чувствуешь себя королем... И потом, я уже рассчитался с Артуром. Чуть чего, обращайся к нему. Ну, а деньги сдашь в сберкассу, в аккредитив обратишь. Знаешь, как это делается?..

На рынке. Люда уже чувствует себя более уверенно. На нее внимательно вглядывается юноша в форме бойца студенческого строительного отряда. Чуть выше среднего роста, спортивного телосложения, светловолосый, но на лице его есть что-то азиатское.

Люда тоже замечает его и как бы невзначай бросает на него взгляд. Наконец, когда их взгляды встречаются, юноша подходит к ней поближе.

- Простите, вы кореянка?

- Да, а что?

- Дело в том, что я тоже кореец.

- Кореец? Вы же белобрысый! - смеется Люда.

- Ну, не совсем чистый, но на четверть, точно, кореец.

- Что-что? - удивляется Люда. - Как это на четверть?

- Отец у меня литовец, а мама наполовину кореянка, - объясняет студент. - Мамин отец, то есть мой дед, был русский, а бабушка - чистокровная кореянка.

- Ничего не поняла, - смеясь, признается Люда.

- Ну, это не важно, главное, почему я подошел к вам. Баба Нюра, то есть моя бабушка - чистокровная кореянка. На фото в молодости она была очень красивая! Ну, совсем, как вы!

- Ну, вы скажете, - смущается Люда.

- Я не вру! - убеждает студент. - Как увидел вас, сразу вспомнил бабу Нюру... Жалко, фотки нет с собой... Ну, точно, вы как баба Нюра в молодости.

Пожилая покупательница укоризненно качает головой.

- Ну, что ты бросаешь девушку в краску?

- Что я сказал особенного? - удивляется студент.

- К тому же мешаешь торговать, - не слушая его, продолжает покупательница. - Мне, пожалуйста, вон тот арбуз... Нет, нет, вон тот, который поменьше...

- Я не мешаю, я помогаю! Помогаю продавать арбузы! - студент перепрыгивает за прилавок и оказывается рядом с Людой. - Какой, говорите, арбуз? Вот этот?

- Он самый, - улыбается покупательница. - Вот так лучше!.. Хоть спелый? А то потащишь такую тяжесть, да еще на четвертый этаж, а он огурец огурцом.

- Если что, принесите арбуз обратно, - говорит Люда, - я вам поменяю.

- Поменяешь? А ты, дочка, запомнишь меня?

- Уж вас мы никогда не забудем! - ответил студент.

Покупательница грозит ему:

- Ну, смотри, я тебя тоже хорошо запомнила!

- Можно, я буду помогать вам? - умоляет юноша.

- Ну, не знаю, - нерешительно отвечает Люда. - Вообще-то помощник мне нужен. А сколько вы хотите?

- Что? Что хочу? - недоумевает студент.

- Ну, сколько хотите за помощь?

- Ну, что вы!.. Да я бесплатно! - горячо говорит студент. - Я сам заплачу за возможность помогать такой девушке!

- Бесплатный помощник мне не нужен, - решительно возражает Люда.

- Ну, хорошо, вы сами решите, сколько... Видите ли, у меня поезд только завтра вечером уходит, и не знаю, как убить время, - поясняет студент.

Люда неопределенно пожимает плечами. Юноша принимает это молчание как согласие, ставит свою дорожную сумку под прилавок.

- Меня Анатолием зовут, - он протягивает руку Люде.

Аэропорт. Анатолий, взмокший и взлохмаченный, вырывается из толпы, осаждающей кассу, с сияющим лицом и высоко поднятой рукой, в которой он держит билет.

- Спасибо! - благодарит он женщину, на попечении кото-

рой оставил свою сумку. - Все ноги истоптали!..

- Зато билет купил! - с завистью говорит женщина.

- И вы купите. Ваш муж - первый в очереди...

- Да он уже три часа как первый!.. Летишь-то куда?

- В Ташкент! Ну, еще раз спасибо!

Анатолий бежит в узел связи аэропорта.

- Баб Нюр! - кричит он в трубку. - Слышишь? Я на пару дней лечу в Ташкент... Ничего не случилось... Так нужно, очень важное дело!.. Потом расскажу...

ЧАСТЬ 2

4

Пятьдесят лет назад. Поезд мчит корейских переселенцев из Приморья в Среднюю Азию по Транссибирской магистрали.

Вагон-теплушка. Борис болен чахоткой. Он чувствует, что умирает, и дарит своей дочери крестик.

В теплушке рядом с буржуйкой для больного Бориса соорудили лежак. У изголовья с чашкой в руке сидит жена его Чун Сун.

- Хоть немножко поешьте, - умоляет она Бориса.

- Не хочу, - едва слышно отвечает Борис, - детям отдай.

- Они уже поели. А вот вы уже который день ничего не брали в рот. Вы должны поесть, хотя бы ложку.

Чун Сун приподнимает Борису голову и подносит ложку ко рту. Борис глотает бульон, лицо его искажается от боли.

- Не могу, будто стекло глотаю..

- А вы потихонечку, понемножку, через боль, - плачет Чун Сун, - вы должны выздороветь. Вы что, хотите оставить меня с детьми и старухой-матерью?

- Не реви, мне и так больно!.. Не бойся, не умру. Болезнь давно меня мучает, а я до сих пор не помер. Ты бы лучше сама поела. Маленького кормить надо.

Борис кивает на живот Чун Сун.

- Мама, - Чун Сун просит свекровь, - скажете ему!

Мария, свекровь, принимает из рук Чун Сун чашку с отваром и усаживается на место невестки.

- Иди, отдохни, - говорит она. - Врача бы корейского, а лучше опиум, хотя бы с зернышко. Только где вот возьмешь?.. Боря, отвар остыл, может, не так больно будет.

Соседка, пожилая женщина, сидевшая на нарах напро-

тив, порывшись в темноте, приносит Марии крошечный полотняный сверток.

- Вот опий, правда, совсем мало, - говорит она, разворачивая сверток. - Возьмите, Борина мама!

Обрадованная мать горячо благодарит соседку. Затем, спохватившись, неуверенно говорит:

- Заплатить бы надо... Я сейчас, - мать полезла под нары за сумкой.

- Ну что вы, Борина мама! - соседка замахала руками. - Разве можно? Главное, чтобы Борису помогло. А нам опий ни к чему. От мужа чуточку осталось, тоже болел.

Чун Сун тоже благодарит соседку:

- Спасибо!.. Авось, мы тоже чем-нибудь да поможем вам.

- Ну, конечно, - отвечает соседка. - Сейчас такое время, все должны друг другу помогать.

Опий оказывает чудотворное воздействие. Глаза Бориса оживляются, он приподнимается на локти.

- Нюра, подойди ко мне! - подзывает он дочку.

Нюра спрыгивает с верхних нар.

- Садись, дочка, - Борис обнимает ее. - Спала?

- Нет, Колю усыпляла.

- Чун Сун, - Борис обращается к жене, - подай-ка мне твою шкатулку.

- Шкатулку? - удивляется Чун Сун. - Зачем?

- Нужно, значит, - отвечает Борис слабым голосом. - Не заставляй лишний раз говорить... И так сил нет.

Чун Сун достает из сундука деревянную шкатулку.

Борис открывает ее и вынимает оттуда небольшой золотой крест на шелковой ниточке.

- Нюра, я никогда не делал тебе подарков, - говорит он, - хочу подарить тебе этот крест, он достался мне от отца, твоего деда, значит. Он когда-то был священником.

- Отец был священником? - удивленно спрашивает Михаил, младший брат Бориса, свесив голову с верхних нар. - А почему я не знаю?

- В молодости был, - поспешно отвечает Мария, - совсем недолго, еще до Бориной женитьбы.

- Но почему вы не говорили об этом?

- Почему-почему!.. - передразнивает Мария. - Разве приняли бы тебя, сына священника, в комсомол, а потом в раб-фак?.. А так, по документам, ты сын крестьянина-бедняка.

- Понятно, - Михаил задумчиво покачивает головой.

- Нюра, - обращается Борис к дочери, - возьми этот крестик, сбереги его.

- Что вы надумали: на ночь глядя подарки дарить! - возмущается Чун Сун.

- Я давно хотел подарить, - говорит Борис, надевая дочери на шею цепочку. - Все забывал, а сейчас вспомнил и решил сразу подарить, чтобы опять не забыть...

Утомленный Борис откидывается на подушку.

- Брат, не нужен Нюре крестик! - заявляет Михаил. - Она же пионерка!.. Ее все обсмеют! Пионеры не верят в бога, Нюра, разве тебя не учили этому?

- Это подарок, - шепчет Борис, - мне просто нечего подарить дочке. Пусть не носит, пусть только сохранит его... Как память о своем отце.

- Вы опять за свое! - прикрикивает Чун Сун. - Какая память? Вы что, собираетесь помереть?

- Не собираюсь, - отвечает Борис. - Просто я никогда не делал подарков своей дочери.

- А мне, конечно, делали подарки! - обижается жена.

- Ты же безбожница! Еще хотела продать этот крестик!

- Больше пользы было бы!.. Крестик из корейского золота, дорогой, говорят. Нюра же потеряет его.

- Не потеряю! - с вызовом отвечает Нюра. - Я его спрячу так, чтобы никто не нашел.

- Вот так-то, - улыбается Борис жене, - а ты боишься.

- Балуеть ты дочку, - строго говорит Мария.

Все согласны с Марией, но все знают, как любит Борис свою дочь, и как дочь любит отца.

5

В поезде. У коменданта эшелона, сержанта госбезопасности Морозова.

Поезд мчится сквозь унылую тайгу. По крыше вагона стучит дождь. В служебном вагоне у Морозова гостит Роман Цой. Он уже в годах, в Приморье был председателем сельсовета, и комендант назначил его старшим в эшелоне. Роман принес с собой котелок с едой.

- Значит, нет происшествий? - спрашивает Морозов.

- А что может случиться! - охотно отвечает кореец. - Одно плохо, животами люди мучаются.

- Ну, это ничего, пройдет. Это от непривычки. У меня солдат тоже заболел. Главное, чтобы заразных не было.

- Вы ешьте, - говорит кореец, придвигая солдатам продукты. - На сухом пайке, небось, не очень.

Солдаты вопросительно смотрят на коменданта. Тот кивком головы разрешает поесть.

- А выпить им, конечно, нельзя? - полувопросительно спрашивает кореец.

- Нет! Им скоро в караул заступать... За благополучное прибытие! - комендант поднимает кружку.

- Скорее бы, - вздыхает кореец.

Они выпивают и приступают к еде.

- А ты откуда родом? - спрашивает Морозов.

- Из Рязановки мы. Это в Хасанском районе.

- А-а, на самой границе. Понятно... И чем занимались?

- А чем еще могут заниматься корейцы? - улыбается кореец. - Пшеницу сеяли, ячмень, чумизу, овощи всякие... Жалко, урожай убрать не успели. Мы остались без хлеба, и государство недополучит зерно.

Морозов неодобрительно смотрит на него.

- Хочешь сказать, что правительство ошиблось?

- Ну, что вы, - торопливо отвечает кореец. - Раз надо, пусть выселяют... Наверху виднее. Просто я хочу сказать, что надо было постепенно переселять. Сначала городских, а потом уже нас, когда урожай убрали бы.

Морозов пристально смотрит на него.

- Хитрый ты жук, - говорит он и залпом выпивает водку.

- А я под Сучаном жил, - говорит раздобревший Морозов.

- У отца земляца своя была. Когда в хозяйстве не хватало рук, нанимали корейцев. Тогда я пацаном был. У них-то я впервые и попробовал эту вашу квашеную капусту.

- Чимчи, что ли? - спрашивает кореец.

- Да, чимчи. Было очень горько!.. До самых кишок пробиало. Но потом ничего, привык.

- А сейчас где отец? - спрашивает кореец.

- Отец? - после некоторой заминки переспрашивает офицер. - В Казахстане он.

Офицер замолкает, хмурится. Верно, раскулачили, думает кореец, но переводит разговор в другую плоскость.

- Скоро до станции? А то у людей ни дров, ни угля не осталось. И вода на исходе.

- Много знать хочешь, - сухо отвечает Морозов.

Он будто стыдится своей откровенности и хочет вернуть отношения с корейцем на официальный уровень.

Поезд, будто слышит слова Цоя Романа: раздается лязг тормозов.

- Ну, что?.. Выпили, поели - теперь за дело! - Морозов встает, поправляет фуражку и кивает солдатам - на выход.

Поезд останавливается на небольшой станции.

Морозов соскакивает с корейцем из вагона. Переселенцы с ведрами, котелками уже бегут к водокачке. Многие мчатся в уборную, которая находится позади станции. Некоторые садятся прямо на поле, неподалеку от вагонов.

- Что это за безобразия? - кричит Цою Морозов.

- Я же сказал, животами они мучаются, - отвечает Цой.

У здания их встречает начальник станции.

- Есть что-нибудь для меня? - спрашивает Морозов.

- Вам приказано стоять на нашей станции - до особого распоряжения, - говорит начальник станции. - близ Хабаровска поезд с переселенцами опрокинулся. Пути размыло. Вон как дождь хлещет. К вам подсадят людей с того поезда.

- Черт бы их за ноги повесил! - возмущается Морозов. - В вагонах и так тесно, дизентерия, никаких условий!

- Ситуация непредвиденная, так что придется потесниться, - оправдывается начальник станции... - Сколько эшелонов пропустил, а они все прут и прут. И откуда у нас столько корейцев? А куда их, не знаете?

- Не положено знать! - сухо отвечает Морозов.

- Да мне-то что? Людей жаль. Куда их на зиму гляючи?

- Наше дело исполнять приказы.

- Так-то оно так, - вздыхает начальник станции. - Беда, станцию в сральню превратили... Ты бы объяснил своим, - говорит он Цою, - что есть уборная.

- Объяснял! - тот беспомощно разводит руками.

В помещение вбегает взволнованный солдат.

- В 11-м вагоне, человек помер, Хван Борис.

Морозов чертыхается, встает со стула.

- Не узнал, от чего? - спрашивает он

- Хван Борис? - переспрашивает Цой Роман. - Он из нашего колхоза... Так он давно болел, чахотка. Умер-таки!..

- Чахотка? - переспросил офицер. - Так это же туберкулез, заразная болезнь! А ты говоришь, нет заразных!. Надо было сразу в санитарный вагон, в изолятор.

- Так мы хотели туда, - оправдывается Цой. - Но там мест свободных не было.

- Черт знаешь что! - ругается Морозов.

- Что делать, товарищ комендант? - спрашивает солдат.

- Как что? Хоронить. Чем быстрее, тем лучше.

- Погоди, командир, - вмешивается Цой, - у нас полагается на третий день хоронить. Ну, чтобы родственники успели проститься, провести ритуалы.

- Ну и что теперь? Люди будут ехать трое суток рядом с мертвецом? Ты понимаешь, что это значит?

- Таков обычай, - холодно отвечает кореец.
- Сейчас не время об обычаях вспоминать.
- Таков обычай, - насупившись, повторяет Цой.

Морозов пытается сгладить ситуацию.

- Объясни людям, что опасно для здоровья других людей. В конце концов, сошлись на меня... Сколько стоять будем? - Морозов обращается к начальнику станции.

- Думаю, денек-два, не меньше. Из-за катастрофы впереди большое скопление эшелонов,

- Ну, вот, - улыбается Морозов, обращаясь к Цюю, - повезло тебе. - Одной ночи хватит и на прощание и прочие дела. Но чтобы завтра рано утром похоронили!.. Да, и надо акт составить, мол, кто и от чего помер.

Пасмурное дождливое утро. На невысоком холме, неподалеку от станции, хоронят Бориса. Женщины безутешно плачут. Михаил крепится, но слезы невольно навертываются на глаза. Бьется в истерике Нюра.

- Не бросайте землю! - кричит она. - Папе больно.

Она бросается на мужчин, пытаясь отнять лопаты.

- Папе же больно!

Михаил обнимает ее за плечи и успокаивает

- Миша-адюбай, дядя Миша, скажите им, чтобы не делали папе больно!..

- Папа твой умер, Нюра, - Михаил обнимает племянницу. По щеке его катятся слезы.

- Отец? - Морозов кивает головой в сторону могилы.

- Брат, - отвечает Михаил, вытирая рукавом слезы.

Не выпуская Нюру, он горестно говорит:

- Ведь можно было вылечить!

- Отпустите меня! - продолжает биться с истерике Нюра.

- Отпустите меня, я к папе хочу!

Михаила вдруг прорывает:

- За что нас выселили? - набрасывается он на коменданта эшелона. - Что мы сделали?

- Чего ты кричишь? - обрывает его Цой Роман. - Он-то здесь причем?

- Когда успокоишься, поговорим, - хмурится Морозов.

- Вы не обращайтесь на него внимания, - говорит ему староста. - Не в своем уме он с - ведь горе какое.

- Да ну вас! - офицер отмахивается рукой и уходит.

Над могилой Бориса по-прежнему стоит плач. Проведать Бориса в последний путь пришли люди со всего эшелона. На лицах людей - печаль и тревога.

Поезд снова мчится сквозь тайгу. В теплушке темно, лишь огоньки от горящих дров в буржуйке озаряют лица переселенцев. Соседи утешают плачущую вдову.

- Что поделаешь, Чун Сун? Беда не приходит одна.

- Как я подниму детей на ноги? - плачет Чун Сун.

- Успокойтесь, Чун Сун, вам нужно отдохнуть, поесть, - утешает ее соседка. - Вон как извели себя! О детях подумайте. Мы не оставим вас. Да и Миша взрослый.

Нюра лежит на нарах под одеялом, рядом со спящим Колей и прислушивается к разговору старших.

Постепенно разговоры затихают, люди укладываются спать. Слышатся лишь стук колес да треск горящих дров. Поезд останавливается на одном из разъездов. Нюра накидывает на себя пальто и, стараясь не разбудить брата, спускается с нар. После каждого шага она прислушивается к дыханию спящих. Поезд уже тронулся, когда она успевает прыгнуть с поезда.

- Я догоню вас, - шепчет она уходящему поезду. Поднимается на дорожное полотно и, озираясь в темноте, торопливо идет по рельсам в противоположную сторону.

На рассвете Чун Сун будит всех, расспрашивает, не видел ли кто Нюру.

- Куда она подевалась, дрянная девчонка! - причитает она. - Нюра, Нюра!..

Потревоженные соседи обыскивают свои нары.

- Может, от поезда отстала, - предполагает соседка.

- Нет же, - вскрикивает Чун Сун, - спала она, я сама ей одеяло поправила. Коля, скажи, она спала?

- Спала, - утвердительно отвечает сын.

- Наверное, ночью на какой-нибудь остановке сошла справиться нужду и не успела залезть, - говорят соседка. - Ведь бывало уже такое в других вагонах.

- Дрянная девчонка! - снова запричитала Чун Сун. - Ведь говорила я, чтобы без меня ни на шаг не выходила из вагона... Что-то делать теперь? Пропадет ведь дочка.

- Сестра, - успокаивает Михаил, - она не могла отстать далеко. Поезд идет медленно. Я найду ее.

- Дрянная девчонка!.. Спасибо вам, Миша.

- Нюра не чужая мне, - хмурится Михаил.

- Все равно спасибо, Миша. Только найдите ее, я буду до конца жизни благодарна. Я знаю, где Нюра. Она сбежала на могилу отца. Вот горе-то! Муж умер, дочку потеряла!

- Сестра, я же сказал: найду, - раздраженно говорит Михаил, накидывая на себя тужурку.

Мать и Чун Сун собирают узелок для Нюры.

- Одежда нетяжелая, - оправдывается Чун Сун. - А то Нюра только старенькое пальтишко надела.

- Я с тобой! - выкрикивает Саша, спрыгивая с нары.

- Никуда ты не пойдешь! - хватает Сашу его мать, та самая соседка, что дала опий для Бориса. - Миша сам и без тебя справится.

- Конечно, справлюсь! - соглашается Михаил. - Саша, спасибо тебе... Но ты, если что, пригляди за моими...

- А что, ты можешь не вернуться?

- Вернусь я, обязательно вернусь, - уверяет Михаил. - Ну, пока!.. Увидимся!

Михаил открывает дверцу и спрыгивает с вагона.

- Миша, найдите Нюрку! - Чун Сун кричит ему вслед и со стоном хватается за живот.

- Что с тобой? - спрашивает встревоженная Мария.

- Кажется, началось, - корчитя от боли Чун Сун.

Свекровь берет невестку под руку и ведет к нарам.

- Не волнуйся, все будет в порядке, - успокаивает она. Потом, повернув на ходу голову, обращается к соседке: - Вы поможете принять роды?

- Да, я сейчас теплой воды принесу, - отвечает соседка, вынимая из-под нар оцинкованный таз, а потом обращается к сыну. - Саша, марш на нары! Тебе нечего глазеть на эти дела... Такова наша жизнь: кто-то помирает, а кто-то появляется на свет...

6

На могиле Бориса супруги Блиновы, Тихон и Варвара, обнаруживают Нюру и забирают ее домой.

Снова станция, где похоронен Борис.

Мужчина и женщина, русские, 45-50 лет, ведут на веревочке теленка. Проходя неподалеку от могилы, Варвара замечает на ней крошечное, чернеющее на фоне снега пятнышко.

- Кто-то там есть, - говорит женщина, услышав всхлипывания девочки.

- Там вчера человека с поезда хоронили, - отвечает мужчина. - Пойду взгляну.

Он передает женщине веревку, к которой привязан теленок, и подходит к могиле.

Увидев Нюру, он зовет женщину.

- Варя, поди сюда, девочка какая-то.

Нюра, услышав голоса людей, испуганно вздрагивает и

вскакивает на ноги. Лицо ее в слезах, рукава, полы пальто запачканы грязью. Она вся дрожит от холода.

- Девочка, что ты здесь делаешь? - с изумлением спрашивает женщина.

Нюра, не понимая, о чем ее спрашивают, едва попадая зуб на зуб, твердит:

- Здесь папа мой лежит, мой папа.

- Бедняжка, она вся перемерзла! - всплескивает руками женщина и снимает с себя шаль и укрывает ею девочку.

- Папа мой здесь, - повторяет Нюра. Она ложится на землю, обнимая могилу.

- Видать, папка ее здесь похоронен, - говорит мужчина. - Что делать-то будем?

- Как что? Домой заберем! Околеет она тут. Девочка, вставай, - женщина поднимает Нюру, - домой пойдем, согреться, покушаешь. Голодная, небось?

- Не трогайте меня, - Нюра отчаянно отбивается.

- Можем, оставим? - нерешительно говорит мужчина. - Вдруг родичи объявятся?

- Да помоги же ты! - вскрикивает женщина и берет Нюру в охапку. - Какие родичи? Поезд ихний еще вчера ушел. Успокойся, согреться, опять вернешься сюда.

Продрогшая Нюра, почувствовав теплоту и ласку чужой женщины, слабо сопротивляется.

- Папа мой здесь, - плача, повторяет она.

- Пошли, Тихон, - говорит женщина мужу, ведя Нюру за руку. - Теленочка не забудь.

7

Михаил едет, зацепившись за вагон встречного товарного поезда. Добирается до станции лишь на следующий день. Соскочив с поезда, он бежит к могиле, но Нюру там не застает. На станции он расспрашивает людей, но безрезультатно.

- Пойди поселковых расспроси, - советует начальник станции. - Может, кто и видел...

Михаил идет по перрону в сторону поселка. С только что прибывшего поезда спрыгивают солдаты с сержантом по главе. Офицер, увидев Михаила, подзывает его к себе.

- Документы! - требует он.

Михаил шарит в своих карманах.

- Товарищ сержант, я, кажется, в своем поезде оставил документы, - растерянно говорит он. - Племянница от поезда отстала. Найду и тут же поеду догонять своих.

- Значит, нет документов? - сержант подозрительно косятся на Михаила. - До выявления личности вы задержаны. Красноармеец Омельченко, отведите его в спецвагон.

- Товарищ сержант, - умоляет Михаил, - клянусь, честное комсомольское, племянница пропала. Переселенцы мы. Брата моего, отца этой девочки, вчера утром похоронили. Вон, на холме, могила!

- Много тут вас шатается! - отрезает сержант. - И каждый кого-то потерял. А, может, воинские составы пересчитываешь, кто тебя знает? Омельченко, выполняйте приказ!

Дюжий красноармеец, вооруженный трехлинейкой, подталкивает Михаила:

- А ну, шагай!

- Честное комсомольское! - кричит Михаил.

Красноармеец тычет в спину Михаила прикладом.

- Топай, топай, ишь, комсомолец нашелся!

Михаил резко разворачивается и выбивает из рук Омельченко винтовку.

- Ах ты, узкоглазая образина! - взбешенный Омельченко бросается на Михаила.

Михаил, владеет приемами джиу-джитсу. Он мгновенно опрокидывает гиганта на землю. На помощь Омельченко бегут солдаты и, несмотря на отчаянное сопротивление Михаила, сбивают его с ног и избивают.

- Прекратить! - приказывает подбежавший сержант. - Джиу-джитсу? - усмехается он, глядя на Михаила. - Излюбленное оружие самураев.

- Какой я самурай? - выкрикивает Михаил. Лицо его разбито в кровь. - Кореец я, советский.

- Ну, это мы еще выясним, - обещает сержант.

ЧАСТЬ 3

8

Год спустя. В одном из корейских переселенческих колхозов в низовьях реки Чирчик. Чун Сун, вдова Бориса, с сыном Колей, на уборке риса. Односельчанин Сергей имеет на нее виды, предлагает ей помощь.

Чун Сун с Колей вяжут снопы риса. Нога у Коли перевязана платком.

- Болит? - сочувственно спрашивает Чун Сун.

- Ничего, кровь уже перестала идти, - отвечает Коля.

- Ну, кто тебя просил косить? - едва не плача говорит Чун

Сун. - Беда с тобой. То руку ломаешь, то ногу поранишь. Трудно же мне одной управляться.

- Я же помогаю, мама! А это ничего, заживет.

Мимо делянки Чун Сун проходят председатель колхоза Роман Цой и седовласый однорукий узбек Исаков, ответственный работник районного масштаба.

- В будущем году будем осваивать этот массив - говорит Исаков, кивая на камышовые заросли.

- Трудно будет, - отвечает Роман. - Вы же сами видите, сплошное болото, камыши.

- Вижу, - вздыхает Исаков, - но другой земли нет... Смогли же вы зимой подготовить сорок гектаров.

- Смогли, а какой ценой? - усмехается Роман Цой. - Люди голыми руками выкорчевывали камыш, в холодной воде. Даже здоровые мужики не выдерживали... Я уже не говорю о наших женщинах...

- Знаем, - отвечает Исаков, - все знаем. Сколько в вашем колхозе хозяйств? Пятьдесят? А знаете, сколько нам нужно обустроить семей?.. Тысячу!

- Да я не жалуюсь, - говорит Роман Цой, - нам бы хоть один трактор, мы бы горы свернули...

- Обещать не могу, но доложу на бюро райкома.

Исаков подходит к кромке поля, где работает Чун Сун с сыном Колей.

- Товарищ, - обращается он к Чун Сун, - вам наша земля, нравится?

Чун Сун вопросительно смотрит на Романа Цоя.

- Он спрашивает, хорошая здесь земля? - переводит председатель.

- Какое там! Бросили сюда, чтобы подошли, как собаки!

- Хорошая, говорит, - передает председатель слова Чун Сун Исакову. - Главное, рис здесь растет.

- Это хорошо, - Исаков улыбается Чун Сун. - Мы тоже любим рис. Плов из него делают. Пробовали плов?

Чун Сун ничего не понимает, но кивает головой.

- Пробовала, - отвечает за нее председатель. - Когда нас только привезли, местные угощали нас разной едой.

- Коля, - обращается Чун Сун к сыну, - пойдй посмотри, как там Никишка. Размочи лепешку в воде, покорми его.

Коля довязывает сноп и, не говоря ни слова, прихрамывая, направляется в сторону навеса, где, под деревьями располагаются временные ясли для малолетних детей.

С соседней делянки Сергей, мужчина средних лет, смот-

рит вслед Коле. Когда тот исчезает под навесом, он поправляет соломенную шляпу и подходит к Чун Сун.

- Как работается, соседка? - спрашивает он.

- Закончиваю, - отвечает она, не отрываясь от работы.

- Да-а, хороший рис уродился, - говорит Сергей. Он усаживается на уже связанные снопы ж закуривает трубку. - А ведь болото было, один камыш.

- Вы мне рис не подпалите! - предупреждает Чун Сун.

- Ну что вы, как можно, - успокаивает Сергей, но трубку гасит. Потом, немного помявшись, говорит: - Чун Сун, я давно уже хотел поговорить с вами.

- Догадываюсь, - усмехается Чун Сун и тяжело встает, держась руками за бока. - Ох-ох, как спина болит!

- Тяжело вам одной, - сочувствует Сергей.

- Да уж, - разминая спину, отвечает Чун Сун. - Хорошо хоть старший сынок, Коля, уже вовсю помогает.

- Помогать помогает, но ему ведь учиться надо, да и, небось, поиграть хочет со своими одноклассниками.

- Что правда, то правда, - соглашается Чун Сун. - А что поделаешь? Одной мне не управиться.

- Я и говорю, трудно вам одной. И мне одному трудно вести хозяйство. Вроде, не голодаю, крыша над головой есть, с шифером, а все равно трудно.

- Что же не женитесь? - любопытствует Чун Сун.

- Да как сказать, - растерявшись, отвечает Сергей. - Все никак подходящую невесту не встречу... Понимаете, мне в женщине не красота нужна, а душевность, хозяйственность.

- Так я, значит, уродка?

- Ну что вы, Чун Сун, что вы, - испуганно отнекивается Сергей. - Вы не так меня поняли. Я хотел сказать, не нравятся мне молодухи. Им бы только перед зеркалом покривляться... А с вами бы мы зажили. И вам легче, и мне хорошо. Конечно, если вы согласитесь...

Чун Сун глубоко вздыхает. Сергей не очень нравится ей, но человек он, кажется, обстоятельный, надежный...

- Так у меня дети, младшему только два годика.

- Вот и хорошо, вместе будем поднимать ваших детей.

- Легко сказать, - вздыхает Чун Сун, - А как Коля к этому отнесется? Он-то отца хорошо помнит.

- Это хорошо, что родного отца помнит.

- И потом, у меня ведь дочка есть, Нюра...

- Знаю, мы же в одном поезде ехали. Никаких вестей о ней не было?

- Нет, - печалится Чун Сун, - несколько раз писала заяв-

ления, но там говорят, ждите, как найдется, сразу сообщим.

- Авось, найдется, - утешает Сергей. - О Коле тоже не беспокойтесь, я сам поговорю с ним, объясню.

- Нет, нет, - возражает Чун Сун, - он у меня не очень разговорчивый... Вы уж не торопите меня. Вот справлю мужу последние поминки, а там видно будет.

- Я и не тороплю, - радостно говорит Сергей. - Конечно, после поминок... Ну, я пойду к себе. Подъедет подвода, пошлите за мной, помогу вам загрузить.

- Да мы сами управимся.

- Не обижайте меня. У вас малыш, вы будете за ним приглядывать, а мы с Колей враз погрузим.

Чун Сун отвечает ему благодарной улыбкой.

9

Послевоенное время. Михаил приезжает после демобилизации в колхоз, где проживает Чун Сун.

По пыльной дороге, которая тянутся между хлопковых полей, мчится полуторка. В кабине рядом с водителем-узбечкой - возмужавший Михаил. Он в форме старшего лейтенанта. На груди поблескивают боевые награды.

- Так вы кореец? - спрашивает узбечка.

- А что, не похож? - улыбается Михаил.

- Похож, только я думала, казах. Я ведь живу рядом с корейским поселком. Корейцев же не брали на фронт.

- Не брали, - кивает Михаил, - но были исключения.

- Вот обрадуются ваши! Живой, невредимый, вся грудь в орденах!

- И с палочкой, - добавляет Михаил, приподнимая трость.

- Подумаешь, палочка! - презрительно отмахивается узбечка. - Это что!.. А вот мой муж не вернулся... В Белоруссии погиб, написали, смертью храбрых. Вон это письмо...

Узбечка кивает на бумажку, сложенную треугольником и подвешенную к зеркалу заднего вида.

Михаил читает письмо и задумчиво качает головой.

- Много людей полегло, - говорит он, - много!..

- Война, - вздыхает узбечка. - А вы были в Белоруссии?

- Был. И бежали от немцев через Белоруссию, и гнали потом тоже через Белоруссию..

- Да-а, а я вот вместо мужа за баранку села. До войны в колхозе он шоферил. Мужчин у нас не осталось, вот раис наш, председатель, и говорит, мол, муж тебя учил ездить на машине, попробуй, может, что и получится. Я и попробова-

ла.. Уже пятый год на машине... Только в город стараюсь не ездить, там столько машин и улиц! Боюсь заблудиться... Ничего, что много говорю?.. Целыми днями в дороге, не с кем поговорить... Иногда, знаете, сама с собой разговариваю... А вы, небось, к невесте едете?

- Нет, не успел завести, - смущается Михаил.

- Ну, тут у нас быстро женят! Сейчас одни невесты остались... А уж за такого жениха любая девушка пойдет!.. А вот и ваш колхоз!.. Говорите, где и куда свернуть. Такого героя до самого дома доведу!

- Спасибо! Вот только я и сам не знаю, к какому дому. Я здесь никогда не был.

- Как не были? - изумляется узбечка.

- Я расстался с семьей в тридцать седьмом, когда всех наших сюда переселяли. Остановите, где вам удобно, а я у людей поспрашиваю, - говорит Михаил,.

- А кто у вас в этом колхозе?

- Мама, жена старшего брата, племянники... Огромное спасибо! - Михаил протягивает узбечке деньги.

- Ну, что вы! Как можно с фронтовика брать деньги! - узбечка возмущенно отталкивает его руку. - Это вам спасибо, что слушали мою болтовню.

Она звонко смеется и машет рукой Михаилу.

Михаил с чемоданом идет по колхозной улице.

- Миша? - слышит он вдруг знакомый голос.

Из-за низкой ограды выбегает худощавый смуглый мужчина и пристально вглядывается в лицо Михаила.

- Миша? - повторяет он. - Ты?

Михаил тоже внимательно разглядывает его.

- Саша! - Михаил узнает друга детства.

Они бросаются в объятия.

- Я сразу узнал тебя, - радостно говорит Саша, - хотя сначала сомневался, из-за военной формы.

- А ты совсем не изменился, - отвечает Михаил. - Вот только почернел, прямо, как негр.

- Поработаешь на поле, тоже станешь таким. Солнце здесь, знаешь, какое!.. Ну, пошли, что ли!.. Давай чемодан.

- Да я сам, он нетяжелый.

Но Саша выхватывает у друга чемодан.

Друзья идут по улице. Саша в радостном возбуждении кричит на всю улицу:

- Эй, люди! Миша Хван приехал!.. Тетя Анисья! - кричит он пожилой женщине, стоящей у ограды. - Мишу помните?..

Ну, брат Бориса, который умер тогда в поезде!..

- Как не помнить! - женщина всплескивает руками. - Мы всегда знали, что Миша будет большим человеком. Так оно и вышло! - Здравствуйте, Михаил Иванович!

- Не просто большой человек! - восклицает Саша. - Видали? - Саша показывает на грудь Михаила.

Михаил приветливо машет женщине рукой.

- Да какой Иванович, - конфузится Михаил, - просто Миша... Как мои? - спрашивает он Сашу. - Как мама?

- Здоровы-то здоровы, - замялся Саша.

- Говори, что случилось, - Михаил в предчувствии беды хватается друга за плечо.

- Понимаешь, в общем, мама твоя умерла.

- Мама? - вскрикивает Михаил. - Умерла? Когда?

- А ты разве не знаешь? Она же еще в тридцать восьмом, на следующий год после переселения.

- Нет, не знал. Были разные обстоятельства, сразу и не расскажешь...

- Болела тетя Мария. Знаешь, в то время много наших померло. Климат здесь совсем другой, вода другая. Трудно люди привыкали. У сестры моей из шестерых детей только двое выжили. Зато племяш твой Коля вымахал! Ростом уже повыше меня, и Никишка уже в школу ходит.

- Никишка? А кто это? - удивляется Михаил.

- Сын Чун Сун!.. Ах да, ты же не знаешь! Чун Сун родила его прямо в поезде, в тот день, когда ты соскочил с поезда искать Ньюку.

- Да, припоминаю, - Михаил задумчиво качает головой. - Мама умерла, значит... Так и не довелось мне увидеть ее... Ну да ладно, что это я, - встряхивается он от невеселых мыслей. - Сам-то ты как?

- Нормально. Вот женился, уже четверо детей.

- Четверо? Ну, ты даешь, стахановец!

- Да уж, стахановец, - соглашается Саша. - Ударными темпами клепаю детей... Вот рис сею, кенаф. Слышал, есть такое растение, из него мешковину делают?.. В общем, приживаемся на новой земле... Да, я вот о чем хотел предупредить. Чун Сун замуж вышла... Одинокой женщине, сам понимаешь, да еще с двумя детьми было трудно. Дочь от Сергея, нового мужа, родилась, но тоже через несколько месяцев померла. Говорят, от воспаления легких. Потом был еще ребенок, но помер при родах. В-общем, не везло Сергею с потомством. Может, от того он и запил.

- Да-а, не очень веселые новости, - грустно усмехается

Михаил. - Ну, да ничего, повидаяюсь с Чун Сун, племяшами...
Пустишь к себе переночевать?

- Какой разговор! - говорит. Саша. - Но я все же думаю, что Чун Сун будет очень рада тебе. Не надо ее обижать. И так она многое пережила за эти годы. Ведь Сергей не вернулся из трудармии. Написал Чун Сун, что остается в России, мол, не может простить ей смерти его детей. А разве она виновата, что дети померли?..

Михаил и Саша входят во двор к Чун Сун.

- Чун Сун-а! - кричит Саша. - Чун Сун-а! Мишка приехал, деверь ваш!

Из дома выбегает выросший в худощавого юношу Коля, а за ним - упитанный, с живыми глазами малыш.

- Миша-адьбай! - Коля бросается к Михаилу.

- Коля? Ну, ты и вымахал! - восклицает Михаил, обнимая племянника.

- Миша-адьбай, Миша-адьбай, - Коля будто наслаждается, повторяя это имя. - Миша-адьбай, а мы с мамой тогда, в поезде, так ждали вас и Ньюру... Миша-адьбай, вы нашли тогда Ньюру?

- Не нашел, - радостные глаза Михаила тут же потухают.

- Не дали найти... Но это долгая история, потом расскажу, а этот малыш, наверное, Никишка?

Михаил обнимает Никифора и поднимает на руки.

- Какой ты тяжелый!

- Никиша, сбегай за мамой, она в колхозной конторе, - приказывает Коля братишке, - а я в магазин схожу, надо хлеба купить. А вы, дядя Сергей, с Мишей-адьбаем посидите. Я быстро управлюсь.

Коля и Никифор скрываются за калиткой.

- Садись сюда, - Сергей приглашает друга на топчан.

- Коля-то как вырос! - удивляется Михаил.

- Ну, а как же, сколько времени с тех пор прошло? Почти десять лет. Хороший парень вырос. Маме помогает и на поле, и дома по хозяйству. И в школе в числе лучших - и в учебе, и в спорте... В общем, повезло Чун Сун с сыновьями. А Никиша какой шустрый и головастый. В хато взрослых обыгрывает... А как ты в армию попал? Нас-то, только в трудармию забирали. Слышал, наверное?

Михаил утвердительно кивает, закуривая папиросу.

- Знаешь, сколько леса я срубил в Коми, - Саша ударяется в воспоминания. - Ого-го! Наверное, город можно было бы построить. А ведь письма писали - Сталину, Ворошилову,

чтобы на фронт отправили... Да что я о себе, как ты, рассказывай.

- А что рассказывать? Я ведь тоже лес рубил...

- В трудармии?

- Нет, в лагере.

- Как в лагере?.. удивляется Саша и, указывая на награды. - А это?

- Долгая история... Помнишь, тогда я спрыгнул с поезда, чтобы Нюру найти?..

- Еще как!.. Чун Сун с твоей мамой, тетей Марией так ждали тебя с Нюрой!.. Да и мы все ждали.

- А что, Нюра так и не нашлась?

- Нет, Чун Сун писала письма, обивала пороги в милиции, но никакого толка...

- Пропала, значит, девчонка! - Михаил горестно вздыхает. - Я бы нашел ее, если бы не этот проклятые энкавэдэшники!..

- Ты потише! - испуганно озираясь, шепчет Саша. - За такие слова, знаешь?..

- Знаю, знаю, - усмехается Михаил.

- Не посмотрят на твои ордена!.. - уверяет Саша. - Знаешь, сколько тут забрали наших?.. Никто еще не вернулся... Ну да, ладно, рассказывай, что потом было.

- Тогда на станции напоролся на военный патруль. Я по дурусти на рожон полез... Ну и повязали меня... Черт бы их за ноги повесил!. Повязали, допрашивали, говорили, что я японский шпион. Били... Сильно били... Потом статью пришили и дали десять лет...

- Десять лет! - присвистывает Саша.

- Хорошо еще не расстреляли, - усмехается Михаил. - В лагере лес рубил. Потом началась война... Помнишь коменданта нашего поезда?

- Морозов, кажется?

- Да, Морозов. Он стал комендантом лагеря, куда меня отправили после приговора... Он почему-то хорошо относился ко мне, хотя я с ним сильно поцапался. Благодаря ему меня через год освободили. Потом он забрал меня с собой на фронт, в разведгруппу...

- Миша! - слышится вдруг истошный голос Чун Сун. Она бежит и падает к нему на грудь, горько плача...

Михаил в кабинете секретаря райкома Исхакова - седого однорукого узбека в кителе военного покроя.

- С первого Белорусского, значит? Я тоже в конце войны

на этот фронт попал, политруком роты. Вместе воевали, вместе работать будем. Пойдешь директором МТС.

- Я в технике не очень, - отнекивается Михаил. - Я больше с людьми.

- А там, думаешь, кто работает? - Исаков преходит на резкий тон. - Тоже люди. Но техника у нас никудышняя. Да и люди разболтались. Пока шла война, работали. А как закончилась, что-то сломалось в них... В общем, от тебя требуется собрать по участкам, дворам всю имеющуюся технику, до единого болтика, рассортировать, отремонтировать. Чтобы к весне она была в состоянии полной боеготовности... Кстати, как у тебя с жильем?

- У жены брата остановился.

- В МТС есть неплохой домик. Его для прежнего директора еще до войны строили, а он на фронт попросился, вместе со мной. Я вот вернулся, а он там остался, под Прагой... Там же осталась и моя рука... Вот такие дела, брат!

Исаков кивает на полый рукав своего кителя.

10

Послевоенное время. На сибирской станции. Нюра с одноклассником Павлом, у могилы отца.

Нюра кладет полевые цветы на могилу отца.

- Папа, вы не расстраивайтесь, я ведь не навсегда. В институт поступить хочу. Буду приезжать на каникулы.

- Ну, ты прямо как с живым, - улыбается Павел.

- Папа для меня всегда живой, - резко отвечает Нюра.

- Ну вот, сразу обиделась. Что ты так на меня смотришь? Ну, сорвалось с языка, - оправдывается парень.

- Я и не обижаюсь, - примирительно говорит Нюра. - Я уже привыкла, что меня за дурочку принимают.

- Никто не принимает, - горячо возражает Павел. - Наоборот, мама моя говорит, все бы дети так почитали своих родителей.

- Уж прямо так и сказала? - с недоверием говорят Нюра.

- Наверное, придумал на ходу...

- Честное слово, так и сказала!..

- Ладно, пошли, мне еще собираться нужно... Папа, не скучай, - говорит она, поправляя цветы, - я скоро вернусь.

Нюра и Павел выходят на дорогу.

- Что же ты своему папе обо мне ничего не сказала? - с иронизирует Павел.

- А что я должна была оказать?

- Ну, мол, это Павел.
- Так он уже знает, ты сколько раз приходил сюда!
- Приходил, а вот, что я твой жених, он не знает.
- Павел, - укоризненно говорит Нюра, - мы же договорились, что не будем говорить об этом никому, пока я не окончу институт.
- Как долго ждать! Слушай, может, до твоего отъезда свадьбу сыграем? Все равно все уже знают,
- Если свадьба, значит, мы должны... жить вместе?
- Ну, конечно, дурочка, - Павел пытается обнять Нюру. - Мы уже будем с тобой муж и жена.
- Нюра отбивается и с усмешкой спрашивает:
- И ребеночек будет, да?
- Наверное, - неуверенно отвечает Павел, потом добавляет, - будет, конечно, а что тут такого? Как у всех!
- А как же твои мечты, как моя учеба?
- Ничего, что-нибудь придумаем.
- Нечего придумывать. Встретимся мы с тобой через несколько лет, ты будешь в матросской форме, бескозырке с ленточками, а я в белом платье, - Нюра смотрит на часы. - Заболтались мы с тобой, - заторопилась она. - Мама Варя, небось, заждалась... Только я хотела предупредить... Там, на станции, не лезь целоваться, понял?
- А как же мы попрощаемся? -
- Пожмем друг другу руки, как одноклассники.
- Там видно будет, - беззаботно говорит Павел.

Железнодорожная станция. Провожать Нюру пришли Варвара и Тихон Блиновы, одноклассники.

- Доченька, будь осторожна, - наказывает Варвара. - В поездах много жуликов.
- Ну что вы, мама Варя! - говорит радостная и возбужденная Нюра. - Какие жулики?
- Всякие! Не успеешь оглянуться, чемодан сопрут.
- Счастливая ты, Нюрка, - щебечет одна из подружек. - Из нашей деревни в Новосибирске еще никто не учился.
- Подумаешь, Новосибирск, - ворчит Тихон. - Могла бы в техникум пойти, до него от нас всего пять часов на поезде. Нет же, ей обязательно в Новосибирск надо...
- Папа Тихон, - укоризненно говорит Нюра, - опять ты за свое. - Она прижимается к его груди.
- Ладно, чего уж там, - Тихон вытирает рукавом навернувшуюся слезу. - Я это так... Смотри, не потеряй адрес Волкова, обязательно зайди. Скажешь, мол...

- ...От гвардии сержанта Блинова Тихона Ивановича вам привет, - задорно говорит Нюра. - Он тебя как дочку родную примет... Я все помню, папа.

- Ну, то-то, - говорит довольный Тихон, - и не забудь: как приедешь, сразу нам телеграмму отбей.

- И нам напиши, - говорят одноклассники.

- А куда? - смеется Нора. - Вы ведь тоже уезжаете.

Павел стоит в сторонке, переминаясь с ноги на ногу.

- А ты что не прощаешься? - окликает его Тихон.

- Не видите, бабье как щебечет, - озорно говорит Павел, - не дадут мужчине слово сказать напоследок.. А ну, разойдись, дайте-ка и мне попрощаться с одноклассницей. - Павел расталкивает девочек и неожиданно обнимает Нюру и крепко целует ее в губы.

- Пусти, дурак, - отбивается смутившаяся Нюра.

Супруги Блиновы переглядываются между собой.

- Эй ты, моряк без моря! - окликает Павла Варвара, - Постыдился бы старших.

- Да я что, - оправдывается Павел, - одноклассница ведь. Кто знает, когда снова свидимся.

В это время слышится голос проводника.

- Прощайтесь быстрее, поезд отходит.

Варвара бросается к Нюре.

- Береги себя, доченька, - плачет она, - и нас, стариков, не забывай.

- Мама Варя, не расстраивай меня, - говорит Нюра, целуя Варвару, - а то я тоже заплачу.

Из глаз ее тоже катятся слезы.

- Папа Тихон, девочки, Павел, до свидания. - Варя с чемоданом поднимается на тамбур. - Я обязательно вернусь.

Поезд набирает ход. В глазах Нюры слезы. Она машет рукой и что-то кричит провожающим.

ЧАСТЬ 4

11

Снова вторая половина 80-х годов XX века.

К Михаилу Хвану, директору крупного завода, приходит Люда, его внучатая племянница.

Михаил Иванович встает с кресла и, опираясь на трость, выходит из-за стола, чтобы встретить Люду.

- Это что еще за мода? - спрашивает он, заметив крест на шее племянницы. - Что, комсомолкам теперь разрешается носить кресты?

- Нет, - смущается Люда, инстинктивно прикрывая ладонью шею. - Это подарок...

- Ну и времена настали! - вздыхает Михаил. - Комсомолки кресты носят! Все, кому не лень, хаут свою историю... А мы, старики, значит, зря пахали, кровь проливали... И кто же подарил, если не секрет?.. Надеюсь, не пастор какой-нибудь баптистский?

- Нет... это Толик подарил...

- Это какой такой еще Толик?

- Какие вы... пожилые, все любопытные!

- Говори прямо: старик!.. А то пожилой!.. Да, я старик, мне уже за семьдесят перевалило... А знать все равно хочу, кто, что, где и когда, в особенности, если это касается дочки моего родного племянника... Любопытство, знаешь ли, не порок, а дорога к знаниям...

- А я знаю другую версию: любопытство не порок...

- ...а большое свинство? - смеется Михаил Иванович, заканчивая поговорку. - Значит, я свинья, которая сует свое рыло куда не следует? Пусть будет так!.. Но мне все равно интересно знать, кто же такой этот Толик, который вместо цветов дарит моей внучке религиозную атрибутику.

- Никакая это не атрибутика!.. Толик сказал, что это семейная реликвия. Бабушка ему подарила... А бабушка у нее была корейкой...

- А сам он кто? Дягубя, метис, что ли?

- Да, дягубя, но в нем ничего корейского. Светлые волосы, зеленые глаза...

Михаил пристально вглядывается в крестик.

- Такое впечатление, что я уже где-то видел этот крестик, - говорит он, призадумавшись...

- И чем он занимается? - все еще находясь в раздумье, спрашивает Михаил.

- Учится в Новосибирском лесотехническом. Вы же знаете, я помогала папе продавать арбузы в Красноярске. Толик работал там, в стройотряде... Там мы и познакомились.

- И сразу подарил крестик?

- Нет, конечно, он в Ташкент приехал...

- Свататься, что ли? Быстро же вы... снюхались.

- Ну, прям, свататься! - смеется Люда. - Просто приехал...

- Ладно, в конце концов, это твои дела... С чем же ты пожаловала к деду?

- У нас преддипломная практика начинается... Могу я пройти практику на вашем заводе?

- Только и всего? Могла бы просто позвонить.

- Нужно письмо от вас, что завод приглашает меня... А то меня посылают в Муйнак, на самый край света.

- Ну, и поехала бы!.. Хоть посмотрела бы, как там Аральское море... Или трудностей испугалась?

- Нет же, я бы поехала, но, понимаете...

- Наверное, из-за этого студента?

Люда покраснела, замялась.

- Ну, в общем-то, да...

- Ну, тогда, конечно, - улыбается Михаил. - Ради любви стоит отказаться даже от Аральского моря!..

- Ой, спасибо, деда Миша! - лицо Люды сияет. - Что прикажете, то и буду делать.

- Благодарить будешь потом... У меня не выходит из головы этот крестик... Можно, я посмотрю на него?

- Конечно, можно, - Люда расстегивает цепочку с крестиком на шее и подает его Михаилу Ивановичу...

Он достает из футляра очки и надевает их. Он внимательно рассматривает крестик, роясь в своей памяти, где и при каких обстоятельствах ему довелось видеть его.

12

В одном из ташкентских ресторанов. Полумрак. Звучат современные ритмы. Разгоряченные Люда и Анатолий возвращаются к своему столу.

- Ты классно танцуешь! - восхищается Анатолий, - не то что я.

- Ты тоже, не хуже, чем у других.

- Ну, обрадовала! - смеется Анатолий.

- Честное слово, нормально! Посмотри на других: кто как может, так и танцует... Ну, мне пора. Завтра на завод, потом в университет...

- Жалко! А то бы танцевать меня научила.

Анатолий подзывает официанта, расплывается с ним и, пропуская вперед Люду, идет к выходу.

- Расходы пополам, - шепчет она в такси, всучивая Анатолию деньги.

Анатолий мягко отводит ее руку.

- Не ставь меня в неловкое положение.

- Ты же такой же студент, как и я, - возражает Люда.

- Такой да не такой. Я же говорил тебе, что в стройотря-

де неплохо заработал. Видишь, приоделся, пригласил в ресторан свою девушку.

- Уж больно ты скор, - улыбается Люда. - Всего второй день встречаемся и уже твоя?

- Завтра будет третий день, потом четвертый, пятый и так до конца жизни.

- Ты забыл, тебе завтра улетать.

- К черту! - выпаливает Анатолий. - К черту Сибирь! Там одна тайга, холод! Я хочу остаться в Ташкенте!

- А учеба?

- К черту учебу! Не хочу учиться, а хочу жениться, - Анатолий, неожиданно целует Люду в щеку.

- Ты спятил! - испуганно шепчет Люда, поглядывая на водителя такси.

- Конечно, спятил! - беззаботно улыбается Анатолий. Потом, обращаясь к таксисту, говорит: - Правда, от такой девушки кто угодно с ума сойдет?

- Конечно, дорогой, - соглашается таксист.

- Да ну тебя! - смущается Люда. - А улететь тебе все-таки придется. Билет-то уже куплен.

- Билет можно сдать, - беззаботно говорит Анатолий.

- Нет, нет, не делай глупостей! Сам говорил, с каким трудом достал билет.

- Ничего не поделаешь, придется сдать билет, перевестись учиться в Ташкент.

- Вот это правильно! - восклицает таксист. - В Ташкенте любой институт есть. А то уведут ее у тебя. У нас парни, знаешь, очень решительные.

- А вот и не любой, - возражает Люда, - лесотехнического как раз и нет!

- Как это нет? - возмущается таксист. - На Чимгане, знаешь, какие леса! А раз есть леса, значит должен быть и лесной институт.

- Вот так-то! - поддевает Анатолий Люду.

Машина останавливается на одном из куйлюкских перекрестков.

- Вы не уезжайте, - говорит Люда таксисту. - Толик, провозить меня не нужно, вон мой дом... Уже поздно, такси здесь ходят редко.

- Время еще детское, - возражает Анатолий.

Но Люда вталкивает его в машину.

- Езжай, езжай, завтра в аэропорту увидимся. В пятнадцать ноль-ноль.

- Так бы давно, - улыбается довольный Анатолий. - Смот-

ри, не придешь, не улечу.

- До завтра! - Люда машет рукой.

Анатолий вздыхает, закрывает дверцу машины.

13

Влад и Артур выбивают у Никифора карточный долг, Люда случайно узнает об этом.

Неподалеку от ворот дома стоят белые «Жигули» шестой модели. «У папы опять гости», - мелькает в голове Люды.

Отворяя калитку, она слышит мужские голоса. Они доносятся из другого конца двора, где отец соорудил навес. Под навесом - летняя гостиная. Она скрыта от посторонних глаз густым виноградником.

Люда, стараясь не стучать каблуками, подходит к летней гостиной. Там она видит своего отца Никифора и двух незнакомых молодых корейцев. Они сидят за столом и о чем-то говорят на высоких тонах.

- Мы уже дважды давали тебе отсрочку, - говорит крупный широкоскулый молодой мужчина в летней куртке. Широкие плечи, короткая стрижка выдают в нем спортсмена.

- Ребята, - умоляет Никифор, - дайте еще одну отсрочку. Все, что заработал, ушло на кредиторов.

- А сколько ты заработал? - спрашивает другой незнакомец, малорослый, но тоже плотно сложенный парень.

- Какая разница, сколько - отвечает Никифор. - С вами я все равно не смог бы расплатиться, поэтому отдал кредиторам. Все, до копейки. Теперь не знаю, чем семью зимой буду кормить. Наверное, опять, придется заниматься,

- А мы значит, должны подождать? - с угрозой в голосе спрашивает крупный незнакомец.

- Влад, о чем ты говоришь? Ты ведь знаешь, я всегда вовремя отдавал... Не повезло на этот раз. Сначала арбузы хорошо шли. И я вылетел, чтобы еще фуру снарядить. Когда вернулся в Красноярск, цена упала. Столько машин сразу понаехало на этот базар!..

- А если и в следующем году не повезет? - допытывается Влад. - Опять отсрочку будешь просить?

- Нет, нет, обязательно верну, - торопливо уверяет Никифор, - Там, где я работал, урожай гарантированный. Теперь я знаю, когда и куда вывозить. Я верну, это железно.

- Я это уже слышал, - отрезает Влад. - За сколько сможешь свою машину продать?

- Ты что, Влад? - Никифор встает.

- Не дергайся, - тихо, со скрытой угрозой говорит Влад. - Продай машину. Потом у тебя, мы знаем, на массиве двухкомнатная кооперативная квартира.

- Как же я без машины на поле поеду? - с отчаянием говорит Никифор.

- Меня это не касается, - говорит Влад. - Но чтобы в следующий понедельник долги вернул. Понял?

- Ребята! - умоляет Никифор.

Но тут спутник Влада резко обрывает:

- Тебя спрашивают, понял?

- Понял, - упавшим голосом говорит Никифор.

- В понедельник в такое же время, - бросает Влад. - Пошли, Артура.

Влад и Артур, не прощаясь, идут к калитке. Никифор с опущенной головой остается сидеть на диване.

Люда потрясена. Она знает, что отец играет в карты, и играет хорошо, в чем она убедилась в Красноярске. Но она даже не подозревала, что в карты можно проиграть квартиру с машиной...

После минутного раздумья Люда, стараясь не стучать каблуками по асфальтовой дорожке, быстро идет вслед за незнакомцами. Выйдя за калитку, она бежит, чтобы догнать их.

- Стойте, - кричит она незнакомцам, - стойте!

Незнакомцы останавливаются и с любопытством разглядывают Люду.

- Мне нужно поговорить с вами, - отдышавшись, говорит Люда.

- О чем же? - развязно улыбается Артур, осматривая Люду с ног до головы.

- Что вам нужно от моего отца? - выпаливает Люда.

- Ого, - усмехается Артур, - так ты, кажись Никифора дочка. Сам, что ли, послал?

- Никто меня не посылал. Я сама все слышала. Какие долги, почему вы угрожаете отцу?

- Ах вот ты о чем! Деточка, это наши, взрослые дела, - говорит Влад. - Тебе не нужно знать о таких делах.

- Иди домой, пописай и спать ложись, - со смехом добавляет Артур.

Влад не поддерживает шутку приятеля.

- Не ввязывайся в такие дела... Не отмоешься, - говорит он и, кивает Артуру, мол, разговор окончен.

- Учтите, если не отстанете от отца, я в милицию пойду, - бросает им вдогонку Люда.

Прятели, остановившись, оборачиваются.

- В милицию? - спрашивает Влад. - Как тебя зовут?

- Не ваше дело!.. - вскрикивает Люда. - Думаете, я не пойду в милицию?

- Пойдешь, пойдешь, - усмехается Влад. - Мы даже можем подвезти тебя до милиции...

- Расскажешь там, как твой отец играет в азартные игры, - подыгрывает ему Артур.

- И расскажу!.. Расскажу, как вы шантажируете моего отца, угрожаете ему!

- Вот и хорошо! - соглашается Влад. - Садись в машину, мы довезем тебя... Даже сами расскажем, какие деньги должен нам твой отец. - Он открывает дверцу машины и жестом приглашает Люду.

Люда понимает, что отец попал в скверную историю, и милиция вряд ли поможет ему.

- Обойдусь без вашей машины! - она поворачивается, и уходит прочь.

Люда идет с гордо поднятой головой, громко стуча каблуками по ночному асфальту. Влад с интересом рассматривает грациозную фигуру девушки.

- Чего моргалы вылупил? - презрительно бросает ему Артур. - Понравилась, что ли?

Влад не отвечает ему. Его вдруг осеняет какая-то идея.

- погоди, как там тебя!.. - громко зовет ее Влад. - Девушка, стой, разговор есть.

- Что ты задумал, Влад? - спрашивает его Артур. - Закадрить, что ли?.. Ты что, дурак?.. Не связывайся с ней!.. Она же и вправду может в ментовскую пойти.

- Не пойдет! - уверенно отвечает Влад, направляясь в сторону Люды.

Раздосадованный Артур только пожимает плечами.

Люда останавливается на зов Влада.

- Знаешь, у меня идея... - говорит Влад, заглядывая девушке в глаза.

- Да? А какая? - с удивлением спрашивает Люда.

- Ты хочешь, чтобы мы отстали от твоего отца?

Люда, ожидая подвоха, не отвечает и только вопросительно смотрит на Влада.

- Мы отстанем, - неожиданно заявляет он. - Но не можем же мы так просто долг простить! Твой папаша задолжал нам много денег. Очень много, ты понимаешь?

Люда утвердительно кивает.

- Понимаешь, - говорит Влад. - Так вот, мы сможем про-

стить долг, но за определенную компенсацию.

- Какую? - нетерпеливо спрашивает Люда.

- Не спеши... Я вижу, папашу своего ты любишь, хотя Никифор, честно говоря, не стоит этого... Ладно, ладно, не обижайся, - Влад опережает возмущившуюся было Люду, - я это так, к слову. А раз любишь, значит, ты должна ему помочь.

- Как помочь? Чем помочь?

- Ты сможешь, - говорит Влад после многозначительной паузы, - только не знаю, согласишься ли ты...

- Я на все согласна, лишь бы вы от отца отстали, - решительно говорит Люда.

- Согласна, говоришь? - Влад испытующе смотрит на Люду. - Ну, хорошо... Ты можешь сейчас поехать со мной?

- Пойти с тобой? Куда пойти? - удивляется Люда.

Влад пристально смотрит в глаза девушки.

До Люды вдруг доходит смысл предложения Влада. Она краснеет, она растеряна.

- Влад, очумел? - набрасывается на него Артур.

- Заткнись, у тебя не спрашивают! - обрывает Влад.

- Сколько ты хочешь скосить из долга за ночку с этой девицей? - не отстает Артур.

Откровенность Артура ошеломляет Люду. Она озирается по сторонам, как бы ища поддержки.

- Так ты пойдешь со мной? - уже всерьез спрашивает Влад Люду. - Я ведь прощу твоему отцу весь долг.

- Ну, ты и дурак! - заявляет Артур. - Шестьдесят штук за какую-то девчонку!.. Да я таких тебе за сотню, да какое сотню, за четвертак сколько угодно найду!.. Ты как хочешь, а я свою долю все равно потребую.

- Заткнись, Арматура! - зло шипит Влад. - Забыл, сам сколько мне должен?

- Я и хотел расплатиться с тобой, - отвечает Артур.

- Я прощаю тебе твой долг, - отмахивается от него Влад.

- Доволен? А теперь дергай!..

- А-а, делай, как знаешь! - угрюмо говорит спутник. - Ты действительно прощаешь мне долг?

- Теперь только половину... За то, что долго до твоей тупой башки доходит! - со злостью говорит Влад.

Артур недовольно бурчит, но уходит.

- Ну что, пошли? - Влад берет Люду за локоть,

- Не хапай! - она отталкивает его. - Никуда не пойду.

- Не пойдешь? - иронично говорит Влад. - Как хочешь, сама же напросилась... Только передай отцу, напомни, что в понедельник я приду.

Влад садится в «Жигули» и закрывает дверцу.

- погоди! - с отчаянием кричит ему подбежавшая к машине Люда, стуча рукой по лобовому стеклу.

14

В доме Никифора.

- Что-то Люда задерживается, - беспокоится Марта, - звонила, что к десяти придет, а сейчас уже второй час... А кто это к тебе приходил? - спрашивает она Никифора.

- Да так, знакомые, - мрачно отвечает Никифор,

- А чего это ты расстроен? - допытывается Марта.

- Ничего я не расстроен! - раздражается Никифор. - Лучше дяде Мише позвони. Может, Люда у них.

Марта подходит к телефону.

- Настя? Это я, Марта. Извините, что так поздно... Как Михаил Иванович? Даже так? Ну, хорошо. Да, я вот что хотела спросить, дочка наша, Люда, не у вас?.. Нет, нет, ничего не случилось. Что-то долго ее нет, Ладно, придет, наверное.

- Марта кладет трубку.

- Нет ее у них, - говорит она Никифору. - Куда она девалась? - Марта с тревогой поглядывает в окно. - В городе сейчас опасно. Сколько хулиганья развелось!

- Черт знаешь что!.. - Никифор в сердцах хлопает журналом по столу.

15

На квартире Влада. Раннее утро. В спальне под одеялом спят Влад и Люда.

Люда открывает глаза и в первые мгновения не понимает, где находится, потом, увидев лежащего рядом Влада, испуганно соскакивает и торопливо одевается.

Одевшись, она садится на постель и, уткнувшись в подушку, горько плачет. Просыпается Влад

- Ты чего? - спрашивает он, протирая глаза. - Чего реवेशь?.. Ах да! - он снова откидывается на подушку... Ну, это рано или поздно с любой девушкой случается.

Люда плачет навзрыд.

- Ну, перестань, - успокаивает ее Влад. Он обнимает Люду за плечи и притягивает к себе.

- Не трогай меня, подлец! - вскрикивает Люда.

- Кто подлец? - усмехается Влад. - Я что, изнасиловал тебя? Сама ведь пришла, по доброй воле.

- Подлец! Подлец! - истошно кричит Люда.

Влад поднимается с постели.

- Не шуми! Ты честно отработывала долг своего отца.

Люда неожиданно взмахивает рукой и ударяет Влада по лицу. Взбешенный Влад хватается ее в охапку и опрокидывает на постель.

- Ах ты, сука! Я же прибую тебя! - злобно рычит он.

Люда отчаянно отбивается.

- Пусти меня, подлец, я уже отработала долг!

- За одну ночку? Шестьдесят тысяч? - саркастически смеется Влад. - Не слишком ли дорого?

Он хватается одной рукой ее за волосы, другой рвет на ней платье. Обессиленная Люда перестает сопротивляться и только приглушенно плачет.

16

Аэропорт.

Анатолий поглядывает на часы и беспокойно озирается, ища глазами Люду в нескончаемой веренице людей. По радио слышится голос диктора:

- Заканчивается регистрация на рейс Ташкент - Новосибирск. Прошедших регистрацию просим пройти в зону спецконтроля.

Анатолий быстро подходит к телефонной будке.

- Здравствуйте, - говорит он в трубку. - Это однокурсник Люды, вы не скажете, Люда дома?.. Как не ночевала?.. Я ведь ее до самой калитки проводил... Где-то около десяти было. Ну, извините...

Анатолий растерянно вешает трубку.

После минутного размышления он сдает свою сумку в камеру хранения и мчится к стоянке такси.

17

К дому Никифора подъезжает машина. За рулем - Влад, рядом - Люда.

- Я жду тебя ровно через час у газетного киоска, - говорит Влад выходящей из машины Люде.

Люда молча захлопывает дверцу машины и идет к калитке дома.

- Где ты была? - набрасывается Марта на дочь. - Всех на ноги подняли, чтобы найти тебя.

- У подруги ночевала, - отвечает Люда.
- У какой подруги? Да мы всех обзвонили!
- Мама, перестаньте, что вы меня мучаете? Я же сказала: у подруги, ночевала,
- А почему на тебе чужое платье?
- Подруга дала, я за гвоздь зацепилась, подол порвала.
- Господи! Скажи правду, Люда, может, что случилось?
- Ничего не случилось. Задержалась я у нее.
- А почему на занятиях сегодня не была? Думаешь, ничего не знаю? Однокурсник звонил, все рассказал.
- Какой однокурсник? - встревожилась Люда.
- Он сказал, что тебя не было на занятиях. Отвечай, почему в университет не ходила?

- А когда он звонил?
- Совсем недавно, может, полчаса назад.
Люда бросается к двери, но тут же останавливается.
- Теперь уже все равно, - горестно вздыхая, говорит она.
- Что все равно? - спрашивает Марта. - Что же все-таки случилось? Люда, скажи, может, парень у тебя завелся?
- Нет же! - раздражается Люда. - Никого я не завела.
В это время в зал входит Никифор.
- Посмотри на свою дочь! - жалуется Марта. - Говорит, у подруги ночевала, а я знаю, чувствую, что-то с ней случилось.

Никифор занят своими мыслями.

- Что может случиться? Ночевала так ночевала! Нашлась же, в конце концов! А ты такой шум подняла.

- Ты всегда так! - бросает Марта мужу. - От всех забот освободил себя. Только свои карты и знаешь, а что творится дома, тебя уже совсем не волнует.

- Отстань от меня! - резко говорит Никифор. - Я и так все лето на поле спину гнул, как проклятый, нормально не ел, не спал, не отдыхал.

- А я что, отдыхала? - кричит Марта.

Люда уже искупалась и переоделась. Она выходит с сумочкой из своей комнаты.

- Ты куда? - спрашивает встревоженная Марта.
- В библиотеку.
- А не врешь, Люда?
- Честное слово, мама! Я однокурсницами буду заниматься. Сегодня тоже задержусь.
- Что, опять не придешь ночевать?
- Приду, только поздно. Вы тут не беспокойтесь.

Марта недоверчиво качает головой.

Люда подходит к газетному киоску.

- Пришла-таки, - усмехается Влад, когда машина тронулась о места.

- Пришла, - сухо отвечает Люда.

- Ну, и хорошо, - говорит довольный Влад. - Раз уж сделала один шаг, надо делать и второй.

Люда, уткнувшись лицом к боковому стеклу, молча думает о своем.

- Что не спрашиваешь, куда едем? - спрашивает Влад.

- Мне все равно, - отрешенно отвечает Люда.

- Ну, ну!.. - говорит Влад. - А знаешь, у меня хорошее настроение. Как у скаковой лошади перед скачками.

Люда продолжает молчать. Она смотрит на мчащиеся мимо дома, деревья, машины.

- Это у меня всегда так перед игрой, - говорит Влад. - Намечается, крупная игра. Денежные люди приехали, будем их вытряхивать.

- Как моего отца? - равнодушно спрашивает Люда.

- Что твой папаша? - Влад презрительно кривит рот. - Папаша твой - так, мелкая рыбешка.

- Что же ты из мелкой рыбешки деньги вытягиваешь?

- Из принципа. Картежный долг надо платить по первому требованию, а он уже два года тянет. Ну, ничего, он, дурак, сам себя наказывает;

- Не смей! - резко обрывает его Люда. - Не смей дурно говорить о моем отце! Я предупреждала тебя.

- Думаешь, напугала? - усмехается Влад.

После некоторого молчания говорит:

- Что-то я не пойму тебя. - Вроде, умная, образованная, а не видишь дальше своего носа. Конечно, отца своего любить нужно, но открой глаза шире! Хочешь, расскажу, чем занимается твой папаша в свободное от поля время?

- Так ты еще и сплетник! - презрительно говорит Люда.

- Деточка, мне плевать, что ты думаешь обо мне! Только я знаю, что твой любимый папаша из-за карт продаст душу. Ты думаешь, Никифор плохо зарабатывает? Да он деньги лопатами гребет! Летом гребет, а зимой все в карты спускает... В конце концов, дочку продал.

- Не продал! - истерично кричит Люда. - Ты слышишь?

- Еще как продал, - спокойно, но жестко отвечает Влад. - И я могу сделать с тобой, что захочу, ясно?

Подавленная Люда закрывает лицо руками.

- Сегодня намечается крупная игра, - говорит Влад. - Веди

себя паинькой, ясно? Тогда, может, я отпущу тебя.

- Отпустишь? - недоверчиво спрашивает Люда.

- Я сказал, может быть. Все зависит от тебя самой.

- Что я должна буду делать?

- Все, что захотят игроки...

- Даже если?..

- Даже, если они захотят попробовать тебя.

Люда от негодования не может ничего сказать.

- И ты позволишь это? - презрительно бросает, наконец, она. - Ведь ты мой мужчина!

- Не будь идиоткой! Я купил тебя за шестьдесят тысяч, ты забыла?.. Но ты можешь не только отцовский долг погасить, но и для себя подработать, они, знаешь, очень щедрые мужики.

18

Анатолий через лобовое стекло такси замечает на остановке Люду, садившуюся в машину.

- Поезжай за этими «Жигулями», - говорит он таксисту.

- У меня городская машина, дальше не могу, - говорит таксист, когда «Жигули» пересекли черту города.

- Я заплачу, - говорит Анатолий, - сколько надо... Очень нужно... Девушку мою увели, понимаешь?

- Меня твои дела не касаются, нам запрещают выезжать за город, за городом есть свои таксисты.

- Послушай, друг, давай гони, я не успею пересесть. Я же сказал, заплачу!

- Только учти, - предупреждает таксист, - больше пяти километров не поеду... Конечно, это не мое дело, но на твоём месте я бы не стал бегать за юбкой. Я же видел, она сама села в машину! Если бы насильно, я бы сам помог тебе отбить ее...

- Прибавь скорость, - нетерпеливо говорит Анатолий, не слушая его доводов, - а то потеряем машину!

За городской чертой вдоль дороги тянется вереница одноэтажных домов. Проплутав по переулкам, Влад тормозит машину у аккуратно выкрашенных ворот дома, у которого уже припарковано несколько машин.

- Видишь японскую машину, «Мазду»? - спрашивает Влад, запирая дверцу своей машины. - Костя ростовский! Слыхла? Понравишься ему, в золоте будешь купаться.

Люда не спешит выходить из машины. Она достает из сумочки бумагу и что-то пишет, подает ее Владу.

- Подпиши!

Влад снова садится в машину.

- Ну-ка, посмотрим, что ты здесь накалякала?.. «Расписка. Я, Влад Цой, отказываюсь от карточного долга в сумме шестидесяти тысяч рублей, которые должен мне Никифор Хван»... Ишь ты, даже фамилию мою узнала!..! А ты, как я погляжу, не так уж проста, как кажешься...

- С кем поведешься, - отвечает Люда.

- Значит, не веришь моему слову?

- Не верю. Один раз ты уже обманул меня...

- А не боишься, что я тебя с этой распиской пинком под зад? А с твоего папаши завтра же вытяну все жилы?

- Не пугай, я не боюсь тебя.

- Ты мне начинаешь нравиться, - смеется Влад. - Хорошо, я подпишу.

Влад подписывает бумагу, показывает ее Люде.

Люда протягивает руку, чтобы забрать расписку, но Влад прячет ее во внутренний карман куртки.

- Отдам после того, как Костя ростовский уедет, - говорит он разочарованной Люде. - А ты как думала? Получишь расписку и - деру?

- В отличие от некоторых, я никогда не вру и соблюдаю договоры! - саркастически говорит Люда.

После некоторого молчания Влад говорит:

- А знаешь, мы могли быть хорошей парой... Ладно, идем, там, наверное, заждались.

Влад запирает машину и идет к воротам. Люда идет следом за ним.

19

Вслед за «Жигулями» Влада останавливается такси, откуда поспешно выскакивает Анатолий.

- Люда! Люда! - зовет он девушку.

Люда, еще не успевшая войти в ворота, испуганно вздрагивает и оборачивается на знакомый голос. Увидев Анатолия, она бежит к нему.

Анатолий обнимает и страстно целует ее лицо.

- Толик! - Люда сопротивляется, упираясь руками о его грудь. - Как ты здесь оказался? Ты разве не улетел?

- Я же сказал: не придешь провожать, не улечу.

- Глупости какие!.. Не смогла я, понимаешь, - Люда с тревогой оглядывается на ворота.

- Толик, уезжай отсюда, улетай, я тебе потом напишу или

позвоню!.. А сейчас уходи!.. побыстрее!...

- Я не могу так уехать... Может, у тебя парень есть?

- Говорят тебе, уходи, я напишу тебе обо всем.

К ним подходят Влад и Артур.

- О чем и кому ты напишешь? - спрашивает Влад.

- Я приду через минуту, только поговорю с человеком, - говорит она Владу, вталкивая его за ворота.

Но Влад хватается ее за плечи, поднимает ее, будто куклу, и ставит в сторону.

- А ты кто? - обращается он к Анатолию. - Что ты здесь делаешь?

Люда хватается Анатолия за локоть и тянет к такси.

- Я же сказала, уезжай быстрее!

- Уеду, - потерянными голосом отвечает Анатолий, - только скажи правду: это твой парень?

- Сказала же, потом все объясню! - раздраженно говорит Люда.

- Не понял! - оскорбляется Влад. - Ты что, позвала этого хлюпика на помощь?

Люда, не обращая внимания, толкает Анатолия к такси:

- Поезжай, потом тебе все объясню...

- Это твой парень? - повторяет Анатолий. - Ты мне ничего не говорила о нем.

- Нет, он мне не парень, - не очень убедительно отвечает Люда. - Просто так нужно, понимаешь?

Влад, услышав последние слова Люды, подтвердил:

- Она права, я не ее парень. Со мной она только спит...

Артур хохочет на всю округу.

- Зачем же ты позвала его? - спрашивает Влад Люду, не обращая внимания на хохот Артура.

- Да, зачем? - вторит ему Артур.

- Заткнитесь вы оба! - прерывает их Люда.

Потом, глядя в глаза Анатолию, холодно говорит:

- Ты слышал? Теперь уходи!..

Но Анатолий не хочет смириться с услышанной правдой. В институте он посещает секцию самбо и считает, что этого достаточно, чтобы справиться даже с таким верзилкой, как Влад. Даже если у этого верзилы есть поддержка в виде Артура, который продолжает наслаждаться остроумием своего приятеля.

Анатолий, оттолкнув руку Люды, стремительно набрасывается на Влада. Но Влад, весивший под сто двадцать килограммов, лишь слегка покачивается под натиском этого недоумка, который, вероятно, еще не осознает, с кем связал-

ся.

Влад удивленно таращится на Анатолия, мол, что ты до сих пор здесь делаешь, тебе же ясно дали понять, что вопрос закрыт и можешь «канать отсюда, пока трамваи ходят».

Но Анатолий делает вторую попытку побить этого верзилу и тем самым разрешить проблему, которая вдруг стала мучить его после признания Люды.

На этот раз Влад попросту хватает Анатолия за грудки и вышвыривает его от себя. Тот падает на землю.

- Козел, на кого ты руку поднял? - кричит подоспевший Артур и бьет Анатолия ногами.

Истина, открывшаяся Анатолию, режет его по сердцу. И пинки, которыми Артур щедро награждает Анатолия, действуют как целительный бальзам на кровоточащую рану его души.

- Сам козел! - смеется Анатолий, чем еще больше злит и без того разъяренного куйлюкского драчуна.

Завидев начавшуюся драку, таксист поспешно уезжает. Влад не участвует в избиении Анатолия, но и не охлаждает воинственный пыл своего оруженосца.

Люда бросается и закрывает Анатолия своим телом.

- Скотина, сволочь!.. - кричит она. - Прекрати сейчас же!.. Ты же убьешь его!

Артур вопросительно смотрит на Влада.

Тот дает рукой отмашку, мол, достаточно.

- Даю пять минут на отправку этого козла домой к мамке, - жестко говорит Влад Люде, - потом приведи в себя в порядок... И чтобы была паинькой!..

Влад бросает Артуру ключи.

- Отвези его до Бектемерского моста и быстро возвращайся.

Люда трясет Анатолия, но тот лежит без сознания.

- Убили! Гады! - кричит от ужаса Люда.

Испуганный Артур подскакивает к ним, нащупывает пульс на руке Анатолия и льнет ухом к его груди.

- Дышит! - радостно восклицает Артур. - Живой!..

Люда облегченно вздыхает, но тут же зло говорит:

- Ты ответишь за это!

- За что? За то, что он хотел избить Влада? - Артур выражает на своем лице изумление. - Ты же сама все видела! А я только защищал своего друга...

- Ты же мог убить его! - возмущается Люда.

- Мог, но не убил!.. Будет знать, на кого прет, козел!..

Люда снова тормозит Анатолия.

- Толик, ты слышишь меня, Толик?

Но тот молчит, не приходит в себя. Люда встревоженно пригнула голову к груди Анатолия.

- Дышит, вроде, но почему он молчит, почему не приходит в сознание? - плачет Люда.

Артур вбегает в ворота и возвращается с Владом. За ними выходит невысокий, спортивно сложенный мужчина средних лет. У него узкие прищуренные глаза, длинные, до самых плеч, с легкой проседью волосы. Неспешной походкой он подходит к лежащему Анатолию и, присев на корточки, открывает пальцами веки Анатолия.

Потом встает и неожиданно резким ударом бьет Артура под дых. Артур, издав короткий стон, сгибается от боли.

- Влад, я же сказал, никаких мордобоев и никакой «мокрухи»! - тихо, но властно говорит он.

- Мамой клянусь, Водовоз, он первый набросился! - еще не оправившись от удара, уверяет Артур.

- Меня это не!.. - матом обрывает его Гена. - Ишаки!.. Хочешь сделать из них солидных людей, а они никак не могут забыть свои куйлюкские замашки!.. Сами напортачили, сами отвечать будете! А этого... увезите куда-нибудь, пусть катит, откуда прибыл.

- А девку? - спрашивает Артур.

- Девку тоже...

Гена поднимает глаза на Люду и рассматривает ее.

- Постой, кто это? Не дочка ли Никифора? - Гена пристально разглядывает Люду. - А она здесь как оказалась?

- Я привел ее сюда, - признается Влад. - Ты же сказал, что девка нужна, для Кости ростовского.

- Я сказал девку, а не дочку Никифора, - с тихим гневом, сквозь зубы говорит Гена. - Влад, уж от тебя я не ожидал...

20

Влад поднимает Анатолия и усаживает в машину.

- Видел ростовского Костю?.. - Артур пытается вывести его из состояния унижения, в которое Влад ввергнут вмешательством Гены. - Я думал, он какой-нибудь здоровяк. А он, оказывается, маленький, щупленький. Ты бы его одной ладошкой прихлопнул...

Влад не настроен на разговоры, молча ведет машину.

Анатолий приходит в себя. Увидев перед собой Люду, он спрашивает:

- Люда?.. Где я?.. Что со мной?

Обрадованная Люда плачет.

- Все в порядке, Толик. Мы домой едем, ко мне домой!

Артур оборачивается к ним.

- Домой? К Никифору? - удивляется он. - Так это действительно твой парень?

- Ему некуда ехать, он не здешний, - Люда уклоняется от прямого ответа.

- Ну, и дела! - улыбается Артур, толкая локтем Влада.

Тот по-прежнему молчит.

Высаживая Люду и Анатолия у ворот дома, Влад вынимает из кармана расписку.

- Не получилась у нас с тобой любовь, - с деланой улыбкой он отдает расписку Люде.

Люда молча кладет расписку в сумочку и, взяв Анатолия за локоть, ведет его к себе домой.

- Что это за бумажка? - спрашивает Артур, когда машина выезжает на большую дорогу.

- Наши с тобой бабки!

- Как? - чуть ли не подсакивает Артур. - Ты простил Никифору долг?

- Простил, - спокойно отвечает Влад.

- Так что теперь, Никифор нам ничего не должен?

- Не должен, - соглашается Влад.

- Ни хрена подобного! - взрывается Артур. - Ты свою долю можешь простить, как говорится, дело хозяйское. Но свою долю я взыщу с Никифора! С процентами!

- Не кипятись, - успокаивает Влад Артура. - Сколько Никифор должен тебе?.. А ты мне сколько?.. Так вот, я полностью списываю твой долг...

- Списываешь? Точно?

- Я же сказал! - раздраженно отвечает Влад. - Так что больше не рыпайся на Никифора.

- Ну, тогда порядок, - Артур хлопает Влада по плечу. - Но все равно не пойму, зачем ты Никифору прощаешь... Что, у тебя деньги куры не клюют?

- Ничего, я эти бабки все равно взыщу, но с другого человека! - в голосе Влада слышится скрытая угроза.

- С кого это? - любопытствует Артур.

- Скоро узнаешь! - многозначительно отвечает Влад.

Артур понимающе кивает головой и возвращается к безвозвратно потерянным деньгам.

- Шестьдесят штук за так отдал! - недоумевает он. - Ведь это не шестьдесят рублей. Неужели из-за этой девки?..

- Она не девка, - говорит Влад, - таких, как она, сейчас мало, если они вообще есть.

- Да ладно лапшу на уши вешать! - отмахивается Артур. - Она приятное с полезным совместила. И долг отца отработала, и сама, небось, кайф получила... Или не так?

21

Люда приводит Анатолия домой. Анатолий уже пришел в себя. У ворот дома он вдруг останавливается.

- Неудобно получится, - говорит он, - что скажут твои родители?.. Мол, кого ты привела? Бомжа какого-то, с разбитым лицом, порванной рубашкой...

- Ничего такого не скажут! - возражает Люда. - Скажу, что однокурсник, заступился за меня...

- Все равно неудобно, - настаивает Анатолий, - я лучше в аэропорт поеду...

- Куда, куда?.. - насмешливо переспрашивает Люда. - В аэропорт? С разбитым лицом?

- Тогда только умоюсь, - неуверенно говорит Анатолий. - Без всяких там знакомств... Потом познакомлюсь, когда... когда в форму приду.

- Все равно рубашку надо сменить... А куда ты девал свою дорожную сумку?

- Я в камере хранения оставил, в аэропорту...

- Хорошо, что оставил, - одобрительно говорит Люда, - но рубашку я все-таки тебе зашью, так что домой все равно придется зайти.

Она решительно хватает Анатолия за руку и ведет в дом. Анатолий слабо сопротивляется.

Марта, увидев Анатолия с окровавленным лицом и порванной рубашкой, испуганно всплескивает руками.

- Кто это? Что случилось? - вскрикивает Марта.

- Мама, не пугайся! - успокаивает ее Люда. - Это Толик, однокурсник... Он заступился за меня...

- Здравствуйте! - Анатолий смущенно здоровается с Мартой. - Вы не беспокойтесь, я только умоюсь и уйду.

- Здравствуй, - отвечает Марта, - кто же это напал?

- Мама, какая разница! - нетерпеливо говорит Люда. - Хулиганы какие-то пристали, а Толик и заступился...

- Вот паразиты! - возмущается Марта. - Житья от этих хулиганов нет! Так надо было милицию позвать!

- Какая милиция, мама? Хулиганы же нападают в темных переулках, а когда ты видела милиционеров в таких мес-

тах?.. Толик, скидывай рубашу!.. Мам, есть у нас какая-нибудь рубашка для Толика?..

- Не надо мне никакой рубашки! - возражает Анатолий. - Я в своей рубашке пойду. Только зашить ее нужно.

- Твоя рубашка теперь только на тряпки и сгодится! - усмехается Люда.

- Люда права, - поддерживает Марта дочь. - Ты, парень, иди, умойся!.. Люда, принеси ему чистое полотенце, а я повоюю в шифоньере.

Анатолий, умывшийся, в чистой рубашке и распухшей губой и синяком под глазом, выходит из ванной.

- Ну, ведь ничего страшного не случилось! - Люда с улыбкой встречает его. - А теперь пошли ужинать, мама накрыла нам. Правда, у нас все только корейское...

- Вообще-то я хотел сказать, что не голоден, - смеется Анатолий, - а, если честно, с утра ничего не ел!..

Они садятся за низенький столик. Анатолий вдруг хватается за левый бок и корчится от боли.

- Что случилось? - Люда подскакивает к нему.

- Не знаю, - отвечает Анатолий, держась за бок. - Болит здесь, в боку.

22

Анатолий отлеживается в доме Никифора.

- Нужно как минимум неделю отлежаться в больнице или дома, желательно поменьше двигаться, - говорит врач вызванной Мартой «Скорой помощи», - чтобы ребра срослись... Хорошо, что обошлось без внутреннего кровоизлияния, а то потребовалось вмешательство хирурга.

- Я поеду в больницу, - угрюмо говорит Анатолий.

Люда хочет, чтобы Анатолий остался у них дома, но она чувствует, что не имеет права удерживать его, а потому она отмалчивается. Между ними появилась невидимая стена, которая мешает им вернуться к прежним отношениям.

- Какая такая больница! - восклицает Марта. - Ты что молчишь, Люда? Разве я позволю защитнику нашей дочери лежать в вонючей больнице?

- У нас больницы не вонючие, - обижается врач.

- Вы уж извините, - оправдывается Марта, - я это так, к слову. Конечно, в больнице и уход хороший, и питание, но, согласитесь, дома все же лучше.

- Дома, конечно, лучше, - соглашается врач.

- Никуда я тебя не отпущу! - резюмирует Марта. - Будешь жить у нас до полного излечения... Только позвони своим,

домашним, чтобы не беспокоились...

Люда выходит из комнаты, скрывая свои слезы.

23

К дому Никифора подъезжает служебная «Волга». Машина останавливается у ворот, из нее выходит, опираясь на трость, Михаил Иванович и входит в калитку.

У дома он встречает Люду, которая поспешно вытирает заплаканные глаза.

- Что случилось? - спрашивает Михаил Иванович. - Кто тебя обидел? Уж не студент ли?

- Нет, нет, что вы!.. Соринка в глаз попала.

- Соринка, - усмехается Михаил Иванович, - а такое впечатление, будто бревно...

- Еще как случилось! - подтверждает вышедшая во двор Марта. - Дядя Миша, здравствуйте!.. В кои-то веки решили заглянуть в наш дом!.. Вы заходите домой, я быстро обед приготовлю... Люда, почисть картошки и лука!

Люда, обрадовавшись возможности не отвечать на трудные вопросы бабушки, бежит на кухню.

- Так что же произошло? - спрашивает гость у Марты.

- Вчера какие-то бандиты напали на нее!.. - тараторит Марта. - Хорошо, порядочный парень рядом оказался. Он защитил ее. Анатолий, однокурсник Люды...

- Однокурсник? - удивляется гость. - А где он?

- В спальне, лежит, - отвечает Марта. - Бандиты ему ребра поломали.

- Надо же было в больницу его!

- Мы вызывали «Скорую», врач сказал, что ничего страшного, только поменьше движений.

- Ну, показывайте этого героя! - говорит Михаил Иванович и входит в дом.

- Откуда у тебя этот крест? - спрашивает у Анатолия Михаил Иванович, вынув из кармана пиджака крест, который забрал на время у Люды.

- А откуда он у вас? - удивляется Анатолий.

- У Люды изъял, на временное пользование. Так откуда ты взял его?

- Мне его баба Нюра подарила... Моя бабушка, Анна Тихоновна, - тут же поправляется Анатолий.

- Баба Нюра? - спрашивает взволнованный Михаил.

- Да, баба Нюра. А что?

- Нюра? А сколько ей лет?

- Шестьдесят три, - отвечает Анатолий. - Три года назад в институте отмечали ее юбилей.

- Она русская? - уточняет Михаил Иванович.

- Ну, что вы! Чистокровная кореянка! - с улыбкой отвечает Анатолий. - Вы знаете, когда я впервые увидел Люду на рынке, в Красноярске, я страшно поразился. Она так похожа на бабу Нюру в молодости!.. Я и решил познакомиться с ней.

Михаил Иванович, сильно взволнованный, встает со стула и подходит к окну.

Анатолий тоже встает с постели. Его тоже осеняет какая-то догадка.

- А почему вас так заинтересовала моя бабушка? Вы ее знаете? - спрашивает он Михаила Ивановича.

Тот, обернувшись, отвечает вопросом на вопрос:

- Анатолий, а твоя баба Нюра не рассказывала о своей семье, о родителях?

- Рассказывала, - отвечает заинтригованный Анатолий. - Говорила, что выпрыгнула из поезда, чтобы пойти на могилу отца, моего прадеда, значит. Мы даже ездили с бабушкой искать эту могилку. Где-то около Сковородино. Слыхали? Далековато, правда, от Красноярска, где-то около двух тысяч километров на поезде.

Михаил Иванович хватается за сердце и медленно присаживается на кровать.

- Что с вами? - пугается Анатолий.

- Ничего, ничего, - успокаивает его Михаил Иванович. - Сейчас пройдет... Возле Сковородино, говоришь?

- Да. Я Люду позову или тетю Марту, - Анатолий встает на ноги и направляется к двери.

- Не надо звать, - останавливает его Михаил Иванович. - Это от волнения, Анатолий, понимаешь, все сходится...

- Что сходится?

- А то, что тогда, в тридцать седьмом, когда корейцев везли из Приморья в Узбекистан, моя племянница Нюра, ночью пропала. Днем мы как раз похоронили Бориса, ее отца, то есть моего старшего брата...

Анатолий изумленно выпучивает глаза.

- Баба Нюра как-то говорила, что ее настоящего отца зовут Борей, а настоящую маму... не помню, точно, но у нее какое-то корейское имя.

- Чун Сун? подсказывает Михаил Иванович.

- Вроде, не помню, - признается Анатолий. - Да баба Нюра сама не помнит точно, только сказала, что у ее мамы было корейское имя.

- Неужели это Нюра? - повторяет пораженный Михаил Иванович. - А где она сейчас?

- В Новосибирске. Она на пенсии, но все еще работает. Михаил Иванович встает и направляется к выходу.

- Надо сообщить всем!.. Это же такая новость!.. - сказав это, он вдруг в нерешительности останавливается. - Хотя, вообще-то, для полной уверенности надо бы как-то связаться с твоей бабушкой. Телеграмму, что ли, отбить?

- Зачем телеграмму? - удивляется Анатолий. - Позвонить можно, домой или на работу.

- Правильно!.. - горячо говорит Михаил Иванович. - Позвонить, и немедленно!.. Поехали ко мне на работу. Оттуда можно без проблем позвонить по межгороду. Но пока никому ни слова. Я должен удостовериться, что это наша Нюра. Ах да, у тебя же поломанные ребра!..

- Ничего страшного, если идти медленно, никакой боли. Анатолий, задумчивый, идет за ним.

- Черт возьми! - вдруг его осеняет мысль, и он, раздосадованный и разочарованный, останавливается. - Что же получается? Выходит, мы с Людой родственники!..

Часть 5

24

Гена едет на «Волге» по большой улице Куйлюка.

За перекрестком на автобусной остановке он видит Люду. Она держит в руках зонтик и сумочку.

На остановке многолюдно. Он останавливает машину и выходит из нее.

- Здравствуй!.. Ты меня не помнишь?

Люда узнает его, но, не отвечая на приветствие, отворачивается.

- Да, тогда наша встреча была не из приятных, - понимая реакцию девушки, говорит Гена. - Если бы я вышел раньше, ничего этого не случилось бы. Я хочу извиниться за все неприятности, которые причинили тебе мои парни.

- Ваши парни? - Люда оборачивается к Гене.

- Ну, в смысле, мои приятели, - поясняет Гена. - Как тот парень, жив-здоров?

- А вы как думаете?.. Вы же все ребра ему переломали!

- Ну, как ты можешь так говорить?.. Ты же сама видела, что я, наоборот, остановил драку...

- Ну, не вы лично, а ваши парни...

- Значит, ребра сломаны... - Гена огорченно качает голо-

вой. - Может, надо помочь? У меня есть приятель, хороший специалист-травматолог...

- Сначала калечите, потом лечите?

- С тобой трудно говорить. Я в город, может, подвезти?

- Не надо! - машинально, с некоторым испугом отвечает Люда. - Я на автобусе.

Увидев Гену, чувства Люды раздваиваются. С одной стороны она видит в нем главаря банды, с другой стороны ее раздражает любопытство, что это за человек, который одним взглядом наводит страх на таких отъявленных бандитов, как Влад и Артур.

- Садись, садись, не съем же я тебя.

- Мне далеко, в вузгородок.

- Я как раз в ту сторону. В онкоцентр, слышала, есть таковой в нашем городе?

- Нет, не слышала, - отвечает Люда, садясь в машину. - А что это за центр?

- Ну, там лежат больных раком... Нет, не я, там мой товарищ лежит, вместе в Афгане воевали, - отвечает Гена, трогая машину с места.

25

- Выходит, что родственники, - улыбается Михаил Иванович, глядя на разочарованное лицо Анатолия. - Люда приходится тебе двоюродной тетей.

- Почему тетей? - удивляется Анатолий. - Я ведь старше нее почти на три года.

- А это не имеет значения. Папа Люды, Никифор, - младший брат Нюры, значит, Люда приходится Нюре племянницей. Улавливаешь?

- Честно говоря, нет. Но мы с Людой смогли бы... ну, как вам сказать?..

- Ни в коем случае! У корейцев даже дальние родственники не могут пожениться, а ты с Людой, можно сказать, очень близкие родственники.

- Эхе! - Анатолий не может скрыть разочарования.

- Погоди, а у вас случаем ничего не было? - встрепенулся Михаил Иванович. - Ты понимаешь, о чем я говорю?

- Ну, что вы! Как можно? Да Люда даже в щечку поцеловать не позволяет.

- Молодец, племянница! - Михаил Иванович облегченно вздыхает. - Ты не расстраивайся, уж тебе мы невесту найдем обязательно! У нас тут на Куйлюке, знаешь, сколько красивых девушек!

- Погодите, может, это совпадение, - Анатолий не теряет надежду, - дождемся разговора с бабой Нюрой.

26

После занятий в университете по дороге к станции метро Люду снова окликает Гена.

- Вы? - она удивленно вскидывает брови.

- Садись, - он говорит ей уже как старый знакомый. - Я свозил друга в город, пообедали в хорошем ресторане, поболтали, теперь возвращаюсь домой.

На этот раз Люда, не артачась, садится в машину. Почему-то с Геной она ощущает себя защищенной.

На узкой куйлюкской улице, по которой Гена везет Люду, машину останавливает группа молодых парней. Из-за угла появляются Влад с Артуром.

- Сиди и не высовывайся, - предупреждает Люду Гена и выходит из машины.

- Влад, в чем дело? - спрашивает он.

- В тот вечер ты сильно обидел Арматуру, - насмешливо говорит Влад. - Вот он и хочет отдать тебе долг... Я правильно говорю, Арматура?

- Да что с ним разговаривать! - Артур с длинным куском арматуры бросается на Гену и призывает парней. - Бей его!

Гена успевает увернуться от арматуры и, нырнув вниз, стремительным рывком хватается Артура и, подняв его, швыряет на парней, которые двинулись на него. Гена владеет боевым самбо и умело отражает нападение парней. Но их слишком много.

Влад не участвует в драке. Заметив выскочившую из машины Люду, он подбегает к ней и хватается за руку.

- А ты как оказалась в его машине? Пожаловалась Водовозу на меня?

- Не твое дело! Отпусти меня!

- Ну уж нет, теперь не отпущу. Я пожалел тебя, простил долг твоему отцу, а ты, оказывается, с Водовозом якшаешься.

- Я не якшаюсь с ним, он подвез меня до дома.

- Я решил взять свое слово назад. Теперь, точно, я выверну Никифора наизнанку, но вышибу из него все бабки.

- Я знала, что ты не мужчина! - зло выкрикивает Люда.

Влад наотмашь бьет ее по лицу.

Гена под напором парней оказывается поверженным на землю. Артур и его подельники избивают его. Геннадий, увидев, что Влад ударил Люду, соскакивает на ноги, отбрасы-

вая избивающих его парней, бросается на Влада и в высоком прыжке наносит удар ногой ему по горлу, припечатывая его к стене дома. Вадит хватается рукой за горло, изо рта идет кровь, и он медленно падает.

Кто-то из прохожих вызывает милицию. Услышав милицкую сирену, Артур с парнями убегают врассыпную.

Из подъехавшей милицеской машины выскакивает патрульные милиционеры.

- Геннадий Викторович? Вы? - спрашивает изумленный начальник патруля. - Что случилось?

- А-а, Шерзод, - отвечает Гена.

Шерзод посещает секцию боевого самбо в обществе «Динамо», которой некогда руководил Гена.

Шерзод нагинается к Владу и прощупывает пульс.

- Плохи наши дела, по-моему, вы убили его.

- Да, наверное, - обреченно отвечает Гена. - Он со своими дружками напал на нас, избивал девушку, - Гена кивает головой на Люду, чье лицо также в крови.

- Это Геннадий Виткторович - ветеран Афганистана, - говорит Шерзод, обращаясь к патрульным, - мой тренер по боевому самбо... Но, произошло убийство... Геннадий Викторович, вы же понимаете, мы должны задержать вас...

- Шерзод, исполняй свой долг. - отвечает Геннадий. - А ты, Люда, извини, так получилось. Хотел немного поухаживать за тобой, а втянул тебя вот в такую грязную историю...

Один из патрульных вынимает наручники, чтобы одеть их на руки Геннадия.

- Не надо наручников, - бросает Шерзод патрульному.

- Что теперь будет с вами? - плачет Люда.

- Не плачь, - успокаивает ее Геннадий. - Со мной все будет в порядке. Своим пока ничего не рассказывай. Все равно скоро все обо всем узнают.

- Да, никому ни слова, - поддакивает Шерзод. - В интересах следствия. - И вас прошу никуда не выезжать. Вас вызовут как потерпевшую и свидетеля.

27

Расстроенная Люда, придя домой, быстро вбегает в свою комнату и приводит себя в порядок. Дома только Никифор. Заметив Люду, он стучится к ней.

- Пап, я переодеваюсь, - откликается Люда. - Выйду через пару минут.

Наконец, Люда выходит из своей комнаты и как ни чем ни бывало спрашивает отца:

- А где Толик?
- Никифор замечает в дочери что-то неладное.
- Что с тобой? Почему ты плакала?
- Нет, нет, со мной все в порядке. Так где Толик?
- Его дядя Миша забрал к себе, на работу.
- А зачем? Ему же лежать надо.
- Сказали, собираются позвонить его бабушке... Если что-то случилось, говори мне, я же все-таки отец твой.
- Я же говорю, ничего не случилось.
- Люда, может, тебя Влад обидел? Я слышал... в общем, мне сказали, что ты с Владом...
- Кто тебе сказал?
- Какие это имеет значение? Сказали, что ты стала любовницей Влада.
- Это тебе сам Влад сказал?
- Нет! Но это правда? Только скажи честно.
- Пап, не слушай никого, ничего не было! Тем более...
- Люда замолчала на полуслова.
- Что тем более?
- Да ничего, так, это уже не имеет значения.
- Я давно хотел сказать тебе... Понимаешь, Люда, я случайно нашел расписку Влада
- Расписку? А что ты делал в моем шкафу?
- Да я искал свои очки...
- Ну, расписка ни о чем не говорит. Я слышала, как он угрожал тебе. Ну, и заставила его отстать от тебя.
- Заставила Влада? Он же страшный человек, как ты могла его заставить?
- Какая тебе разница как? Главное, он отстал от тебя. Теперь уже навсегда.
- Люда, этот человек никогда не сделает просто так... Скажи правду, ты стала его любовницей ради меня?
- Нет, говорю же тебе, нет. И перестань думать об этом. У меня голова болит, пойду прилягу.

28

Никифор узнает от Артура, что Влад убит.

- Кто же его? - спрашивает струсивший Никифор.
- Гена... Сволочь! - ругается Артур. - Ничего, он еще ответит за все.
- Какой Гена? Водовоз, что ли?
- Он... Я срочно уезжаю... Нужны бабки, Никифор, гони должок! - требует Артур.
- Какой должок? Влад сам сказал, что прощает долг.

- А мне он сказал, чтобы я взыскал с тебя его долг.

- Ну, конечно, когда человек не может подтвердить, можно что угодно приписать ему.

- Ты что, падла, мне не веришь? А ты знаешь, почему Влад хотел списать твой долг?

- Он сказал, что пожалел меня, - неуверенно отвечает Никифор.

- Пожалел! - язвительно усмехается Артур. - Чтобы Влад кого-то пожалел!.. Твоя дочь Люда приходила к нему и сказала, станет его любовницей, если простит твой долг.

- Врешь, Арматура!

- Я вру? А ты спроси у своей дочери. Влад трахал ее, Костя ростовский, картежник, тоже трахал...

- Козел! Подонок! - Никифор не сдерживается и бросается на Артура с кулаками.

- Я козел? - рассерженный Артур хватает Никифора за грудки и швыряет его оземь.

- Влада больше нет, но бабки, которые ты ему должен, я взыщу с тебя до последней копейки, слышать, ты, козлина! Чтобы через два часа принес мне бабки. Не принесешь, я рано или поздно вернусь в Ташкент и выверну тебя и всю твою семью наизнанку...

Никифор возвращается домой. Дома никого нет.

- Дочка, что ты наделала? - Никифор, плача, бьет себя на голове. - Я погубил тебя, доченька!.. Я опозорил всю семью!..

Никифор находит в сарае веревку и, поднявшись на стуле, перебрасывает ее поверх толстой ветки огромной чинары, растущей во дворе дома.

К дому Никифора подъезжают «Жигули». Из машины выходят Ринат с Федором. Они здесь нередкие гости, а потому без стука входят в ворота.

- Смотри! - испуганно вскрикивает Федор. - Кажется, Никифор, повесился.

- Ни хрена себе! - ругается Ринат, и оба бегут к чинаре, на которой покачивается тело Никифора.

Ринат хватается за стул, что у ног Никифора, и, взобравшись на него, поднимает тело Никифора.

- Кажись, еще живой!.. - говорит он, прижав свое ухо у груди Никифора. - Найди нож, чтобы разрезать веревку, только быстрее!.. Черт, маленький, а такой тяжелый!

Наконец, сняв с веревки, они несут Никифора и укладывают на топчан под виноградником.

Ринат хлопает Никифора по щекам.

- Эй, живой?

Но Никифор без сознания.

- Вызывай скорую! Быстро! - кричит он Федору.

Тот бросается к веранде, где находится телефон.

- Скорая приедет через десять-пятнадцать минут, - сообщает подошедший Федор. - Может, сами отвезем его?

- Этого еще не хватало! - вздыхает Ринат. - Но ты прав, надо везти, пока скорая подъедет, он может коньки откинуть... Держи его на ноги, только осторожно.

29

В кабинете следователя по уголовным делам.

- Вы же ветеран Афганистана, были тренером в «Динамо». Как же вы оказались среди этих подонков?

Гена пожимает плечами.

В кабинет входит незнакомый мужчина. Он протягивает следователю удостоверение КГБ.

Следователь подсакивает с кресла.

- Старший следователь по особо тяжким преступлениям, - представляется он. - Веду допрос гражданина, обвиняемого в убийстве своего подельника...

- Подельника? - усмехается сотрудник СНБ, обращаясь к Геннадию. - Вы согласны с этим?

- В какой-то степени да, - хрипло отвечает Геннадий. - Я картами баловался.

- Это мы знаем. Знаем, что каталы предложили вам большие деньги за обеспечение их безопасности.

- Да, было дело...

- Влад был настоящий бандит, - говорит сотрудник КГБ, - терроризировал кооператоров, луководов... Все они облегченно вздохнут, возможно, даже будут благодарить вас. Но их благодарность к делу не подошьешь. Хотя, конечно же, суд будет учитывать все факторы. Но, сами понимаете, что в любом случае убийство есть убийство, пусть даже в целях самозащиты, по неосторожности.

- Я не отрицаю, - спокойно говорит Гена.

- Да, задали вы нам задачку, - сотрудник СНБ огорченно мотает головой, потом передавая следователю лист бумаги, добавляет: - Поскольку дело касается крупной организованной группировки, расследование передается нашему ведомству.

В кабинете Михаила Ивановича слышится телефонная трель. Он не спеша снимает трубку.

- Алло!.. Да, да, это я заказывал Новосибирск!.. Анатолий, говори спокойно, не пугай бабушку, - шепчет Михаил Иванович, передавая трубку Анатолию.

- Ее напугаешь! Она у нас волевая, - говорит Анатолий, принимая телефонную трубку. - Алло, баб Нюр! Слышишь, баб Нюр? Это я, Толик!.. Все в порядке. Я в Ташкенте, здесь еще жарко, можно в одной футболке ходить... Баб Нюр, ты не волнуйся, только не волнуйся! Хорошо? Ничего не случилось!.. Наоборот, я хочу сообщить тебе хорошую новость.

Квартира в Новосибирске. Анна Тихоновна, хорошо сохранившаяся женщина 63 лет, невысокого роста, среднего телосложения.

- Кого нашел? Моих родственников?.. - Анна Тихоновна от волнения переходит на крик. - Каких родственников? Михаила Ивановича?.. погоди, не передавай трубку, дай опомниться... Я в порядке, только сильно волнуюсь. Столько лет прошло!.. Пятьдесят с лишним. Мне тогда было 10 лет... Со всем девочка была... Павел, принеси мне кружку воды...

Павел, крупный седовласый мужчина в тельняшке, подливает несколько капель валокардина в кружку с водой и подает Анне.

- Толик? Из Ташкента? Что-то случилось? - встревоженно спрашивает Павел.

- Случилось! - с радостным возбуждением отвечает Анна, выпив воду. - Он моих потерянных родственников нашел! - Помнишь, я рассказывала о дяде Мише?.. Алло, Толик! Я пришла в себя, передавай трубку... Адьбай Миша, это вы?

В ворота дома Никифора входят Михаил Иванович с Анатолием и Людой. Увидев знакомых мужчин, которые несут Никифора, Люда подбегает к ним.

- Дядь Ринат? Что с папой?

- Не пугайся, - успокаивает Люду Ринат. - Живой, только без сознания. Нужно в больницу везти.

- Но что случилось?

Ринат переглядывается с Федором.

- Перегрелся на солнце, - отвечает Ринат.

Михаил Иванович видит на земле под чинарой перерезанную веревку.

- Что это? - спрашивает он, поднимая веревку. - Он что, дурак, повеситься хотел?

- Повеситься? - кричит Люда, - Почему?

- Мы только что пришли, ничего не знаем, - отвечает Ринат. - Надо поспешить в больницу.

- По-моему, в больницу не нужно, - говорит Федор. - Кажись, Никифор очнулся.

- Ну, дурак! - возмущается Михаил Иванович. - Не за голову, а за ноги надо было его повесить!

Ринат снова укладывает Никифора на топчан.

- А вы как оказались здесь? - спрашивает Рината очнувшийся Никифор.

- Вот дает! - улыбается Ринат. - Сам же сказал, что двери твоего дома для нас всегда открыты. Вот мы проезжали мимо и решили заглянуть.

- Скажи спасибо, что вовремя! - добавляет Федор.

- Папа! - Люда, плача, обнимает его. - Зачем?

- Эх, дочка, лучше бы я умер!..

По щекам Никифора катятся слезы.

- Ну, нам пора, - говорит Ринат.

- Погодите, мужики, - говорит Михаил Иванович, - мы не можем отпустить гостей без обеда.

- Нет, нет, - возражает Ринат. - У вас тут будет большая семейная разборка... Ладно, Никифор, за тобой должок - мы спасли тебе жизнь.

- Да, большой должок, - говорит Федор. - А это, брат, не картежный долг.

- Придется жить, - грустно улыбается Никифор. - Не люблю оставаться в долгу.

- Спасибо, дядя Ринат, дядя Федя, спасибо, - говорит им вслед Люда. - Остались бы, мама у нас такие блюда готовит - не пожалеете! Она вот-вот придет.

- Знаем, не впервой, - отвечает Федор. - Я же на свадьбу дочери салаты у твоей мамы заказывал.

- Тем более, должны остаться, - настаивает Люда.

- Нет, нет, у нас свои планы на вечер, - возражает Федор.

- У нас встреча с клиентом. На днях обязательно зайдем, слышать, Никифор? На твой коронный хе из сазана!

В гостиной Никифора.

- Что было, то прошло, - говорит Михаил Иванович. - Я с хорошими новостями. Артура арестовали.

- Арестовали? Артура? - переспрашивает Никифор.

- Да, я ходил к следователю, с Людой, ее вызывали как свидетеля.

- И все из-за меня! - Никифор бьет себя по голове. - Доченька, прости меня, из-за меня ты столько натерпелась. Тут входит Марта, возвратившаяся домой из базара.

- Доченька!.. Прости!.. - язвительно передразнивает она мужа. - А когда ты у меня будешь просить прощения? За то, что я целыми днями сижу на базаре, чтобы прокормить семью, а ты все заработанные деньги спускаешь на карты?

- Марта, и ты прости, - кротко отвечает Никифор.

Марта потрясена кротостью мужа.

- Простить?.. Что с тобой? Что случилось, Люда? Дядя Миша, что случилось?

Все переглядываются между собой, но ничего не отвечают. Марта еще больше горячится.

- Да что все-таки случилось? Что вы все молчите?

- Ничего не случилось, - отвечает Михаил Иванович. - Просто был разговор, Никифор дал слово никогда не играть в карты... Так, Никифор?

- Да, - соглашается Никифор, - лучше сдохну!

Никифор подбирает оверевку и быстро прячет за спину. Марта бросается к нему и выхватывает ее из руки мужа.

- Что это? - вскрикивает она, тыча ему в лицо веревку.

- Марта, прости меня, - он пытается обнять жену.

- Ты что, дурак, хотел повеситься?, - кричит Марта, отталкивая мужа.

Марта вдруг обмякает и приседает на землю.

- Мама! Мамочка! - бросается к ней Люда.

- Марта, я дурак, последняя сволочь! - плачет Никифор, поднимая и обнимая жену.

- Как говаривал мой командир, черт бы тебя за ноги повесил! - шутит Михаил Иванович. - Ну, что, все успокоились?.. Теперь другая новость, самая главная... Никифор, нашлась твоя старшая сестра.

- Старшая сестра? - удивляется Никифор.

- Да, твоя родная сестра Нюра... Но ты ее никогда не видел. Она пропала в тот день, когда ты родился в поезде, в тридцать седьмом.

- Мама что-то рассказывала о ней, - задумчиво говорит Никифор. - Значит, она жива... А как вы узнали?

- Вот от этого молодого человека, - Михаил Иванович, улыбаясь, обнимает Анатолия за плечи. - Он ее родной внук,

а значит, твой внучатый племянник. Анатолий не просто наш новый родственник, а настоящий герой. Заступился за Люду, свою молодую тетку.

- Да какой герой? - смущается Анатолий. - Даже не успел заступиться, как сразу вырубили.

- Дело не в этом, ты побил или тебя побили, главное, ты полез в драку, за правое дело... Кстати, как у тебя ребра, не болят?

- Срастаются, - отвечает за Анатолия Люда, - утром на рентген ходили... Деда, ты встречался с прокурором? - спрашивает Люда.

- Встречался, - отвечает Михаил Иванович. - И ты, Люда, молодец! Я узнал, из-за чего ты вляпалась в эту историю. Артура в аэропорту взяли... Хотел сбежать... Он и раскололся...

Люда закрывает лицо руками.

- Люда, не плачь, - Михаил Иванович обнимает ее за плечи, - я горжусь тобой. Ты показала, на что способна корейская девушка ради отца... Слушайте все! Пока у нас есть такие женщины, как моя внучка Люда, и такие правнуки, как Анатолий, род наш будет жить вечно. Теперь я могу умереть спокойно.

- Как умереть, Михил Иванович? - упрекает Анатолий. - Вы же собирались к бабе Нюре полететь, в Новосибирск.

- Ах да, чуть не забыл, конечно, полечу... Да что такое, черт бы меня за ноги повесил! Как только соберусь умирать, так сразу неотложные дела появляются. То новый правнук появился, то племянница, которую я должен обязательно увидеть. Иначе буду маяться на том свете... И что, теперь я никогда и не умру?

- Никогда не умрете и не умирайте, дядя Миша, - улыбается сквозь слезы Марта. - А то вот некоторые новорят оставить нас вдовами!.. Паразит! Как ты мог?

Плачущая Марта с кулаками бросается на мужа.

- Ну, все, все, - успокаивает Никифор, обнимая ее.

- А еще прокурор сказал, что, сделает все, чтобы Геннадия оправдали, - продолжает Михаил Иванович, - ну, в крайнем случае, дали небольшой срок. В общем, убийство в целях самообороны. За Владом много грехов водилось. Создал организованную преступную группу, которая занималась рэкетом, выбивала у кооператоров деньги, даже занимались грабежом.

- Я бы их расстреляла! - восклицает Марта. - Эти бандю-

ги никому житья не давали...Люди говорили, что и Гена-Водовоз тоже был связан с бандитами...

- Был связан, - соглашается Михаил Иванович. - Но он был только телохранителем.

- Телохранителем? - удивленно спрашивает Люда.

- Ну, может, не телохранителем, но в его задачу входило обеспечение безопасности крупных игроков. Они же имеют дело с большими деньгами... Прокурор говорил, что должны были взять одного такого игрока, но не успели.

- Костю ростовского? - спрашивает Никифор.

- Точно, Костю из Ростова. А ты откуда его знаешь?

- Да этот Костя миллионами ворочает, - подтверждает Никифор. - Сам я его не видел, но много слышал о нем... Наверное, Гена-Водовоз помог ему смыться.

- Помог он или не помог, нас это не касается, главное, Геннадий защитил нашу Люду от Влада... А Люда у нас красавица, каким мужикам вскружила голову! Сначала Анатолию, потом Геннадию...

- Никому я не кружила, - лицо Люды становится пунцовым. - Толик, дозвонился до бабы Нюры?

- Дозвонился, - отвечает Анатолий. - Без проблем. У Михаила Ивановича... как это, особая связь, что ли...

- Вертушка, - подсказывает Михаил Иванович. - Когда Нюра сказала «Миша-адъбай», я сразу понял: это наша Нюра... Ведь вспомнила! Хотя сколько прошло с тех пор! Она так меня и тогда называла: Миша-адъбай... Толик, я полечу с тобой в Новосибирск. И Люду заберем с собой, и Марту, и Никифора. Хоть немножко развеемся от этих приключений.

- Михаил Иванович, как вы поедете? - пугается Марта - У вас же сердце!

- Причем тут сердце, когда Нюра нашлась!.. Я обязательно должен поехать... Мы все должны поехать.

- Я даже не знаю... - отвечает Марта. - Боязно ехать куда-то вдаль. Я ведь только раз летала к Никифору на поле, а так только дома да на базаре сидела...

- А давайте еще раз позвоним бабе Нюре, - предлагает Анатолий. - Может, она сама прилетит. Она у нас легкая на подъем. Полмира облетела, а чтобы в Ташкент летала, не помню... Скажем, чтобы обязательно с дедом приехала.

- С дедом? переспрашивает Михаил Иванович.

- Дед у меня классный! Бывший моряк, капитан дальнего плавания.

Следственный изолятор.

- Геннадий Викторович, вы не возражаете, если я буду ждать вас? - спрашивает Люда. -

- Ждать меня?.. Даже не вздумай! У тебя все впереди, а я бандит и убийца.

- Да какой вы убийца? Вы защищали меня... Я же в судебном решении вычитала, что в порядке самообороны. Даже следователь сказал, что, убив этого бандита, вы совершили хороший поступок.

- Нет, нет, Люда. Меня осудили на пять лет. И не только за Влада. Были и другие грешки...

- Мне нет дела до ваших грешков! - убеждает Люда.

- За это время многое изменится. Ты окончишь университет, поступишь на работу, выйдешь замуж. Анатолий будет тебе хорошим мужем. Ради тебя он полез драться даже на Влада, а Влад был чемпионом республики по самбо. Анатолий мне очень понравился.

- Анатолий хорошей парень, но мы с ним никак не можем пожениться.

- Это почему же? - в глазах Геннадия сверкает искорка надежды.

- Он оказался моим родственником, племянником... Представляете? Племянник старше тетки! Это только у нас, корейцев, бывает.

- А ты что, не знала этого? - удивляется Геннадий.

- Нет, я случайно познакомилась в Красноярске. Ну, это долгая история. Как-нибудь я потом расскажу...

- Люда, понимаешь, я намного старше тебя...Посмотри на мою голову

Геннадий наклоняет голову, покрытую сединой.

- Для меня это ничего не значит! - горячо говорит Люда. - И мне сказали, что вы вернулись таким из Афганистана.

- Я был женат, моей дочке скоро пятнадцать.

- Я подружусь с ней, вот увидите!

Конец

1. ДЕД В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Мою тетку по отцу выдали замуж в тринадцать лет, в пятнадцать она родила дочку. Дочка, в свою очередь, разродилась сыном в двадцать. Так что тетка в тридцать пять стала бабушкой, а в пятьдесят четыре - прабабушкой. И в семейные праздники под одной крышей собирались представители четырех поколений, где единолично правила едва достигшая пенсионного возраста прабабка, поскольку муж ее, наш дядя, хотя и был старше нее лет на десять, а то и на все двадцать, в силу своей постоянной занятости, что заключалось в монотонном чтении нараспев старой, поистрепанной от времени и частого пользования одной-единственной книги, сохранившейся каким-то чудом еще со времен его проживания в Китае, а также в курении сигареты, заправленной в цветастый пластмассовый мундштук, отдал семейные бразды правления в руки жены и лишь изредка он, оторвавшись от книги и укоризненно глядя на тетку поверх очков, выражал недовольство своим отрывистым кашлем, который означал, что эта мелкопакостная шпана, снующая перед глазами, мешает ему по-настоящему оценить великолепие и мудрость среднековых сказаний, на

что тетка презрительно бурчала коротким словом «Пегиста!», что в переводе с корейского обозначает «Видеть не могу, надоел пуще пареной репы!», тем не менее, она брала в руки веник и выметала шумную ватагу внуков и правнуков, дабы не вызывать другие, менее сдержанные проявления его недовольства.

Так оно и было в старой Корее. Этому обычаю следовали и корейцы, переселившиеся в российское Приморье. Замуж девочек отдавали очень рано, впрочем, при некоем стечении обстоятельств, а также удачном расположении звезд и Луны, которое определял местный шаман-астролог, подчас и мальчиков женили в раннем возрасте. Кто знаком с корейской литературой, помнит рассказ о пятилетнем малыше, которого женили на 18-летней девушке. Юная жена даже носила мужа-мальчика на спине, как это обычно делают корейские матери. Как-то муж-мальчуган так нашкодил, что жена отшлепала его по мягкому месту. Тот слезно пожаловался родителям, и те не раздумывая прогнали не совсем учтивую невестку из дома, поскольку поднять руку на главу семейства, пусть и малолетнего, считалось тягчайшим проступком. Для кореянок в старой Корее такой исход супружеской жизни был позором на всю оставшуюся жизнь. Девушка была страшно огорчена происшедшим, но делать было нечего, и она вернулась в родительский дом. Правда, история закончилась благополучно. Мальчуган, как оказалось, за короткое время супружества так привык к жене-няньке, что уже на второй день стал капризничать, хныкать, звать ее. Пришлось его родителям вернуть невестку домой.

Но что вы скажете о 20-летних, нет, не отцах, а о дедах? Эти парни, у которых едва пробился пушок на подбородке, вполне серьезно называли себя дедками и требовали этого от других. Речь, как вы уже догадались, идет об армейских дедках. Дедовщина в армии была и будет, независимо от того, какая это армия, советская, китайская, мексиканская, рекрутская, контрактная. Такими уж создала природа мужчин.

В Советской Армии образца 70-х годов XX века, по неписаным законам, право называться «дедом» солдаты получали после полутора лет службы. Офицеры же называли их старослужащими. Звание это было едва ли не священным, оно свидетельствовало о завершающем этапе армейской жизни и давало солдату пропуск в стан привилегированных, а привилегии предполагали лучшие куски мяса из общего котла, перекаладывание своих служебных повинностей, а также выполнение санитарно-гигиенических норм личного харак-

тера, вроде подшивания подворотничков к гимнастеркам и чистки сапог, на плечи салаг-новобранцев, независимо от образования и прочих заслуг, которых они успели удостоиться на гражданке.

Мне довелось служить в Семипалатинске, где каждодневно, в течение двух лет, подвергался энной дозе радиации, о чем сам я, как и мои сослуживцы, не считая офицеров, даже и не подозревал, а узнал о ней лишь четверть века спустя - из новоявленных средств массовой информации, которые валом возникли в те годы и которые соревновались, кто раскопает очередной, более страшный компромат на прошлое своей страны.

В период же службы никто из нас не слышал о ядерном полигоне, располагавшемся в Семипалатинской области, хотя в состав батальона входил взвод ядерных фугасов, хотя в солдатскую амуницию входили противогаз, защитный плащ и еще что-то в этом роде, в которые нас периодически заставляли облачаться - на занятиях по защите от оружия массового поражения, а иногда - по прихоти дедов, которые не упускали случай в лишний раз подтвердить свое реноме в глазах новобранцев.

Дозы радиации, вероятно, были не настолько критическими, чтобы мы хотя бы в какой мере ощущали ее на состоянии своего здоровья. Единственное заболевание, которое я вынес из службы в армии, если не считать гастрита, это стойкая аллергия к ваксе, ведро с которой стояло у входа в казарму для всеобщего пользования. Халявной ваксой всю пользовались новобранцы, которые не могли нарадоваться обилию средства для чистки сапог. Как говорится, дешево и сердито. Но через некоторое время солдаты возвращались к сапожному крему, купленному в гарнизонном магазине, поскольку вакса была низкопробная, иначе зампотылу вряд ли проявил бы такую щедрость. Как бы густо не смазывай этой ваксой сапоги и как бы тщательно не протирай кирзу бархоткой, она не давала такого блеска, как магазинный крем.

2. САМОСТРЕЛ И САМОЗВАНЕЦ

Наша часть считалась боевой единицей, но нас зачастую отправляли на тыловые работы: рыть, например, траншеи для прокладки городских телефонных и прочих коммуникаций. Вероятно, командование части имело от этого какой-то прибыток. Да и мы, правда, не очень часто, получали какое-

то вознаграждение. Как-то на Семипалатинском мясокомбинате, где мы разгружали огромные туши крупного рогатого скота, после работы нас щедро одарили продукцией предприятия, и мы возвращались на место дислокации, встречаемые мрачными взглядами однополчан, которые после разгрузки угля на станции стирали пропитанные насквозь угольной пылью гимнастерки, поскольку наши шеи украшали гирлянды из копченой колбасы. Впрочем, старшина был человеком справедливым - он велел, несмотря на наш беззастенчивый эгоизм, поделиться колбасой с близкими.

На этих работах деды, как правило, сидели где-нибудь в тени дерева, травили байки, говорили о девушках, которые ждут не дождутся их на гражданке, а время от времени подгоняли салаг: «Бери больше и кидай дальше».

Для новобранцев радиация и махание лопатой представлялись наименьшими из зол, что подтвердило происшествие с новобранцем из Талды-Кургана, который во время несения караула, прострелил себе руку - в надежде, что его комиссуют, то есть демобилизуют по случаю служебного увечья, и он, наконец, освободится от непомерного гнета дедов.

В батальоне был переполох. Комбат и другие офицеры так наехали на дедов, что они на какой-то период заметно «помолодели». Но новобранца не комиссовали. Более того, на него тоже обрушилась ярость комбата.

«А кто вместо тебя будет родину защищать? Он?.. Он?.. Или вот он?, - кричал майор Молотилин новобранцу-самотрелу, поочередно тыкая пальцем на солдат, выстроившихся по поводу этого чрезвычайного происшествия. - Никакого комиссования! Будешь служить все положенные два года!.. Благодарю бога, что я не упек тебя в дисбат - за умышленную попытку дезертирства».

Проходя неформальные курсы молодого бойца, салаги мысленно клялись, что не будут такими злодеями, как эти деды. Но шли дни, месяцы, и вчерашний новобранец, трансформировавшись в деда, забывал о вчерашних клятвах и, как само собой разумеющиеся, принимал почести, оказываемые ему салагами уже из следующих призывов.

Всеми дедовскими привилегиями пользовался младший сержант Полищук, назначенный в нашу роту старшим понтонером. Рослый, правда, рыхлого телосложения, с хрипотцой в голосе, он сразу заявил о своих правах и продемонстрировал соответствующие замашки на салагах, чему способствовали его сержантские лычки, а также деды, которые были

весьма довольны тем, что Полищук по случаю приема в «стариковскую» компанию угостил их водкой. Разомлевшие деды подняли уже спавших салаг на ноги и сообщили, что отныне «молодые» должны относиться к Полищуку, как к полноправному деду.

Но дедовская эйфория Полищука продолжалась недолго. И виною тому стала сенсация, которую слил в информационное пространство батальона писарь.

Должность писаря считалась престижной. Главным образом, из-за того, что он зачастую освобождался от несения караула и прочих солдатских повинностей. Кроме того, в его обязанности входили, помимо конторской работы в штабе, регулярные выезды в город за солдатской почтой, что само по себе вызывало жгучую зависть солдат, вынужденных месяцами ждать увольнения.

Писарь, работая со штабными документами, неожиданно выяснил, что Полищук нагло и беззастенчиво приписал себе год службы. Информация о его самозванстве возмутила писаря, поскольку сам он честно отслужил уже больше года и готовился через несколько месяцев войти в стан привилегированных. Нет слов, чтобы описать возмущение дедов - оно было беспредельно. Как?! Этот салага, который еще ходит «по большому» гражданскими пирожками, самовольно возвел в себя в уважаемый сан?

Наказание было поистине мазохистским. А предложил его татарин Баскаков из Кзыл-Орды. Малорослый, зеленоглазый, он казался добряком, вечерами устраивал концерты на гитаре. До сих пор щемящая грусть охватывает при воспоминании мелодий, которые он выводил своим бархатистым голосом и которые озаряли мрачную, порой безысходную действительность казарменного быта.

У ней такая маленькая грудь,
А губы, губы алые, как маки,
Уходит капитан в далекий путь,
Покинув девушку из Нагасаки.

Из Кзыл-Орды был и закадычный приятель Баскакова, тоже татарин, правда, я подзабыл его имя. Свою дружбу они скрепили наколками. У одного на ноге, на подъеме ступни, было вытатуировано «Они устали», у другого - «Они хотят отдохнуть».

Но за добродушием и улыбчивыми глазами Баскакова скрывалась мазохистская натура... Нет, Полищуку не устро-

или пятый угол, не заставили выполнять какую-то малопривлекательную физическую работу вроде мытья пола и «очков» в туалете, совершить трехкилометровый марш с надетым противогазом, не устроили «пятый угол», хотя именно таким образом предлагали наказать самозванца оскорбленные до глубины души деды.

3. ЭКЗЕКУЦИЯ

Местом наказания была выбрана ленинская комната, где замполит каждодневно заставлял нас конспектировать, а точнее, переписывать работы вождя мирового пролетариата, вроде «Трех источников и трех составных частей марксизма», по ходу рассказывая об исключительной выносливости китайских солдат, которые могут в пешем строю и при полном снаряжении преодолеть за сутки десятки километров.

Баскаков отмел все предложения, которые сыпались от дедов, как из рога изобилия.

- Никакой присяги, никакого насилия, - заявил он, выступая в роли прокурора, адвоката и судьи в одном лице.

Под присягой Баскаков имел в виду посвящение новобранцев в солдаты. Дед-исполнитель стегал их солдатским ремнем по разу по мягкому месту, и ритуал считался завершенным. В случае же с Полищуком, если учесть степень гнева дедов, ритуал мог бы затянуться надолго.

- Есть один способ, - Баскаков зачитал приговор, - безболезненный, без физических нагрузок, но наказание будет страшнее, чем самое оголтелое мордобитие.

Заинтригованные деды гурьбой хлынули за Баскаковым в ленинскую комнату. Полищук понуро последовал за ними, а притихшие новобранцы провожали его сочувственными взглядами, высунув обритые головы из-под одеял. А кто-то из них, возможно, испытывал

Но вот деды уселись в ожидании экзекуции, перебрасываясь репликами, мол, какой сюрприз замыслил Баскаков. Странная это была картинка: малорослый Баскаков помыкает эдаким детиной, который был выше него на две головы. Вероятно, у Полищука мелькала мысль: попадись ты мне на гражданке, прихлопнул бы, как муху. Но в те мгновения он смотрел на своего палача с ужасом, ожидая если не четвертования, то, во всяком случае, прогона через строй дедов, вооруженных шпицрутенами - солдатскими ремнями.

Баскаков установил посреди комнаты табуретку.

- Полезай на табуретку! - приказал он.

Полищук недоуменно пожал плечами, но приказ Баскакова исполнил. Деды тоже недоумевали. Полищук, взобравшись на табуретку, напрягся в ожидании какого-нибудь физического воздействия. Баскаков же, сунув руки в карманы (одно из привилегий дедов, как и расстегнутый ворот гимнастерки), медленно обошел табуретку.

- И все, что ли? - разочарованно выдохнул кто-то из дедов.

- А теперь смотри на лампу, - Баскаков кивнул на горящую электролампу, подвешенную плетеным проводом к потолку.

Полищук послушно повернул голову к лампе, которая висела почти на уровне его глаз.

- Дуй на нее! - приказал Баскаков.

- Дуть? На лампу? - все так же, не понимая, чего хочет от него Баскаков, переспросил Полищук.

- Тебе сказали, дуй на лампу, и все тут, - уже не скрывая смеха, повторил Баскаков.

Полищук дунул на лампу и вопросительно повернулся к Баскакову, мол, что дальше.

- Дуй дальше! - не выдержав, захохотал Баскаков. - Дуй, пока лампа не потухнет.

В ответ раздался дружный хохот. До дедов, наконец, дошел иезуитский замысел Баскакова.

- Давай дуй, салага! - закричали они хором.

Сколько продолжалась бы эта экзекуция, сказать трудно - деды были настроены решительно, поскольку этот самозванец покусился на самое святое - привилегии дедов, которые он не заслужил.

Наконец, спустя некоторое время, в нем то ли разыграло оскорбленное самолюбие, то ли его легкие устали выдыхать воздух, он перестал дуть и не глядя на дедов, попросту плюнул на лампочку. В этом плевке сосредоточилась вся его ненависть к дедам - за их дьявольские забавы, к самому себе - за перенесенные минуты унижения. Он плюнул с такой яростью, что лампочка лопнула с треском, и стеклянные осколки брызгами разлетелись по комнате.

В комнате установилась темнота и тишина.

- Ну, наконец-то, сам догадался! - прервал тишину кто-то из дедов, которые сами уже были не очень рады чрезмерно садисткому наказанию, идея которого исходила от их главного балагура и певца, и в этом возгласе даже послышалось

некоторое облегчение.

- Зато теперь будет знать, что нехорошо обманывать людей, тем более нас, дедов, - резюмировал Баскаков. - Обман, он, рано или поздно, все равно откроется.

4. КАК СВИНЬЕ ЧИСТИЛИ ЗУБЫ

Среднеазиатский военный округ, который охватывал Казахстан, был отделен от ТуркВО и стал самостоятельным округом в период советско-китайского конфликта в 1968-1969 годах. В округ перебрасывались войска из других регионов. Баскаков и его приятель год служили в туркменской Кушке. О службе в Кушке напоминала татуировка на предплечье Баскакова - каменный крест с изображением меча посередине. Памятник был установлен еще в царские времена - в честь 300-летия династии Романовых - и служил напоминанием афганцам и другим южным соседям о могуществе северной империи.

По словам Баскакова, по сравнению с дедами, с которыми служил в начале своей службы, он сущий ангел. Именно в год его призыва вышел закон о сокращении срока срочной службы с трех лет до двух.

- Я обрадовался, - рассказывал «сущий ангел». - Ну, как же, готовился отбарабанить в армии три года, а тут такой закон вышел. Но лучше бы этого закона не было!..

Новобранцы окружили койку, на которой восседал Баскаков, перебирая струны на гитаре, чтобы послушать его дивную песню о девушке из Нагасаки и байки о тяжелой доле молодых солдат, которые вселяли смятение в их и без того растревоженные души. Тем не менее, они с открытыми ртами слушали Баскакова - он был не только душевным певцом, но и превосходным рассказчиком.

Деды, прознав, что призыв Баскакова будет служить всего два года, буквально озверели. Как-то Баскаков провинился перед дедами. По его словам, им просто нечего было делать и, по закону подлости, именно в этот момент Баскаков и его сослуживцы по призыву попались дедам на глаза. Они чинно сидели на скамейке и, смоля сигареты, вели неторопливые дембильские беседы. Появление новобранцев пробудило в них творческие начала. Заговорщически переглянувшись, они кликнули их и велели принести зубную щетку и зубной порошок. Не доумевать салагам не позволялось. Баскаков побежал в казарму, строя по пути догадки, какую

пакость надумали деды.

Деды повели новобранцев в загон, в котором держали хрюшек - для кулинарных нужд полка. Поход в свинарник, в общем-то, особо не расстроил новобранцев. Его чистой они занимались регулярно - и в дни дежурств взвода, и по случаю получения нарядов вне очереди. Поэтому новобранцы сразу же кинулись за лопатами и ведрами, но деды остановили их.

- Будете чистить зубы вот этому малышу, - сказали они, указывая на поросенка, который прискакал к ограде и нагло хрюкал, требуя чан наваристого борща. «Ишь какой шустрый! - подумалось новобранцам. - Мы и сами не прочь заполнить свои желудки, хотя бы ломтем черствого хлеба».

- Зубы у свиней должны быть здоровыми и чистыми, - прервал безмолвную беседу салаг поросенком один из дедов. - Вы согласны? Тогда они и жрать будут хорошо, а, значит, и расти будут быстро.

Деды заготовали над своим остроумием, а новобранцам ничего не оставалось, кроме как состроить улыбку в ответ.

- Тогда хватайте поросенка, - скомандовал дед, - а ты, салабон, заправляй щетку и - вперед, за родину!

Новобранцы кинулись ловить поросенка, но поросенок был резвый, и поймать его было не так просто.

- У-у, салаги! - ржали деды из-за деревянной ограды, которой по всему периметру был обнесен свинарник. - Совсем зажрались и обленились, не можете поймать какого-то дохлого поросеночка! Пахать вам надо, пахать!

Наконец, новобранцам удалось схватить поросенка... Он так визжал, что хотелось прибить его и зажарить с картошкой. Баскаков присел на колени, чтобы приступить к выполнению наказа дедов. Но не тут-то было! Поросенок отчаянно извивался, дрыгая ножками и вертя головой, хрюкая на всю округу.

Сослуживцы навалились на животное всей массой своих тел и прижали поросенка к земле. Баскакову же оставалось открыть пасть поросенка и завершить, наконец, свою миссию, возложенную на него дедами. Но его неоднократные и неуклюжие, попытки не увенчались успехом.

К счастью, Баскакову в глаза бросился обрубок деревянного бруска. Он выхватил брусок и с его помощью разжалтаки пасть поросенка и вставил его между клыков. «Молодец! - похвалили деды. - А теперь вперед, за дело!».

Баскаков снова посыпал поверх щетки порошок и принялся водить ею по зубам поросенка. Поросенок, видать,

покорился неизбежному, даже перестал визжать и стойко перенес процедуру чистки зубов...

- Вот такие были дела, а вы хаеете нас, мол, мы злые и жестокие! - Баскаков, закончив воспоминания о днях туркменской «молодости», снисходительно похлопал сидевшего рядом новобранца по плечу.

- Не хаеет мы, не хаеет! - наперебой возразили мы.

- Хаеете, еще как хаеете, - все так же снисходительно сказал он. - И я хаял, разумеется, про себя. Если бы деды читали мои мысли, они бы, точно, придумали что-нибудь такое, по сравнению с чем чистка зубов свинье показалась бы увольнением в город.

Затем Баскаков стал перебирать струны на гитаре. Наверное, чтобы несколько подбодрить салаг, которые заметно приуныли от рассказов о его кушкинской «юности».

5. МАРШ-БРОСОК

В начале марта 1970 года автомобилисты батальона совершали 500-километровый марш-бросок. На таких маршах обкатывались и новые машины, и водители-новобранцы. Маршрут марша: Семипалатинск - Усть-Каменогорск - Семипалатинск.

Рота получила новые машины с датой выпуска - январь 1970, то есть машины поступили буквально с заводского конвейера. Но ехали без тяжелых, весом в десять тонн, понтонов, что значительно облегчало ход машин на марше.

В экипаж КрАЗ-255, помимо меня, включили Доброва, тоже салагу, призывавшегося из казахстанского города Талды-Кургана, и старослужащего Малахова.

Добров был худощавого телосложения, чуть выше среднего роста блондин. На занятиях по физической подготовке единственный в роте пробегал 1000 метров меньше чем за три минуты. По его словам, еще школьником он стал чемпионом области по бегу.

Малахов представлял собой колоритную фигуру. Выше среднего роста, широкоплечий, с золотыми фиксами, он выглядел гораздо старше своих двадцати двух лет. А запомнился он тем, что привез с собой из Кушки пендинку - заболевание, при которой на коже появляются долго незаживающие язвы.

Не знаю, то ли Малахов заразил меня пендинкой, то ли

один из комаров, которыми кишит в теплое время Прииртышье, сделал мне инъекцию вируса, но вскоре у меня тоже появились язвочка на бедре, сначала крохотная, затем она стала разрастаться вширь. Что интересно, в бане язва смывалась, и ранка будто исчезала, на ее месте оставалось розоватое пятно. Особой боли ранка не причиняла, лишь при соприкосновении с нижним бельем вызывала неприятные ощущения. Через некоторое время язва снова начала появляться и расширяться. Никакие мази, никакие перевязки, ни даже УВЧ-терапия особо не помогали. Она исчезла само собой с весенним потеплением. А через несколько лет, уже на гражданке, и от шрама не осталось и следа.

Ехали мы ночью - таковыми, вероятно, были условия марша. Даже для опытного водителя такие условия представлялись не самым легким испытанием. Тем более была метель, дорогу завалило снегом, и ориентировались лишь по красным габаритным огням идущей впереди машины.

Поводить машину Малахов давал нам, салагам, ненадолго. Не потому, что самому хотелось порулить. Комбат предупреждал, что дорога сложная, потеряешь колею, можешь надолго застрять.

Где-то глубокой ночью посередине пути объявили привал. Мы с Добровым поочередно заступали в караул по охране машин. А Малахов отправился к дедам, которые, скорее всего, организовали «Ташкент» в какой-нибудь машине техпомощи. После уютной и теплой кабины часовая прогулка вокруг машин с автоматом на плече казалась сущим адом, морозным адом. Даже за громадой машины невозможно было укрыться от жгучего ветра. Как ни кутался в шинель, как ни обматывал лицо полотенцем!

На марше валенки и тулупы не были предусмотрены, хотя в гарнизоне в сильные морозы часовым выдавали их. Они, конечно, спасали от 30-градусного мороза, но вряд ли - от какого-нибудь злоумышленника, который отважился бы проникнуть в охраняемый объект в столь лютый холод, поскольку эта сибирская одежда никак не способствовала проявлению часовым необходимой быстроты и ловкости при обезвреживании нарушителя.

Горячего ужина не было. Нам выдали промерзшую тушенку, чтобы вскрыть которую использовали топор. Топором же рубили хлеб, превратившийся на морозе в буханку льда. Так что ели мы ледяную тушеную свинину китайского производства, заедая ледяными ломтями хлеба. Правда, хоть чай давали горячий.

5. СОЛДАТСКИЕ РЕКОРДЫ

Командиром нашего отделения был сержант Сальников, призванный из соседней, Восточно-Казахстанской области. Он играл за хоккейную команду усть-каменогорского «Торпедо», которая выступала во втором дивизионе чемпионата страны. Никто не подвергал сомнению его слова по поводу хоккея. Саженого роста, он носил сапоги чуть ли не пятидесятого размера. Такие сапоги промышленность Семипалатинска не выпускала, и первые два месяца Сальников ходил в гражданской обуви. Сапоги же для него сшили по спецзаказу на местной обувной фабрике. Надо сказать, что армейские уставы предусматривали для таких гигантов двойной солдатский паек.

Однажды Сальников заявил, что сможет за раз опорожнить десять бутылок вина. «Да ладно заливать!» - высмеял его Баскаков. Сальников, по нашему табелю о рангах, был салагой, но Баскаков, да и другие деды побаивались этого гиганта, хотя он отличался поразительно мирным и спокойным характером, был абсолютно лишен всякого высокомерия по отношению к своим подчиненным. Даже команды его звучали как-то извиняюще, мол, надо, братцы, строиться, сами понимаете, служба. Тем не менее, мы охотно становились в строй.

Как-то на транспортном Урал-375 мы выехали за город - на строительство кошары - загона для овец. Накануне мы получили месячное денежное довольствие - по 3 рубля 80 копеек. Что можно было купить на солдатское довольствие? Если измерять сигаретами, получалось немало: больше шестидесяти пачек сигарет «Архар»!

Кутить мы не кутили, но на этот раз скинулись, чтобы купить те самые десять бутылок вина, которые пообещал выпить Сальников.

- Если выиграю, мне ничего не надо, - заявил он. - Эти десять пузырей для меня уже выигрыш.

- А если не выпьешь? - спросил Баскаков.

- Покупаю на все отделение столько же вина и по пачке «Примы» для курящих.

- Идет! - Баскаков и Сальников ударили по рукам.

«Прима» считалась среди солдат престижной маркой и стоила дороже «Архара» более чем в два раза. А вот вино, хотя и называлось благозвучно - «Солнцедар», было отвратительным и на цвет и на вкус. И как он собирается пить это пойло, думали мы, к тому же в таком количестве?

Но вот мы прибыли на место, где мы должны были строить кошару. Находилось оно в гористой местности. Ни деревьев, ни строений. Но воздух был чист и прозрачен до рези в глазах, не успевшая выгореть под солнцем трава колыхалась на свежем ветру - тут не кошару - санаторий бы устроить!

Не стану описывать, как мы таскали жерди и каменные глыбы для кошары. Все мы с нетерпением ждали обеденного перерыва, во время которого нам предстояло стать свидетелями рекорда, достойного книги Гиннеса...

Наконец, бутылки были открыты и расположены в ряд на столе, сбитоц овцеводами из горбыля.

- Ну, что, глотайте слюни, - подмигнул нам Сальников, приступая к установлению рекорда.

Он не мешкая поднес бутылку ко рту и, опрокинув назад голову, начал вливать вино в горло. Со стороны он выглядел эдаким буденновским горнистом, призывающим бойцов к атаке на врага. Сальников не пил и даже не глотал вино, он просто вливал его в свое горло, при этом кадык его даже не вздрагивал, как это обычно бывает при глотательных движениях. Мы с каким-то смешанным чувством восторга и изумления следили за тем, как опорожнялась одна бутылка за другой. Но не деды.

- Баскак, тормозни его! - чуть ли не панически выкрикнул кто-то из дедов. - Нам же ничего не останется!

- Вот черт! - проговорил изумленный Баскак, загораживая собой не опорожненные бутылки - Тормози, черт!

- Эй, парни, я еще не выиграл спор, - сказал Сальников, оттесняя Баскака от стола.

- Да выиграл ты, алкаш чертов! - выпалил Баскак. - Так ты все вылакаешь!!.

- То-то же, - засмеялся Сальников, затем, оглядев нас, молодых, добавил: - Ну, что, ребятишки, поглазели? А теперь за работу. Кошару надо достроить.

Он пытался держаться, но движения его становились медленней, язык стал заплетаться.

- Мне надо полежать, - сказал он захмелевшим голосом и поплелся нетвердой походкой к каменной ограде, у которой росла высокая густая трава, и вскоре оттуда послышался храп, из-за которого в казарме мы не раз испуганно просыпались и долго не могли понять, откуда здесь этот рокот танкового мотора.

6. ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ

Старший лейтенант Швыдкой командовал соседней, инженерно-технической ротой. Не знаю, правда это или нет, но говорили, что его отец был известный генерал, благодаря чему его не изгоняли из армии. А изгонять было за что. Швыдкой был отъявленным алкоголиком.

Как-то в военном городке Швыдкой шел навстречу мне. Я, естественно, приветствовал его, отдав честь.

- Здорово, - почему-то обрадовался он мне.

Иногда меня привлекали в штаб на писарскую работу, а потому был знаком с некоторыми из офицеров части.

Руки старлея слегка дрожали, чуть ниже небритого подбородка были видны три параллельные красные пунктиры, нанесенные, скорее всего, ногтями супруги, которая, видать, устроила ему Варфоломеевскую ночь. Наверное, не за то, что он был гугенотом или католиком.

Старлей, помявшись, сказал:

- Ты не мог бы занять мне рубль?

Я опешил. Как? Офицер с окладом командира роты в 145 рублей плюс 60 за три звездочки на погонах, хочет занять у рядового солдата с довольствием в 3,8 рубля! Эти цифры мне были известны еще с гражданки, когда районный военком агитировал призывников поступать в военные училища. Военком, явно хвастаясь, привел в пример свою зарплату: 220 рублей за должность и 110 - за две звезды подполковника.

Но вернемся к нашему старлею.

- Мог бы, - растерянно ответил я на его просьбу и машинально стал шарить в карманах брюк и гимнастерки.

Деньги у солдат не водились. Да собственно в них в армии особой нужды не было, будучи на полном обеспечении государства. Денежного довольствия хватало от силы на неделю. Покупали на него белый ситцевый материал для подворотничков, сигареты, сапожный крем, ну, иногда баловались пряниками - вот и все затраты.

Поиск в карманах дал не совсем плачевный результат - 50 копеек. Но глаза офицера загорелись.

- Отдам из полочки! - сказал Швыдкой, поспешно выхватывая монету из моей руки.

Это был добрейшей души человек. А, может, ему ничего не оставалось, кроме как быть добрым. Кто знает? Швыдкой, как поется в песне, был капитаном, который никогда не станет майором. Он дважды дослуживался до капитана, но

дважды был разжалован на ступень ниже - все из-за того же зеленого змия.

В смысле карьеры офицеры мало чем отличались от гражданских. Кто-то упорно шел к поставленной цели, упрятав в вещмешок маршальский жезл. Таковым был командир нашей роты Морозов. Именно он приезжал в Андижан, чтобы отобрать призывников для службы в инженерно-саперном батальоне. Тогда он был лейтенантом, но уже через полгода получил старлея. А когда наш призыв перешел в разряд дедов, он поступил в военную академию. Не сомневаюсь, Морозов дослужился до высоких чинов. Единственным его недостатком, если это можно назвать недостатком, была фраза-паразит, которую он вставлял едва ли не через каждое слово. «Вам следует уяснить, как говорится, что понтонная переправа обеспечивает, как говорится, наступление всей дивизии, поэтому необходимо, как говорится, возвести ее качественно и в срок, как говорится». Но это не мешало ему продвигаться по службе.

Комбат, майор Молотилин, также при нас был повышен в чине - до подполковника, прежде командовал дисциплинарным батальоном, где служили осужденные за уголовные преступления военнослужащие. Его тучная фигура, грозный взгляд из-под козырька фуражки наводили ужас на солдат и даже на офицеров. Мне довелось стать невольным свидетелем того, как он завел в штабную комнату, где я орудовал кистью на стенде, который предупреждал солдат, что «Болтун - находка для шпионов», одного из офицеров-двухгодичников, пришедшего на службу под шафе, и, выгнав меня вон, стал его воспитывать.

Каким было воспитание, можно было судить по звукам, раздававшимся из-за двери. Они напоминали глухие удары деревянного молота по клейкой массе отваренного риса при приготовлении корейского хлеба чальтток. Лишь с той разницей, что при производстве хлеба я ни разу не слышал такой оголтелой брани, которой комбат сдабривал физические замечания молодому лейтенанту.

7. «ЗАЧЕМ МНЕ КОФЕ И ЧАИ?»

В батальоне служили офицеры, призванные в армию, как и солдаты срочной службы, на два года. Это были, как правило, выпускники гражданских вузов. Одному из них комбат Молотилин и сделал то самое физическое предупреждение.

В качестве военврача в батальоне также служил офицер-двухгодичник, киргиз по национальности.

Дело было в марте, поезд вез нас на окружные учения, которые проходили где-то в районе города Отрара. Земля, деревья еще были покрыты снегом, по ночам стояли трескучие морозы. Ехали мы в теплушке, греясь у затопленной буржуйки и попивая горячий чай. Заваркой поделился тот же Баскаков.

- От себя отрываю, салаги, - сказал он, вынимая из вещмешка пачку черного индийского чая. - Пейте и благодарите Баскака.

Он вынул и вторую пачку - для приготовления чифирия, адского напитка, пришедшего в армейский быт из исправительных лагерей. Чифирь - пачка чая на кружку кипятка - варился долго. Когда напиток был готов, кружка пошла по кругу.

«Зачем мне кофе и чай?.. Чифирчик, чифирчик», - припевал Баскак, принимая кружку.

- Ну, ништяк! - восхищенно чмокнул он, отхлебнув из кружки и протянул ее мне. - Тебе как раз чифирь и нужен.

Еще до выезда на учения я сильно простудился, даже стоял вопрос о госпитализации в медсанчасть, но военврач, тот самый киргиз, осмотрев меня, заявил ротному Морозову: «Ничего страшного, завтра уже будет бегать, как савраска. Может ехать на учения». Так что мои мечты о больничной койке, на которой я смог бы отлежаться, отоспаться и вообще отдохнуть от всего того, что предлагают солдату в промежутке между подъемом и отбоем, не сбылись. Но в поезде самочувствие мое, вопреки пророчеству военврача, не улучшилось. Глядя на мое состояние, даже деды стали проявлять участие. Салагам не полагалось сидеть у буржуйки, мне же дали место, к тому же предложили глотнуть чифирия.

Чифирь был горячий, и я сделал малюсенький глоток. На вкус он был гораздо отвратительней, чем казался на вид. Несмотря на отвращение, я не выплюнул эту горькую жижу. Может быть, действительно поможет, мелькнуло в голове.

Спустя некоторое время я почувствовал действие чифирия. Бешено, чуть не выскакивая из груди, заколотилось сердце, голова заболела, как у Зевса перед рождением Афины. И никакого «кайфа», который обещал Баскак.

Ни микстуры, ни чифирь мне не помогли. К полуночи, когда все уже спали, мне стало хуже. Военврач, который вероятно, испытывал угрызения совести, отказав мне в госпитализации, всунул мне в рот термометр. Он показал 40 градусов.

Покачив головой, он сказал: «У тебя сильный жар, буду лечить тебя другим, народным способом» - и велел лечь у двери.

Он накрыл меня двумя шинелями, взятыми у спавших на нарах сослуживцев, и приоткрыл дверь вагона. В лицо ударил свежий морозный ветер. Давно бы так, подумал я, подставляя лицо ветру, который так приятно морозил кожу лица, что вскоре незаметно для себя я уснул...

Наутро, проснувшись, я чувствовал себя как новорожденный. Никакой головной боли, ни жара. До сих пор с изумлением и благодарностью вспоминаю этого киргиза-военврача и его морозотерапию.

Полигон, где должны были пройти учения, представлял собой гигантское степное поле с гористым ландшафтом. Наше отделение повезли на крытой транспортной машине далеко в глубь степи, где ровная местность сменялась холмами, порой высоченными. Не помню, сколько мы ехали, но вскоре нас оставили в открытом поле.

Командир роты пообещал вернуться за нами ближе к вечеру. Оставшись посреди нескончаемой степи, сплошь занесенной снегом, мы с тоской глядели вслед за отдаляющейся машиной. Она представлялась нам надежным и уютным убежищем в этом холодном неприветливом мире. Когда она исчезла за холмом, будто оборвалась нить, которая связывала нас с большой землей, казавшейся нам такой желанной и такой далекой и недоступной.

Сальников, однако, не был особо расстроен.

- Ну, что, ребяташки, - сказал он, - будем выполнять поставленную боевую задачу.

Нас рассредоточили по точкам в степи. Каждая точка - неглубокий окоп, вмещающий одного солдата. Окопы, вероятно, были подготовлены еще на предыдущих учениях. Оставив меня одного, командир повел солдат дальше, к следующей точке, которая располагалась в пределах видимости соседа. Мне оставили комплект тротильных шашек и детонаторов, провод и аккумулятор, при помощи которого я должен буду взорвать тротил. Этими взрывами мы должны были создавать имитацию боя. Правда, уходя, Сальников предупредил, чтобы я ничего не трогал и не предпринимал каких-либо действия: «Жди команды».

Накануне учений нас переучили на саперов. После занятий по установке противотанковых мин я благодарил бога, что попал в понотонную роту, а не в саперную. Представьте себе большое заснеженное поле, которое мы должны были

превратить в минное. За спиной автомат, на боку противогаз и саперная лопата, в каждой руке - по две противотанковые мины общим весом под сорок килограммов. Причем устанавливали мины ползком. Только поднимешь голову, командиры тут же окриком или, что хуже, тычком прижимали головы солдат в снег. Через каждые пятнадцать метров надо было выкопать ямку и установить мину. Шестидесять метров, которые нужно было преодолеть, показались шестидесятью километрами. Уже на середине дистанции нижнее белье взмокло от пота, чтобы охладиться, мы терли лицо и шею снегом...

На оттарском полигоне было солнечно, но холод все же пробирал насквозь. Особенно мерзли ноги. Вообще самое слабое место у солдата в холоде - ноги, хотя они были обернуты двойными портянками. Зимой они мерзли почти всегда, особенно в карауле, на стрельбищах.

Я попытался было устроить «Ташкент», но замерзшая трава мокла от спичечного пламени и никак не хотела разгораться, только зря израсходовал чуть ли не пол-коробки спичек. Чтобы согреться, ходил кругами, протаптывая дорожку вокруг окопа, но, когда снег по колено, особо не походишь, хотя, конечно же, чуточку согреваешься.

Никакой команды так и не поступило. Сальников с Баскаком, время от времени, обходя нас, ободряли, мол, потерпи, солдат, вечером приедет машина.

8. ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ...

К вечеру пальцы ног уже стали неметь, а желудочный сок непрерывно подавал сигналы, мол, если сейчас же, немедленно не подашь положенную на ужин жареную рыбу с картофельным пюре, ломтиком хлеба и кружку горячего сладкого чая, начну поедать стенки твоего желудка, мол, плевать я хотел на твои увещевания еще чуточку надо подождать.

Сухой паек нам не оставили, поскольку ужин предполагался в основном лагере, по возвращении с задания. А задание это, судя по всему, только и заключалась в ходьбе вокруг окопа и томительном ожидании машины.

В сумерках соседей уже не было видно, и нам оставалось только и кричать друг другу, мол, что нового, что говорит Сальников. Но командир отделения только отделивался успокоительными фразами, мол, машина уже едет, наверное, в такую темень блуждает где-то между холмов..

Дело шло к полуночи, ко мне пришел сосед, андижанский узбек Абдурахимов, одного со мной призыва. К тому времени я продрог окончательно и снова пытался «устроить Ташкент».

- Не мучайся, не загорится, - сказал он. - Был бы какой-нибудь обрывок бумаги, можно было хоть чуть-чуть подсушить траву, которой можно разжечь костер... А, знаешь, Баскак научил поджечь тротил.

- Тротил? Поджечь? - испугался я. - Он же взорвется к чертовой матери!

- Не взорвется, - рассмеялся Абдурахимов. - Я тоже так думал, но Баскак сказал, не взорвется... Горит плохо, больше копотит, чем огня, но горит, можно чуточку руки согреть. Ну, дай-ка мне шашку.

Тротил напоминал кусок хозяйственного мыла, такого же коричневатого цвета, такой же маслянистый на ощупь. Когда зкмляк чиркнул спичкой, я на всякий случай откинулся назад, закрыв лицо рукой. Андижанец рассмеялся и продолжил действие. Тротил и вправду загорелся, но его горение можно охарактеризовать поговоркой: «Светит, но ни черта не греет».

Попытался вздремнуть в окопе, кутаясь в шинель. Чтобы отвлечься от холода, вспоминал наименования городов, перечисляя их в алфавитном порядке, но замерзшие ноги побуждали предпринимать более существенные действия. Я разулся, чтобы помассировать пальцы ног. Стало немного легче, даже желудочный сок перестал сигнализировать, видать, все-таки сожрал кусочек стенки моего желудка и успокоился. На время.

Я отправился на точку к Абдурахимову. Старался идти медленно, хотя по глубокому снегу и так быстро не походишь. Надо было убить время, хотя бы до наступления утра. Днем все-таки спокойней.

Так и ходили всю ночь то к одному соседу, то к другому, пока, наконец, на востоке не забрезжила заря.

Машина приехала за нами только после полудня уже нового дня. Мы были голодные, холодные, злые. Старшина оправдывался, мол, всю ночь мотались по степи, но не смогли найти. Узнав о наших злоключениях, комбат пришел в ярость. Он схватил старшину за грудки.

- Под трибунал пойдешь!.. Не дай бог, если что-нибудь с ними случится!

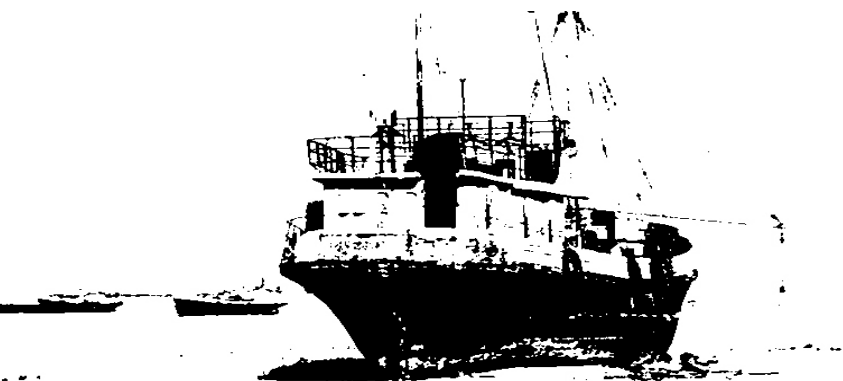
Досталось и ротному, и взводному. Потом комбат зашел к нам в палатку.

- А как вы думали? - хмуро сказал он, оглядывая нас по очереди. - А вы не смотрите, что это учения!.. Разве замполит не учил вас: тяжело в учении, легко в бою. Вот так-то... Вас хорошо покормили?.. Ну, сволочи, я им покажу ядрену вошь! Видите ли, заблудились в степи!..

Комбат все еще никак не мог успокоиться.

- Ладно, отдыхайте, - сказал он, выходя из палатки.

Несмотря на грозный вид, тяжелый взгляд и не менее тяжелую руку, комбат к своим солдатам, говоря словами поэта, «милел людскою лаской».

ПЕШКОМ ПО ДНУ АРАЛА

В середине девяностых прошлого века, когда все и вся было вывернуто наизнанку, когда перед населением неизбежно встал почти гамлетовский вопрос: «выживешь не выживешь», - люди бросились осваивать новые, доселе невиданные жизненные пространства, а если и виденные, то лишь в не отечественных фильмах, культивировавших чуждые нашим идеалам ценности. Кто-то с радостью осваивал «целину», будто всю жизнь только и мечтал получить путевку на стройки капитализма. А кто-то с опаской взлядывался в открывшиеся горизонты, напоминавшие быстро несущую свои мутные воды реку, в которую нужно было не просто нырнуть, но и доплыть до противоположного берега, огни которого призывно манили к себе...

Мне, родившемуся и выросшему на целинных землях Центральной Ферганы, освоение нового жизненного пространства не казалось страшнее, чем кульбиты в воды канала Шахрихан-сай, который был прорыт еще в XIX веке во времена кокандского хана Худояра. А учили меня плавать старшие товарищи, которые на неплановых летних занятиях по изучению родного края, хватали струсившего мальчика за руки и за ноги и, раскачав, на счет три швыряли в сай, мол, хочешь жить, выплывешь... А вслед ныряли сами - для страховки. Ну, и нахлебался я мутной водицы, прежде чем научился самостоятельно доплывать до спасительного берега!

После распада СССР в Узбекистан зачастили южнокорейские бизнесмены, ученые, журналисты и прочие искатели «кладов» на развалинах бывшей советской империи и Великого шелкового пути. Разумеется, им нужны были гиды-переводчики...

В начале 1995-го из Алма-Аты мне позвонил главный редактор «Коре ильбо» Со Ен Хван. «Южнокорейская телекомпания SBS хочет снять документальный фильм о Великом шелковом пути, - сообщил он. - Есть возможность подработать гидом-переводчиком съемочной группы от Красноводска до Алма-Аты. Как у вас с корейским?.. Ничего страшного, подучите - впереди еще два месяца. Зато вы знаете узбекский, знаете регион, а это большой плюс. Организаторы съемок просят разработать маршрут - он должен быть таким, чтобы южнокорейский зритель узнал максимально больше о наших республиках, их природных и рукотворных чудесах».

Предложение начальника было заманчивое - 70 баксов в день плюс полный пансион в течение месяца. Родным корейским я владел на уровне «твоя-моя», и внутренний голос сказал мне: «Ведь обложается!». Но в то время за 70 долларов можно было вполне сносно содержать семью в течение месяца. Так что пришлось мне большущим кляпом заткнуть рот внутреннему голосу и вооружиться русско-корейским разговорником, чтобы через пару месяцев подтвердить приписанное мне моими далекими потенциальными работодателями реноме.

Маршрут, предложенный мной, в SBS утвердили, и в назначенный срок я вылетел в столицу Туркмении, где меня

уже ожидал Сон Ен Хван, который, вероятно, так же был не прочь осваивать новое жизненное пространство. Кому-то, а уж ему сам бог велел быть переводчиком. Он родом из Сахалина, где до 1964 года насчитывалось более тридцати школ с корейским языком обучения, а при Южно-Сахалинском педагогическом училище функционировало отделение корейского языка, выпускником которого и являлся Со Ен Хван.

Сахалинские корейцы, которые составляли костяк «Коре ильбо», с их знанием корейского были в числе тех, кто, как никто, были востребованы в новые времена. Бывшая заведующей литературой и искусством Ри Ден Хи, например, была переводчиком у президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Бывший ответсекретарь редакции Юн Су Чан возглавлял группу переводчиков в южнокорейской корпорации «Дэу», которая построила в Узбекистане первый в Центральной Азии автозавод.

Из Ашхабада до Красноводска, который к тому времени уже был переименован в Туркменбаши, добирались на такси. Там, на берегу Каспия, мы и встретили южнокорейских телевизионщиков, прибывших из Баку на пароме. Они уже провели съемки в Турции, Украине, Грузии, Чечне, Азербайджане.

SBS (Seoul Broadcasting System) - сравнительно новая (создана в 1990 году), но почти сразу вошедшая в число крупнейших телерадиокомпаний Южной Кореи.

Съемочная группа SBS представляла собой автокараван из четырех внедорожников «Галопер» и грузового автофургона. Все машины были производства южнокорейского автогиганта «Хенде».

На обратном пути в Ашхабад и справа и слева виднелись юрты кочевников, в одну из которых мы и решили заехать. В юрте попробовали туркменской брынзы, приготовленной из козьего молока. Репортер мисс Ли, пытливая американка корейского происхождения, изъявила желание подоить козу.

Маленькая, тоненькая, большеглазая, мисс Ли одевалась странно, во всяком случае, по моим понятиям: рубашка, брюки, заправленные в не совсем летние сапожки, хотя южное апрельское солнце уже всюду разогревало пустыню. Наверное, комплектов такой одежды у нее

было несколько - для смены, но этот стиль она выдерживала и на песчаных барханах Каракумов в Туркмении, и на таджикской свадьбе в Самарканде, и на высокогорном перевале Тоо-Ашуу в Киргизии. Позже, когда отснятый фильм показывали по телевизору, я удивился, что она пришла в телестудию, куда ее приглашали для анонсирования очередных серий, в тех же сапожках и штанах, в той же рубашке, что носила весь период съемок. Лишь однажды, на съемках в старгородской мечети Ташкента мисс Ли явилась в длинном платье с длинными рукавами, обернув голову и шею платком - она была достаточно хорошо осведомлена об исламском этикете.

Но вернемся к нашей козе. Она, возможно и хотела, чтобы ее подоили, но приход незнакомых людей, направивших на нее странный, необычно огромный глаз, напугал ее, и она, отчаянно бляя, пыталась скрыться в стаде среди своих сородичей, и козопасу стоило немалых трудов схватить ее и буквально приволочь к месту доения.

Взрослые и детишки с любопытством разглядывали незнакомцев, нежданно ворвавшихся в их быт на невиданных в здешних краях машинах. Лишь старушка, вероятно, мать семейства, неодобрительно косилась на девушку, которая, сев на корточки и ничуть не смущаясь, тянула вымя козы. Старушке не нравилась эта картинка. То, что для нее было каждодневным занятием, жизненно важным занятием, превращают в забаву.

Мисс Ли все-таки выцедила несколько капель молока из вымени козы, которую держали два козопаса - один за рога, другой - за корпус, чтобы невзначай не брыкнула изнеженную хрупкую, по всему виду, отнюдь не сельскую жительницу, но старушка, не выдержав издевательства над животным, похлопала мисс Ли по плечу, мол, поиграла и хватит, и сама принялась доить козу. Коза, почувствовав прикосновение знакомых пальцев, перестала бляеть, и из вымени потекли в ведро струйки молока.

Тем не менее, мисс Ли широко улыбалась: капли и ее труда плещутся в чаше молока, которым сразу же угостили телевизионщиков.

В общении с кочевниками, которые неважно знают, если не сказать, совершенно не владеют русским языком, трудностей не было. Знание узбекского позволяло мне пони-

мать, хотя и не без труда, туркменскую речь. На русском изъяснялся лишь глава семейства, который участвовал в Великой Отечественной войне, но за десятилетия кочевой жизни в пустыне сохранил в памяти лишь слова из армейского быта, в особенности, его фольклорную лексику.

Ашхабад поразил малолюдностью и отсутствием торговли в магазинах. Большую часть продуктов жители получали по карточкам. На рынке, куда мы зашли, торговали лишь несколько человек. Да и в гостинице гостей почти не было. «Зато у нас люди не платят за газ и электроэнергию, - похвалялся чиновник из МИДа, которого приставили к нашей группе в экскурсии по городу. - И цены на основные продукты фиксированные, на много дешевле, чем в соседних странах».

Разумеется, не обошлось без посещения конезавода, где разводят легендарных ахалтекинцев. Кони, действительно, великолепные. За каждым из них ухаживает целая бригада конюхов. На одной из площадей Ашхабада высятся бронзовый конь, чьи потомки резвились на отдельном лугу и готовились бить рекорды, чтобы приумножать славу туркменских лошадей. Мисс Ли попыталась и здесь отличиться, попросив прокатиться на ахалтекинце. Но на этот раз ей отказали, мол, у лошадей есть специальный режим кормления, выездки, купания и прочих процедур, и выезжать их могут лишь подготовленные, знающие этих животных наездники.

Южнокорейские телевизионщики достаточно тщательно изучили маршрут своего следования. Неподалеку от столицы Туркмении находятся развалины легендарной Нисы - столицы древнего парфянского государства, о чем я не и подозревал, хотя считал себя достаточно сведущим гидом, хотя в течение двух предыдущих месяцев, помимо русско-корейского разговорника, моими настольными книгами были учебники по истории и географии Средней Азии. Так что в работе с южнокорейцами я способствовал не только росту благосостояния своей семьи, но и расширению границ своих знаний о крае, который до 1991 года целиком считал родным.

В Ашхабаде мы разделились на две команды. Команда «А», которую вел Со Ен Хван, отправилась на восток, в

город Мары, а оттуда - в таджикский Педжикент, который в античную эпоху был культурным центром Средней Азии. Я же повел команду «В» на север, к Аралу. Встретиться мы должны были уже в Самарканде.

Наш путь лежал через пустыню Каракумы. Караванная тропа была осовремененна, так что мечты о труднопроходимых барханах, на которые так рассчитывали южнокорейские искатели приключений, рассеялись о достаточно гладкий асфальт, который, правда, редко прерывался песчаными наносами. Но приключение все-таки случилось.

В пути по ориентировке местных пастухов мы поехали на съемки знаменитого в этих краях газового кратера. Никакой дороги туда не было, так что ехали уже по настоящей пустыне, преодолевая песчаные барханы, чему телевизионщики несказанно обрадовались. Более того, в пути одна из машин забуксовала в песке. Этот факт они, конечно же, запечатлели на камеру - дабы сохранить в памяти потомков о героическом преодолении одной из самых больших пустынь Евразии.

Попытки вытащить машину при помощи лопат и прочих подручных средств не увенчались успехом, наоборот, колеса все глубже уходили в песок. К счастью, спустя некоторое время наш проводник, а им был местный пастух, пригнал откуда-то грузовую машину. Урал-375 был старый, обшарпанный, с выгоревшей краской, но он легко вытянул застрявший «Галопер» и с такой же легкостью помчался дальше по барханам.

Внутри у меня вспыхнуло нечто похожее на едкую радость: мол, глядите, ведь это нашенская, советская техника! А то всю дорогу, сидя в салоне новенького, напичканного всякой электроникой, установкой искусственного климата внедорожника, сравнивая его с нашими УАЗиками и прочими газиками, было ощущение ущербности.

Кратер - огромная яма диаметром более полусотни метров и глубиной в двадцать метров. Яма действительно чем-то напоминала вулканический кратер, из которой извергается огонь. По словам местных жителей, некогда на этом месте геологи установили буровую вышку, но очень скоро она провалилась. Образовавшаяся гигантская яма внезапно загорелась, и вот горит уже третье десятилетие.

Горящий кратер - свидетельство несметных сокровищ,

таящихся в недрах Каракумов. И стало понятным, почему газ отпускают жителям Туркмении бесплатно.

Ночевали в юрте у местных пастухов. Тут южнокорейцы продемонстрировали туристическое ноу-хау (на то время) - палатки из полимерной ткани, натягиваемой на пластиковые дуги, современные спиртовки, на которых они готовили рамен. Но шашлык, приготовленный по старинке - на углях из саксаула, они ели с большим удовольствием.

Впрочем, как ни странно, но к режиму питания телевизионщики относились без особого рвения. Обедать могли вечером, а ужинать - глубокой ночью. А завтрак зачастую игнорировали. Хотя именно в полевых условиях, на природе аппетит просыпается зверский. Съёмки в основном проходили на натуре, при немалых физических нагрузках. Многочасовая езда в машине, пешие прогулки с камерами и продюсером, лихорадочные поиски в словаре проклятых слов, которых и слыхом не слыхал, - это тоже сказывалось на ощущениях наших желудков, моего желудка, во всяком случае.

Однако, когда дело доходило до еды, южнокорейцы заботились про этикет. В одной гостинице, где не было буфета, они достали из автофургона большую кастрюлю, поставили ее на газовую плиту, которая, к счастью, имелась в гостинице, и стали варить рамен, а когда он был готов, вывалили туда отваренную рисовую кашу паб и кимчи из пакетов. В общем, получился эдакий пищевой коктейль. Столпившись у кастрюли, каждый набирал в свою чашку и приступал к трапезе, кто где горазд - на стуле, на кровати, за столом.. Я тоже набрал себе похлебки, но, увидев, что мисс Ли сидит на стуле и отрешенно ожидает своей очереди, тут же предложил ей свою чашку.

Мисс Ли отказывалась, мол, подожду, но я все-таки всучил ей чашку, чем снискал ее благодарный взгляд. Позже она не раз напоминала об этом случае членам команды, мол, вы, сучьи отродья (кя-сяккидыри), набиваете свои пуза, совершенно забыв о единственной в компании женщине. Учитесь у учителя Кима, который оказался единственным джентльменом. Я, понятно, скромно отнекивался, мол, у нас это обычное дело...

В узбекский Хорезм прибыли ближе к вечеру. Еще при составлении маршрута я связался по телефону с местными органами власти, корейскими культурными центрами. В поселке Шават было создано совместное предприятие по производству зажигалок, где одним из учредителей был мой ташкентский приятель Эдуард Ки. Он сказал, что могу привести съемочную группу в любое время дня и ночи, и дал мне адрес дома местного жителя, у которого он жил.

И вот мы поздним вечером подрулили к воротам означенного дома. Каково было мое удивление, а еще больше - огорчения, когда на многократный стук никто не отозвался, не вышел.

«Вот я обложался!» - мелькнуло в голове. Всю дорогу я расхваливал приятеля, мол, деловой человек, гостеприимный товарищ. До сих пор все шло по намеченному плану, если и были отклонения, то совсем незначительные. Туркменскую часть маршрута прошли, можно сказать, успешно. И надо же, случилась вот такая неувязка. И где, в родном Узбекистане!

Я пребывал в полной растерянности, лихорадочно обдумывая свои дальнейшие действия. Есть ли в такой дыре гостиница, ресторан? Люди с дальней дороги, устали, проголодались. Вон, они о чем-то шушукуются между собой, не иначе осуждают меня, мол, что за гид-переводчик, который не может обеспечить ни питанием, ни ночлегом.

- Далеко отсюда до большого города? - спросил мистер О, продюсер фильма.

Мягкий, интеллигентный, разумеется, в диоптриевых очках, мистер О олицетворял собой интеллектуальную элиту Южной Кореи. Я не раз удивлялся его знаниям, а еще больше - его деликатности.

Я тоже продумывал вариант, высказанный мистером О, но в такой поздний час общепит уже не работает, а в гостинице такую ораву без предварительной договоренности вряд ли разместят.

Пока мы перекидывались безрадостными фразами по поводу сложившейся ситуации, к нам подошел мужчина-узбек, который вышел из соседних ворот.

- Так они еще вчера вылетели в Ташкент, - сказал он, - в министерство вызвали... А вы договаривались с ними?

- Договаривались, - ответил я упавшим голосом. - Эдуард сказал, что можем приезжать в любое время.

- А это кто? - спросил мужчина, кивая на телевизионщиков.

- Гости из Южной Кореи, фильм снимают.

- Гости? - переспросил он. - Значит, так, пошли к нам, будете моими гостями.

- Нас же много, - я попытался возразить.

- Ничего страшного, - ответил мужчина. - Гости моего соседа - мои гости.

Южнокорейцы изумились и обрадовались.

Словом, уже через некоторое время мы сидели за айваном, вкушая лепешки и сухофрукты, запивая их пахучим горячим чаем.

- Тут немного, - как бы извиняясь сказал хозяин, но немного потерпите, хозяйка уже начала варить маставу, рисовый суп. - Потом, обращаясь к сыну: - сходи к соседям, они сегодня вечером пекли лепешки, попроси штук десять, скажи, что для гостей, завтра же вернем.

Гостеприимный хозяин не только вкусно и досыта накормил нас, но и устроил на ночевку в местную гостиницу, наотрез отказавшись от денежного вознаграждения, которое гости пытались всучить ему.

- Вы же гости! - с удивлением сказал он.

Южнокорейцы были в шоке.

- Наверное, богач какой-нибудь, - предположил один из волонтеров.

- Судя по мебели, не скажешь, - сказала мисс Ли. - Но какое это имеет значение? Он пригласил к себе домой совершенно незнакомых людей и только потому, что они приехали к его соседу, а его не оказалось дома! Он одолжил у соседей хлеба, чтобы накормить столько человек. Где еще такое возможно?

Арал. Мы ехали по дну бывшего моря, лавируя между кустарников и прочей пустынной растительностью, которой разрослась эта соленая земля, колеса внедорожников то и дело проваливались в многочисленные ямки, хорошо, не настолько глубокие, чтобы машины могли застрять. Но если вы решитесь ехать по такому бездорожью, то лучше натошак, иначе тряска вытрясет все содержимое желудка, а, может, вместе с самим желудком.

Глаза у телевизионщиков горели. Это будет эксклюзивный репортаж, до них еще никто из южнокорейцев не

бывал у моря, о трагедии которого не знают разве что индейцы Перу из племени кампо, которые до сих пор добывают пропитание луком и стрелами.

Заржавевшие рыболовецкие шхуны понуро стояли посреди песков, напоминая о том, что здесь еще несколько десятилетий назад плескались воды четвертого в мире по величине внутреннего моря.

Съемки растянулись на целый день, в поисках нужных кадров оператор блуждал между кустарников, поднимался на холмы, вглядываясь в солоновато-серый горизонт. Мы, естественно, сопровождали его весь этот путь и ушли достаточно далеко от поджидавших возле шхуны машин.

Возвращались ближе к вечеру. Оператор, крупный, упитанный мужчина лет сорока, дымя сигаретой, перекидывался с мистером О незначительными фразами. Но теперь уже был налегке - камеру он всучил своему ассистенту. Впрочем, все мы были налегке, кроме ассистента оператора, парня лет двадцати пяти и не самой выдающейся комплекции. Он нес в руках камеру, штатив, а за спиной - большущий рюкзак - с аккумуляторами, кассетами и прочим инвентарем телевизионщика.

Движимый лучшими побуждениями, дабы несколько облегчить нагрузку ассистента, я буквально отобрал у него камеру, поскольку он отчаянно сопротивлялся. Но тут подошел мистер О и, мягко взяв меня за локоть, отвел в сторону и заговорил:

- Видите ли, учитель Ким (сонсянним - так ко мне обращались члены команды, вероятно, учитывая мой возраст и профессию), у нас строго соблюдается служебная иерархия, у каждого свои обязанности и каждый должен строго выполнять их. Ношение всей этой аппаратуры входит в обязанности ассистента, что он и делает.

- Все мы проделали одинаковый путь, одинаково устали, - возразил я, - и, наверное, нет ничего зазорного, что я хочу помочь молодому человеку.

- Если бы это был просто выезд на отдых на природу, я бы сам помог ему, - ответил мистер О, - но сейчас мы на работе, а на работе каждый должен выполнять свои обязанности в полном объеме, иначе мы не добьемся нужного результата.

- Я в его годы тоже возился, и не с такой тяжестью, - усмехнулся подошедший оператор, - Придет время, он

станет оператором, у него будет свой ассистент, который будет носить за ним камеру и рюкзак.

Вот такая разница выявилась в менталитете между людьми одной крови, но родившихся и воспитанных в разных общественно-политических формациях.

Я, конечно, не согласился с ними, хотя уже не стал бы ругаться за то, что был прав в своих побуждениях. Вполне возможно, они правы, может быть, именно в этой жесткости в рабочих отношениях между собой кроется секрет южнокорейского экономического чуда?

Спустя несколько месяцев я вылетел на языковую стажировку в Сеул. Узнав об этом, телевизионщики SBS пригласили меня в ресторан, одарили всякими сувенирами, передали кассету с документальным фильмом, который уже вышел в эфир. Посмеялись над забавными происшествиями, которые случались во время съемок. Вспомнили и этот случай с камерой. Ассистент по возвращении из съемок действительно был повышен в должности - до оператора. Вероятно, его работу оценили по достоинству.

- Ну, что, теперь, небось, сам грузишь своего ассистента? - спросил я.

- Нет, я не загружаю его, - смущенно улыбнулся он.

- Загружает, да еще как! - рассмеялся мистер О.

Об авторе

Из книги «Краткие очерки
о выдающихся корейцах
Узбекистана». Ташкент,
«Истиклол», 2009

ХРАНИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ И ТРАДИЦИЙ

Немногословный и несуетливый, не выделяющийся на фоне праздной толпы ни броской одеждой, ни манерами преуспевшего и добившегося видимых результатов жизненного успеха любимца Фортуны, именно Брутт Ким, может быть, как никто другой, своей профессиональной деятельностью не только обогатил культуру корейской диаспоры Узбекистана в целом, но и сделал практически все возможное и невозможное для сохранения в нашей памяти ее прошлого - истории, знаменательных событий и биографий героев...

Кто же он и какой он, хранитель времени и традиций?

Наша справка:

Родился 31.10.1950 года в поселке Боз Андижанской области

1969-1971- служба в армии

1973-1978 - учеба в ТашГУ

1975-1977 - корреспондент газет «Ташкентский университет», «Крылья Востока»

1978-1997 - собкор межреспубликанской корейской газеты «Ленин кичи» по Узбекистану

1997 - главный редактор газеты «Коре синмун»

Автор книги «Кто мы?» (Сеул, 1989), на корейском языке. Это первое в бывшем СССР издание, посвященное советским корейцам и опубликованное в Южной Корее. Русское издание, переработанное и дополненное, вышло под названием «Ветры наших судеб» (Ташкент, «Узбекистан» 1991 г.)

Автор справочного издания «Корейцы Узбекистана. Кто есть кто» (Сеул, 1999 г.)

Составитель - ответственный редактор книг:

- «От Тумангана до Сырдарьи» (Ташкент, изд-во журнала Санъат», 2007)

- «Мучнистые росы корейского Ренессанса» (Ташкент, изд-во журнала «Санъат», 2007 г.)

- «Ариран-1937» (Ташкент, изд-во журнала «Санъат», 2008).

Награды:

Медаль «За трудовое отличие» (1988)

Лауреат премии Союза журналистов Казахстана (1989)

Почетные грамоты Президента Республики Корея (2002, 2005)

Общественная деятельность:

Член Консультативного комитета по мирному объединению Кореи (1999-2005)

Член президиума совета АККЦ Узбекистана (с 2000)

Семья:

Супруга, Ким Чун-Чжа, 1958 года рождения, выпускница ТашГУ, многие годы работала корректором в газетах «Комсомолец Узбекистана» и «Народное слово», преподавала в ТПГИ имени Низами. В последние годы - преподаватель корейского языка в ташкентских школах №№ 47 и 266.

Сын, Вилен, 32 год, директор ООО «Eurasia Vision».

Дочь, Жанна, 27 лет.

Сын, Роман, 22 год, студент Сеульского национального университета.

1. ИСТОКИ

Испепеляющие лучи солнца, казалось, плавили мозг, проникали в самую душу. Песчаные барханы перемежались с солончаками и камышовыми зарослями, а по ночам выли шакалы, лисы устраивали набеги на курятники.

Вот такая, далеко не романтическая реальность предстала перед первоцелинниками, которые в конце сороковых годов прошлого века прибыли осваивать солончаки Центральной Ферганы. В состав целинного Бозского района вошли и два корейских колхоза, созданных переселенцами из других районов Андижанской и Ташкентской областей, а также Талды-Курганской области Казахстана.

Названия им были присвоены в соответствии с духом того времени: «Сталинская пятилетка» и имени Андреева, люди же называли их просто: «Пятилетка» и «Андреевка».

Я родился в Андреевке, вторым ребенком в семье. Старшему брату отец дал имя Ксеркс, второму, то есть мне, - Брутт. Уж где-где, а в именном словотворчестве корейцы того поколения изощрялись по максимуму: Гранит, Аполлон, Ревмир, Тракторина, Мэлс, Вилор, Океан. Позже родители несколько протрезвели от словотворческого угара. Отец, наверное, хотел бы еще пофантазировать над именами своих детей, но мама, которая очень редко оспаривала его решения, после рождения третьего ребенка категорически воспротивилась, и последующие дети получили уже обычные имена: Светлана, Роман, Вера, Надежда.

По рассказам тети Раи, старшей сестры отца, наши предки были родом из приграничного северокорейского городка Кенхын, расположенного на правом берегу реки Туманган. Прадеда звали Ким Чи Еном. Ему было шесть лет, когда его отец (его имя тетя Рая не знала) перешел с ним на российский берег Тумангана.

Дед, Роман Николаевич, родился уже в России, в Посьетском районе Приморской области, в 1894 году. В первую мировую служил в конной разведке, участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве. По словам моего отца, дед был награжден двумя георгиевскими крестами, умел лихо скакать на лошади, выполняя приемы джигитовки. По возвращении домой работал портовым экспедитором, председателем сельсовета.

Бабушка, Хан Татьяна (1894-1962), была из зажиточной семьи, державшей несколько торговых лавок.

После переселения 1937 года семья попала в Казахстан, в Каратальский район Талды-Курганской области. Дед возглавлял правление колхоза имени Максима Горького. К тому времени у него было четыре дочери, три сына и три внука. После смерти деда (1946) бабушка вместе со своими чадами в поисках лучшей доли подалась в Узбекистан, в целинный Бозский район...

Корейская община района была одной из наиболее крупных в Андижанской области. Пик ее численности пришелся на 70-е годы прошлого века, когда она насчитывала 130 семей. Вначале большинство корейцев занимались

рисоводством. Потом, когда хлопок вытеснил рис, корейцы стали переселяться в райцентр.

Отец мой, Иннокентий Романович Ким (1923-1986), как и все трудоспособные корейцы, в войну отбывал повинность в трудовой армии. В 1942-45 годах работал на шахте № 54 треста «Ленинуголь» (г. Караганда).

В 1950-1986 годы, то есть до конца дней своих он работал в Бозском райкоме партии - помощником первого секретаря, заведомом, председателем парткомиссии. А еще преподавал математику в вечерней школе.

Отец занимал видное место в негласной иерархии бозских корейцев, но семью нашу нельзя было отнести даже к категории семей среднего достатка - шестеро детей довольно часто сводили этот достаток на нет.

Мама, Ли Орсен (1926-2008), была портнихой в районном ателье. Но больше шила на дому, в основном - кители и галифе, которые были в моде среди руководителей колхозов, бригадиров, работников районного масштаба.

В 60-70-е годы вузовские дипломы стали основным критерием при выдвижении на руководящие должности. А на селе еще были председатели колхозов, бригады даже без среднего образования. Благо, в вузах тогда существовала система заочного и вечернего образования. Отец был для таких людей своего рода палочкой-выручалочкой. Он писал для них курсовые и дипломные по математике, физике, истории КПСС, философии, политэкономии... Деньги за работу брал редко, а так отмахивался: «С тебя хватит пол-литра»... Но люди все-таки стремились хоть как-то отблагодарить его.

Когда по поселку пронесся слух, что отец женит старшего сына, к нам домой пришли аксакалы во главе с Алим-ака - бывшим председателем колхоза «Ленинчи».

- Слышали, сына женишь? - спросил Алим-ака.

- Женю, - сказал отец.

- Ну, и как собираешься свадьбу справить?

- Как все справляют, так и я справлю! - с гонором ответил он. - Думаете, не смогу?

К тому времени двое детей учились в вузах, еще двое заканчивали школу, а потому у отца болела голова от материальных проблем. Аксакалы догадывались об этом.

- Сможешь, сможешь! - улыбнулся Алим-ака. - Но ты же не простой человек... Гостей будет - весь район, так

что один не потянешь... Твои гости - наши гости... В общем, мы тут посовещались... «Ленинчи» обещает двух баранов выделить, «ХХ партсъезд» - мешок риса...

2. УРОКИ ЖИЗНЕННЫЕ И ШКОЛЬНЫЕ

Как-то мы, пацаны, маялись от безделья. Кто-то из ребят увидел на земле кусок засохшей лепешки и пнул его, как бы предлагая нам поразмяться. Я перепасовал сухарь третьему. На этом наша «разминка» закончилась. Я вдруг почувствовал сильную боль в области уха. Проходивший мимо седобородый узбек, увидев, каким «мячом» мы играем в футбол, тут же схватил первого попавшего под руку пацана за ухо. Сильно дернув за ухо, старик обозвал меня нехорошими словами. Потом подобрал сухарь, сдунул с него пыль, протер рукавом рубашки и бережно положил за пазуху. «Больше никогда не делайте этого! - бросил он нам вслед. - Это же хлеб!».

Тогда мне было больно и обидно до слез. Но с годами я стал понимать гнев и возмущение этого старика. Для узбеков хлеб - это святое. Недаром они клянутся хлебом. Выражения «Худо урсин» («Пусть меня накажет бог») и «Нон урсин» («Пусть меня накажет хлеб») по существу синонимичны.

Но маялись поселковые подростки от безделья не так уж часто. У них уже появились запросы, которые семья не могла удовлетворить, и летом они подряжались работать к рисоводам, чаще к узбекам или таджикам. Они охотно брали корейских ребят на прополку, считая, что они хорошо отличают рис от сорняка. К нам присоединялись друзья-одноклассники других национальностей.

Работа была адская - с 8 утра до 6 вечера под колено в воде под палящим июльским солнцем! Зато и оплачивалась она прилично, разумеется, по меркам того времени - 6-8 рублей за день. И осенью, когда начинался учебный год, мы дефилировали по главной улице поселка в нейлоновых рубашках, которые только-только входили в моду, и вьетнамских кожаных туфлях в надежде вызвать зависть парней и восхищение девушек...

Нам был лет по 13, когда на побывку из школы-интерната приехал бывший одноклассник. На первой же встрече он вынул из кармана пачку сигарет и закурил... Мы, конечно, и до этого случая баловались курением, но не

так серьезно. Одноклассник всем своим видом показывал, как мы отстали от него, какие мы слабаки, словом, колхозники!.. Козырял он и новыми, будоражившими слух словами типа «кент», «кирять», «балдеть», «чувиха». В общем, он «убил» нас. Мы знали, что курить это нехорошо, но никто не хотел выглядеть колхозником... К сожалению, курение со временем превратилась в привычку, от которой и рад бы отделаться, но до сих пор не могу.

Леонид Тен, который был старше меня лет на восемь, вернулся из службы в армии, где стал чемпионом округа по настольному теннису, и этот вид спорта надолго стал в поселке едва ли не самым главным. Увлекались и футболом. Сначала была дворовая команда, потом школьная. А после армии я даже играл за районную команду. Потом, будучи собкором «Коре ильбо» играл за сборную собкоров на турнирах с участием редакций столичных газет.

На весь район была одна русскоязычная школа - школа № 22. Большинство ее учащихся, как и, впрочем, учителей, составляли корейцы.

Первым директором был украинец Иван Петрович Ноженко - инвалид финской войны. Он преподавал русскую литературу, любил декламировать Пушкина, Лермонтова. Однажды прочитал нам Тараса Шевченко на изумительном языке оригинала: «Як умру, то поховайте»... Я тех пор, как услышу украинскую речь, вспоминаю нашего учителя... Уроки ветерана финской войны не прошли даром. Я начал писать стихи, посвященные главным образом, девушке, учившейся классом ниже... Потом наступила проза жизни, и поэтический зуд прошел, как проходят корь и скарлатина. Но тяга к слову осталась на всю жизнь.

3. ПРОФЕССИЯ

В детстве мне всегда чудилось, что там, за границей поселка, открывается новый, неведомый мир. Большой Мир. И во мне всегда подспудно жило желание выйти в этот мир, познать его, окунуться в его водоворот. Потому, наверное, меня не прельщали «сидячие» профессии. Хотел стать моряком, геологом, словом, мечтал ездить, мотаться по миру. Наверное, эта склонность, и привела меня, в конечном счете, в журналистику.

Хотя от отца я унаследовал другую склонность - к точным наукам. Даже побеждал на районных математических

олимпиадах, участвовал на областных.

Но судьба повела меня по другой стезе. До армии работал учителем (!) русского языка в узбекской школе, маляром на стройке, слесарем автоколонны, а после армии - техником райводхоза.

Служил в Семипалатинске (Казахстан) в инженерно-саперном батальоне. Никто из нас, во всяком случае, солдат срочной службы, даже не подозревал, что неподалеку от нас испытывали ядерное оружие. Об этом я узнал лишь два десятилетия спустя.

Через год комбат подписал приказ о предоставлении мне отпуска на родину - за оформление Ленинской комнаты, как назывались в армии красные уголки. Мысленно я уже отмечал свое 20-летие в родном Бозе, но сослуживцы, по сложившейся традиции, скинулись на выпивку и выпихнул меня за забор нашей воинской части: мол, надо же обмыть и отпуск, и день рождения. На беду, именно в тот вечер рядом с гражданским гастрономом дежурил военный патруль, который отвез меня не на вокзал, откуда на завтра я должен был отправиться в отпуск, а в военную комендатуру... Так что попал я домой только через год, уже по приказу министра обороны о демобилизации.

После службы в армии был нештатным корреспондентом «Андижанской правды». А во время учебы в ТашГУ - по настоянию преподавателя Ф. Нестеренко - стал работать в университетской многотиражке, из-за чего на третьем курсе перевелся на заочное отделение. Я благодарен Феликсу Петровичу за приобщение к основам газетного дела.

Но по-настоящему журналистика для меня началась в годы перестройки, когда появилась возможность сказать что-то свое, искать и находить свой путь...

За тридцать с лишним лет в журналистике было множество удач и не меньше - неудач и разочарований... В рамках подписной кампании была, к примеру, поездка в один из наманганских совхозов. Его директор, узбек по национальности, подписался на «Ленин кичи», подавая пример корейцам, занимавшимся в совхозе луководством и наотрез отказывавшимся подписывать свою, корейскую газету.

В 90-х была работа над справочником «Корейцы Узбекистана. Кто есть кто».

В 1997 году ездил в Приморье на съемки документального фильма, посвященного 60-летию депортации корейцев. Со мной поехал Ким Гым Нян, к тому времени уже известный кинооператор, лауреат Государственной премии имени Беруни. Мы посетили бывшие корейские деревни - Корсаковку, Пуцциловку, проезжали Шкотово - родину моей матери, а в Хасанский район - родину моего отца - нас не пустили - пограничный режим...

Археологи нашли даже Трою, которая существовала несколько тысяч лет назад. А корейцев депортировали из Приморья всего лишь несколько десятилетий назад. А следов их более чем 70-летнего пребывания там практически не осталось...

Газета «Коре синмун» была выстрадана на протяжении многих лет. Еще в бытность собкором «Коре ильбо» мечтал создать газету, но реализовать мечту удалось лишь в 1997 году. Не могу не сказать о тех, кто поддерживал и поддерживает «Коре синмун». Это и Бахром Гафурович Кадыров, и Ефрем Харитонович Ким, и Валерий Алексеевич Лян, и Аркадий Константинович Ким, и Владимир Николаевич Шин, и Сергей Сергеевич Ким, и Григорий Сидорович Цой, и Анатолий Владимирович Ким, и многие другие. Большую поддержку оказывают активисты наших культурных центров. Неоценима помощь южнокорейских учреждений: посольства Республики Корея в Узбекистане, Фонда прессы, Фонда зарубежных корейцев.

«Коре синмун» в силу различных обстоятельств не стала такой, какой хотелось бы видеть ее. Но как бы то ни было газета существует, ее ждут, ее спрашивают. А это значит, что мои усилия не напрасны.

Мне посчастливилось общаться, брать интервью у таких замечательных людей, как кинодокументалисты Малик Каюмов и Ким Гым Нян, прославленные колхозные вожаки Хван Ман Гым и Терентий Васильевич Эм, художник Николай Шин, победившая судьбу жительница Ферганы Ада Кан, авиатор Анатолий Ли, писатель Анатолий Ким, президент Республики Корея Ким Ен Сам, когда он был еще главой оппозиционной партии, президент южнокорейской корпорации «Daewoo» Ким У Чжун, южнокорейские литераторы Син Дюн Син (первый зарубежный автор романа о советских корейцах) и Ли ЕнЧер...

Были встречи с сотнями, тысячами других людей, из-

вестных и безвестных. Каждая такая встреча не только обогащала меня новыми знаниями, но и заряжала новой энергетикой, новыми идеями. И я не жалею, что, ступив однажды на тернистую тропу этой профессии, даже в переломные моменты жизни, не свернул на другую дорогу. Я был и остаюсь газетчиком. Это мой крест, моя судьба.

4. КЛУБ «АРИРАН-1937». НОВЫЙ ЭТАП?

Я и в прежние годы пытался освоить беллетристику. Мои небольшие рассказы в разные годы печатали журналы «Звезда Востока», «Узбекистан», «Коре сарам». Последний издавался в середине 90-х годов в Ленинграде. Но тогда это было занятие как бы между делом, как хобби. Сейчас, кажется, это посерьезней.

2008 год для меня весьма запоминающийся по той причине, что был, несмотря на сложные личные обстоятельства, весьма плодотворным...

В период с сентября 2007-го по апрель 2008-го выпустил три книги: фотоальбом «От Тумангана до Сырдарьи», сборник «Мучнистые росы» корейского Ренессанса и литературно-художественный альманах «Ариран-1937».

Фотоальбом «От Тумангана до Сырдарьи» приурочен к 70-летию проживанию корейцев в Узбекистане.

«Мучнистые росы» корейского Ренессанса» - это собрание наиболее важных моих статей и очерков, опубликованных в газетах «Коре ильбо» и «Коре синмун» в 1989 - 2007 годах.

Сказать, что это летопись корейской диаспоры Узбекистана, будет, пожалуй, слишком громко, но в своих публикациях я пытался говорить о проблемах, которые волновали людей, выразить дух времени, и, конечно же, свое отношение к тем или иным событиям. Это своего рода творческий отчет моей журналистской и публицистической деятельности за два десятилетия. Помимо моих материалов в сборник включены материалы ряда моих коллег по «Коре ильбо» и «Коре синмун», которые сделали сборник более насыщенным и ярким. Хотелось бы назвать их имена: Ольга Нафикова, Оксана Кириченко, Владимир Ли, Михаил Ким, Владимир Ким.

В альманахе «Ариран-1937» вышли три моих рассказа из цикла «Фантазии старого и нового Куйлюка». Цикл этот будет состоять из четырех книжек. Три из них готовы к

печати. Надеюсь, уже в скором времени они увидят свет.

Летом 2008 года на презентации альманаха была озвучена идея создания литературно-художественного клуба, а уже осенью клуб был создан. В клуб вошли многие авторы альманаха. Поэтому с названием клуба особо не дискутировали.

Инициаторами его создания помимо меня выступили предприниматель Валерий Алексеевич Лян и сестры Ни - Лариса Петровна и Людмила Петровна. В. Лян уже многие годы оказывает поддержку артистам, художникам, литераторам, и его участие в клубе вполне логично и закономерно. Сестры Ни входят в число наиболее успешных председателей корейских культурных центров, плодотворно сотрудничают с деятелями искусства.

Альманах явился первым опытом собрать воедино литературные силы нашей диаспоры. По-моему, он удался. Во всяком случае, писатели и поэты, как уже известные, так и начинающие, с большим воодушевлением восприняли его. И регулярный выпуск альманаха явится одним из важных направлений в деятельности созданного клуба.

Клуб будет выпускать, помимо альманаха, сборники стихов, повестей, рассказов, другие книги, написанные членами нашего клуба.

Устав клуба предусматривает также проведение творческих вечеров, литературных семинаров, художественных выставок, других мероприятий, связанных с творчеством наших литераторов, артистов, художников.

5. НАЦИОНАЛЬНОЕ

В поселке, где я родился и вырос, не было деления по национальному признаку. Хотя, конечно же, в уличных перебранках, драках между детьми звучал рифмованный фольклор типа «карис - поприс», «узбек - казбек».

Когда ехал к месту армейской службы, так получилось, что я был единственным корейцем на весь вагон. Рядом со мной оказался задира из числа городских узбеков... Вспыхнул конфликт, который мог закончиться для меня плачевно - в купе привалила целая толпа разгоряченных винными парами друзей моего «оппонента». Помощь пришла неожиданно...

Мирзу ничто не связывало со мной, разве что те самые перебранки типа «карис - поприс». Но вдали от родного

поселка землячество оказалось для него важней, чем этническое родство. Он закрыл меня своей спиной: «Зарезу любого, кто тронет моего земляка!». Вид Мирзы с ножом в руке был устрашающим, и толпа отхлынула назад. «Вы разве не узбек?» - удивленно спросили из толпы. «Он мой земляк!» - отрезал Мирза...

Потом наши пути разошлись. Общались редко, и то лишь на мероприятиях, на которые мне доводилось попадать в редкие наезды в родной поселок.

Мирза не был из тех, кого называют законопослушными гражданами. Даже обремененный семейными узами, он не изменял своим привычкам. Как-то за свое законное непослушание был осужден на вольное поселение близ Ташкента. Тогда он пару раз гостил в моей ташкентской квартире, и жена моя все удивлялась: «Что может связывать тебя с этим... зэком?»...

Почти два десятилетия я работал собственным корреспондентом «Ленин кичи» (ныне «Коре ильбо») по Узбекистану. Работа в корейской газете дала возможность лучше и ближе узнать своих соотечественников. Стал учить корейский язык, чтобы читать хотя бы свои материалы, опубликованные в газете. Я писал на русском, а в редакции переводили на корейский.

Учил по русско-корейскому словарю, изданному еще в середине 50-х годов, а в нем помимо собственно словаря имелся краткий курс грамматики корейского языка. В библиотеке «Ленин кичи» нашел книгу Стивенсона «Остров сокровищ» на корейском языке. Прочитал ее вслух несколько раз, сверяясь при этом с русским переводом книги.

Возможен ли возврат корейцев на историческую родину?.. Возвращение уже началось. Я имею в виду возвращение к своим культурным, духовным истокам. За эти годы тысячи корейцев благодаря Центру образования Республики Корея в Ташкенте приобщились к родному языку. Тысячи узбекских корейцев находятся на заработках в Корее, многие учатся в вузах Сеула, Пусана, других южнокорейских городов. Наши артисты, учителя проходят там стажировку...

Налаживание и развитие связей с родиной наших предков - Кореей, конечно же, значительно изменило нашу жизнь, расширило наши возможности.

Реэмиграция в Корею вряд ли возможна, во всяком слу-

чае, массовая. Во-первых, в самой Южной Корее не горят желанием вернуть всех соотечественников в лоно матери-родины. Резмиграция неизбежно породит массу политических и социально-экономических проблем. Во-вторых, даже если южнокорейцы полностью откроют границы, не стоит ожидать, что корейцы СНГ хлынут туда толпами... Причин здесь много - экономических, психологических, мировоззренческих...

Знакомая жительница Южно-Сахалинска поведала мне такую историю.

Ее отец родом из Южной Кореи. В годы войны его, как и многих других корейцев, японцы мобилизовали на тыловые работы на Сахалин, южная часть которого в те годы входила в состав Японии. На Сахалине он остался и после освобождения советскими войсками. Работал, обзавелся семьей, в общем, пустил корни.

В начале 90-х годов южнокорейские власти разрешили выходцам из Южной Кореи возвращаться на родину, правда, члены семьи такое право не получили. Для возвращенцев даже построили целый городок. Отец, тогда ему уже было под восемьдесят, поселился в новой квартире со всеми удобствами. Его обеспечивали необходимыми продуктами, регулярно навещали врачи, работники социальных органов. А что еще нужно на старости лет!..

Но вот через год он приехал на Сахалин на побывку. Месяц пробыл, второй... Судя по всему, он не собирался возвращаться в Корею. Дети говорят ему, мол, а когда домой поедешь, на что он ответил: «Мой дом здесь. Здесь я и хочу умереть»...

А ведь старик этот родился в Корее, покинул ее уже в сознательном возрасте. И родственники в Корее нашлись. Но за полвека жизни чужбина стала для него родиной. А что говорить о нынешних корейцах СНГ, которые уже относятся к четвертому-пятому поколению, появившемуся на свет за пределами Кореи?!

6. МЫСЛИ ВСЛУХ

Жена часто упрекала, что работу я ставлю выше семейных дел. Но это не так. В системе моих ценностей семья стоит на первом месте. Семья - это то, что заложено в наших генах, это то, ради чего мы живем... Может быть, у меня это выражено не так ярко и не так весомо, но

семья - это для меня и родина, и смысл моего существования.

У узбеков Ферганской долины есть замечательная традиция: если в семье рождается сын, то отец сажает у дома сто тополей. Когда сын подрастает и женится, отец строит ему дом, и эти тополя служат строительным материалом. Рождается внук, и снова сажаются тополя. И так из поколения в поколение.

А у нас, корейцев, проживающих за пределами Кореи, есть ли столь же крепкие корни? В свете миграционных процессов последних лет приходишь к невеселому выводу: мы, как перекати-поле, не успеем пустить корни в одном месте, как ветер судьбы уносит нас в другие края...

Мои пожелания новым поколениям корейцев?

Наверное, прежде всего, сохранить свои исторические корни. С потерей корней утрачивается не только культура, духовность. Утрачиваются ориентиры, без которых мы превратимся лишь в жалкую кучку более или менее успешных, но ассимилированных нацменов.

Значительная часть узбекских корейцев владеет тремя языками - русским, узбекским и корейским. Это важное преимущество. И не только в жизненной гонке. Это преимущество нужно сохранять и приумножать.

Создание и деятельность культурных центров, безусловно, важнейшее достижение нашей диаспоры. Они пробудили в людях национальное самосознание, интерес к своим корням, своей национальной культуре. Факт, что сегодня Ассоциация корейских культурных центров - одно из наиболее крупных и дееспособных общественных объединений Узбекистана.

Большинство наших культурных центров замкнулось в своих национальных делах, варится в собственном национальном соку. Ну, участвуют они в общегосударственных мероприятиях, но, как правило, по разнарядке, спускаемой из Интерцентра или государственных органов власти.

Узбекистан - многонациональное государство. Рядом с нами живут представители десятков национальностей, но скажите, что мы знаем о жизни татар или дунган, об их традициях? Мне думается, что нашим ККЦ необходимо не просто сотрудничать с другими национальными культур-

ными центрами, но и проводить совместно какие-то акции, мероприятия, причем на регулярной основе. Почему бы, скажем, не проводить в АККЦ День узбекской или русской культуры.

И еще. Если вы хотите извиниться, попросить у кого-то прощения - у матери, жены, детей, друга, коллеги, соседа или же поблагодарить кого-то, сказать хорошие слова, сделайте это сразу, не откладывая на завтра. Потому что вы можете опоздать со своими извинениями, своей благодарностью. Жизнь быстротечна и непредсказуема...

7. СЛОВО О ЖЕНЕ

Жена моя Ким Чун-Чжа (ее звали Жанной, Жанной Владимировной) была весенней женщиной. Ее имя так и переводится: «Весенняя девушка». Она вся источала жизнелюбие и обаяние. Такой она оставалась до последних дней своих. И ушла она легко, будто заснула, чтобы назавтра снова проснуться...

Она могла быть легкомысленной. Ее легкомысленность приводила меня в восторг, доводила до безумия. Наверное, за это я и любил ее. Была бы она другой, я, возможно, не испытывал такой боли и такой горечи.

Вместе с тем она обладала сильной волей и неженской мудростью. Она посмеивалась над моей трусостью, когда во время землетрясения я панически хватал детей под мышку и бежал к выходу: «Не паникуй и не пугай детей! Если дом рухнет, с пятого этажа все равно не успеем спастись».

Жена моя любила цветы. Она обставила цветами все подоконники, наш балкон превратился в джунгли, китайские розы цветут у нас и зимой и летом.

За несколько дней до рокового дня она сказала: «Не клади на мою могилу надгробный камень, пусть надо мной будет холмик, а на холмике пусть растут одуванчик и всякие травы. Как в Корее».

И еще наказала одеть ее в черное вечернее платье, которое она одевала лишь в самые торжественные дни, какой сделать макияж, какую прическу. Где бы и в каком бы состоянии она не пребывала, внешне она хотела выглядеть и, в общем-то, всегда выглядела безукоризненно. Даже на кухне за мытьем посуды, даже в больнице после очередной операции на поджелудочной железе...

Я нечасто дарил жене цветы. Разве что в день рождения и иногда по праздникам. Я не подарил, я не успел подарить ей еще один букет. И она не дождалась своей 51-й весны. И это гложет мне душу.

Как не успел за три десятилетия совместной жизни поблагодарить ее за то, что осчастливила меня собой, была рядом со мной все эти годы, стала смыслом моей жизни... Но что моя благодарность!.. Даже если я и успел бы сказать эти заветные слова, разве было бы от этого легче?..

Рассказ Б. Кима записала Надежда ЛИ.

СОДЕРЖАНИЕ

ФАНТАЗИИ СТАРОГО И НОВОГО КУЙЛЮКА

Тоска. <i>Рассказ</i>	5
Нефертити из Нарьян-Мара. <i>Повесть</i>	20
Кобон на Марсе. <i>Полуфантастическая повесть</i>	45
Канистра. <i>Рассказ</i>	107
Шрам. <i>Рассказ</i>	127
Когда рассеется туман. <i>Рассказ</i>	137
Инсургент. <i>Рассказ</i>	156
Сека. <i>Рассказ</i>	166
Оплеуха цветами. <i>Рассказ</i>	174
Марат. <i>Рассказ</i>	181
Красные сапожки из голубых штор.	191
Испытание. <i>Притча</i>	195
Моего сына укусила собака. <i>Рассказ</i>	201
Арбузы, крест и любовь. <i>Киносценарий</i>	207

ЖИЗНЕННЫЕ ЭПИЗОДЫ

Армейские забавы	274
Пешком по дну Арала	294

ОБ АВТОРЕ

<i>Надежда Ли.</i> Хранитель времени и традиций	305
--	-----